

Содия Бачи

Али

никогда не умрем

Виктор Редский, которого еще никто не зовет полным именем, придумывает себе воображаемого друга, чтобы не сойти с ума. Он называет друга Марином.

Мартин, которого еще никто не зовет Милордом, придумывает себе рыбку и дом в темноте сознания Вика, чтобы чувствовать себя настоящим человеком. У настоящих людей есть настоящие друзья, и он знакомит Вика с девочкой по имени Риша.

Риша, которой еще ни к чему чужое имя, хочет сбежать от своей роли в чужие — она мечтает о театре. Ей должна помочь женщина по имени Мари.

Мари хочет рассказывать истории. Она знает, как из детской мечты, светящейся рыбки и плохих декораций сделать идеальный спектакль, камерную кровавую драму.

Идеальному спектаклю, который поставит Мари, нужен эффектный финал.

Идеальный спектакль Мари обязательно кончится эффектно.

Иллюстрации — Ирина Кварталова и Demi Urtch.

София Баюн

Мы никогда не умрем

*Моя душа — лишь звук в чужих ушах,
Проснувшись в сон, я мыслил в этом сне.*

Теодор Ретке

Занавес поднимается

Темнота за сценой

Когда в одной душе и в одной крови сходятся два заклятых врага, жизнь никуда не годится.

Г. Гессе

Поначалу это было странно — смотреть на одно лицо, а видеть другое. Но Ника не жаловалась — в бесконечной и правильной белизне квартиры, откуда для нее не было выхода, вся власть умещалась в наборе простых карандашей и белых листах эскизника. И она рисовала лицо, которое никак не могла разглядеть. Каждый день, из раза в раз. И серые линии на белой бумаге постепенно становились правдой.

Рисовала глаза — серые. Прищуренные, широко раскрытые, смеющиеся и тоскливые, но всегда серые и всегда чуть другой формы, чем те, в которые ей приходилось смотреть каждый день.

Иногда выходили глаза Виктора, и тогда она злилась и рвала листы.

А он, человек без имени и лица, смеялся.

Он редко смеялся.

Она рисовала волосы — выходили тоже серые, но она знала, что они каштановые. Длиннее, чем у Виктора. Мягче.

Иногда Ника все же доставала акварель, и тогда картины обретали расплывчатый полупрозрачный цвет. Но она редко рисовала красками — вдруг придет Виктор. Если увидит рисунки — Ника не знала, что тогда будет.

Она никогда не видела Виктора с длинными волосами.

Сегодня на ее портрете человек без имени, которого она звала Милордом, одет в сюртук. Серый, но на самом-то деле зеленый. Мятый, его придумали сразу мятым, да видно так и не нашли времени его погладить.

Однажды она сказала об этом Виктору, и он рассмеялся. Виктор смеялся чаще. У него было больше поводов для веселья.

— Рисуешь?

Ника подняла взгляд и усмехнулась. Показала эскиз:

— Теперь похоже?

— Я не люблю свои портреты, ты же знаешь, — тихо сказал он, кончиками пальцев опуская ее блокнот.

Она медленно собрала длинные пепельные волосы в тяжелый узел на затылке и проткнула карандашом. Это правда, не любил. Не любил своих портретов, своего имени, а больше всего не любил свое отражение — еще бы, ведь оно-то никогда не было и никогда не будет похоже на портрет.

Поморщившись, выключила свет и задернула шторы.

Темнота была милосердна — всегда стирала различия между портретом и отражением.

— А что будет написано на его могиле, когда я его убью?

— Полагаю, «Виктор Редский», — он сел на край кровати и стал расстегивать рубашку. Чистую, белоснежную, надетую пару часов назад.

Рядом лежала такая же.

— Это ты его убедил, что к его белесым волосенкам и бесцветным глазкам подходят белые рубашки?

— Ну уж нет, этот пробел в воспитании точно не моя вина, — криво усмехнулся он.

Никакого контраста, монотонная белая определенность. Хорошо хоть его глаза серые, совсем не как у Виктора.

Наверняка и могильный камень ему поставят белый. Ну конечно, это же «правильный» цвет.

— А твое имя? На камне?

— Не нужно. Виктор мне дал это имя, и я не хочу, чтобы меня так называли. И тем более, — он с отвращением стянул рубашку, — чтобы его писали на могиле.

— У него дрянной одеколон, — пожаловалась Ника, хватая сброшенную рубашку.

Скомкала и засунула под кровать. Но запах остался, амбра, кожа и табак, приторная и навязчивая смесь. Ника не верила, что когда-нибудь сможет избавиться от прилипчивых ноток. Ей казалось, что даже земля, в которой его похоронят, будет пахнуть этим проклятым одеколоном.

— С этим я тоже ничего не могу сделать, — с искренним раскаянием сказал он.

— Я могу. Убью его, засуну башку в банку с формалином, поставлю на полку и буду любоваться каждый день. И никакого одеколona, — мечтательно прошептала Ника, и он наконец-то улыбнулся.

Она подалась вперед, чувствуя, как тянет, мучительно тянет ее к этому оброненному теплу.

У него осторожный поцелуй. И теплые руки — еще одно невозможное чудо, пальцы, которые переставали быть ледяными. Из движений исчезала нервозность Виктора, а рубашка пахла только чистой тканью. Наверняка его одеколон пах бы морской солью и деревом, нагретым солнцем. У Ники был такой дома, она уже и не помнила откуда. Да и как это «дома» почти не помнила, а сейчас и не хотела помнить.

— Я буду тебя рисовать, — пообещала она, отстраняясь. — Когда убью его, нарисую сотню твоих портретов. Сошью тебе сюртук.

В темноте мало очертаний, зато есть прикосновения и запахи. Ника хотела бы уметь рисовать их, навсегда запереть в бумагу, суметь взять с собой в пустое белое будущее. Но этого никто не умел, ни она, ни та женщина в бархатных перчатках, которую Виктор ненавидел больше, чем собственную мать.

— Зачем мертвецу сюртук? — он прикоснулся к кончику ее носа, и она, не выдержав, вцепилась в его руку и заставила прижать ладонь к своей щеке.

Прикосновение, от которого не останется ничего, кроме тающей памяти, как и от этого человека. И все же Ника надеялась, что когда придет время, какое-то из краденых прикосновений оживет на коже. Принесет секундное утешение — а что еще ей останется?

— Я его похороню! Если на могиле будет написано «Виктор Редкий» — ну и ладно, у тебя будет своя могила! Даже если мне придется хоронить сюртук, твои портреты и...

Она вырвалась. Встала перед ним, глядя сверху вниз. Слезы она не вытирала — на это не было времени. В любой момент он исчезнет.

Была такая сказка, а может, и не одна — про человека, с которым можно быть только в темноте. Нельзя зажигать свечей, потому что тогда волшебство закончится, и наступит реальность. Оказывается, и в жизни иногда приходится следовать сказочным правилам.

— И все, — прошипела Ника. — Это все, что мне останется от тебя, Милорд. Все, что ты мне оставишь — то, что я сделаю, что придумаю про тебя сама! А что мне написать на камне?

— «Милорд» и напиши, если уж решила меня так звать, — устало ответил он. — Как же, «а если у него нет имени»... всегда такой был... Ника, это милосердие, понимаешь? Не только для меня, но и для него, и для... других людей.

— Я не хочу для него никакого милосердия, — процедила она, отворачиваясь. — Я не хочу для других никакого милосердия. Почему я вообще должна думать о ком-то еще?! Я полтора года не выходила из этой чертовой квартиры! И что, кто-то, кроме тебя, был ко мне милосерден?!

— Я знаю, что ты не такая. Ты не жестокая, — он сжал ее запястья. — Я жестокий. И Виктор. И наша милая сестра — может Лера даже больше, чем Виктор. А ты лучше, чем мы. Я хотел бы, чтобы было иначе, я клянусь тебе, — и в голосе плеснула искренняя, режущая боль, — но из-за меня... Из-за моих ошибок, а их много было, непростительно много... Из-за меня тебе придется его убить. Тогда ты сможешь выйти, и не получится как в прошлый раз, когда я пытался помочь тебе сбежать.

— И тебя, — хрипло сказала Ника. — Убить его и тебя.

— И меня, — кивнул он.

— Что написать на камне? Как тебя зовут? Как он тебя звал, Милорд? — настойчиво спросила она.

Откуда-то она знала, что неизбежный финал наступит совсем скоро. Может, это их последняя осень и хорошо, если удастся пережить зиму. Уже превратились в белые шрамы порезы на его спине — широкая «V», так и не ставшая «M». Летом травой поросла могила рыжего пса по имени Генри. Виктор все больше времени проводил с сестрой — будто чувствовал, что их собираются разлучить снова.

Ника не знала, почему когда-то развелись родители Виктора, да и сам Виктор этого скорее всего не знал. Не знал, почему в шесть лет его увезли в ту проклятую деревню. Ника видела его отца и их старый дом, и в других обстоятельствах, пожалуй, посочувствовала бы Виктору. Поэтому ей так понравилась шутка с коробкой из-под скотча и театральным реквизитом — в тот раз она смеялась. Ведь тот человек был виноват не только перед Виктором.

Он закрыл глаза. Ника отвернулась — если он откроет глаза, и они будут белыми — значит, краденое время кончилось. Как хорошо, что она не увидит этого в темноте.

— Мартин, — наконец сказал он. — Виктор звал меня «Мартин».

— Красивое имя, — ответила она, не оборачиваясь. — А если я буду тебя так звать?

— Не нужно, — мягко сказал он, незаметно вытаскивая карандаш из ее волос.

— Тогда расскажи, почему, — попросила она. — Мне эту историю только Виктор рассказывал, а ты знаешь, как он обращается с историями. У него были плохие учителя, — Ника криво усмехнулась. — Расскажи историю, Мартин, и я сложу ее вместе с сюртуком и портретами. Вот увидишь, я лучше обращаюсь с историями.

— Он сказал, что... — Мартин осекся, а потом, сделав глубокий вдох, словно перед прыжком в воду, продолжил: — Я сказал ему, что не нужно бояться темноты.

Ника села рядом и положила голову ему на плечо.

Он сжал ее ладонь ледяными пальцами, но это сейчас не имело значения. Она знала, что многих людей из этой истории нет в живых, а значит, тот, кто ее рассказывает, должен

сам стать на шаг ближе к мертвецам.

Хоть в чем-то женщина в бархатных перчатках оказалась права.

Акт I

Говорят, ты хороший человек

Действие 1

Темнота на сцене

Жил да был Маленький принц.

Он жил на планете, которая была чуть побольше его самого, и ему очень не хватало друга...

Те, кто понимает, что такое жизнь, сразу бы увидели, что все это чистая правда.

Экзюпери

Ничего не было.

Ничего. Только клубящаяся обрывками темнота. Одни из обрывков были ребристыми и холодными, другие ложились на лицо снежинками. А может, хлопьями сажи.

Где-то в темноте звенели и скрежетали голоса. Он не мог разобрать ни слова.

В окружающем хаосе, кажется, нет никакого порядка, никакой логики. Вот металлически-ржавое, ложится в руки и намертво к ним пристаёт. Что-то тяжелое, царапающее кожу. Стряхнуть бы, избавиться, сбросить. Но он, сам не зная зачем, опускается на колени и прижимает к груди то, что держит в руках. И чувствует, как утекает сквозь пальцы вес. Как шершавое становится теплым и мягким. И вот уже широкая, шелковая полоса змеей обвивается вокруг шеи.

— Нет, — прохрипел он, смахивая с щеки черную снежинку.

Она прочертила на коже вязкий, маслянисто-черный след. Полоска превратилась в удавку, пережала горло.

«Не. Ходи», — раздаются первые слова где-то над ухом.

В этих словах никакого смысла. Он и так никуда не идет — вокруг только темнота. Вовсе нет света, только очертания, осязаемые кончиками пальцев. Нет памяти. Нет прошлого, будущего — и страха тоже нет. Он даже не знает, что должен бояться.

Он... человек? Или зверь с пастью полной раскаленных клыков и чуткими, мягкими ушами? Или он лишь часть этой темноты, которой касается незримо и неосязаемо кто-то другой?

«Не ходи».

«Мне... страшно», — раздается еще один голос.

Удавка на шее сжимается сильнее.

Вот один обрывок — он прикладывает к нему ладони, и сквозь них словно проходит электрический ток. Но вместо боли прикосновение вызывает картину, ошеломляющую своим контрастом с темнотой.

Девушка в сером платье зажимает лицо ладонями и смеется, нехорошим, повизгивающим смехом. Между пальцев сочится кровь, капает, капает на воротник, а девушка продолжает смеяться.

«Мне страшно».

«Не. Ходи».

Дышать становится почти невозможно, но страх смерти так и не приходит.

Одно движение — и под пальцы ложится что-то другое. Теплое, вибрирующее,

покрытое жестким, длинным мехом. Мертвое.

Он видит себя стоящим в дверях комнаты. Мир вокруг огромен. Он качается в тусклом свете керосиновой лампы, и в этот момент он чувствует себя почти счастливым.

В ладонь с хрустом врежется комок битого стекла.

Маленькая комната. Десятки картин, на полу, вдоль стен — их не хотят показывать, не дают им стать окнами в нарисованный мир. На картинах море, запечатое в масляную краску. Сначала он не замечает девушку с пепельными волосами, стоящую посреди комнаты. Ее лицо залито слезами, а глаза полны отчаяния, словно в них поселилась темнота, из которой он вышел.

«Не ходи! Ты ничего не изменишь!.. Я не хочу снова стрелять...» — бессвязно шепчет она, рассыпаясь хлопьями сажи.

«Мне больно», — раздается второй голос.

Он не может понять, кому принадлежит этот голос. Но делает шаг туда, откуда, казалось, он звучит.

Что-то холодное, словно... снег. Это снег. Невидимый в темноте, черный снег.

Он стоит посреди заснеженной улицы и смотрит на беловолосого мужчину в тонком черном пальто. Он молод, но на лице его лежит глубокая, беспроглядная усталость, которую словно впечатывает в его черты каждый порыв ветра. Под ногами у него лежит не то спящий, не то мертвый рыжий пес.

«Не ходи туда. Ты ничего не можешь исправить. Сколько раз ты пытался? Остайся, никто тебя не осудит. Оставь меня. Ты ведь знаешь — всем будет лучше, когда я наконец-то умру».

Оказывается, дышать вовсе не нужно. Так больнее. Удавка затягивается, и что-то трещит под ней. Но он не пытается ее сорвать.

«Ты никогда не умрешь», — отвечает он.

Будто тянет колючую проволоку, свернувшуюся комком в груди.

«Не ходи!»

Что-то бьет его по лицу — мягкое и душное. Он срывает с лица тяжелую бархатную ткань, и заснеженная улица сползает под ноги мазутно-черной лужей. Он стоит на самом краю театральной сцены перед пустым залом, только в первом ряду сидит молодая блондинка в черном платье. По ее лицу текут слезы — такие же черные и вязкие, как то, что разливается под его ногами.

«Ах, котенок! Я хотела, хотела бы сказать тебе не ходить, но ты ведь знаешь, что должен», — шепчет она, протягивая к нему изуродованную ожогами руку. Она встает и делает единственный ломаный шаг, а потом оступается и падает в черноту пола.

И занавес падает, отрезая зал.

Нет никакого моря. И снега. И девушки. И театра.

Осознание внезапно опрокидывается на него, словно чан кипятка. Нет и не будет.

Где-то там, за гранью темноты его ждет бессилие. Он ничего не исправит, не изменит, никого не спасет и никому не отомстит.

Не заслужит покоя или забвения. Ему незачем туда ходить.

Он оборачивается.

Вот она, темнота. Образы, миллионы образов, целое море памяти. Он может касаться их всех поочередно, отталкивая те, что причиняют боль, и сохраняя те, что греют замерзшие руки и застывшее сердце.

У блондинки в театральном зале злое лицо и ломаные притворные жесты. Он не хочет ей верить. Не хочет, чтобы девушка в комнате с картинами плакала, чтобы страдал мужчина в черном пальто.

«Не ходи, не нужно, прошу тебя!..»

«Мне одиноко...»

«Не нужно больше боли, не ходи туда!»

«Они любят тебя, славный, поэтому желают добра. А я не умею любить. Только я скажу тебе правду — истории нужно рассказывать до конца. Иди. Ну же, иди!»

Впереди брезжит свет в дверном проеме. Он шагает в него, не оборачиваясь и не закрывая глаза.

Сначала есть только ломающая боль, перемешивающая память десяти тысяч людей, сделавших одинаковый выбор.

Следом приходит обжигающе-желанное видение. Это пляж на рассвете. Солнце поднимается из серого марева, и небо, и море, и прибрежный песок — единое, залитое светом пространство.

А потом другой свет. Белоснежный, холодный, циничный и злой наполняет его глаза. И больше нет никакой памяти.

И его тоже...

Нет.

«Не ходи...»

...

Тьма скалилась из дверного проема. Что-то таилось в этой темноте. Оно ползло по темному коридору. Тащило свое огромное, скользкое тело, медленно и громоздко. У этого существа тысячи глаз в холодном, студенистом теле, и три щупальца, покрытых редкими черными волосками.

До сих пор оно не достигло его только потому, что движется очень медленно. Своим колышущимся телом оно заняло весь коридор. И бежать некуда. В окне виднеется такая же враждебная, полная монстров тьма.

Если броситься туда, попытаться ухватиться за холодную оконную ручку. Перелезть через ледяной подоконник, коснуться босыми ногами жирной, влажной земли...

Существо станет ползти быстрее, почуяв уходящую жертву. Издаст визгливый, булькающий звук, и в темноте вокруг зажгутся сотни красных глаз...

«Ничего не будет», — раздался голос.

Голос не страшный. Так монстр не стал бы говорить. Говорит, кажется, мальчик, такой же, как он сам... нет, старше. Точно, старше. Наверное, он смог бы помочь ему. И говорит спокойно — значит, не боится.

Только откуда кому-то взяться в доме с запертыми дверями и окнами? Это монстры вездесущи, они живут в любой темноте. А ничего хорошего там отродясь не обитало.

«Неправда. В темноте живут светлячки. Смотри», — и вокруг лампы заскользили, танцуя, несколько огоньков.

Разноцветные, будто слетели с новогодней гирлянды. Они не освещали даже небольшого пространства, только светились сами. И все же в их хаотичном кружении было что-то успокаивающее.

Разве монстры живут рядом с волшебными огоньками?

«А еще в темноте живут совы. У них мягкие перья и золотые глаза», — продолжил

голос.

— И острые когти, — на всякий случай шепотом возразил мальчик.

«Они нужны им, чтобы охотиться на мышей. Ты что, мышонок?»

— Нет...

«Тогда зачем тебе бояться сов? Они носят темноту в клювах, а утром укрывают кусочек в теплых перьях, чтобы сберечь от солнца».

— Зачем? Зачем чтобы наступала ночь?

«Потому что без темноты не бывает света. Не бойся темноты. Там нет никого, кто желал бы тебе зла».

Хотелось бы верить. А это, скользкое, страшное?.. И еще...

— А ты сам-то кто? И откуда взялся? Папа не разрешает водить гостей. Говорит, они непременно что-нибудь сопрут. — Мальчика осенила догадка. — Ты вор, да?

Он даже вспомнил слово «форточник». Так шепотом называли одного тощего мальчишку, который иногда появлялся во дворе его бывшего дома.

«Я не вор. Я не знаю, кто я».

— А как тебя зовут?

«У меня нет имени. Если хочешь — придумай его».

Ух ты. Придумать кому-то имя! Это же так... почти как дать кому-то жизнь. Вот не было у человека имени, а теперь — будет. Его будут звать, и он будет отзываться. Всю жизнь.

— Я же тебя совсем не знаю. Вот если подружимся — я смогу понять, как тебя зовут. А ты добрый?

«Что значит „добрый“?», — с легким недоумением спросил голос.

— Ну добрый это тот, кто никого не обижает. И... не хочет обижать.

«Я не стану тебя обижать. И не хочу. Тебя зовут Виктор, верно?»

— Верно. Только меня так никто пока не называет. Я еще не взрослый.

«И не нужно торопиться, — вздохнул голос. — Тебе все еще страшно?»

— Нет, — с удивлением произнес мальчик. — Это как у тебя получилось?

Голос не отвечал.

Темнота и правда опустела. Никто больше не крался к нему, никто не смотрел тысячей глаз.

Он закрыл глаза. Огоньки все еще танцевали у лампы — он откуда-то точно это знал. Зная, что они там есть, а еще этот, странный, но вроде бы хороший, мальчик заснул.

Ему снилась маленькая, пестрая сова, укрывающая под крылом маленький кусочек темноты.

...

Спустя несколько минут он снова открыл глаза. Подошел к шкафу, открыл дверцу. Поморщился.

Аккуратно подняв табуретку, чтобы никого не разбудить, перенес ее к шкафу, и, наконец, заглянул в зеркало, висящее на дверце.

На него смотрело чужое лицо.

Мальчик совсем маленький, ему около шести. Длинный нос и большие, серые глаза делали лицо печальным и бледные губы только усиливали впечатление. Он смотрел на свои руки, с тонкими, длинными пальцами и проступающими под кожей ниточками вен.

И чувствовал подкатывающий к горлу ужас. Хотелось кричать, но он, сделав над собой

усилие, проглотил этот крик, шершавый и сухой.

Это не его лицо.

Он точно знал, как выглядит. Пусть он не помнит своего прошлого, только кружащиеся, гаснущие обрывки — морские волны, город с черепичными крышами, а впрочем, нет никакого города и моря.

Пусть он не может вспомнить ни одного момента, когда он был бы собой. Но есть вещи, которые он помнит о себе совершенно точно.

Мальчик в зеркале — блондин. У него почти белые, давно не стриженные волосы. Он сам — шатен.

У отражения темно-серые глаза. Он откуда-то знает, что, когда Вик проснется, глаза у него будут намного светлее. Потому что это у него, не у Виктора темно-серые глаза.

А главное — мальчику в зеркале не больше шести лет. Ему — двенадцать. Это он откуда-то точно знал, да, двенадцать полных лет. Ему не пришлось бы вставать на табуретку, чтобы заглянуть в зеркало.

Он медленно слез с табуретки, отнес ее на место. Закрыв дверцу шкафа — тихо, чтобы не хлопнула. Лег в кровать, завернулся в одеяло.

И почувствовал, как задавленный крик рвется наружу. Пришлось закусить край одеяла, чтобы превратить его в тихий, отчаянный стон.

Что это? Безумие? И кто из двоих безумен?

По всей видимости, Вик. Все, что он может вспомнить — его, Вика, память.

Его отец — алкоголик, избивал его мать.

У него двое сестер. Одну, Леру, мальчик очень любит. Младшую, Оксану, почти не помнит. Он не понял ее, и она для него будто не существует — слишком маленькая. Слишком крикливая. Всем слишком плевать на нее.

Вик, кажется, не очень любит мать.

Он вспоминает худую женщину, тихим голосом рассказывающую сказки о море. От обрывков этих воспоминаний почему-то веет тоской и тянет в груди.

Зато Виктор любит отца. Он пытается выловить хоть одно счастливое воспоминание об отце, но ему не удается. Нет совместных прогулок, сказок, игр, поездки на рыбалку или вырезания картинок для аппликации в детский сад. Ничего, что, по его мнению, могло бы сблизить маленького мальчика с папой.

И в детский сад Вик, кажется, тоже не ходил.

А вот важное воспоминание. Ответ на все вопросы.

...

В холодном воздухе золотилась пыль.

— Я скоро научусь писать, — сказала Виктору девочка, сидящая на диване.

Она куталась в грязное одеяло, и ее длинные, темные волосы рассыпались по одеялу, словно блестящие змейки.

Раньше он сел бы рядом. Вдвоем всегда удавалось согреться быстрее. Но теперь от чего-то не решался. Словно чувствовал, что он, хоть и сидит на ледяном полу, привалившись спиной к дивану, все же уже где-то в недосыгаемом «далеко».

— Вик, мне страшно, — сказала девочка, подползая к краю дивана, и беспомощно пытаясь заглянуть ему в глаза.

Он только тяжело вздохнул. Ему тоже было страшно. Но он — взрослый. А значит, должен защищать младшую сестру, а не пугать ее еще больше. А еще он — мальчик.

Мальчики не плачут, не показывают своего страха и поддерживают тех, кто слабее.

Его так дедушка научил. Дедушки очень не хватает. Пока он был жив, все было проще. Он пах табаком и тканью. Рассказывал сказки, в которых все было правильно. Рисовал простой и понятный мир. А потом умер. И мир... мир перестал быть понятным.

Вик, украдкой вытерев все-таки подступившие слезы, забирался на диван.

— Трусиха, — беззлобно сказал он, и лег рядом с сестрой, обнимая ее.

Лера дрожала, и, кажется, плакала. Он гладил ее по голове, кусая губы, чтобы самому не расплакаться.

Там, в деревне, куда они утром едут с отцом, кажется, нет телефона. Только почта. Вик умеет писать, немного. Пока с ошибками, и предложения у него короткие, и буквы все пляшут — но он научится, непременно. А Лера не успела научиться, они вдвоем только недавно выучили азбуку и научились читать простые предложения по слогам.

Ничего, научится. А завтра он скажет ей, что написал ей двенадцать писем, оставив их стопкой в ящике стола. На каждом листе написано большими, неуклюжими буквами — «июль», «август», «сентябрь»... двенадцать листов. Он хотел сделать конверты, но не успел. Отец только неделю назад сказал, что они уезжают.

Двенадцать писем. На год, что она будет учиться писать. Он писал, старательно выводя каждую букву, чтобы сестра не запуталась.

Каждое письмо заканчивалось словами: «Я люблю тебя, сестренка. И буду ждать».

Сес-тр-ен-ка. С пробелами. Ей так проще. Она еще совсем плохо читает.

Лера уснула, положив голову ему на плечо. Он аккуратно убирал ее волосы с подушки. Прижал ее к себе. И тихо, отчаянно разрыдался, уткнувшись лицом ей в макушку.

Он не хотел ехать с отцом ни в какую деревню. Хотел остаться с сестрой. Она маленькая, незащищенная, и боится темноты. Он тоже боится, но готов защищать ее, отважно заглядывая под кровать и выглядывая в темный коридор: «Смотри, тут никого нет. Не бойся, я же с тобой».

Почему отец не может любить маму.

Это же так просто. Она же совсем не сопротивляется.

...

Он смотрел пустыми глазами в темноту.

Отец увез Вика в деревню. Не просто в деревню. На хутор, на отшиб.

Вик нужен друг. Нужна поддержка.

А отец уделяет время свиньям, которые сыто хрюкают в сарае, да бутылке, которая регулярно наполняется в подвале, где стоит безостановочно работающий самогонный аппарат.

Свиньи в сарае — розовые, с тугими боками и чистыми глазами. Свиньи — это деньги. Отец научился заботиться о свиньях и любить деньги.

О детях его заботиться не научили.

Виктор голодал второй день. Слонялся по дому и по двору, не зная, чем себя занять. Как-то он пробовал исследовать окрестности, но потерялся и не нашел дорогу домой. Пришлось ночевать в лесу, под разлапистой елью, похожей на зеленый шатер. Только вот там была холодная земля и вездесущий зябкий ветер. Утром он встретил женщину, которая шла на рыбалку. Он долго ахала, жалела «дитятко непутевое», и даже что-то злое говорила об его отце. Но планов своих не изменила. Виктору пришлось идти с ней на реку и сидеть там до обеда, пока солнце не начало совсем уж невыносимо печь. Тогда женщина вывела его

к деревне, откуда он еще полчаса пешком добирался до хутора по указанной дороге.

Дома его ждал подзатыльник: «Где все утро шлялся?». Мальчик только отупело смотрел на отца, не осмеливаясь попросить воды.

«Иди к себе, и чтоб я тебя не видел», — отмахнулся отец, возвращаясь к неразгаданному кроссворду на желтоватой бумаге в жирных пятнах и бутылке с теплой, мутно-серой жидкостью.

И он пошел. Заперся в комнате и забылся тревожным, лихорадочным сном, в котором его никак не покидала жажда. Глубокой ночью прокрался на кухню и выпил все, что оставалось в кувшине с чистой воды. Пробовал отхлебнуть из бутылки отца — воды не хватило. Но жидкость обжигала горло и отвратительно пахла. С трудом поставив бутылку на место и стянув последний кусок хлеба из пакета, он вернулся в комнату.

После этого дом из поля видимости Вик старался не терять.

Все, что он мог вспомнить о пребывании Вика на хуторе — голод. Работа, поначалу, когда они с отцом приводили дом в порядок. Палящее солнце. И отчаянная скука.

Ему нужно помочь. Неважно, по крайней мере сейчас неважно, в чем суть и в чем смысл его существования. Он точно знает две вещи.

Он не хочет умирать.

И он хочет помочь мальчику — Вик отчаянно нуждается в нем.

Значит, пусть будет так.

С этими мыслями он закрыл глаза и сонная темнота наконец наступила и для него.

Действие 2

Белый пух

— Говорят, что он в зелёном!
— Где ж он? — Я иду за звоном.

М. Цветаева

Золото утреннего света пролилось из окна на пол. Где-то надрывались петухи, и их переливчатый крик возвещал начало нового дня.

Вик открыл глаза — и правда почти белого цвета. Совсем не похожи на те, что он разглядывал в зеркале ночью. Первым делом он осмотрел комнату.

Табуретка стояла у стола. Не там, где он поставил. Значит, смутное воспоминание о том, как он смотрел в зеркало чужими глазами — все же не сон?

— Эй, ты здесь? — спросил он у пустой комнаты, чувствуя себя до ужаса глупо.

Вчера было темно. А в темноте живут монстры. И совы. И голоса.

И еще сны. Наверно, ему все-таки приснился сон.

Одевшись и, на всякий случай, подвинув табурет на то место, где он и стоял, Вик вышел из комнаты и плотно закрыл за собой дверь. Вот так. Пусть призраки и волшебство остаются в ночи. Перед ним — пустой коридор, без следов присутствия монстра.

Кухня была тоже пуста. Отец редко просыпался до обеда. Он ложился глубокой ночью, и перед сном обычно успевал задать свиньям корм. Убирал хлев днем. До обеда не стоило шуметь.

На кухне остался беспорядок. На плите — сковородка в потеках жира и с комками гари на черном чугуне. На столе грязная посуда и перевернутый горшок с геранью. Скатерть вся в сальных пятнах.

Вик поморщился, поднял горшок и, как смог, выровнял цветок.

Он мало помнил бабушку, отец всего раз возил его сюда три года назад. Помнил только, что у нее были светло-голубые глаза. Добрые, в сеточке тонких морщин. И помнил, что это ее цветок, который она любила. Значит, нехорошо ему так валяться на этой замызганной тряпке.

Ржавый чайник с мятым боком обнаружился на полу. Конечно, воды там не было. Ни в чайнике, ни в кувшине, ни в ведре. Воду нужно было набрать, и это обещало стать настоящей проблемой.

Колонка стояла во дворе. Вик даже мог бы набрать воды, у него вполне хватало сил. Но было непреодолимое препятствие — около колонки располагалась пара будок.

А в будках пара цепных сторожевых псов, серых, огромных. Их шерсть свалаялась комками, а пасти были полны желтых, кривых зубов.

Собаки хуже чудовищ. Чудовища-то может и не доползут, не дотянуться из своей темноты, а вот псы точно оскалят пасти, преграждая путь к воде.

Отец редко кормил собак, чтобы они всегда, даже в жару, были голодны и озлоблены. Собаки боялись отца, никогда не мешая ему подходить к колонке. Страшные, огромные чудовища ползли к нему, прижав брюхо, как провинившиеся щенки. Анатолий чаще бил их,

чем кормил, но они продолжали надеяться.

Вика они не боялись и не признавали, глухо ворча каждый раз, когда он выходил из дома.

Можно еще пойти в деревню, но он не донесет ведро до дома. На улице уже начинал сгущаться губительный зной.

«Не нужно бояться собак», — вдруг раздался вчерашний голос.

От неожиданности Вик разжал пальцы, и чашка, которую он вертел в руках, полетела на пол. Он успел подумать, что отец, не досчитавшись посуды, будет в бешенстве. И что петухи или просьбы набрать воды его не разбудят, а вот звон взрывающейся осколками чашки очень даже может.

Мир перевернулся перед глазами. Всего на миг, плеснув в разум тягучей темнотой.

Вик стоял, выпрямившись, и держал на ладони целую чашку.

— Ты... чего?!

«Поймал чашку. Ты же испугался, что она разобьется», — ответил голос слегка удивленно.

— Ты что, можешь так делать, да? Ловить за меня чашки? А еще что? Жить ты за меня потом станешь?

Что-то чужое поселилось в голове. Вроде доброе, волшебное. У него есть огоньки, и темнота, которая, между прочим, приходит каждую ночь, с ним не такая страшная. И все-таки это — чужак. У него, кажется, нет своего тела. Нет своих рук, чтобы ловить чашки.

«Я не стану за тебя жить. Если я тебя пугаю — могу молчать. А если хочешь — научу, что делать с собаками», — пообещал голос, не изменяя своему вчерашнему спокойствию.

— И что ты, покажешь им огоньки и расскажешь про сов? — проворчал Вик, все еще настороженный чужим присутствием.

Впрочем, запрещать ему говорить мальчику не хотелось. Как же, наверное, этому голосу будет одиноко, если даже он не станет с ним говорить? Он ведь не может завести себе других друзей.

«Нет. Я не думаю, что могу показывать собакам огоньки», — со странным сожалением произнес голос.

— А что тогда делать? Собаки кусаются.

У него на плече и правда все еще ныл желтеющий синяк. Он понимал, что пес просто слегка прикусил, но боль донимала тяжелой пульсацией еще неделю.

«За хлевом, в мешках хлебные корки. Твой отец их привез из столовой в городе. Возьми несколько и иди к собакам».

— Они не станут есть хлеб. Папа им что-то варит...

«Они голодны, Вик. Они будут есть все, что ты им дашь», — в голосе говорящего скользило осуждение? Печаль? Или Вику только показалось?

Он, пожав плечами, вышел из дома.

На улице еще не собралась душная жара. Солнечный свет путался в пышных кронах высоких деревьев, растущих за забором.

У деревьев плотные, темно-зеленые листья. Мощные ветви, тянущиеся к небу и шершавые, темно-серые стволы.

Вик любил смотреть на деревья. И не любил смотреть на двор.

Во дворе куча ржавого хлама, запущенный огород и редкая, вытоптанная поросль травы. Иногда то тут, то там появляются цветы. Нежные, несмелые, будто бабочки, замершие на

земле. Он никогда не рвал цветов.

В хлеву что-то хрюкало и повизгивало.

Вик поморщился. Он не любил свиней. Боялся их, а еще неосознанно ревновал. Свиней отец любил. Этих розовых тугих чудовищ с человеческими глазами и зубами.

«Тебе не нужно заходить к свиньям. Но и бояться их незачем, это просто животные».

— Тебя послушать, так ничего не нужно бояться! И свиней, и собак, и темноты! Самый смелый? — голос начинал раздражать.

Может, он еще и считает его трусом, раз не желает разделять его страхов?

«Нет. Я ужасно боюсь... других вещей», — так же спокойно ответил голос.

— Каких же? Боли? Воды? Насекомых?

«Боли. Боюсь сделать кому-то больно».

— И что в этом страшного? Не тебе ведь больно, — возразил Вик, но тут же осекся.

Как-то он толкнул сестру. Не помнил, почему. Вроде даже не со зла, они просто заигрались. Она упала, ударившись спиной об угол стола. И прежде обжигающего стыда пришел морозный ужас. Он ведь точно знал, что она ничего себе не сломала, и что она не станет говорить родителям. Но страх перед причиненной им болью полоснул, как плетью. И потом пришел стыд — болезненный, но понятный.

«Я боюсь превратиться в кого-то, непохожего на себя. Я еще не понял, кто я, и что здесь делаю. И сколько это продлится. Так что можно сказать, что я еще боюсь смерти», — продолжил голос.

— Как ты станешь не похожим на себя? Вот ты есть, ты что-то хочешь и делаешь, как хочешь. Поступаешь, как думаешь, правильно поступать. У тебя же всегда есть выбор, — сказал Вик, с усилием развязывая веревку на мешке.

Слово «правильно» ему нравилось. Хорошее было слово, жаль, что вокруг все было совсем, совсем неправильно.

«К сожалению, выбор у нас есть не всегда. Эту не бери, видишь, вон на той плесень. Ищи те, которые плесенью не пахнут», — посоветовал голос.

— Ты же сказал, они все съедят?

«Мы же собираемся с ними дружить, а?»

Дружба с собаками казалась Вику чем-то абсурдным. И вообще этот ничего не понимает. С него бы стало вчера выйти в коридор и погладить того монстра с тысячей глаз. И назвать его «Пушистиком».

«А между прочим — ты стал бы бояться кого-то, кого зовут „Пушистиком“? И откуда ты знаешь, что монстр не хочет с тобой дружить?» — беззлобно усмехнулся собеседник.

«Пушистик», ну надо же! Зачем с ними дружить, с монстрами? Уж точно не от одиночества они становятся такими страшными, полными жажды чужой боли. И нечего искать в них хорошее.

Он сложил выбранные корки в чистое, пластиковое ведро. Отец обычно пользовался другим, металлическим, оно было больше и гораздо тяжелее.

Первый пес поднялся с пыльной земли, стоило Вику выйти из-за сарая.

Пес прижал уши и глухо заворчал.

— А ты можешь... как с чашкой?

«Могу. А если я завтра исчезну — так и будешь бояться собак?»

— Да, — просто ответил Вик, делая еще один шаг к псу.

С тихим звоном цепи поднялась вторая собака. Она не рычала, только скалилась,

прижав уши.

«Как зовут собак?» — внезапно спросил голос.

Вик чувствовал его ровное спокойствие. Вставшие с земли, ощерившие загривки и оскалившие клыки, псы и правда ничуть его не тревожили.

— Правого зовут Правый, а левую — Левая.

«Они отзываются?»

— Нет, они... они не знают, как их зовут. Папа с ними не разговаривает.

«Тогда придумай им имена. Только сразу, не жди, пока вы подружитесь. На кого похож кобель?»

Пес был крупный, поджарый, с широкой брыластой мордой. У розового носа топорщились жесткие, короткие усы. Он и правда похож на...

— Боцман. Его будут звать Боцманом! У меня такой в книге нарисован.

«Молодец. Теперь придумай имя суке».

Сука была злее. Тощая, с тоскливыми желтыми глазами и узкой волчьей мордой, она переступала тонкими лапами по земле, готовая сорвать в ту же секунду, как он окажется на расстоянии броска. Это вообще словно была не собака, а лишь ее...

— Тень. Ее зовут Тень.

«Вот видишь. Теперь подойди к Тени, только медленно. Ведро поставь на землю, возьми в правую руку корку, а левую вытяни открытой ладонью вперед».

Доказывать что-то было бесполезно. «Пойди к собаке», «дай ей имя», дальше что, «погладь ей уши»?!

Черный нос Тени быстро задергался. Она замерла в нерешительности, не делая движений навстречу. Только прижала острые, рваные уши и спрятала клыки.

— Бери, я... я же не буду тебя обижать, — тихо сказал Вик, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он бы никогда не стал бить собаку. Ему было противно, когда отец, намотав на кулак цепь, бил собаку ногой под ребра. Собаки визжали, потом только скулили, и под конец — хрипели, придушенные ошейником. Цепь кобеля была длиннее, и он бил всегда сначала его так, чтобы сука не дотянулась со своей цепи. В этом было что-то бесчестное. Что-то подлое и малодушное.

Собака сделала пару неуверенных шагов. Зубы щелкнули, мазнув по пальцам — она схватила корку и бросилась к забору. Вик сам, без подсказки, взял ведро и протянул еще одну корку кобелю. Он подошел, все еще щерясь, и даже слегка прикусил его пальцы, забирая хлеб. Но ни одна собака больше не рычала.

Он разделил оставшийся хлеб на две равные части, одну оставив Боцману, а вторую подвинув к Тени.

«Крошки-то вытряхни», — проворчал голос, когда Вик начал торопливо набирать воду в ведро.

Он, кивнув, вылил воду с крошками на землю. Набрал полное ведро, но не спешил уходить. Первое он вылил в сухую жестяную миску Боцмана, а затем набрал второе для Тени. И только третье он потащил к дому.

«Стой. Поставь ведро и обернись. Я не вижу, но мне кажется, там есть на что посмотреть», — остановил его голос на полпути.

Боцман подвигал к Тени свой хлеб. Пока она ела, он вылизывал ей уши.

Что-то было в этой сцене... от мира, где все правильно.

...

Еды не было. Совсем. Была крупа в жестяной банке, но Вик понятия не имел, как ее варить. Вроде мама когда-то учила, но он начисто забыл.

Придется обходиться чаем, пока отец не проснется. Если он вспомнит — покормит его.

«А если нет — голодать будешь? Он может и не покормить?!» — почему-то в голосе звенело бешенство.

Словно ему, глупому, невдомек — взрослые живут в своем, взрослом мире. Им до детей дела нет.

«Поставь чайник на одну конфорку, а кастрюлю — на другую», — не комментируя его мысль предложил голос.

Почему бы его не послушаться? Про собак он ведь правда хорошо подсказал.

Старая газовая плита была покрыта слоем желто-серого заскорузлого жира. Вик как-то пытался отмыть, но ему не хватило сил.

Окружающие разруха и убожество его угнетали. Трогать плиту было противно, но он старался скрыть отвращение, чтобы голос не решил, что он не только трус, но еще и капризный и неблагодарный.

«Набери крупу в чашку. Там гречка? Возьми чашку гречки и залей двумя стаканами воды. Хочешь, помогу тебе тут немного убрать?»

— Да... только ты не станешь меня там... бросать?

«Не стану, обещаю. Посиди тихо».

И мир, вздрогнув, перестал существовать.

Глаза мальчика медленно наполнились цветом, а лицо сменило выражение с растеряннo-мечтательного на серьезно-сосредоточенное.

Все-таки там, в темноте, откуда он говорил с Виком — не жизнь. Ему казалось, он стоит в дверном проеме, и за его спиной — только рвущаяся тьма. А смотрел он на мир вместе с этим мальчиком. Но смотреть на мир самому, без проема, во много раз приятнее.

Он чувствует холод стеклянной банки и шершавое тепло стола. Запахи еды, земли, сигарет и травы.

Он живет.

Интересно, мог бы он, если бы захотел, захлопнуть дверь, заперев Вика в темноте, и правда украсть его жизнь?

Мысль была липкой, холодной и вызывала омерзение.

Он ни за что не станет так поступать.

Он приподнял крышку на кастрюле, чтобы закипевшая вода не полилась на плиту.

И раздраженно поморщился. Его собственные движения — плавные и четкие, а Вик привык двигаться отрывисто и резко. Пальцы плохо слушались его, а маленький рост мешал доставать то, что казалось близким.

Он-то точно знал, какого он роста. И какие движения совершает. И что может совершить усилие, необходимое, чтобы оттереть это пятно или открыть эту банку. Рассчитывал на свои движения, длину своих рук и свой рост. Но ничего не выходило. Тело жало ему, не слушалось, словно напоминая, что он здесь чужой.

Отмывая стол, он пытался вспомнить свое имя. Хоть кусочек прошлого. Но в ушах упрямо стучали только чужие образы и мысли.

Ему хотелось бы иметь имя. Имя сделало бы его чуть больше человеком, чем сейчас, позволив убедиться в собственном существовании.

Серая мыльная пена растекалась по столу. Всю посуду он уже перемыл и оставил стопкой сушиться на сложенном вдвое полотенце, показавшимся чище остальных. На кухне было темно — не мешало бы отмыть окна и постирать занавески. Но он решил не делать большего, чем можно требовать от ребенка. Его отец, оставшийся без заботы жены, совершенно пренебрегал домашней работой. Однако среди воспоминаний Вика было такое, где его отец ударил мать по лицу за крошки на столе. Если он покажет, что может — работа по дому целиком ляжет на Вика. Поэтому он ограничился тем, что раздвинул грязные занавески и с трудом открыл окна, впуская свет с запахом земли и травы. На кухне теперь пахло мылом, едой и немного сыростью. Серый запах, зеленый запах — так стало намного лучше.

Он закрыл глаза.

И с сожалением позволил миру опрокинуться.

На столе стояла тарелка с кашей и кружка чая. Вик только восторженно смотрел по сторонам.

А вовсе он не глупый, этот странный голос.

— Спасибо!

«Ешь», — и в голосе он расслышал улыбку.

Теплую и совсем не угрожающую. Только грустную от чего-то.

...

А темнота вернулась, как возвращается каждую ночь. Ворвалась в открытое окно, облепила стены и, ухмыляясь, уставилась на него тысячей черных глаз.

— Эй, ты здесь?

«Да. Опять боишься?»

— Нет...да... я хочу на тебя посмотреть, — нашелся Вик чтобы не признаваться в очевидном.

«Я пока не знаю, как это сделать. И о себе могу очень мало рассказать. Но я похож на тебя — лет через шесть».

— Так мне нужно только подождать, и я тебя увижу, — улыбнулся Вик, проводя ладонью по лицу.

«Когда тебе будет двенадцать, мне уже будет восемнадцать. Если, конечно, я не исчезну», — ответил голос.

— Слушай, а как же... ты ведь, наверное, не захочешь... тебе скучно со мной будет. Ты же будешь взрослым, — испуганно прошептал Вик.

Этот голос он слышит всего второй день, а уже сколько полезного он сделал! Подружил его с собаками, убрать помог, показал, как готовить, и еще сейчас с ним разговаривает, чтобы в темноте не было страшно. Было бы жаль его потерять.

С ним спокойно. Вику редко бывало спокойно в этом нелогичном, странном мире, в котором все не как надо.

«Я тебя не брошу. И не стану винить за то, что я такой, как есть — без собственного тела. Не ты ведь так решил», — тяжело вздохнул собеседник.

— А я... я непременно для тебя что-нибудь хорошее сделаю. И имя тебе дам. Знаешь сказку... сказку про мальчика, который путешествовал с гусями? У него был друг, гусь Мартин. Мартин о нем заботился, лечил, и помогал — просто так. Потому что он хороший был. И мальчика любил. Хочешь — будешь Мартин?

На самом деле, когда Вик читал эту сказку сильнее всего ему представлялось чувство

тепла и защищенности, когда гусь брал Нильса под крыло. Теплый пух обволакивал, затмевая собой все остальное, целый мир. Целый белоснежный, теплый мир, мерно качающийся в такт чужому дыханию.

Такое же чувство возникало, когда этот голос с ним говорил. Когда он так спокойно, так уверенно указывал, что делать, и мир становился понятным. Но в этом признаться было стыдно.

И конец у сказки был какой-то неправильный, злой. Вик его забыл и вспоминать не хотел.

«Хочу. Спасибо тебе», — с искренней радостью отозвался голос, который теперь звался Мартин.

— Мартин... а у тебя больше нет... огоньков?

«У меня лучше есть. Смотри», — усмехнулся Мартин.

И откуда-то из-под запястья Вика выплыла рыбка. Светящаяся золотисто-розовым светом, пятнистая, похожая на китайского карпа, которого он видел на картинке в детской энциклопедии.

Плеснула по темноте хвостом и взвилась куда-то к потолку.

«Смотри. Темнота — это море. Много теплого, черного, накатывающего волнами», — тихо говорил Мартин.

И его голос был словно накатывающие волны. Словно шорох прибоя, пеной глядящего песок. Глядя, как рыбка неторопливо кружит вокруг лампы, Вик закрыл глаза. Всего на минутку. Просто веки вдруг стали слишком тяжелыми. Сейчас он откроет глаза и...

Мартин открыл глаза. Вик спал, и не видел, как он улыбается, катая на языке имя. Свое настоящее, человеческое имя.

Мартин. Как месяц март. Как обещание чего-то хорошего. Мар-тин.

Но спустя минуту радость утихла, уступив тоске. Это вторая ночь, которую он помнит на этом свете. И он отчаянно ясно осознает его логику. И еще — безвыходность своего положения.

Этот мальчик брошен. Его отец не просто равнодушен, он жесток. Он преступник, калечащий ребенка своим уродливым восприятием мира. Бить и морить голодом собак? Что говорить о человеке, за которым он сегодня перемыл кучу грязной посуды, чтобы накормить ребенка пустой кашей на воде из чистой тарелки?

И главное — ему весь день пришлось есть эту гречку, потому что отец уехал в обед и вернулся поздно ночью, пьяный, зато с пакетом продуктов. В пакете — булка хлеба, пакет молока и лоток яиц. Ни одного целого яйца не было. Мартин, чертыхаясь, переливал отдающие картоном яйца в миску и вылавливал осколки скорлупы.

Ему самому на гастрономические предпочтения отца Вика было наплевать. Он вообще не испытывал потребности в еде и не понимал, какое в ней удовольствие. Но даже его опыта хватало, чтобы знать, что ребенку нужно нормально есть.

Мартин вытаскивал из закоулков памяти все, что Вик когда-то забыл. Что слышал украдкой. Осмыслял прочитанное им, увиденное, услышанное — он учился. Учился все то время, что был в сознании, безостановочно анализируя бессвязные потоки памяти и обрывки знаний. Нужно помочь вырасти этому ребенку. Мысли о том, что будет с ним самим, Мартин гнал от себя. Что будет? А ничего не будет. Он никогда не сможет любить. Никогда не получит профессию. Никогда не заведет собаку. Не женится. У него не будет собственных детей. Не будет.

Никогда.

И, может быть, он скоро умрет. Может он вообще воображаемый друг Вика, а через год он пойдет в школу, заведет настоящего. И тогда он, Мартин, станет не нужен и будет забыт. Навеки заперт в темноте.

Но к чему тревожиться об этом сейчас.

Об этом он будет тревожиться когда-нибудь потом. А Вик вырастет. Выучится, женится и заведет детей. И собаку.

И, проведя ладонью по лицу, Мартин закрыл глаза, отпуская сознание. Он не станет говорить Вику, что слышал мысли про гусиный пух. И что именно эти мысли придают сейчас его жизни единственный смысл.

Действие 3

В воде, в небе и в темноте

*Нет никого. Воображение. — Нет никого?
А разве воображение — никто?*

Хименес

Над озером кто-то разлил ледяное, пахнущее травами молоко. Светло-серая вода казалась густой и почти неподвижной. Берег сторожили призраки деревьев. И ни звука не доносилось в этот час над поверхностью воды.

Где-то плеснула хвостом рыба, и снова наступила тишина.

Мальчик, сидевший на берегу, сосредоточенно вырезал что-то из сухого березового полена. Движения были по-детски неловкими, но он смог ни разу не порезаться. На самом деле ему было, в сущности, наплевать, что получится в итоге. Поделка останется на берегу или вечером отправится в печь.

Ему нужно было научиться управлять этими руками. Неуклюжие, негнущиеся пальцы, тонкие запястья, белая кожа. Мальчик, выросший в городе и не покидавший пределов своего двора, был слаб и совершенно неприспособлен к жизни.

Мартин несколько дней наблюдал за деревенскими детьми. Не как Вик — с недоумением и легкой завистью. Мартин замечал, что дети здесь больше похожи на зверят. Ловкие, сильные, обожженные солнцем, с выгоревшими, сухими волосами. У этих детей были цепкие взгляды. Перевитые ниточками жил запястья. Они быстро бегали. Хорошо лазали по деревьям, не боялись боли, прекрасно ориентировались в пространстве. Их цинизм мог показаться городскому жителю жестокостью — Мартин слышал историю о кролике, которого девочка вырастила, как питомца. Родители зарезали его, как и остальных. Девочка хвасталась рукавичкой с особым пятнышком в виде сердечка — за него крольчонок ей и приглянулся.

Как и всякие дети, эти дети любили сказки. Рассказчика они слушали, будто в трансе, целиком отдаваясь сюжету. А еще у них было особенное воображение, коллективное. Если мальчик бежал через поле с палкой, даже у тех, кто не участвовал в игре, не возникало вопросов, что он делает. Всем откуда-то было прекрасно известно, что это солдат. С автоматом.

Шанс стать, как эти дети Вик безнадежно упустил, но он и не особо стремился. Ему претили шумные компании и развлечения вроде «бросить в костер пустой газовый баллон и отбежать не дальше всех». Да и дети его пугали, хоть он бы и ни за что не признался в этом Мартину, а Мартин не стал бы говорить, что знает. Это были совсем другие дети, никогда не знавшие дома с серыми стенами. И у них не было шанса понять друг друга. Но Вику придется с ними договариваться, скоро он пойдет в школу.

Мартин отложил нож и скептически оглядел результат своего труда. Птица в результате угадывалась весьма смутно, зато, даже когда нож срывался, он ни разу не порезал руку. Ему не хотелось делать Вику больно. И пугать его появившимися порезами. Вик и так будто побаивается его. Хотя и тянется искренне. От этой мысли на душе каждый раз становилось

теплее.

А что, интересно, в его темноте можно зажигать огоньки?.. Эта мысль была бы ярким огоньком. Золотистым, с электрическими колючими вспышками.

Мартин давно понял, что Вик не отличается смелостью. Мальчик, словно дикий крысенок, выросший в неволе, был осторожен, недоверчив и замкнут. И все же верил в волшебство. И в то, что люди хорошие. И даже деревня ему нравилась, несмотря на испытания, что ему приходилось переживать. Он мог часами сидеть в пыли у забора, наблюдая за лесом. Или за полем. Все, чего ему не хватало, дорисовывало воображение. И это... восхищало. Мартин помнил, как однажды солнце заслонили черные драконьи крылья.

Дракон был огромен. Так огромен, что, казалось, вытянув голову, он разорвет пополам солнце, ухватив махрящийся лучами бок. Его красные глаза были полны какой-то усталой, нездешней мудрости, а черная чешуя поглощала всякий свет.

И он не казался страшным. Это была понятная часть безумного окружающего мира. Правильная.

Тяжело вздохнув, дракон оттолкнулся от земли, и тяжело поднялся в воздух. Ветер, взметнувшийся от взмахов его крыльев, гнул к земле деревья, поднимал тучи пыли и трещал чужими окнами. В деревне залаяли собаки. За забором молчали, наученные не подавать лишний раз голос, Боцман и Тень.

И только Вик смотрел, открыто и серьезно. Дракон набирал высоту и в душном, летнем зное полз холодный, словно речной ил, запах змеиной кожи.

Первый выстрел прозвучал как раз когда змей развернул крылья и завис высоко в небе, закрыв крыльями половину небосвода. Затем раздался еще один, оглушительный и страшный. Но Вик не боялся, ему только от чего-то было отчаянно тоскливо. Дракон раскрыл пасть, полную жидкого сиреневого пламени. Раздался протяжный гул, и третий выстрел. Выплюнув сгусток пламени, дракон стал падать, извиваясь в воздухе кольцами. Тяжелая голова и длинный, шипастый хвост, потерявшие свою уверенную грацию, тянули его к земле, а раскрытые крылья замедляли полет, с хрустом ломаясь, сминаясь, как листы черной бумаги. Кровь текла на землю частыми, горячими каплями. В лапах дракон уносил солнце...

Капли стучали по пыли совсем рядом. Несколько упали на лицо, стекли по щекам, будто слезы.

— Ты что расселся здесь, паршивец! — рывкнуло что-то над ухом.

Отец, рывком подняв его за воротник, перетащил Вика через невысокий забор, передавив тканью рубашки горло. Не глядя, шлепнул ладонью по лицу, и толкнул в спину по направлению к дому. Нечего ребенку на земле под дождем сидеть.

А Вик тогда будто и вовсе не заметил затрешины. У него на глазах только что умерло нечто древнее. Страшное. И прекрасное. Драконья кровь на земле перемешивалась с дождем, становясь сначала розовой, а потом и вовсе пропадая в воде. Будто небо плакало. Будто и не было ничего. Но он-то... видел.

И Мартин видел, только он затрещину запомнил.

Он со вздохом собрал с песка опилки, воткнул в песок нож так, чтобы было видно ярко-красную рукоятку. И сделал то, зачем он пришел сюда — подошел к воде. Он оттягивал этот момент, сам не зная почему, хотя именно это желание, родившееся в синих предрассветных сумерках, его и привело на берег.

Вода притягивала. Реки, озера, даже ручьи. Вода живая, бьющаяся о берег, заворачивала

его, заставляя забыть обо всем на свете. А где-то на картинках немногочисленных книг, которые Вику удалось увезти с собой, спрятав в вещах, жило нечто непостижимое.

Там, с бумажных листов рвалось на лицо солью и небом... море. О море он старался не думать. Эти мысли почему-то причиняли боль, обжигая сердце и выводя из равновесия. Что-то недостижимое. Что-то, ради чего стоит жить на свете, и чего он, Мартин, точно никогда не увидит. Откуда была эта уверенность, так жестоко въевшаяся в сознание, он не знал.

Что плеснуло секундным испугом. Мартин убрал руку от воды и прикрыл глаза, почувствовал, как пальцы привычно сжимают дверной косяк.

— Ты... сюда сам пришел? — прошептал Вик, испуганно оглядываясь.

«Я... да, но я знаю дорогу обратно. Мы не заблудимся», — виновато ответил Мартин.

Он не хотел пугать ребенка. Но сидеть взаперти и слушать, как наверху храпит отец, было почти невыносимо. Анатолий вызывал у Мартина глухое омерзение. Он понимал, почему Вик так отчаянно хочет его любви и жалел мальчика. Разве это существо, эта масса, принявшая обличие человека, вообще способна любить?

Но Вик не испугался. Он внимательно разглядывал деревянную птицу, глядя грубые, заусенчатые крылья.

— Это ты сделал?

«Да. Я... быстро научусь лучше. Только привыкну... к тебе».

— А ты откуда знаешь, что так умеешь?

«Я... не знаю, откуда. Просто хочу что-то сделать и знаю, могу я или нет».

— А плавать ты умеешь? Ты же сюда за этим пришел?

«Да», — не стал отпираться Мартин.

К чему ему врать?

— А я не умею. Хочешь — давай, только не утопи нас. Ты же вроде тоже боишься умирать.

«Тебя я боюсь утопить сильнее», — признался Мартин, разжимая пальцы.

Туман не рассеивался. Серая вода была на ощупь теплой и почему-то казалась... мягкой. Оставив одежду на берегу, Мартин по пояс зашел в воду, и проведя рукой по поверхности воды, словно погладив ее, нырнул. Без шума, без всплеска, оставив только лениво расходящиеся круги. Он точно знал, что сможет. Это давалось ему гораздо легче, чем вырезать птицу из дерева.

«А можешь открыть глаза?..» — раздался голос Вика.

«Интересно, он тоже видит дверной проем? Нужно будет спросить», — подумал Мартин.

Он открыл глаза, касаясь кончиками пальцев холодного дна.

Мир вокруг колышется зеленым маревом. Зеленые скользкие водоросли, стелющиеся по дну, и другие, высокие, как подводные деревья. Черные камни в зеленых водорослях кажутся глянцевыми застывшими черепахами. Мимо его лица проносится серебристая рыбка.

Легкие начало жечь. Оттолкнувшись от дна, он легко всплыл в туманную привычную реальность.

— Понравилось? — улыбаясь, спрашивает он, ложась на спину.

Уши заливала вода, но это не помешало ему услышать восторженное: «Да!».

«Давай подальше заплывем?»

— Нет, позже, когда привыкнем. Тут дно близко, я нас обязательно вытащу. А там... не стану рисковать.

«Давай тогда еще раз нырнем? Я там штуку видел... тебе понравится», — загадочно пообещал Вик.

Раскинув руки, Мартин медленно погрузился на дно. Дальше и дальше становилась поверхность воды и смутный, дрожащий волнами свет.

«Смотри туда... нет, налево!»

Там, слева он увидел что-то вроде пня, раскинувшего облепленные зеленью корни.

«Что это?..»

«Ну смотри же!» — чуть обиженно сказал Вик.

И Мартин увидел.

Никакой это не пень. Это остов утонувшего корабля. Вот ребра его каркаса, а вот сломанная мачта. И это не водоросли, это обрывок полуистлевшего паруса тоскует о ветре в зеленом штиле.

«Нравится? Ты же любишь... корабли», — отчаянно стесняясь, сказал Вик.

«Спасибо», — искренне поблагодарил Мартин, всплывая на поверхность.

Доплыв до берега, он скинул с плеча ниточку водоросли, и с легким сожалением прикрыл глаза.

«Ну нет, ты обещал нас вывести — вот и иди сам», — говорит ему Вик.

Мартин с легким удивлением понял, что мальчик просто дал ему возможность побыть собой.

— А тебе там не страшно? В темноте?

«В какой темноте? Тут светло. Огромное окно, я в него смотрю, а позади — пустая комната с белыми стенами», — удивился он.

Мартин улыбнулся. Он не любил темноту и искренне обрадовался, что Вик видит ее не видит. Клубящееся бесконечное пространство за спиной — фон не из приятных.

Рубашка обнимала мокрые плечи. Ветер с запахом каких-то лесных цветов гладил лицо и путался в мокрых волосах. А впереди — дорога. Идти недалеко, но это его собственная дорога.

Он не желал занять место Вика и не мог представить, чтобы когда-нибудь пожелал. Но в этих коротких моментах настоящей жизни он находил столько удовольствия, сколько может находить человек, осознающий, что он всего этого лишен.

...

Холодильник опять был пуст. На решетчатых полках одиноко лежал начавший гнить с одного бока помидор.

«Почему твой отец покупает яйца в магазине? Куры не несутся?» — спросил Мартин.

— Они несутся, но я не успеваю собирать яйца, куры их... расклевывают.

«У нас даже птицы голодают. Кажется, в этом доме везет только свиньям», — вздохнул Мартин, впрочем, без особых эмоций.

Он уже отчаялся хоть как-то обеспечить Вика стабильным питанием. Отец часто отлучался, ужинал поздно и готовил из принесенных продуктов только на себя. К тому же судя по остающейся на плите сковородке, ребенку это все равно есть не стоило. Мысль о воровстве на чужих огородах посещала Мартина все чаще.

Впрочем, была идея получше.

В грибах и ягодах он не разбирался. И во всем, что связано с огородничеством и птицеводством. В общем, у него не было знаний, которые могли бы помочь ему решить проблему с едой. Мысль о том, чтобы поговорить с отцом ему даже не приходила — она

была абсурдна и противоестественна.

О чем с ним можно говорить? Мартин вспоминал его толстые губы, бесформенные, розовые, будто кто-то их неумело нарисовал. Красное, испитое лицо и крошечные, водянистые глаза. От него пахло перегаром, потом и нестиранным бельем. У него были теплые, липкие руки. Каждый раз, когда Анатолий дотрагивался до Вика, Мартин отворачивался. Ему было мерзко. И мерзко от того, что Вик словно не замечал уродства этого существа, беспомощно ожидая от него ласки и тепла, на которые тот был просто неспособен.

Мартин вздрогнул, словно стряхивая с себя что-то липкое.

«В деревне есть библиотека?»

— Нет, только в городе.

«А есть в деревне женщина, у которой красивый сад или большой огород?»

— Я не знаю, Мартин, я совсем там ни с кем не общаюсь. Не хочу, они странные... мне и дома хорошо.

«Вик, это деревня. Тут ты или дружишь с людьми, или ты чужой. А чужих, что-то мне подсказывает, здесь не любят».

— И что мне, тащить с собой ведро корок в деревню?! — огрызнулся Вик, замыкаясь.

«Вик? Вик, ты меня слушаешь?» — настойчиво спросил Мартин.

— Ну...

«Я не хочу тебя заставлять. Я сам не испытываю... мне не страшно голодать. Или болеть. Но я не хочу, чтобы ты голодал. Тебе... тебе нельзя, понимаешь?» — в голосе Мартина послышалась растерянность.

Он никак не мог уместить в правильные слова все, что испытывал, когда Вик меланхолично смотрел в потолок, лежа на скрипучей кровати, и представлял облака. Не мог объяснить, что ребенок должен читать книги. Гулять, общаться с другими детьми. И главное есть вовремя, а не ждать по полтора дня, пока отец сунет ему ломоть хлеба с растаявшим белесым маслом и стакан молока.

Отец будто пытался заботиться о мальчике. Только Мартин видел, что это фальшивая забота. Когда отец выдавливал из себя очередное: «Ты это... не шляйся долго», это вовсе не означало, что можно не пропадать на улице хоть до следующего дня. Однажды Анатолий привез из города какие-то семена и дешевую пластмассовую машинку. И Вик, и Мартин с одинаковым изумлением уставились на подарок, искренне недоумевая, что с ним делать-то нужно?

Но Мартина после удивления словно плетью стегнула ненависть. Ему хотелось взять игрушку и заколотить Анатолию к глотку. Жестокое, осмысленное, не детское желание заставило его повернуться лицом к темноте и отойти от проема. Чтобы Вик не узнал, как он представляет себе острые края пластиковой кабинки, застрявшие в брыластом горле его отца. У Мартина было много причин ненавидеть его, но Виду он не об этом ни за что не скажет. Не сейчас.

А Вик, приняв подарок полоснул сознание светлой, детской надеждой. И не замутненной ничем радостью — это папа. Подарил ЕМУ.

Машинка стояла на полке, и Вик каждый день вытирал с нее пыль. Но никогда с ней не играл. Это была единственная игрушка в его комнате, и он искренне не понимал, зачем она вообще нужна. Иногда отец бросал ему: «Не разбрасывай игрушки в коридоре», уходя спать. Наверное, в такие моменты ему вспоминалось что-то из собственного детства. Вик игрушки

никогда не разбрасывал. У него их и не было.

А семенами отец засеял двор. Весь, кроме дорожки от забора к дому. Мартин, борясь с подступающей от бешенства дурнотой, разглядывал пустые мятые пачки. Его надежды чем-то засеять огород рухнули в один миг.

Это была трава.

Спустя две недели, когда двор зазеленел, Анатолий стал пускать свиней на выпас. Прямо на участок. Вик не придал этому никакого значения.

И сейчас Мартину нужно было сказать мальчику, что его отец неправ. Что он его не защитит. Не вырастит. И не воспитает. Что придет осень, и Вик, голодавший все лето, начнет болеть. Что Мартин трижды проверил, какие щели в оконных рамах он заклеит, а какие — не сможет. Что по дому ходят сквозняки и что...

Все слова были не те.

«Я хочу сделать так, чтобы тебе было хорошо», — сократил тираду до конечной цели Мартин.

— Ладно. Зачем мне тетка с садом? — примирительно сказал Вик.

Он почувствовал, что друг волнуется. Это было необычно. Мартин ведь, наверное, его любит. Правда Вику было бы достаточно той любви, которая становилась светящейся рыбкой в темноте. Другой он не понимал. Была, правда, еще мать. Но ее любовь была какой-то животной, на грани одержимости, и этим отталкивала. А Мартин... заботился. И мир правда становился лучше. Вик твердо решил, что сегодня ночью он Мартину все расскажет. И он поймет его. И не станет сердиться. Или расстраиваться, как сейчас.

«Мы попросим у нее помощи. И посмотрим, как там все устроено», — туманно ответил Мартин.

— Пойдем завтра. Мартин?.. Там в ведре три картошки видел, ты с ними умеешь что-то делать?

«Разберемся», — вздохнул он.

Разговор оставил тягостный осадок намечающегося противоречия. Мартин тоскливо думал о том, что ему хотелось бы дать Вику ту ласку, что он не получал от отца. Что он плохо умеет уместить тепло в слова, но научится. Обязательно. А пока он сделает так, чтобы мальчик нормально питался.

А Вик думал, как же это несправедливо, что Мартин не любит отца. Что в этом мире все неправильно, отец почему-то не хочет любить мать, Мартин отца, а мать не любила Леру. Лера любила только его. А он любил их всех. Но почему-то они никак не хотели мириться.

«Вик? Тебе легче, когда ты плачешь?» — осторожно спросил Мартин.

— Нет, — прошептал он, вытирая предательские слезы.

«Врешь. Не надо плакать. Прости, я... я хорошо отношусь к твоему папе. Правда. И ты, я уверен, скоро увидишься со своей сестрой. И когда-нибудь у тебя будет хорошая, дружная и любящая семья, я обещаю», — через силу соврал Мартин, впрочем, не выдав себя.

— Но не сейчас, да?..

«Наверное... но не из-за меня. Правда. Ты мне веришь?»

— Верю.

Мартину нельзя было не верить.

Даже когда он врал.

...

— Мартин? Мартин, ты меня слышишь?

«Да. Что случилось?»

— Ты видел мою сестру?

«Я... тоже ее помню. Она красивая и добрая девочка. Я уверен, она скоро тебе напишет», — ответил Мартин.

На самом деле воспоминания о Лере горчили и тянули тоской. Но не потому, что Мартин чувствовал к ней хоть тень любви Вика и от этого скучал по незнакомому ребенку.

Он вспоминал ее похожей на мокрого воробья. Она была маленькая. Худая, лохматая, большеглазая и действительно красивая. Но в памяти Вика она осталась с неподходящей, слишком взрослой, печатью обреченности на лице. Такой Вик запомнил ее, уезжая.

— Я... я по ней скучаю. Мне ничего не хочется. Все... противно. И неправильно. Ты не думай, что я трус. Я там, дома, темноты тоже боялся. Но я был старший, должен был ее защищать. А теперь мы оба боимся, она там, я здесь и... все неправильно.

Вик подавился тирадой, уткнулся носом в острые колени и заплакал.

Мартин медленно досчитал до десяти, давая себе время подобрать слова. Что он, значит, повел себя, как все окружающие мальчика взрослые? Отец ведь тоже думает, что заботится о нем на свой манер.

«Послушай. Послушай меня. Я про этот мир еще мало знаю. Но понял, что он несправедлив. Но это не значит, что он жестокий и плохой. Он очень красивый, только... не всегда правильный. Но я правда стараюсь сделать его для тебя лучше. Не могу вернуть тебе сестру. Но я верю, что вы друг друга не забудете. И будете очень-очень любить. И встретитесь скоро... Вот, смотри».

На этот раз Мартин не был уверен, что у него получится. Но у Вика хорошее воображение. Он видел дракона в небе, а значит...

Лера сидела на краешке кровати, кутаясь в плед. Ее лицо светилось тысячей синих огоньков. Они смотрели друг на друга, и монстр с тысячей глаз, притаившийся в коридоре, лопнул, как мыльный пузырь, не оставив темного, липкого следа на стенах и полу.

Мартин чувствовал нарастающую, морозную дрожь, но упрямо заставлял себя вспоминать этот чужой образ, заставив его двигаться, протянуть руку и коснуться кончиками пальцев протянутой ладони Вика.

В ту же секунду образ погас.

— Мартин?

«Прости, я не смог дальше».

— Спасибо, — серьезно сказал Вик, закрывая глаза.

Действие 4

Правила игры

— Ладно. На будущий год поедем вместе, сам увидишь... Там ты хоть человеком станешь.

— А сейчас я кто? — спрашивал Генка.

— Сейчас ты так... так просто, — отвечал отец без улыбки. Даже серые светлые глаза не улыбались.

И Генкины глаза, такие же серые и светлые, не улыбались тоже.

В. Крапивин.

Утро началось с грохота.

Мартин проснулся первым. Поднялся с кровати, накинул рубашку и медленно открыл окно.

«Мартин, не надо, вдруг папе там плохо?..» — раздался испуганный голос.

Впрочем, вернуть себе контроль над ситуацией Вик не попытался.

— Да нет, Вик, ему там очень хорошо. Только нам с тобой там лучше сейчас не появляться, — процедил Мартин, быстро шнуруя ботинки.

«Что с ним?..»

С кухни раздалась нечленораздельная брань и частые, гулкие удары. Мартин поморщился — судя по звуку, Анатолий колотил по стене кастрюлей.

Мелькнула мысль о том, чтобы спуститься и посмотреть. Показать Вику отца в самом неприглядном свете. Разбить его авторитет. Потому что сама мысль о том, что Вик слушается и едва ли не боготворит помешанного алкоголика ужасала.

Но Мартин не стал. Вик любит отца, и еще не способен оценивать опасность или мыслить категориями «собственное достоинство», «честь», «благородство». Он просто бросится к отцу, и, скорее всего, пострадает. Вместо этого Мартин вытащил из-под кровати сумку, собранную как раз на такой случай, и закинул на плечо.

Объяснять Вику что такое «белая горячка» он не собирался. Но ждал этого с тем самым пор, как Анатолий неделю назад разбил самогонный аппарат в подвале.

— Твой папа очень пьян и не понимает, что делает. Может тебя обидеть и не понять, — выбрал он самую нейтральную версию.

«А себя он... не обидит?» — обеспокоенно поинтересовался мальчик.

Мартин про себя выругал нехоти появившуюся сострадательность, но потом осекся. Ребенок должен соперничать. Даже тем, кто не заслуживает этого.

— Это ты виноват, сучонок! — раздался торжествующий рев с кухни.

— Не думаю, — проворчал Мартин, закрывая дверь на защелку.

Не дожидаясь, пока отец выломает дверь, он выпрыгнул из окна, боком протиснулся в щель в заборе и бросился к лесу.

Во дворе скулили собаки. Когда Мартин почти достиг опушки, за спиной раздался грохот и звон битого стекла.

Отец все-таки выломал дверь и разбил окно в комнате.

«Проклятье...» — тоскливо подумал Мартин, сворачивая с тропы.

А ведь скоро осень. И Вик непременно заболит. Потому что окно, как есть, придется заколачивать фанерой — не ждать же от Анатолия, что он догадается его застеклить.

...

«Мартин, ну куда ты?..» — растерянно спросил Вик, давно потерявший направление.

— Не переживай, мы недалеко от дома. Сейчас лесом подойдем к деревне и пойдем искать женщину с огородом, заодно, надеюсь, она тебя покормит.

«А как же папа?..»

— Папа... сегодня хочет побыть один.

Это была ложь. Папа не хотел быть один. Папа был из тех, кто, впад в буйство начинал искать зрителей. Но оставлять Вика на это смотреть, подвергая его опасности Мартин не собирался.

Он остановился, скинул сумку на землю и сел рядом.

Ему очень хотелось поговорить с Виком. Чтобы он понял. Но Мартин никак не мог отыскать для него нужных слов. Не мог сказать, что ему больно видеть, как отец обращается с ним. Что он очень боится умереть, но не только потому, что тогда потеряет доставшиеся ему крохи жизни. Ведь если он умрет — Вик останется один, никто его не уведет от опасности, не накормит, не утешит и не научит дружить с собаками.

А еще Мартин очень хотел бы сказать, что у него хотя и есть странная, почти целиком состоящая из чужих воспоминаний память и удивительным образом возникшая собственная душа... он все еще не понимал, что за мир его окружает, и как в нем жить. Что он сам не взрослый, и что он отчаянно барахтается, порой бестолково и бессмысленно. И что ему тоже нужна помощь. Чтобы Вик не обижался, когда Мартин делает что-то не так — он очень старается.

Но Мартин молчал. Вик жил в мире, где люди были равнодушны друг к другу. Ему хватало чужой беспомощности.

— Хочешь... поговорим об этом? — спросил он, резонно рассудив, что со своими переживаниями он как-нибудь справится, а вот Вик явно должен быть напуган и его нужно успокоить.

«Я... ничего не понимаю», — ответил Вик.

«Я тоже», — хотел ответить Мартин, но прикусил язык.

— Твой отец... подвержен... дурным привычкам. Когда он выпивает он переносится... в другую реальность. Ему кажется, что там хорошо. Но он путает ее с настоящим миром, и оставаясь там, здесь ведет себя... некрасиво.

«Но ты же тоже в другой реальности?»

Другая. Реальность. Что это за реальность такая — дверной проем и темнота? И реальность ли это вообще.

— Я... это не та реальность. Я ее не путаю с тем миром, в котором все люди живут. И я здесь родился, так уж вышло.

«А ты хотел бы...»

— Хотел бы, — честно признался он, не требуя завершить вопрос.

«И ты бы меня бросил, да?..»

— Вик, я... тебе давал поводы так думать? Думаешь, я это все... чтобы жить? — стараясь скрыть секундную обиду спросил он.

Он сам себе в первый же день честно ответил на этот вопрос. Нет, не для этого. К

мальчику он удивительным образом успел привязаться. К тому же это было бы подло и жестоко. А Мартин, хоть был неуклюжим в проявлении чувств, ворчливым и порой не слишком снисходительным к чужим порокам, подлым и жестоким не был точно.

«Нет, я... не то хотел...»

— Вик, я не такой, как твоя мать. И даже не как твой отец. Я очень хочу, чтобы у тебя все было хорошо. И я не просто хочу, я стараюсь это «хорошо» приблизить. Как умею.

— Ты... пойдешь в деревню?

«Нет... ты там что-то хочешь, а я не знаю куда смотреть и что просить. И подсказки твои слушать... И так я тут сижу под кустом и с деревом разговариваю», — Мартин почти увидел, как Вик смешно наморщил нос, когда говорил.

Хотел ему ответить что-то о том, что их никто не видит, но вместо этого просто рассмеялся. Легко, будто и не было никакой темноты за спиной, страхов, ответственности и пьяного отца.

Он слышал, что Вик рассмеялся в ответ.

Хороший был смех, тихий и переливчатый, как колокольчик на ветру.

...

Мартин умылся и пригладил волосы теплой водой из бутылки, лежавшей в сумке. Ему было немного страшно идти в деревню. Он опасался детей — тех самых, загорелых, с цепкими взглядами и грубыми руками. Которые не любят чужаков.

Сам Мартин не боялся драки. Что такое боль он представлял себе довольно смутно, но считал ниже своего достоинства перед ней дрожать. Будь он самим собой — к нему еще может и не подошли бы. Но Вик выглядит чужаком. И слабым, а слабых тут не жалеют.

Но у Вика не получится просидеть взаперти до того момента, как он непостижимым образом научится давать отпор. Скоро Вик пойдет в школу, и лучше бы ему не выглядеть зазнавшимся городским жителем.

К тому же Мартину нужна была помощь.

Деревня была небольшой.

Большая часть домов была выкрашена в белый или голубой цвет. Мартин знал, что сюда иногда приезжают туристы, и местные жители стараются поддерживать антураж. Поэтому дома снаружи были опрятными, многие окна украшали резные ставни, а на окраине деревни специально оставили старую мельницу. Многие крыши золотилась на солнце соломой.

Сперва Мартин потерялся в изобилии звуков, и почти минуту стоял, прикрыв глаза, и пытался привыкнуть к показавшемуся оглушительным шуму. Слышались голоса — раздраженные женские, визгливые детские, благодушные мужские. Где-то мычали коровы, кудахтали куры, слышалось знакомое сытое хрюканье свиней и залиvistый лай собак.

Мартин отметил про себя небольшую церковь на окраине деревни. В крайнем случае можно пойти туда. Предложить помощь в обмен на еду. Попрошайничать он не собирался, хотя и понимал, что от работы шестилетнего ребенка немного пользы.

Огород нашелся быстро.

Тот дом сверкал белоснежной краской. Из-за забора виднелись несколько яблонь, пышные кусты смородины и ровные, зеленеющие ряды грядок с огороженными разноцветными колышками секторами.

«Мартин, она нас прогонит», — тоскливо предрек Вик, и Мартин был вынужден с ним в глубине души согласиться.

Женщина, пропалывавшая грядку у забора, казалась огромной. Она будто вся состояла

из мягких шаров разного размера, засунутых под цветастое бесформенное платье. Мартин смотрел на ее красное, мокрое лицо и стянутые в тугий узел на затылке черные волосы. И чувствовал, что стучать ему не хочется. Но он не стал потакать ни своей интуиции, ни своему постыдному малодушию.

— Уважаемая?.. — окликнул т он ее из-за забора.

Женщина не услышала. Мартин досадливо поморщился. Детскому лицу не шло выражение взрослой досады, но он ничего не мог с собой поделаться.

У Вика голос тихий, дрожащий.

«Только милостыню и просить», — раздраженно подумал Мартин, но прогнал и эту мысль.

И громче повторил:

— Уважаемая!..

Женщина обернулась. Лицо у нее тоже оказалось совершенно круглое, а шея — дряблая, висящая рыхлыми складками. Мартина посетила неожиданная мысль — какой она была в молодости, эта женщина? Не такой же бесформенной и...

— Что тебе? — хрипло спросила она.

«Будто ворона каркает», — усмехнулся Вик.

— Не нужна ли вам помощь?

— Я клубнику не раздаю! Помощник! Скажи своему папаше...

— Мне не нужна клубника, уважаемая, я предлагаю вам помощь, — с нажимом повторил Мартин.

— Пшел, — презрительно выплюнула женщина, возвращаясь к грядке.

Мартин оглянулся в поисках другого подходящего дома с более приветливыми хозяевами. Под ногами у него копошилась в пыли пестрая курица.

«Мартин, а ты чего хотел-то? Зачем тебе непременно с красивым огородом?» — спросил Вик.

Но ответить Мартин не успел — его плечо сжала чья-то рука.

— Мальчик? Ты предлагал Римме помощь? — раздался женский голос.

Обернувшись, Мартин с большим трудом удержался от того, чтобы отшатнуться.

Женщине, которая на него смотрела, могло быть и двадцать, и шестьдесят. Лицо было перечеркнуто розовым, в белых прожилках бугристым шрамом, ото лба слева к подбородку справа. Один глаз у нее был сделан из дешевого, мутного стекла, издевательски-яркого, синего, словно бросающего вызов своей заметностью.

Но Мартин внимательно и серьезно смотрел на второй — уставший. Темно-серый, как у него. Он не стал стряхивать руку с плеча.

— Да, я предлагал. Помочь вам, уважаемая? — тихо спросил он.

— У меня нет клубники, — с какой-то обреченностью сообщила женщина.

У ее голоса тоже не было возраста. Он низкий и усталый. И больше... никакой.

— И далась же... — Мартин осекся на полуслове. — Мне не нужна клубника. Мне нужны журналы. Или книги.

— Журналы? Какие ты хочешь журналы, мальчик? Про машины? Про корабли?..

— Про... садоводство. Про кур, про огород... в общем, про то, как вести хозяйство.

— Зачем тебе? — удивилась женщина.

— Я — сын Анатолия Редского, — с отвращением признался Мартин.

— Анатолий это... тот грузный мужчина, который выращивает свиней?

— Да. У нас проблемы, а я не знаю, как их решить. Куры не несутся, и...

На них начали опасно поглядывать. С долей гадливости. То один, то другой настороженный взгляд обжигал его лицо. От прохожих. От соседей из-за заборов. Мартин с тоской понял, что разговаривать с этой женщиной — ошибка. Что она пария. И ему надлежит отшатнуться от нее, сплюнуть в теплую желтую пыль и бежать.

Стать как все. Как часть этого мира.

— У меня нет журналов, — сказала женщина, отпуская его плечо, и отворачиваясь.

Словно почувствовала его мысли.

Она была высокая, худая. В темно-синем платье с дурацким, заляпанным фартуком.

— Но... вам ведь все еще нужна помощь? — спросил Мартин, догоняя женщину и дотрагиваясь до ее рукава.

«Мартин... может не надо?» — опасно спросил Вик.

«Может и не надо», — задумчиво ответил Мартин.

...

Изда из потемневшего дерева стояла на отшибе. Дом не был выкрашен ни белой, ни голубой краской. Когда-то он был крепким, золотящимся светлыми, гладкими бревнами и тонкими реечками крыши. Сверкали прозрачные стекла и бежала вязь растительного узора по ставням. А из красной кирпичной трубы поднимался живой светлый дым.

Сейчас дом напоминал брошенного детьми старика. Потемневший, с трещинами разошедшихся в дереве морщин. Труба покрыта патиной копоти, ставни покосились. И только одно было в этом доме целым, крепким и надежным — забор.

— Я одна живу. Мне плохо, — тихо сообщила женщина.

Мартина полоснула жалость. Впрочем, он успел понять, что женщина была сумасшедшей. Тихой помешанной. Она может сама о себе заботиться. Наверное, даже выполняет какую-то роль в деревне — может, к ней ходят гадать. Или у нее растут лучшие яблоки. Только говорит она так, по-особенному. Чувствуется тоскливое, царапающее безумие в ее голосе.

В доме было темно и не убрано. Не была заправлена постель. Посуду не мыли, кажется, пару дней. Мутные стекла на окнах пропускали мало света, а на половиках скопился тонкий слой желтой уличной пыли.

— Плохо мне, — повторила женщина, будто оправдываясь.

Мартин неопределенно пожал плечами. Он видел — правда плохо.

— Молока... хочешь? — предложила женщина, словно ожидая, что он бросится бежать.

— Да, — не стал отпираться он.

Дома все равно пусто. И неизвестно, когда он сможет вернуться. Может отец сейчас уснет. А может, будет крушить все до следующего утра.

«А может этот пропитой боров упадет и проломит себе башку», — подумал Мартин, позволяя сладостной фантазии на мгновение затопить сознание целиком.

Он ничего не мог сделать. Скрывал ненависть от Вика, но она росла, с каждым днем, с каждой темной ночью, которой Вик тихо скулил в подушку от тоски, а Мартин пытался утешить его, рассказывая какие-то нелепые истории.

Каждой ночью, что приходил в коридор бесформенный монстр с тысячей черных глаз и медленно тащил свое грузное тело к комнате, оставляя за собой липкий черный след. Каждым утром, что Мартин обнаруживал пустой холодильник.

Каждым днем, что Вик пытался заслужить любовь отца, но наталкивался на глухую

стену равнодушия.

Женщина чем-то гремела в холодильнике.

— Что ты хотел в журналах, мальчик? — тихо спросила она.

— У нас куры расклеывают яйца. В огороде ничер... ничего не растет... — Мартин на секунду прикрыл глаза, настраиваясь на образ очень воспитанного и старательного шестилетнего мальчика.

И, уже более мягким голосом, тщательно подбирая слова продолжил:

— Я с города приехал. Папа у меня занятой очень, он свинок разводит, а за ними, он говорит, глаз да глаз нужен...

«Мартин, ты издеваешься, да?»

— Я вот подумал — ну не до огорода же ему, и не до кур. А мне бы ягод ему на вечер собрать, или яйца пожарить — он уставший всегда. И в огороде, опять же, что-нибудь посадить. Только я не умею совсем, меня в городе только книжки читать научили и считать.

— И ты хотел научиться. Ты хотел сидеть и читать журналы вместо того, чтобы обо всем спросить?

— Так все заняты. Вот ваша тетя Римма даже разговаривать не стала. Я уж сам разберусь, потихоньку...

Женщина поставила на стол стакан молока и тарелку с печеньем.

— Чтобы куры не расклеывали яйца им нужен мел. Я тебе дам коробку. И журналов у меня нет, но есть справочник по ботанике, клиенты дарили, можешь забирать. Хоть на растопку если что сгодится... И саженцы я тебе... дам. И сажать научу. Ты только... приходи дня через три, — с какой-то беспомощностью попросила женщина.

— Чем вам помочь-то? — чуть мрачнее спросил Вик, которому Мартин уступил, чтобы тот поел и продолжил разговор. Вик все еще ее побаивался, но старался, чтобы этого не было заметно.

— Мне... не нужно помогать. Ты... приходи, ладно?

— А где ваши дети? — спросил не отличающийся тактичностью Вик.

Впрочем, женщина не рассердилась, не обиделась и вообще никак не проявила, что ее задел вопрос. Только Мартин заметил, как дрогнули кончики ее пальцев.

— Повитуха я. Своих детей Бог не дал. А хочешь — послушай, что тебе в деревне скажут. Что это наказание.

Вик ничего не понял. Он решил про себя, что женщина сумасшедшая, и говорить может что угодно.

— Давайте я вам хоть окна помою? — предложил Вик.

Молоко было холодным и пахло травой. И печенье оказалось не засохшим, как можно было ожидать от хозяйки такого дома. Оно было свежим, сладким и с сильным запахом топленного масла. Словно женщина лучшее, что было в доме, отдала ему. И Вик хотел хоть что-то вернуть ей. Потому что это было правильно.

Она неопределенно пожала плечами и отвернулась к шкафу.

Вик прикрыл глаза и почти не почувствовал, как мир, качнувшись, уместился в оконный проем.

Во дворе был колодец. Двор был запущенным и без разноцветных реечек, разделяющих грядки на сектора. Но там был огород. И теплица. И курятник, который Мартин внимательно осмотрел. Курятник был таким же потемневшим, как и дом, но его конструкция разительно отличалась от маленького сарайчика у них во дворе. Он был похож скорее на небольшой

домик, почему-то с окошком, затянутым плотной мутной пленкой. Снаружи к курятнику примыкал загон, обтянутый мелкоячеистой ржавой сеткой.

Мартин вымыл окна, вытряхнул половики и кое-как прикрутил болтающуюся дверцу кухонного шкафа. Вик предлагал помочь, но Мартин торопился — снаружи все чаще слышались детские голоса. Время близилось к обеду. Видимо, кто-то закончил обязательные утренние работы, кто-то вернулся с рыбалки. Но главное — дети уже собирались в ватаги и нужно было постараться избежать если не столкновения с ними, то, по крайней мере, конфликта.

На столе лежала тяжелая книга в черной обложке, с измятыми сыростью желтыми страницами. Сверху — большая коробка мела и пакет с печеньем. Мартин, ополоснув руки и лицо, начал упаковывать книгу в сумку. Женщина сидела за столом и тоскливо наблюдала за ним.

— Уважаемая, подскажите... зачем в курятнике окна?

— Ты не спросил, не темно ли курочкам в домике, малыш, — бесцветно отметила женщина.

Мартин снова почувствовал легкую тревогу. Но быстро успокоился. Много ли взрослых способны разгадать такую загадку? Если не выделяться? Если скрывать ее?

— Окна нужны потому, что в темноте куры плохо несутся. Передай своему занятому отцу.

— Спасибо вам, — сказал он, закидывая на плечо резко потяжелевшую сумку.

— Приходи через три дня, — напомнила женщина, не встав из-за стола, чтобы его проводить.

Мартин со смешанным чувством облегчения и сожаления выскользнул на улицу и плотно затворил за собой дверь.

То, что он увидел, сделало легкую тревогу от недосказанности женщины чем-то совершенно незначительным.

Потому что другая, свинцово-тяжелая навалилась на него в один миг. И растаяла.

Он без страха, прямо и открыто, смотрел в глаза одному из облокотившихся о забор мальчишек. Высокому, черноволосому, с голубыми, как вода, глазами. В нем Мартин безошибочно узнал главаря. Было еще четверо, но он видел, что главная проблема — этот, черноволосый, с поцарапанными локтями и коленями, в пропыленной синей рубашке.

«Нас бить будут, да?..» — обреченно спросил его Вик.

«Не будут. Но ты на всякий случай отойди», — попросил его Мартин.

«Ну ты скажи ему: „Не желаете ли хлебную корку, уважаемый?“», он сразу от тебя отстанет», — ехидно посоветовал Вик.

Впрочем, Мартин чувствовал, что это бравада.

— Ты свиновода сын? — презрительно спросил мальчик, нарушив молчание.

Ему было двенадцать или тринадцать на вид. Голос у него только начал ломаться, и от этого обладал какой-то комичной басовитостью. Впрочем, Мартину было не до смеха. Каждый раз, отвечая на это вопрос он чувствовал себя так, будто ему приходится есть помой.

— Да, — ответил он как можно более миролюбиво.

— И что ты, погань белоглазая, тут забыл?

Мартин прикрыл глаза. Им неоткуда было знать, что у Вика глаза были почти белыми. Впрочем, это было неважно.

Важным был вопрос, что ответить. Дерзить? Попытаться сгладить конфликт? Показать,

что он настроен доброжелательно и не хочет никакой драки? Или попытаться сбежать через дыру в заборе с противоположной стороны, бросив сумку и потихоньку вернуться за ней вечером?..

В голубых глазах собеседника нарастало тяжелое, грозное презрение.

«С собаками все-таки проще», — тоскливо подумал Мартин.

На помощь взрослых он не надеялся. Оставался еще один выход. Опасный, ненадежный. Но Мартин не видел другого.

Улыбнувшись, он ответил:

— Я заблудился. Знаете, проведя столько лет среди Альвов, я вовсе отвык от человеческих тропинок.

«Мартин, что ты несешь?!» — в ужасе ахнул Вик.

Вику и правда стало страшно. Не хватало еще чтобы вместе со всем этим миром его мудрый и рассудительный друг сошел с ума. Ему тогда что делать?!

Но Мартин улыбнулся уже гораздо легче. Он увидел в глазах мальчишек знакомый проблеск интереса. Вздохнув, он вышел за забор.

...

— Мартин, у тебя мозги совсем набекрень! Что ты нес, скажи на милость?!

«Ты хотел, чтобы нас побили? Или ты еще чем-то готов был поразить этих юных агрессоров? Что мне им надо было сказать, что я за книжкой по ботанике пришел к тетке, которую они всей деревней презирают?»

— Нужно было совсем не ходить!

Они ушли из деревни спустя три часа. За это время Мартин рассказал такое количество историй, что хватило бы год прогонять целую армию Пушистиков, охрип и устал так, будто вопреки расхожей поговорке, ворочал мешки. Когда его познания в мифологии начали подходить к концу, пришлось сочинять. Рассказал о том, почему у Вика белые волосы и белые глаза, сказал, почему редко появляется в деревне и не умеет плавать и лазать по деревьям. Рассказал, почему он не «белый, как, блин, моль», а бледный, как снег. В рассказе присутствовали феи, волшебные цветы, говорящие коровы и прочие сказочные персонажи, которые давали окружающему мальчишка действительности какой-то новый смысл. И не было никаких серых стен и алкоголика-отца.

«Совсем я не мог. К тому же ты помнишь — тебе не удастся от них прятаться».

— Но ты же...врал, — с удивлением произнес Вик, будто мысль о лгушем Мартине казалась ему чем-то абсурдным.

Сам Мартин не считал себя образцом честности. Что делать — он оказался в тех условиях, когда ему приходилось изворачиваться.

«Я не врал. Я рассказывал им сказку, а они знали, что я ее рассказывал. Если ты заметил, они были в восторге и обещали тебя никогда не трогать, если ты еще расскажешь... Ради всего святого, Вик, это могло бы стать самой большой твоей проблемой на долгие годы, а нам удалось отделаться дурацкой сказкой про говорящую корову!» — Мартин сам был не в большом восторге от своего вынужденного бенефиса.

— Мартин?.. А вообще ты здорово рассказываешь, — неожиданно потеплевшим голосом признался Вик.

Он и правда совсем не сердился.

Они устроились недалеко от озера, в котором недавно купались. Чуть поодаль росла огромная, разлапистая ель, похожая на темно-зеленый шатер. Мартин привел их сюда,

расстелил на земле старое шерстяное одеяло и закрыл глаза.

Он легко уступал Вику, возвращаясь к своей темноте. Но когда мир, вздрогнув, переворачивался перед его глазами, он чувствовал глухую, тянущую тоску. И от этой тоски чернее становилась темнота, и немилосерднее дверной проем. В такие моменты всегда всплывало горькое, глухое слово «каземат».

Мартин смотрел в свою темноту, часто замечая там какое-то движение. Иногда даже слышал звуки, похожие на шорох воды о песок. Но он не ходил туда, опасаясь вслепую блуждать в пространстве, о котором ничего не знал. Боялся не найти проем и не вернуться к Вику. Боялся раствориться в ней, потеряться и больше никогда не увидеть света.

— Мартин, ты меня слушаешь? — вывел его из размышлений голос Вика.

«Нет, прости, я задумался. Что ты говорил?»

— Говорю, читай свою книжку. Когда мы домой вернемся?

Мартин молчал. Он бы предпочел заночевать в лесу. Было тепло, хищники близко к деревне не подходили, а вот отец мог и не успокоиться. У Мартина с собой было шерстяное одеяло, зажигалка и спички, веревка и даже сложенный кусок брезента. Но объяснять, почему ночью в лесу не так страшно, как дома, не стал.

— Давай вечером вернемся и посмотрим, как там дела, — уклончиво ответил он.

Книга была огромная. Тяжелая, с мелкими буквами и четкими, детальными рисунками. Были там растения в разрезе. Молекулярные строения мембран. Рисунки тонких, невесомых травинок и огромных, мясистых листьев.

«Ну и муть...» — тоскливо прошептал Вик.

А Мартин был в восторге, забыв даже ненадолго о своей первоначальной цели. Было в этой книге что-то такое, о чем он так тосковал — дальше, неизведанное и чужое. Мир, непохожий на тот, в котором он жил. Мир, отделенный от него чем-то грозным, но все же притягательными, играющим красками от стального серого до глубокого черного и безмятежно-голубого.

Морем.

Вику он не стал ничего говорить. Провел кончиками пальцев по плотному, шершавому листу, будто здороваясь с книгой. Им предстояло долго побыть вместе.

Действие 5

Катастрофа

*Подойди. Говорят,
Ты хороший человек.
Ты неподкупен. Впрочем,
Молния, ударившая в дом, —
То же.*

Б. Брехт

Дни потянулись бесконечной чередой. Хорошие были дни, золотые от солнца, песка и пшеничных полей.

Зеленые от леса и травы.

Пронзительно-голубые от неба и воды.

В тот день Мартин влез в окно поздним вечером. Отец спал на кухне, лицом вниз. Мартин не рискнул идти к себе в комнату, и они с Виком заночевали на чердаке.

Вик написал письмо Лере, и они с Мартином отнесли его на почту. Пусть у нее будут те письма — он будет писать еще.

Спустя пару недель пришел ответ. Несколько листов, исписанных округлым, размашистым почерком Полины. Там было и для Вика. Лист, начинавшееся со слов «Сыночек мой любимый». Анатолий сжег письмо в пепельнице. Другой лист, где письмо начиналось с «Братик!..» подумав, отдал сыну. Вик разбирал почерк до вечера. Лера диктовала маме свои простые детские переживания и любовь. Любовь была видна в каждом ее слове, она звенела в каждом предложении, согревая кончики пальцев при прикосновении к листу. Мартин молча наблюдал и радовался тому, что у Вика наконец-то заблестели глаза.

Мартин забрал у женщины саженцы и аккуратно посадил их между курятником и забором — чтобы свиньи, пасущиеся во дворе, не добрались. Он научился собирать в лесу ягоды и искать грибы. Ему даже удавалось что-то сушить на зиму. У той же женщины он взял удочку, и смог не только попроситься с местными мальчишками на рыбалку, но еще и заставить их учить его ловить рыбу.

Рыбу Мартин потрошил сам, живую, серебристую и пахнущую тиной.

Наконец-то Мартин смог обратить внимание на что-то, кроме того, как не дать другу умереть с голода. Отец продолжал демонстрировать потрясающее равнодушие к судьбе Вика, а поняв, что он научился готовить, казалось, вовсе о нем позабыл. Мартин, чертыхаясь и вытаскивая зубами занозы из ладоней, оторвал в курятнике несколько досок над потолком. Куры и правда начали нестись лучше, и все меньше разбитых яиц в осколках хрупкой скорлупы находилось утром на дощатом полу курятника.

Ночью, когда темнота бросала синий бархат на деревню, а в разбитое окно врвался теплый ветер, несущий запахи трав и воды, Мартин, улыбаясь, зажигал для Вика огоньки. Он выдумал столько сказок, что хватило бы на целую библиотеку. Монстр с тысячей глаз все реже сторожил темноту коридора. Мартин думал об этом с облегчением.

Это стоило всех выпотрошенных рыбок и всех рассказанных сказок.

Ведь Вик не помнил, но Мартин-то точно знал, что это за чудовище.

Вик не мог помнить своего дедушку по отцу. Ему было всего три года, когда Анатолий привез его показать своему отцу. А Мартин помнил все так ясно, будто это он стоял на крыльце под высоким серым небом, с которого все сыпался, зачем-то сухой, белый снег. И по этому снегу дедушка тащил огромный, заляпанный кровью мешок с потрохами только что забитых свиней. От мешка пахло смертью и навозом, а в воздух поднимался белый курящийся пар. Из нескольких дырочек в ткани вырывалась толчками черная слизь.

Мартин не хотел, чтобы Вик вспоминал этот мешок.

Осень приходила медленно. Не было синей северной стыли, ранних сумерек и злого, холодного ветра, врывающегося внезапно в почти летнюю жару. Все больше золотого и красного мелькало в зелени деревьев.

«Смотри, Мартин, деревья седеют!» — с восторгом сказал Вик, показывая особую пышную расцветенную золотом крону.

Мартин все реже думал о смерти. Ему казалось, жизнь налаживается, что мир, рассыпанный вокруг миллионами разноцветных осколков, наконец-то стал принимать какую-то форму. Что эти осколки становятся на места. И может, еще получится витраж, через который будет падать разноцветный свет.

— Мартин, а ты сам что, совсем не боишься темноты? — спросил его как-то Вик, наблюдая, как огромная золотистая бабочка вьется вокруг погасшей лампы.

Эти видения, которые создавал Мартин, ничего не освещали. Это был какой-то ненастоящий, фальшивый свет. Но Вик не обижался и не разочаровывался в друге — это ничего, что его огоньки никому не светят. Зато они есть. И Мартин есть. И как здорово, что они есть, фальшивые или настоящие — не так важно.

«Я... не боюсь этой темноты», — ответил Мартин.

И сказал правду. Темнота Вика была обычной, сухой и теплой. Ничего общего не имеющая с той стихией, что клубилась за его спиной. Той темноты он боялся, но не хотел говорить об этом мальчику. Он все равно не объяснит ему, в чем разница. А если объяснит — будет еще хуже. Вика и так страшно жить на свете, не хватало еще больше его пугать.

Но страх оставался. И темнота тоже. Можно было попробовать не замечать ее. Смотреть только в проем. А потом погружаться в свое холодное, липкое забытие, похожее на сон и на маленькую смерть. Правда, иногда ему снились сны.

Но находясь в этой темноте Мартин чувствовал себя потерянным. И очень несчастным. Слово безрадостное и черное предвещало ему эта темнота. Но ведь это неправда. Его будущее не будет черным — Вик вырастет достойным человеком. И ему, Мартину, может, найдется место в его жизни. А если нет — разве темнота будет страшной, если он сумеет кого-то спасти?

Глубокой ночью, когда Вик давно спал, Мартин впервые обернулся к темноте не затем, чтобы принять ее клубящуюся черноту.

Мало что в этой темноте ему было подвластно. Мало было подвластно по ту сторону дверного проема. И все же в его силах было попытаться.

В первую ночь он отпустил плавать в темноту светящуюся рыбку, розово-золотого китайского карпа. Она долго кружила вокруг него, задевая протянутые ладони хвостом. И Мартин чувствовал холодное касание гладкой рыбьей чешуи. Рыбка была реальна в его мире. Она была настоящей. Когда она скользила над запястьями, свет падал на манжеты, оставляя на белой ткани разноцветные пятна.

Наконец, рыбка, беззвучно плеснув по темноте хвостом, стала отдаляться, вскоре скрывшись в черной мути.

Мартин ждал ее весь день и всю ночь. Он не знал, может ли она погибнуть, но ему было важно знать, что она не растворилась.

Что у него есть власть над темнотой. Что созданное им сохраняется. И ночью, когда Вик уснул, рыбка вернулась, ткнулась в плечо. И больше не уплывала в темноту, оставаясь где-то поблизости.

В ту же ночь он очертил кусочком мела границы будущей комнаты.

Простого мела, такого же, какой он добавлял курам в корм каждый день.

Такого же, как тот, которым он нарисовал по просьбе Вика чайку на стенке шкафа.

Над проемом выросли грани углов будущей комнаты. Он начертил их мелом прямо на темноте, как на грифельной доске, вставая на небольшую стремянку, чтобы нарисовать потолок.

Почему линии выходили ровными?

Откуда взялась стремянка?

Мартин не давал себе ответов на эти вопросы, пока не закончил работу.

Дорисовав последнюю линию, он сел, привычно привалившись к косяку и спрятал лицо в ладонях, ожидая, когда стихнет бьющая его крупная дрожь. Он почти не удивился, почувствовав на руках что-то горячее и мокрое.

Можно сколько угодно лгать себе. Звать себя Мартином, видеть на себе одежду, думать, говорить, делать что-то руками Вика и смотреть его глазами. Бояться когда-нибудь полюбить кого-то еще его сердцем.

Это не делает его человеком.

Он остается безумием одинокого мальчика, напуганного темнотой.

Он сам — одинокий мальчик, напуганный темнотой.

Хорошо, что Вик не видел его слез.

Начерченное никуда не делось. И рыбка огибала белоснежные линии, встречая в них препятствия. Рыбку Мартин назвал Орестом. Не в честь героя, а в честь корабля. Это было неправильно, но никто не мог ему запретить.

На третью ночь линии соединились широкими полосами красного дерева. В комнате не было настоящих окон, только бутафорские, из золотистого, непрозрачного стекла. Мартин старался не допускать лишних деталей. Ему было тяжело воплощать эти доски. Когда первая стена еще не была закончена, мир качнулся. Мартин успел подумать, что Вик проснулся, но в глаза хлынула ледяная темнота и сознание щелчком погасло.

Он пришел в себя, лежа лицом вниз. Вик спал. Значит, ночь продолжается. Значит, он закончит со стенами.

Мартин просто стоял и смотрел, как медленно обрастает контуром дерева темнота. Ему казалось, что от него к стенам тянутся тонкие нити. Всем телом он связывал себя с будущим домом, позволяя ниточкам тянуть из него тепло.

Нарастали, обволакивали и лишали сил холод и острая, царапающая боль. Он терпел. Так надо. Нельзя что-то создать, не отдав ничего взамен. Даже если у тебя совсем ничего нет.

Напротив проема он, сам не зная зачем, оставил еще один — ведущий туда, в темноту. В эти дни ему тяжело давалось говорить с Виком, несколько раз тот даже не смог расслышать, что говорит ему друг. Но Мартину нужно было это пространство. Иначе он бы просто сошел

с ума. Что он за человек, даже с именем, если вся его реальность — темнота?

Пусть будет еще и дом. Пусть у него будет еще один сладкий самообман. Слишком уж больно обжигали лицо, руки и сердце те слезы.

Четвертой ночью комната обрела потолок, невысокий, из тех же досок, что и стены, с несколькими балками. Мартин давно понял, на что похожа комната — это была каюта корабля.

На следующую ночь в комнате появился стол, несколько пустых полок и мягкое лиловое кресло с высокой спинкой. Кровати не было, и он не собирался занимать ею место. Он боялся сна. Кровать будет казаться ему гробом.

Больше он делать ничего не собирался, хотя и чувствовал, что комнате чего-то не хватает. Шестую ночь он просто просидел в кресле, ожидая, пока наступит утро и радуясь, что не нужно больше, надрываясь, воплощать себе стены, отгораживающие от темноты.

Но следующей ночью он понял, что еще нужно.

Огоньки, которые он зажигал в темноте противостояли ей. А здесь единственным светом был открытый проем.

Седьмой ночью напротив кресла зажегся камин. Орест не пожелал остаться снаружи. Он кружил в границах стен, но никогда не приближался ни к одному из проемов.

У Мартина появился дом.

Вик стал спокойнее, начал есть каждый день и чаще смеяться. Он больше не напоминал угрюмого, забитого зверька.

Обычный ребенок. Немного стеснительный, но доверчивый и добрый.

Мягкая золотистая осень за окном не казалась обещанием зимы.

И все рухнуло в один день.

...

В тот день Анатолий проснулся в непривычно для себя ранние семь утра.

Мартин, истощенный строительством, бессильно лежал в кресле, с трудом балансируя на границе сна и яви.

Вик спал, и ему снились белые облака, которые почему-то были теплыми, сухими и мягкими, как вата. Мартин рассказывал, что облака — это капельки воды. Но во сне действовали другие законы.

— Просыпайся! Подъем! — раздался раздраженный голос за секунду до грохота. — И не одевайся в то, что потом выкинуть нельзя!

Мартин услышал удаляющиеся шаги. В голове тяжелой пульсацией нарастал панический ужас.

«Вик, нужно бежать. Пересидеть где-нибудь, пока он не напьется и не забудет. Вик, правда, будет хуже...» — отчаянно попросил он, впрочем, не пытаясь занять место насильно.

— Ты что, папа же позвал, — искренне недоумевая, весело ответил ему Вик, застегивая рваную голубую рубашку.

«Черт...» — обреченно подумал Мартин, больным взглядом наблюдая за снующей по комнате рыбкой.

Он сам не знал, чего так испугался. Предчувствие беды, липкое и тяжелое давило на него, становясь все осязаемей с каждым шагом.

Вик шел за отцом и не ждал подвоха.

Они вышли во двор. Солнце светло ярко, трава была пронзительно-зеленой и даже

собаки при появлении Анатолия не стали прятаться в будки, а лишь подняли тяжелые головы с лап, проводив их взглядами.

Мартину это казалось абсурдным. Не должно быть никакого солнца. И травы. И собаки не должны лежать так спокойно, неужели он один чувствует надвигающуюся беду?!

Рядом с сараем лежала связанная свинья. Небольшая, больше похожая на тех, что рисуют на картинках, чем на тех, кого боялся Вик.

«Мартин, зачем он ее связал?..»

«Отойди...» — хрипло попросил его Мартин, хорошо понявший, зачем.

В ладонь мальчика легло что-то гладкое и теплое. Он несколько секунд ошарашенно разглядывал длинный нож с блестящим серым лезвием, прежде чем осмелился задать вопрос:

— Зачем?

Анатолий стоял рядом и просто смотрел тяжелым взглядом.

Вик начал догадываться. Сначала он с ужасом отверг эту мысль, но она становилась все очевиднее. И Мартин что-то говорил.

Но Мартин ошибается. И он, Вик, ошибается тоже. Отец не может хотеть такого. Это... абсурдно.

В этот момент отец вытаскивает нож из плотно сжатых пальцев. Вик с облегчением вздыхает:

«Видишь, Мартин, он вовсе не...»

— Не закрывай глаза, когда будешь резать — весь двор кровью зальешь. Смотри, нож нужно воткнуть сюда и вести с нажимом отсюда сюда, — отец начертил лезвием ножа невидимый узор на горле свиньи.

«Я не могу. Она смотрит на меня... она живая. Ей будет больно», — Вик с отчаянием попытался донести до Мартина трагизм ситуации.

Он чувствовал себя потерянным. Сжимал нож и думал, что честный и добрый Мартин ничем ему сейчас не поможет. Или он скажет: «А если я завтра умру, ты так и будешь бояться резать свиней?»

«Вик, пожалуйста, прошу тебя. Отойди, я все сделаю сам», — с отчаянием попросил Мартин.

«Ну вот...» — успел обреченно подумать Вик, прежде чем до него дошел смысл сказанного.

— Это всего лишь свинья! Животное, кусок мяса, который пока что еще дышит и гадит! Твоя мать окончательно сделала из тебя тряпку?!

Отца явно начинала раздражать нерешительность мальчика. Он смотрел на сына, и в его глазах начинает блестеть что-то незнакомое. Страшное.

Угроза.

«Ты правда ее убьешь? Ты говорил нельзя делать никому больно».

«Иногда мы попадаем в безвыходные ситуации. Отвернись».

Оказавшись в своей белоснежной комнате, Вик отошел от окна, зажмурился и закрыл ладонями уши.

Может, это было неправильно. Может, это было подло. И надо было смотреть вместе с Мартином, а не позволять ему приносить жертвы в одиночестве — или это значило бы сделать жертвы бессмысленными?

Мартин в это время сжимал рукоять ножа и до крови закусил губу.

Он не хотел этого делать. Ему была отвратительна мысль об убийстве. Даже свиньи. Даже обреченной свиньи.

Он даже рыбу потрошить не хотел, но тогда это было необходимостью, а не чужой прихотью, не демонстрацией власти.

Но он не успел сбежать, и стоит здесь с этим ножом. И если он даст сейчас волю своему протесту — не только подведет Вика, но и заставит мучиться животное.

Когда отец подошел к нему и взял за руку, помогая совершить непосильное для ребенка движение, Мартин почувствовал, как отвращение и ненависть, всколыхнувшиеся от прикосновения в душе вытесняют остальные чувства.

А потом раздался визг. Он ввинтился в уши, наполнил голову вибрирующе-захлебывающимся звуком, и Мартин почувствовал, как становится скользкой рукоять ножа, как липкая раскаленная паника передается ему через такую же липкую и раскаленную кровь, как сознание ускользает, делая мир серым и сужая его до алеющего разреза.

Разрез получился ровным. Мартин вел нож, не задумываясь, что делает. Если задумается — движение сломается, и животному будет больно. Если задумается — бросит рукоять, отшатнется и не сможет закончить.

Если задумается — может, развернется и всадит окровавленное лезвие отцу Вика в мутный покрасневший глаз.

Спустя десять минут, отмывая дрожащие руки в ледяной воде Мартин не мог понять, что же не так. Что-то было неправильно. Что-то было еще неправильнее, чем произошедшее только что убийство. Силы окончательно покинули его.

Мир качался перед глазами, а отвращение от совершенного убийства першило в горле слезами, которым было бы легче дать выход. Но что-то все еще было не так.

Осознание заставило Мартина замереть, погрузив руки в розовую от крови воду.

Предчувствие беды никуда не делось.

...

Отец вернулся из города поздно вечером. Он отвозил на рынок мясо. Обычно он возвращался со звякающим черным пакетом, приводящим его в исключительно благодушное настроение. Иногда с ним приходил Мит — его приятель. Мит был щуплым, со слезящимися глазами и просительными интонациями. Их связывали любовь к выпивке, готовность Мита унижаться и потребность Анатолия в том, чтобы перед ним унижались.

Но сегодня Анатолий приехал один и без пакета. На кухне было совсем тихо. Будто не было никого.

Мартин смотрел в огонь. Каждое движение давалось ему с трудом, как будто он был где-то глубоко под водой. Ему впервые хотелось этого мутного, зябкого забытья, заменяющего ему сон. Но он не позволял себе закрыть глаза.

«Ты трус. Все плохое позади — ты зарезал это несчастное животное», — говорил он себе.

Соглашался. И оставался сидеть.

«Анатолий просто пьян. Он ввалился на кухню и там спит», — продолжает утешать себя Мартин.

Соглашался. И оставался сидеть.

Орест тревожно вился вокруг его руки. Он рассеянно гладил рыбку кончиками пальцев, отмечая, как дрожат руки.

«Ты нужен мальчику. Если ты будешь трястись от слабости, а с ним что-то случится?»

Нужно спать», — продолжал он себя убеждать.

Вик сидел, завернувшись в одеяло и уставившись в стену. Он не обращался к Мартину, чувствуя, что ему плохо.

Перед глазами у Вика была другая стена — та, белая. Сегодня с потолка к полу стекла тонкая струйка черной крови, прочертив неровную линию. Красное — на белом.

Мартин все-таки его спас. Белый, гусиный пух, теплый и безопасный окутал в нужный момент, не дав запачкать руки. Он чувствовал благодарность — тяжелую и теплую. Ему очень хотелось выразить ее хотя бы словами, поделиться с Марином. Но ему плохо, очень плохо после убийства этой несчастной свиньи. И лучшая благодарность сейчас — не мешать.

Есть еще одно чувство — гадкое, царапающее, мешающее дышать. Это — тревога.

Отец сидит на кухне слишком тихо. Не ругается, не звенит посудой, не храпит. Нужно спуститься и посмотреть.

Мартин, потерявший сознание в кресле, не мог его остановить.

Вик, зажмурившись, пересек темный коридор, прокрался к двери и в нерешительности замер. Но одернул себя. Мартин, смелый и добрый Мартин не боялся, если кому-то нужна помощь. Вдруг нужно бежать, звать на помощь взрослых? Вдруг отцу сейчас грустно, и ему тоже нужна поддержка? Чтобы ему сказали, что любят, тронули за руку, налили чай в потемневшую мятую алюминиевую кружку?

И Вик, набрав в грудь темного воздуха, толкнул дверь.

На миг ему показалось, что монстр смотрит из темноты тысячей печальных глаз.

...

У Анатолия были все причины вести себя тихо. Сегодня ему не на что было купить выпивку. Сегодня он потерял день времени на жаре и тушу одной из лучших свиней.

Его попросту ограбили на выходе с рынка. Когда он подходил к машине, охрипнув от почти часового торга с улыбочивым перекупщиком, кто-то опустил на его затылок что-то холодное и тяжелое. Теряя сознание, он успел почувствовать разливающуюся обжигающую боль, от затылка к вискам, будто кто-то плеснул раскаленным свинцом. А еще успел почувствовать, как чьи-то сильные руки торопливо рвут карман с выручкой.

Все это заняло несколько секунд, темнеющих головной болью и беспомощной яростью.

В себя он пришел через полчаса. Он лежал рядом с машиной, и, кажется, падая, помял крыло. Голова гудела, как после тяжелого похмелья, во рту пересохло, а в кармане не осталось ни копейки. А главное — чувство беспомощности и унижения, давившее сильнее боли и жадности. Анатолий с трудом сел за руль. И медленно, очень медленно. Поехал к дому.

...

— Папа, тебе плохо? — тихо спросил Вик, сжимая пальцами косяк.

Его мутило от страха. Воротник рубашки отца был залит кровью. Волосы на затылке словно присохли к черепу, перепачканные бурым.

В сердце обжигающим комком разгоралось сочувствие.

Если еще утром он был готов затаить обиду на отца за то, что Мартину пришлось зарезать свинью и теперь ему плохо.

Но теперь это все неважно.

Анатолий обернулся к сыну. В его глазах за несколько секунд успевает смениться множество чувств.

Удивление.

Горечь.

Разочарование.

Презрение.

Ярость.

Ненависть.

— Ты, гаденыш, во всем виноват! — взревел он, обличительно выставив палец в сторону проема. — Ты ничтожество, слышишь?! Тряпка, ломался сегодня у этой свиньи как девка перед тем, как ноги раздвинуть! Ты удачу мне спугнул!

Молниеносным движением, неожиданным для такого грузного неповоротливого человека, он бросился к сыну, схватив за воротник.

Вик не боялся. Только чувствовал, как слезы, поднявшись по сдавленному горлу, частыми, горячими каплями стекают по щекам на шею.

Отец швырнул его на стол, заломив ему руки за спину. Оба тонких запястья целиком скрылись в кулаке. Вик через какое-то равнодушное оупение, захлестнувшее его вместе с болью, почувствовал удивление. Мелькнула глупая мысль, что отец сейчас возьмет нож и перережет ему горло, как свинье утром. А что с Мартином будет?

Происходит что-то, чего не должно происходить. Даже в этом странном мире, где все неправильно.

Вик слышал, как звенит пряжка ремня. Почувствовал, как обожгло холодом спину, когда отец задирает рубашку.

А страха совсем не было.

Потому что это все — не по-настоящему.

— Сучоныйш, — каким-то тонким, визгливым голосом произнес отец.

А потом какая-то странная сила рывком опрокинула мир, полоснув на прощание тяжелой, мутной яростью и глаза залил белоснежный свет.

...

Мартин, тяжело дыша, прижался щекой к гладкой поверхности стола. Стоило ему отвернуться — произошла беда. Но он успел предотвратить самое страшное.

«Ты сейчас отвернешься. Закроешь уши. И будешь вслух. Очень громко читать стихи. Понял меня?» — спокойно, с нажимом спросил он Вика.

Что-то свистнуло за спиной.

Свистит все ближе, а когда свист замолкает — резкой, полосующей болью обжигает спину.

Вик судорожно вспоминал хоть одно стихотворение, но строчки путались, разбегались и никак не хотят складываться во что-то осмысленное. Снаружи был слышен какой-то странный, часто щелкающий свист.

Мартин тяжело дышал, прижимаясь к столу. Он не закрывал глаза и не кричал, только тихо, малодушно надеялся потерять сознание.

— Я сказал — СЧИТАЙ! — донесся до него разъяренный рык.

Мир качался в красной пелене боли, взрывающейся белоснежными вспышками. Тяжелое презрение тисками сдавило горло.

Он не просто избивает. Он хочет, чтобы Мартин унижался.

«Крошка сын
к отцу пришел,

и спросила кроха:

— Что такое

Хорошо?!»

— донесся до него тонкий, отчаянный голос.

Мартин подумал, что лучше бы его до смерти забили этим ремнем. И, пополам с кровью из прокушенной губы выдохнул слово, раздражающее комком иголок горло:

— Раз.

«И что такое плохо?!»

— Два.

«У меня секретов нет!»

— Пять.

«Слушайте, детишки,

— папы этого ответ!»

— Семь.

«Помещаю в книжке!»

— Десять.

А сознание никак не желает его покинуть. Оказавшись на полу и получив пинок под ребра, Мартин не сразу понял, что все закончилось. Он пытался понять, где пол, а где потолок, но не получалось. Все затянуло багровым туманом.

«Дождь покапал и прошел.

Солнце в целом свете...»

Хотелось ползти. Скулить от боли, царапая ногтями пол, чтобы хоть чуть-чуть почувствовать его реальность.

Но сейчас, когда его гордость больше не угрожает Вику, Мартин не должен унижаться. Ему удалось встать и, шатаясь, выйти с кухни.

«Вик, слышишь меня? Сиди... где сидишь», — попросил он.

Мартин не рискнул вернуться в комнату. Вместо этого он тихо пробрался на чердак. Там лежала та самая сумка, с водой, с одеялом. Там много воздуха и тонкие доски, легко выдерживающие ребенка, но опасно скрипящие под взрослым мужчиной.

«Мартин?!» — услышал он голос, в котором явственно звенела паника.

Вик попытался сунуться на свое место, но с ужасом отшатнулся — ему показалось, он упал в полную ванну кипятка.

«Мартин, Мартин... пожалуйста...» — беспомощно зашептал он, чувствуя, как ужас бессилия перед чужой болью накрывает его, заставляя свет в окне поблекнуть.

Он сам не знал о чем просит.

О том, чтобы Мартину не было больно.

О том, чтобы Мартин простил его.

О том, чтобы не было этого ужасного дня и этого ужасного мира.

Мартин лежал, прижимаясь спиной к прохладным доскам, и тупым остервенением считал про себя.

«Двести. Тридцать. Три».

Словно свист еще не смолк.

«Мартин?..»

— Все хорошо, Вик. Не надо плакать, никто... никто не умер. К утру больно не будет... — неуклюже попытался утешить он.

«Мартин, прости меня...»

— Это не ты виноват. Постарайся уснуть, хорошо?..

«А ты?..»

— А я...посторожу.

Ему ужасно хотелось спать. Забыться. Перестать чувствовать. Но сначала уснуть должен Анатолий.

«Триста. Двадцать. Девять», — считал Мартин про себя, глядя в багровую, качающуюся тьму, которую при каждом движении прорезают белоснежные вспышки молний.

Где-то в лесу просыпались птицы.

Они ничего не знали о том, что произошла катастрофа.

Действие 6

Мир-Где-Все-Правильно

Что значит «Я»? «Я» бывают разные!

Алан Милн

Утро наступило такое же, как всегда. Позвали солнце горластые петухи — и оно пришло. Какие-то мальчишки с утра отправились в лес — Вик слышал их голоса. Спал отец в своей комнате. В лесу не повернула вспять река, и сам лес не сбросил листву за эту кошмарную ночь.

Но для него, Вика, все изменилось.

Он принял Мартина легко. В его мире, где грозовые облака превращались в драконов, появление какой-то доброй, взрослой силы, дающей ему советы, появление в его жизни белой комнаты со светлым окном — все это не выглядело странным. Все было понятно и правильно. И даже огоньки, которые зажигал Мартин не казались чем-то странным.

Они добрые были, эти огоньки. И Мартин был добрым. Зачем его бояться?

Но вчера все изменилось. Мартин не просто был добрым. Он не просто лег на этот стол — он бросился на него не думая, выдернув Вика из-под удара. И просил читать стихи. Вик хорошо понял, зачем.

Чтобы он не услышал, что происходит снаружи.

Ночью, когда Мартин, наконец, забылся лихорадочным сном, Вик все же попытался занять свое место. Ему очень хотелось сделать хоть что-то хорошее для Мартина, а он спал, подломив под себя руку и судорожно кутаясь в одеяло, которое никак не унимало озноба.

Боль навалилась, тяжелая и злая. И какая-то... утомленная. У него мелькнула странная мысль, что ей, боли, самой не хочется быть в этом маленьком, тщедушном теле. Что он ей не интересен и не нужен, но приходится ядовитой тяжестью пульсировать на полосах покрасневшей кожи, растекаясь намечающимися синяками.

Вик боялся этой боли. Вернее, не самой боли. Она была такая сильная, такая беспощадная, что, казалось, была отдельна от него. И бояться ее по-настоящему никак не выходило.

Но того, что это Мартин лежал вчера, прижатый к этим доскам, и хрипло считал удары, с ненавистью выдыхая слова. Того, что это Мартин забрал всю эту боль себе, загоротив собой друга. Этого Вик почему-то испугался.

Вик все же смог перевернуться и даже доползти до угла, где лежала старая куртка. Он вытряхнул из нее пару уснувших мышат и накинул поверх одеяла.

Мартин спал тревожно. Вик слышал, как он бормотал что-то. Кажется, он говорил что-то про реку и про цветы.

Вик зажмурился. Отчаянно хотелось облегчить его страдания, загладить вину. Он даже поклялся себе, что они обязательно поедут когда-нибудь к морю. И пусть Мартин там любит на свои корабли и с восторгом гладит пену прибоя. Только вот сейчас не было никакого моря.

Зато было осознание. Оно пришло внезапно, пронзительное, щемящее и пугающее.

Мартин любил его. Любил его как-то по-особенному, как, наверное, любят в Мире-Где-

Все-Правильно. Не как мать, которая читала ему сказки и говорила, что любит, а потом ни слова не сказала, когда отец забрал его с собой, вытащив из дома, как щенка на поводке. Не как отец, который, напившись становился добрым и смотрел на него слезящимися глазами и звал «наследником». Может быть так его любила Лера. Но Лера девочка, к тому же младшая. Поэтому скорее это он любил ее так — не доверчиво и беспомощно, а осознанно, ответственно и...

«А ведь отец как-то ударил Леру», — вспомнил мальчик.

Вику было четыре года, а Лере два. И он видел, как отец отмахнулся от нее, кажется, ударив по лицу. Девочка не заплакала, только посмотрела удивленно и тихо отошла.

Значит, Мартин любит его? И сестра? А отец — нет?

Вику вспомнилось, как они с Мартином впервые почти поссорились. Он тогда сказал, что нет никакой справедливости в том, что отец бил его мать и ударил сестру. Вик тогда выпалил, что может быть это он, Мартин, на самом деле несправедлив?

Потому что отец не может быть несправедливым.

Но оказалось — может.

Ведь он ничем не заслужил эту порку. Он ничего не сделал. И тем более ничего не сделал отцу Мартин.

Столько чувств, обладающих весом. Они лежали в ладонях, как гладкие, горячие от солнца камни.

Самым тяжелым и горячим была боль. Она сейчас занимала все пространство, поддергивая пеленой взгляд и мешая дышать. Но это был ненастоящий камень. Вик знал, что скоро он утечет сквозь пальцы песком.

И останутся остальные.

Благодарность.

Чужая любовь.

Ответственность.

И маленький, прожигающий камешек, единственный не бывший гладким — Вина.

А ведь Вик знал то, что пытался скрыть от него Мартин. У него не получалось прятать сильные чувства.

Мартин ненавидел отца, только Вик раньше не мог понять, за что. Он мог бы сказать себе, что Мартин вчера поплатился за свою ненависть, но отец-то ничего не знал. Он бил Вика. И это Вик вчера «ломался» перед свиньей, не слушая, что говорил ему Мартин, просивший дать ему сделать все самому.

Вик смотрел в свое окно, и думал о том, что он бы предпочел сам вчера лечь на этот стол, но не слышать, как Мартин хрипло считает удары.

Вику не нравилось это чувство. Если бы его можно было накрыть плотной, черной тряпкой, как звонкую канарейку в клетке и навсегда заглушить, он бы сделал это.

Не задумавшись о птичке, оставшейся в темноте.

...

А Мартину было не до птиц и не до камешков в ладонях. Его душила ненависть и совсем тривиальная жажда.

Он проснулся под грязной серой курткой, в углу чердака, хотя засыпал у стены. Губы обметало коркой запекшейся крови, перед глазами то и дело вспыхивали яркие круги, а тело отказывалось подчиняться, словно его ржавыми гвоздями прибили к доскам пола.

С трудом, придерживаясь за стену, он добрался до бутылки. Сделав несколько глотков и

смыв с лица разводы крови, сел на пол, тяжело привалившись к стене.

На полу лежал пыльный осколок зеркала. Он осторожно положил его на колени и заглянул в серую глубину.

Мартин совсем не удивился, увидев там собственное лицо. Это его тонкий нос, острые скулы, волевой подбородок и тяжелый серый взгляд. Его каштановые волосы рассыпаются по плечам.

Капелька воды сорвалась с подбородка, расплескавшись розовой точкой на зеркале. И словно рябь прошла по воде.

Детскому лицу Вика не шел этот тяжелый взгляд и хмурое, взрослое выражение.

Мартин чувствовал, как вчерашнее унижение колючей проволокой сдавило ребра. Как оно разливается в горле тошнотой и колет морозом кончики пальцев.

Ненависть, липкая, раскаленная, как сахарный сироп толчками пробивалась по венам.

Он забрал у мальчика сестру. Он забыл о его существовании. Не замечал его любви. Избил его.

И его, Мартина, заставил унижаться.

«Мартин?.. Тебе очень... плохо?..» — раздался осторожный голос Вика.

— Нет, я... Все в порядке, — соврал Мартин.

«Ты ненавидишь его, да?»

— Да, — ответил Мартин, не пытаясь больше скрывать очевидное.

«И... и меня тоже?» — беспомощно спросил Вик.

— Глупый... тебя за что ненавидеть?

«Я... я его сын, Мартин», — с какой-то взрослой обреченностью ответил он.

— Дети не всегда похожи на родителей. Ты хороший человек и у тебя светлое будущее, я в это верю, — сказал Мартин.

И внезапно понял, что его слова звучат фальшиво. Будто он сам себе не верил.

«И ведь я не верю», — с ужасом подумал он.

Откуда взялась эта мысль? Почему вдруг стало до тошноты тоскливо, будто мир и правда безвозвратно почернел за ночь?

— Вик. Я здесь, кажется, навсегда. У меня нет никаких шансов сделать свою жизнь иной, хотя клянусь, я бы не бросил тебя. Но у тебя... у тебя всегда будет выбор. И я верю, что ты сделаешь правильный.

«Мартин... посмотри еще раз в зеркало?..» — неожиданно попросил Вик.

Он, пожав плечами, поднял зеркало с колен.

«Я... я тебя вижу!» — с восторгом прошептал он.

Он и правда видел Мартина. Таким же, как он сам видел себя несколько минут назад. Только он сидел за его спиной.

«Мартин, почему у тебя такое уставшее лицо?..» — прошептал Вик, откладывая зеркало.

— Я не знаю. Наверное, это просто бледность. Я живу в темноте, здесь нет солнца.

«Я тебе дам солнце. Правда, Мартин, обещаю... я придумаю, как сделать, чтобы у тебя было светло. Мы поедем к морю, там много солнца. Там корабли... и волны. Так будет... правильно», — неловко закончил он.

Будто извиняясь за то, что это произойдет нескоро.

«Спасибо», — тепло улыбнулся Мартин.

Он и правда почувствовал, как на душе немного посветлело. Но не от обещания. Просто он почувствовал, что любовь, которую он испытывает к другу на самом деле гораздо

сильнее, чем он сам от себя ожидал. И она сильнее ненависти. И боли. И это чувство ему тоже не удастся скрыть от Вика.

Боль — это не так уж и страшно. Он ведь уберег от нее мальчика. Зато Вик увидел, каков его отец на самом деле.

Мартин завернулся в одеяло и прикрыл глаза. Он почему-то чувствовал себя очень уставшим. В этот же момент он забылся липким, тревожным сном. А Вик не стал ему мешать.

Пусть он спит, добрый и смелый Мартин, ничего не знающий о канарейке.

...

Мартин спустился с чердака вечером. Вода в бутылке давно кончилась, а на улице, хотя липкая дневная жара спала, царил тяжелая, будто предгрозовая духота.

К тому же Мартин не хотел лишать Вика возможности поесть или заставлять мучиться от жажды. Но позволять ему идти самому Мартин тоже не стал — кроме стреляющей боли тело было наполнено странной усталостью. Как после тяжелой работы. На надрыв.

Он мог бы отойти в сторону. Эта боль была терпимой. Она, может, была бы полезна Вику — первая в жизни тяжесть, первый настоящий груз. Но он так и не смог себя заставить.

Отца не было дома. Кухня не сохранила следов вчерашнего.

На столе не было посуды. Вообще ничего не было, только длинная, свежая царапина. Мартин рассеяно провел по ней рукой. Она была шершавая, с тонкими белыми лучиками-щепками.

«Мартин тебе... страшно?» — тихо спросил его Вик.

— Нет, — честно ответил он. — Только тошно.

«А мне — страшно», — еще тише признался Вик.

Мартин отвернулся от стола и молча начал собирать в сумку какую-то еду. Наполнил бутылку остатками воды из ведра.

«Мартин, тебе очень больно?..»

— Нет. Правда, все...все в порядке. Скоро боль совсем пройдет, и ты сможешь... все будет, как раньше.

«Не будет», — грустно сказал ему Вик.

И, не дав возразить, продолжил:

«Пойдем к озеру. Ты ведь хочешь. Давай... не возвращаться сегодня. Останемся в лесу. Я не буду бояться темноты, правда».

А ведь он и правда хотел. Он собирался смыть кровь в душе на улице, под слабым напором холодной воды, пахнувшей железом и вернуться на чердак. Там лежать ничком на одеяле и ждать, пока боль утихнет. И рассказывать Вику очередную сказку, чтобы ему не было страшно. И чтобы его не донимали тяжелые, взрослые мысли.

Но с мыслями, видимо, опоздал.

— Хорошо, я только... собираю сумку.

...

Костер был совсем маленьким. Мартин смотрел в него, и думал о том, сколько разного есть на свете огня.

Есть тот, что гудит, разрывая небо, беспощадный лесной пожар.

Есть тот, что трещит в его камине.

Тот, что спит, заключенный в хрупкую металлическую оболочку. Тот, что однажды уничтожит Землю.

И есть этот костер. Несколько ласковых язычков, которые обиженно куснут руку, если задержать ладонь над ними дольше, чем на секунду: «Эй, я все-таки огонь. Хоть и маленький».

«В пурге не бывает огня», — вдруг сказал ему Вик.

— В пурге?

«Да. Ты еще не видел... настоящего снега».

— Я помню, какой снег, — осторожно сказал Мартин.

Его пугало настроение друга. Но он не мог понять, что это. Разочарование в отце? Озлобленность? Страх? Или просто меланхолия, потому что никак не выходит убедить себя, что вокруг — Мир-Где-Все-Правильно?

«Ты помнишь, а я... я видел, Мартин. Пурга. В январе. Это когда снега — целая стена. Она воеет, и снежинки, которыми она кружит, похожи на битое стекло. И в ней нет света, никакого. Светят окна, фонари, но она все забирает, перемешивает и превращает в темноту. Я... хотел бы так».

— Как? Превращать все в темноту?

«Чтобы все было... Правильно. Там все правильно, Мартин. Ничего... не болит».

— Вик, ты говоришь о существовании без сердца. Без чувств. Неужели тебе кажется, что так лучше? Так становятся жестокими. Так... делают больно другим.

Он сказал это, и сам испугался своих слов. «Не тебе же больно», — сказал ему недавно Вик. Но он же понял. Вик ведь вспомнил, как испугался неосторожно причиненной сестре боли. Ведь это он укрыл его ночью этой курткой — Мартин хорошо знал, что сам он спит неподвижно. Вик пожалел свинью и жалел собак. Он должен понять, что ничего хорошего нет в том, чтобы вырвать свое сердце и положить на его место обрывок январской пурги.

«Мартин, это же из-за меня вчера...»

Слова должны были вызвать другое чувство. Но Мартин почувствовал облегчение. Вот что его тревожит на самом деле.

— Вик, ты вчера меня бил?

«Нет...»

— Может быть, ты хотел, чтобы это вчера произошло? Ты желаешь мне зла?

«Нет, я... не желаю».

— Тогда почему ты чувствуешь себя виноватым? Не обязательно переставать чувствовать. Нужно просто... знать, кто виноват на самом деле.

«А ты бы смог? Если бы ты меня вчера не спас. Сказать — это же не я тебя, Вик, бил. Я не виноват, потерпи немного, посмотри вот огоньки?» — с неожиданной злостью спросил он.

Мартин прикрыл глаза. Он не знал, что ответить. Нет, не смог бы. Да, это Анатолий был бы садистом, избившим ребенка. А он, Мартин, чувствовал бы себя подонком, который это позволил. Значит, был бы не меньше виноват. Только он не об этом думал вчера.

— Вик, нет ничего плохого в том, что кто-то тебе помог. Я не героем хотел себя почувствовать, а тебя защитить. Ты ведь укрыл меня курткой ночью. И тебе было больно. Потому что в хорошем мире люди помогают друг другу. И мир становится лучше, когда люди живут так, как будто он уже хороший. Это все, что мы можем друг для друга сделать — сделать свой мир Правильным, и помочь кому-то еще.

«Ты меня любишь, и тебе из-за этого было больно. Разве это правильно?!»

— Любовь не причиняет никакой боли.

«А откуда ты вообще знаешь про любовь, ты на свете месяц живешь!..»

— Любовь, Вик, это такое чувство, которое ты ни с чем не спутаешь. Сколько бы ты на свете не жил. Ты... ты злишься?

«Нет... не злюсь. Я... запутался.»

— Какой он, Мир-Где-Все-Правильно, Вик? — неожиданно для себя самого спросил Мартин.

«Там никому не больно и все друг друга любят. Там все... честно».

— Так не бывает, Вик. Честность у всех разная, одну на всех пока не придумали. А боль... от нее никуда не спрячешься. Однажды все мы с ней встречаемся, и делаем выбор, бояться ее или встретить лицом к лицу.

«Я боюсь».

— Я тоже. Но это не значит, что мы не можем встретить ее достойно. Не значит, что она может заставить нас перестать быть людьми.

«А кто может?»

— Только ты сам. Ты делаешь выбор.

«И ты... выбираешь?»

— В этом я свободен, как любой человек, — печально ответил Мартин, вставая с земли.

Он не стал тушить костер. Оставил одежду, сложенную аккуратной стопкой на холодном песке, и медленно зашел в черную теплую воду.

Они уже искупались днем, смыв с кожи разводы крови. Но сейчас темное тепло обещало смыть что-то другое.

Вода растворяла боль. Она лишала тело веса, лишала веса боль. Если лечь на спину, раскинув руки — это почти полет.

А там, в черноте неба, разметавшегося над лесом, горели звезды. Их нельзя было сосчитать, их нельзя было сложить в созвездия. Они были словно мука, рассыпанная по столу.

Живая темнота, полная огоньков.

Действие 7

Белые цветы

Я похороню его на высокой-высокой горе, — решил он, — так, чтобы вокруг было много солнца, а внизу текла речка. Я буду поливать его свежей водой и каждый день разрыхлять землю. И тогда он вырастет.

А если я умру, он будет делать то же самое — и мы не умрем никогда.

С. Козлов

А зима в этих краях была особенная. Теплая, сырая. Тактичная. Она подкралась, как осторожная кошка и свернулась на коленях, незаметно пригревшись.

Там, где раньше жил Вик, зима начиналась в октябре. Она приходила ранней темнотой и беспощадным ледяным ветром. Срывала листву с деревьев, разметав ее по остывшему асфальту, и вскоре засыпала все снегом, скрыв следы недавнего лета.

Здесь снег выпал к концу ноября. Кое-где на деревьях еще были видны замерзшие желтые листья. По дорогам растекалась серая слякоть, в которой вязли ботинки. Вернуться с улицы с сухими носками стало невозможно — грязь была вездесущей.

Дни отсчитывались мягким тиканьем старых часов. В доме царило хрупкое, меланхоличное перемирие.

Отец все-таки вставил стекло в разбитое окно. Мартин заклеил все щели, откуда могло дуть. Осень, вопреки его опасениям, обошлась без простуд.

В конце ноября Вик отметил свой день рождения. Ему исполнилось семь. Праздник начался грустно — отец о нем попросту забыл. За неделю до этого пришло письмо от матери и весточка от Леры — недлинное послание и бумажный цветок-оригами.

Мать присылала какие-то деньги в конверте с письмом. Мартин был уверен, что это на подарок, а еще был уверен, что отец их просто пропьет. Но он не собирался оставлять сегодняшний день на совесть родителей.

Рано утром он сходил к женщине со стеклянным глазом. Ее звали в деревне теткой Пасей. Это было не имя, а прозвище, которого Мартин так и не понял, да и не особо стремился. Главное, что у нее в кладовке хранится подарок, который он готовил с самого лета по ночам.

Банка земляничного варенья — лесное лето, закатанное в стекло. Толстая тетрадь в плотной зеленой обложке с пожелтевшими листьями. И фигурка из дерева — сова, обнимающая крыльями черную деревянную пластинку со звездочками из фольги.

Вик, открыв тетрадь, обнаружил, что она на треть исписана твердым, каллиграфическим почерком.

Это была книга с историями и сказками. Мартин переписал для него содержание нескольких романов, несколько стихов и баллад и добавил в конце четыре собственные сказки. Некоторые страницы украшали вензеля и рисунки. Были здесь корабли, птицы, звезды и цветы. На одной из страниц с пересказом «Маленького Принца» маленький мальчик с края крошечной планеты протягивал руку к концу страницы. Там стоял на задних

лапах, опираясь о край страницы Лис с огромным пушистым хвостом.

— Ты... ты сам сделал?.. — с восторгом прошептал Вик, проводя кончиками пальцев по страницам.

Буквы словно отзывались, покаяваясь током: «Прочти! Прочти, мы покажем тебе новый мир! Прекрасный мир, Правильный мир!» Мартин не был талантливым художником, но умело скрыл это за схематичностью и простотой рисунков. Книга была живая. Настоящая.

«Тебе нравится? Я старался, чтобы тебе было легко читать».

— Спасибо...

Вик попытался уместить благодарность в слова, но у него почему-то не вышло. Но, закрыв глаза, он увидел Мартина, сидящего в проеме. Он упирался в косяк спиной и коленями — в противоположный. И улыбался, чувствуя все, что он не сказал. Вокруг Мартина вилась любопытная светящаяся рыбка. Он щурился от тепла эмоций, будто от солнца.

Сову Вик поставил на полку, а отцовскую машинку незаметно убрал в ящик стола. Птица была вырезана гораздо лучше, чем та, что Вик видел у Мартина в руках на берегу. И несмотря на то, что работа была выполнена грубовато, перья совы казались мягкими, как Мартин и обещал. И даже глаза были золотыми — он где-то достал лак. Эти же лаком были обведены звезды на пластинке.

Ноябрь уступил место настоящей зиме, снежной и теплой.

Вик редко выходил из дома. С детьми он дружить по-прежнему не рвался, хотя его даже приглашали на какую-то таинственную «Гору». Но Вик упрямо отмахивался. Ему не хотелось никого видеть, гораздо комфортнее он ощущал себя наедине с собой.

И с Мартином, который уговаривал его пойти с детьми. Его тревожила нелюдимость друга. Он справедливо полагал, что ребенку нужно общество сверстников, а не собственные грезы и голос в голове.

Но Вик не хотел. Дома было сумрачно и прохладно. Комната была его убежищем. Сюда даже отец редко заходил. И если мир снаружи был непонятным и неправильным, то строгая меланхолия полумрака спальни казалась ему логичной и надежной.

Но была еще одна причина, которую он тщательно скрывал от Мартина. Вик уже понял, что Мартин слышит «громкие» мысли, те, что рождают сильные, неконтролируемые эмоции. Про себя он мог думать что угодно, ведь его тактичный друг не станет пытаться искать способы узнать, о чем были его мысли.

А мысли были о том, что мир жесток и несправедлив. Что в нем мало хороших людей. Зато точно есть взрослые, готовые отнять друзей. Как отняли сестру. Как отняли бы Мартина, если бы узнали о нем. Мартин думал, что Вик не знает или не задумывается, но он знал. Знал, что никто из взрослых не прощает даже доброго волшебства. Что друг может исчезнуть, умереть, задушенный таблетками и уколами. Знал, что он может пропасть, когда у Вика появятся настоящие друзья. Как-то рано утром на кухне он смотрел передачу, которой, судя по всему, просто хотели занять эфирное время. Женщина с желтыми волосами и ярко-красными губами, голосом выскочки-отличницы рассказывала о воображаемых друзьях. Мартин спал и не слышал. А женщина говорила, нравоучительно, громко, растягивая слова:

— Запо-о-омните! Ребенок, оставшись в одиночестве обяза-а-ательно придумает себе отдушину! Пусть он играет с игрушками! Пу-у-усть придумывает им имена! Истории сочиняет! А когда он приду-у-умывает себе «друзей» — это уже звоно-о-очек! Заведи-и-те

ему реальных. И те, придуманные сразу исчезнут. А если нет...

Вику женщина не нравилась. Она сидела на белом диване и, глядя томными глазами в камеру, красными, липкими губами вытягивала из влажного рта злые слова.

— Вам нужен ребенок с дис-с-социативным расстро-о-ойством? Я вам рас-с-скажу, как это бывает. Это головны-ы-ые боли. Провалы в па-а-амяти. Это, что заводится у ребенка в голове, забира-а-ет его память. Заби-и-рает его время. И еще оно, скорее всего будет иметь престу-у-пные склонности. Обращайтесь к врачу, не откла-а-дывайте поход...

Вик тогда, поморщившись, выключил телевизор. Ничего она не понимала, это женщина. Это кто же, Мартин — «это, что заводится в голове»? Будто он какое-то чудовище. Будто он болезнь, опухоль, которую нужно вырезать, чтобы не умереть.

Разве это честно, то, как вели себя взрослые? Где-то далеко осталась его маленькая сестра, которая одна из всей семьи любила его. Отец не замечал его, зато избил его за мнимую провинность так, что синяки сходили две недели. И кто от этого пострадал? Пострадал «этот, в голове». Его друг, настоящий, не воображаемый. Не безумие. Какое же он безумие. У него есть почерк. У него есть мысли. Он придумывает сказки, которые не смог бы сочинить Вик. Он говорит с людьми, и люди его слушают.

И он любит его. Сейчас Вик чувствовал это явно, словно носил под сердцем маленькую, жгучую искорку, от которой по крови толчками разливалось тепло. Мартин не раз доказывал свою любовь, но на самом деле Вику уже не требовались доказательства. Он понял, что такое любовь на самом деле.

Любовь — это закрыть собой от удара.

Любовь — это не давать чувствовать боль от удара.

Любовь — светящаяся рыбка в нестрашной темноте. Толстая зеленая тетрадь со сказками.

Любовь — спасение от смерти. Не нужны ему настоящие друзья, не способные увидеть рыбку в темноте и с лета сварить банку варенья, чтобы подарить зимой. Друзья, которые заменят Мартина.

Подружиться с кем-то, надо же! Глупый Мартин, сам не знает, о чем просит.

А Мартин отчаялся договориться с другом. Он сам был чужд компаний. Ему тоже было достаточно общества Вика, хотя он, в отличие от мальчика относился к людям с доброжелательной симпатией, а не с угрюмой настороженностью. Вик не мог понять, почему эти жуткие багровые полосы от ремня сошли со спины и вместе с тем — с его души? Совсем не озлобился, не затаил обиды ни на мир, который так к нему жесток, ни на него, Вика? Только к отцу Мартин стал относиться с уже нескрываемым холодом и все время ждал подвоха.

Выпавший снег сгладил все очертания, дав потемневшему дереву забора и сарая искрящееся серебро. Окна замутили узоры, а деревья, оставшиеся без листвы, теперь держали на ветвях тяжелые снежные кружева. Такой мир казался Вику прекрасным. Правильным. Холодным и белым, как чистый лист бумаги, на котором ничего не хотелось писать.

Зимние дни тянулись темные, теплые и тихие. По ночам Мартин зажигал в темноте гирлянды разноцветных огоньков и рассказывал истории. Они больше не ходили в лес, на рыбалку и редко бывали в деревне. Мартин боялся, что опять начнутся проблемы с едой, но куры продолжали нестись — он узнал, что нужно добавить в их рацион и смог затянуть дыры под потолком курятника пленкой так, чтобы света проникало достаточно, но птицы не

мерзли.

Отец зарезал еще одну свинью, на этот раз сам. Сам разделал ее во дворе. Половина мяса пошла на продажу, половина — в холодильник. Весь двор был залит кровью, которую отец и не подумал убрать. Утром Мартин широкой лопатой чистил место разделки. Лопата была слишком тяжелой и громоздкой для семилетнего ребенка. Но ходить по перемешанной с грязью крови показалось Мартину худшей перспективой, чем тяжелая работа. Собаки тянулись со своих цепей к замерзшей крови и протяжно скулили. Подумав, он подвинул кучу снега к их будке. К утру от нее не осталось ни следа.

В углу кухни стоял мешок картошки, у Вика в комнате в деревянном ящике лежали переложенные чистой марлей сушеные грибы.

Мартин научился заваривать чай с собранными летом травами. Терпкий, темно-янтарный напиток оставлял после себя тяжелое, сонное тепло. Все это позволяло долго не задумываться над тем, что им придется есть завтра. В освободившееся время они читали.

Недавно Вик нашел на чердаке заколоченный ящик и убедил Мартина его вскрыть. В ящике обнаружили книги. Судя по подписям на форзаце, они принадлежали матери Анатолия. Больше половины — любовные романы. Еще была небольшая брошюра со схемами вязания и приключенческие романы. Ни одна из этих книг явно ни разу не читалась.

— Мартин, отец не разрешает читать книги.

«Но ты ведь читаешь привезенные из дома. И я тебе читал те, что нам давала Пася», — отозвался Мартин.

— Да, поэтому я предлагаю этот ящик задвинуть в угол, накрыть той занавеской и брать оттуда под одной, — улыбнулся Вик.

«Там, на полке, видишь штука, похожая на бутылку? Возьми ее... Вик, у этой табуретки три ножки, встань на ящик... Не разбей, ладно?»

— Что это? — спросил он, разглядывая предмет.

«Керосиновая лампа. В сарае есть керосин. Это чтобы по ночам не включать свет, отец может заметить. Мои огоньки не светят, к сожалению...»

Лампу они отмыли и зажгли в тот же вечер. Мутное от царапин и времени стекло пропускало рассеянный желтый свет. Он был тусклым, но его вполне хватало, чтобы осветить странички книги. Читал Мартин, вслух, а Вик слушал, жалея, что не может прикрыть глаза. В такие моменты ему казалось, что друг сидит рядом. Держит на коленях раскрытую книгу, и водит по строчкам рассеянным взглядом.

— Двадцать седьмого февраля 1815 года дозорный Нотр-Дам де-ла-Гард дал знать о приближении трехмачтового корабля «Фараон», идущего из Смирны, Триеста и Неаполя...^[1]

«Как называется корабль с тремя мачтами?»

— Таких много. Это может быть барк или люггер... Баркентина... Это торговый корабль, так что люггер вряд ли... Зачем тебе?

«Представить...»

— Ты представляешь, чем барк отличается от баркентины? — с улыбкой спросил Мартин.

«Нет, ты представляешь», — улыбнулся Вик в ответ.

Мартин отложил книгу и протянул руки вперед. На его ладонях почти незаметный в темноте призрачный парусник.

Это барк. На его борту едва золотится надпись «Фараон». Мартин бы представил не

французском, но он не знал языка. Он, по правде сказать, сам не знает, откуда берутся образы кораблей. И не знает, откуда берутся названия. Он не может помнить, как мать читала ему в раннем детстве «Справочник вахтенного офицера», оставшийся на полке со времен единственной поездки в Ялту. Там его купил дедушка Виктора, когда-то тоже грезивший парусами. Эту книгу Полина читала, не понимая ни слова. Но ей было, в сущности, все равно, что читать, а сын засыпал под заклинание: «фор-стенъ-стаксель (или фока-стаксель), кливер, бом-кливер, летучий кливер...» не хуже, чем под сказки. Позже он листал эту книгу, разглядывая картинки и еще не соотнося их с надписями. Но Мартин-то мог соотносить.

— Будешь слушать дальше? — спросил Мартин, с сожалением стряхивая с ладоней призрак корабля.

«Да...»

— Как всегда, портовый лоцман тотчас же отбыл из гавани, миновал замок Иф и пристал к кораблю между мысом Моржион и островом Рион...^[2]

...

Они давно погасили лампу и отложили книгу, но сон никак не шел.

Лампочка под потолком светила фальшивым белым светом. Это так странно было — светящаяся белая лампочка в темноте. Ничего не освещающая. Вокруг нее вились такие же фальшиво светящиеся белоснежные мотыльки. Вик наблюдал за ними, но почему-то сегодня чудеса Мартина не приносили ему покоя.

Мартин сидел в кресле и смотрел в огонь, рассеяно водя в воздухе рукой. Орест огибал его запястье, обвиваясь браслетом, скользил между пальцев и падал к локтю. Мартин улыбался. Он ждал, пока Вик уснет и можно будет забыться самому.

— Мартин, а куда пропал Пушистик? — спросил его Вик, нарушив тишину.

«Ты что, соскучился?» — усмехнулся Мартин.

Мартин был рад, что монстр перестал тревожить Вика. Может быть потому, что он тогда преодолел свой страх и пересек коридор, чтобы помочь отцу. А может, потому что появился страх более реальный и осязаемый.

— Нет, просто я... Мартин, ты его прогнал?

«Нет. Ты сам. Тебя что-то тревожит?»

— Мне снятся кошмары.

«Давно?»

— Не знаю. Нет, недавно...

«Что тебе снится?»

Вик прикрыл глаза. Он не знал, как сказать, что именно ему снилось и что напугало. Образ стоял перед глазами, живой и яркий, пропитанный липким страхом. А что было в нем страшного...

— Мне снились цветы. Вместо снега с неба падали цветы. Белые. В реку.

«Что было плохого?»

— Ночь была, фонари горели. И пахло... травой. И цветами. И боли не было. А плохого...

«Что было плохим?»

— Я. Я был плохим, Мартин.

«Что значит „был плохим“?»

— Там женщина плакала. Молодая. Красивая. С белым лицом, как будто... в краске.

Она из-за меня плакала. А мне было плохо от того, что она плачет, но... я был рад. Мне нравилось, что ей плохо... Мартин, помнишь, ты говорил, что мы свободны и сами выбираем, кем нам становиться? Бывает так, что выбора... нет?

«Нет, Вик, не бывает. Человек всегда несет ответственность за свои поступки. И всегда выбирает, как ему поступить, даже под пыткой. Поэтому не бойся — никто не вынудит тебя стать плохим и заставлять плакать красивых женщин», — тихо сказал ему Мартин, протягивая к проему руку.

И Вику впервые показалось, что он чувствует прикосновение. Что-то теплое невесомо скользнуло по запястью. И почему-то страх отступил.

— Мартин... почитай мне?

«Ты будешь спать или нет?» — притворно рассердился он.

Вик засмеялся, зажав ладонью рот. Злость он чувствовал сразу.

«Я тебе посмеюсь. Я наизусть только стихи помню, сочинять уже ничего не могу».

— Давай стихи...

«Орест, мы сегодня не спим.

Я вижу, я вижу, лорд со взглядом стальным,

Ты идешь по тропе из слез,

Лилия белеет утром одним,

Другим ее убивает мороз...»

— Про кого это?

«Про Кеннета».

— Кто это?

«Шотландский лорд».

— А...

«Вик, пощади меня», — взмолился Мартин.

— Ладно, ладно, прости. Что там с лилией?..

«Ее убил мороз. Утром.

Ты презрительно смотришь на слезы других,

Для тебя они просто вода,

Но кончилась ночь и ветер утих,

Утром тебя оплачет вдова.

Этой ночью, ликуя, ты терпкое пьешь вино,

Я предрекаю: пей, пей до дна!

Утром солнце выпьет твои цвета,

Не успев достигнуть холма!..»^[3]

— тихо читал Мартин, слушая дыхание мальчика.

Он уснул, не дослушав до середины. Мартин с облегчением закончил. Он боялся, что ему придется признаваться, что вторую половину баллады он не помнит. Или начинать новую.

Подумав, Мартин встал с кресла, подошел к проему и поманил рыбку.

— Поди ко мне, дружок. Поможешь мне?

Плеснув хвостом в полумраке, Орест упал в проем.

Утром Вик сказал, что видел во сне светящуюся рыбку и корабль «Фараон». Никакие цветы с неба больше не сыпались.

Рыбка вернулась к Мартину целой и невредимой.

Действие 8

Созвездие Пса

*И страшно мне не только
Мое непониманье — страшен голос.*

Набоков

Вик стоял перед зеркалом, с тоской разглядывая отражение. Он казался себе сделанным из бумаги человечком. Бледным, с голубыми тенями под глазами, острым подбородком и просвечивающими у губ венами. Все какое-то тонкое, ненастоящее, белое. И глаза — огромные, бесцветные. словно кто-то нарисовал их человечку, очертив белое угольным контуром ресниц и подчеркнув их провалом зрачка. И забросил...

«А это, Вик, от того, что ты сидишь в своей комнате без света целыми днями и придумываешь себе какие-то картины. И я тебе потакаю. Сходи погуляй, правда что ли — синяки хоть под глазами от свежего воздуха пройдут», — посоветовал Мартин, заставший Вика за нетипичным занятием.

Сам Мартин выглядел, как вечный узник темницы, о солнечном свете имеющий смутное представление. И на то, что у него когда-нибудь исчезнут синяки под глазами или сойдет мертвенная бледность кожи, не рассчитывал.

— Ну и что мне там, на улице делать? — проворчал Вик, отходя от зеркала.

Он-то теперь хорошо знал, как выглядит Мартин. Высокий, худой, длинноносый, с длинными каштановыми волосами, с такими же огромными, как у Вика, но темно-серыми глазами. У него тонкие, длинные пальцы, широкие плечи и острые ключицы. Вид, конечно, у него был болезненный и какой-то несчастный. И, хотя смотрел он открыто и прямо, и лицо у него было спокойное, Вику было жалко друга. Наверное, стоило попробовать последовать его советам. Может, тогда и сам Мартин перестанет быть похож на привидение?

«Не знаю. Погуляем. Может познакомишься с кем-нибудь, белок в лесу покормишь. А нет — замерзнешь и вернешься с чистой совестью домой».

— А ты мне дочитаешь?

Историю Эдмона Дантеса они читали уже три недели. Иногда Мартин рисовал Вику в темноте корабли, очертания замков и венецианские маски. В самом начале он изобразил под потолком маленькое окно, перечеркнутое решеткой. Впрочем, сразу же развеял морок — образ получился слишком уж безысходным и пугал его самого.

«Конечно. Одевайся».

— Может быть ты, Мартин, умеешь шить? — спросил Вик, скептически разглядывая полуоторванный воротник свитера.

«Не умею. Но мы научимся. Не ходить же тебе... нет, не заправляй его вовнутрь, тебе нужно горло закрывать!»

— Слушай, Мартин, я тебе говорил, что ты бываешь сказочным занудой? — проворчал Вик, закрывая все же горло воротником.

«Что поделать, Вик. Прояви снисхождение к своему старому, занудному другу, надень еще шарф», — с деланным смирением ответил Мартин.

На улице было светло. Пронзительно-голубое небо отражалось в белизне каждой снежинки. И стояла необычная тишина, будто разом не стало кур, петуха, свиней, собак. И деревни не стало, и отца. Словно он один в опустевшем мире... с Мартином. А что, его бы устроило.

Вик, поправив шарф, сделал шаг от порога, и недовольно скривился. Снег, хрустевший под ботинком нарушал тишину и вносил дисгармонию в белый мир.

Но никакой гармонии не было на самом деле. В лесу пели птицы, где-то играли дети.

Детские голоса доносились с той стороны, где находилась та самая «Гора». Вик пошел в противоположную сторону.

Тропинка тянулась вдоль опушки леса. С тропинок он не сворачивал, опасаясь провалиться в снег. В глубине души он надеялся просто немного пройтись и, сославшись на скуку, вернуться домой. Но все сложилось иначе.

Из леса донесся пронзительный крик.

— Мартин?..

Вик впервые услышал от друга площадную брань.

«Дай мне!..»

Крик сменился горьким плачем. Кажется, плакала девочка. В ее рыданиях различались какие-то слова и, кажется, она повторяла чье-то имя.

Кричали неподалеку, но он бежал медленнее из-за глубокого, рыхлого снега, сквозь который приходилось прорываться. Мартин на чем свет стоит клял моральные дилеммы, с которыми ему приходилось сталкиваться. Но оставить кого-то в беде, да еще и показать Вику, что так можно делать, было совершенно неприемлемым.

Девочка наплась быстро. Мартин, увидев, что опасность ей не угрожает, сбавил шаг. Она стояла около заснеженного куста на коленях и плакала, спрятав лицо в красных перчатках.

«М-м-м...Вик?..»

«Давай ты?»

Мартин подошел к девочке и тронул ее за плечо.

— Что с тобой?

Она подняла на него залитое слезами лицо. На Мартина смотрели самые голубые глаза из всех, что он когда-либо видел.

— Он... он... — всхлипывала девочка, протягивая ему что-то серое.

Мартин, с трудом оторвав взгляд от ее лица, посмотрел на то, что она показывала.

У девочки на руках лежала собака. Серая, лохматая, с седой мордой со смешными, жесткими бакенбардами и маленькими, тряпичными ушами. Какая-то пожилая дворняга, несуразная и, наверное, веселая. Раньше.

Собака была мертва. Закоченевший трупик был присыпан нетающим снегом.

— Его Влас звали. Он убежал вчера ночью, меня отец не отпустил его искать... теперь вот...

Мартин опустился на колени рядом с девочкой и протянул руку к собаке.

— Можно?..

Он бережно взял труп на руки. Он был твердый и холодный. Это была какая-то особенная, смертельная твердость. Мартин чувствовал смерть лежащей на своих ладонях, и ему отчего-то было отчаянно тоскливо. Даже солнце будто стало светить слабее.

Влас умер, сжавшись в комок. Наверное, пытался согреться. С задней лапы свисал

обрывок врезавшейся проволоки. На серой шерстке замерзли капельки крови.

«Мартин, ты зачем трогаешь эту дохлятину?»

Вик тоже был немного напуган близким присутствием смерти, но старался этого не показать.

«Потому что нужно ее спрятать с глаз подальше», — ответил Мартин.

— Как тебя зовут? — спросил он у девочки, незаметно положив собаку на снег.

— Риша.

— Как?.. — ему показалось, он ослышался.

— Риша. Ирина, Ириша — Риша. А тебя?

— Виктор. Вик, — не моргнув глазом, соврал Мартин.

Девочка выглядела чуть старше Вика. Худая, невысокая, в серой куртке и мятой зеленой юбке, она стояла перед ним и вытирала слезы рукавом.

— Слушай, мне кажется, я не смогу ее похоронить. Земля твердая совсем... — расстроено сказала Риша, глядя на мертвого пса.

— Мы можем развести костер, когда земля прогреется, легче будет вырыть могилу. Или, если согласишься, мы можем его сжечь.

«Вик, давай ты, а? Тебе нужны друзья».

«У меня есть ты, мне больше не нужно».

«Это неправильно. И у меня такое ощущение, будто я отбираю у тебя...»

«Ты ничего не отбираешь. Давай ей поможем, ладно?»

«Конечно...»

— Вик, ты меня слышишь?

Кажется, Риша обратилась к нему не в первый раз.

— Прости, я задумался. Что ты сказала?

— Я сказала спасибо. Если ты не против, давай вечером его похороним? Мне нужно домой, папа рассердится.

— Хорошо. Встретимся здесь? Когда?

— В семь.

Мартин кивнул. Подошел к растущей неподалеку ели и отломил две нижние ветки, широкие и пушистые. Положил одну на землю, на нее — собаку. Вторую ветку он положил сверху.

— Спасибо тебе, — слабо улыбнулась девочка. — До вечера!

Она развернулась и бросилась бежать так, будто за ней гнались. Только ярко-красный шарф сполохами мелькал на фоне белого снега. Скоро она совсем скрылась из вида.

«Вик, тебе неприятна эта девочка?» — спросил Мартин, привычно устаиваясь в проеме.

— Нет, она вроде хорошая...

«Давай тогда ты придешь сюда вечером и поможешь ей похоронить этого несчастного пса?»

— Нет, не пойду. Ты... ты иди. Друзей тебе можно иметь.

«А тебе?..»

Вик почувствовал тревогу Мартина, и пожалел, что сболтнул лишнего. Нужно было сказать, что девочка ему неприятна, и он не хочет ее больше никогда видеть.

— А мне нельзя, ты что, не понимаешь?! Нельзя! Ты тогда... умрешь.

«Кто тебе сказал такую глупость?»

— Я... смотрел... там женщина сказала, что вымышленные друзья уходят, когда

появляются настоящие. А мне не нужно настоящих!.. — предательские слезы обожгли глаза.

Он никак не мог их сдерживать. Перспектива потерять Мартина слишком сильно пугала. Вик привык к его любви, к его обществу и его советам.

«Вик, эта женщина ничего не понимает. И не ты ли мне говорил, что мы вместе умрем? Я что, в конце концов, воображаемый друг?»

— Нет... наверное... она сказала... общ... обще... я не помню, какая-то болезнь...

«Я тут надолго, Вик. Я уже построил дом, постелил коврик и завел рыбку. Не бойся, я всегда буду с тобой».

Мартин, прикрыв глаза, представил, как тянется в проем. Через свет, через темноту, через все законы и пространства, чтобы провести ладонью по щеке Вика. Он не сможет вытереть слезы, ну и пусть.

— Это ты? — спросил Вик, касаясь щеки кончиками пальцев там, где только что почувствовал прикосновение.

«Да. Видишь... я никуда не денусь, правда. Не заставляй меня чувствовать себя виноватым, Вик, это страшно, особенно если никак не исправить. Не хочу заставлять тебя от всего отказываться...»

— Я все равно боюсь с ней дружить.

«А хочешь?»

— Наверное... наверное хочу.

«Хорошо, давай оба с ней подружиться. Не будем говорить, что нас двое, но будем оба с ней общаться. Если это будет твой и мой друг, она меня не заменит».

Мартин очень надеялся, что Вик не заметит очевидных нестыковок в его предложении. Но он очень хотел, чтобы Вик подружился с кем-то еще. Чтобы не сидел целыми днями дома, рисуя себе какие-то фантастические картины или разговаривая с голосом у себя в голове. О том, что дружить он сам ни с кем, особенно с девочками не хотел и боялся, Мартин заикаться не стал. Хотя мысль о посторонних привязанностях вызывала у него панику.

— Давай! — кажется, Вик правда обрадовался.

«Вот и хорошо. Идем домой, думаю до вечера прогулок достаточно», — улыбнулся ему Мартин.

Уже дома, заваривая на кухне чай, Мартин отчаянно гнал от себя тревогу. Она была безотчетной и какой-то далекой. Будто ненастоящей.

— Чем займемся до торжественного погребения? — спросил Вик.

Мартин был рад, что Вика не напугала смерть. Он чувствовал, что Вику жаль пса, но столкновение со смертью он принял естественно. С другим отношением жить в деревне ему было бы очень трудно. А вот Рише, потерявшей своего друга, он очень сочувствовал.

«Хочешь я тебе почитаю?»

— Конечно!

Вик, сжимая горячую кружку, устроился на кровати, завернувшись в старый, растянутый свитер.

Мартин, улыбнувшись, начал новую главу.

...

— Франц очутился в полной темноте. Вместе с огнями исчез и шум, словно тот же порыв ветра унес с собой и крики. Слышен был только стук экипажей, развозивших маски по домам; видны были только редкие огоньки, светившиеся в окнах. Карнавал кончился.

Мартин закрыл книгу. За окном стемнело, но они пока не зажигали лампу, ограничившись торшером. Его свет сейчас не привлёк бы внимания, к тому же волшебство керосиновой лампы ничем не хотелось нарушать.

К сожалению, теперь не получалось выходить на улицу через окно — оно замерзло, и снаружи вырос сугроб.

Вику удалось проскользнуть мимо кухни, где что-то жарил себе только что проснувшийся отец. Если раньше Вик отчаянно искал его любви и внимания, то теперь старался как можно меньше попадаться ему на глаза.

— Мартин, а как мы в темноте куст-то найдем?

«Я помню дорогу, иди налево», — ответил он.

Мартин запомнил дорогу, когда бежал. Потому, что он помнил забытое Виком. А еще потому, что боялся, что ему придется звать на помощь взрослых.

— А Риша нас как найдет?

«А ведь и правда. Давай костер разведем?»

Куст они нашли быстро. По прикидкам Мартина они пришли минут на десять раньше назначенного времени. В рюкзаке у него лежали несколько кусков сухих досок, березовое полено, тряпка и перелитый в маленькую бутылку керосин. Все это он еще днем нашел в сарае и сложил в освободившуюся с лета сумку.

— Слушай, Мартин, я до земли снег не расчищу. Как мы будем...

«Нужно два бревна. Вон одно валяется, тащи его сюда. Второе за елкой видел днем».

Вик положил два бревна рядом и уступил Мартину, который быстро соорудил какую-то конструкцию из жердей, уложил обломки досок, под них засунул смоченную керосином тряпку.

— Придется жечь собаку. Я не подумал днем, прости. В любом случае вы вдвоем не выкопали бы могилу достаточной глубины.

Язычки пламени весело заплясали по доскам. Их не обидело соседство с промерзшими бревнами, кое-как очищенными от снега.

Костер еще не успел разгореться как следует, когда из-за кустов вышла Риша. Она тащила что-то завернутое в тряпку.

— Спасибо, я бы без тебя не нашла! — улыбнулась она, садясь к костру и протягивая к огню руки.

Оказалось, она принесла с собой еще дров.

— Риша, я думаю, нам лучше... сжечь, — впервые обратился к ней Вик, которому уступил Мартин.

— Я согласна. Сегодня попробовала копать, и поняла, что не смогу. Летом-то я огород копаю, но сейчас земля совсем промерзла... И ты, наверное, не сможешь... Кстати, сколько тебе лет?

— Семь. И у нас нет огорода.

— Мне девять, и у нас он есть, к сожалению... все лето там копаюсь, а зачем? Все равно всю зиму мы каши едим! Полный погреб каких-то солений, варенья... кому копят — непонятно... — тихо говорила она под нос, растирая руки.

— У тебя... большая семья?

— К сожалению, — поморщившись, повторила она. — Мама, папа, брат есть младший и старший...

— Здорово! Тебе, наверное, не бывает одиноко.

— Да нет, Вик, знаешь, у меня никого не было, кроме Власа. Все работают. С Нисом, ну который младший, мы не ладим, а Женя, старший, меня бьет.

Вик не знал, что ей сказать. Риша говорила задумчиво, и часто будто обращалась сама к себе. Но Вику казалось, что это еще страшнее, чем слезы. Так буднично... «Бьет». Как будто так и надо.

«Мартин, напомни мне, за что нужно любить этот мир?»

«За то, что здесь красиво, есть много хороших людей. И девочка Риша, которой ты можешь помочь».

— Давай... давай разожжем посильнее, и...

Риша молча переложила дрова себе на колени и протянула Вику тряпку. Он встал, подошел к еловым веткам, завернул собаку в ткань и понес обратно.

«Мартин, давай...ты, а?» — беспомощно попросил он, представив, что ему сейчас придется в уютный костерок складывать собачий труп.

Мартин, кивнув, шагнул в проем.

— Расскажи мне про Власа, — попросил он, укладывая собачку.

— Он веселый был. Хороший такой... Зимой к нам прибился, ну мама и разрешила его взять. Замерзал... я его всему научила! Он мне палку приносил и ключи искал, и мелочи всякие, а один раз сережку нашел. Меня когда спрашивают, откуда, я всегда отвечаю, что Влас подарил.

Риша стянула шапку и повернулась к Мартину левым боком. Волосы у нее оказались такими же серыми, как собачья шерсть, только очень пушистыми и мягкими даже на вид.

В ухе у нее поблескивала сережка — серебряная капелька с синим камнем.

— Красивая, — улыбнулся он Рише.

Она, улыбнувшись в ответ, подошла и, не стесняясь, взяла за руку. У нее были очень теплые и очень мягкие пальцы.

— Мы очень с ним дружили, с Власом. Он у меня в ногах спал. И мышей ловил. Я знаешь, как мышей боюсь?! А теперь вот... его нет...

Всхлипнув, она прижалась лицом к его плечу. Мартин сжал ее руку и слегка обнял за плечи.

— Он есть. Смотри, видишь... Сегодня пасмурно, но ты поверь мне, я тебя не обманываю. Там есть такое созвездие, называется Большой Пес.

Мартин протянул руку к небу и начертил контур созвездия прямо на тучах. Вику он показал бы огоньками, но с Ришей пришлось по-простому.

— Я верю, что там, в этом созвездии — собачий рай. Им там никогда не бывает холодно. И больно. У них много-много чистой воды, еды и игрушек. Большие там не обижают маленьких, щенки навсегда остаются щенками, никто не болеет и не умирает. Только они скучают по хозяевам. Когда приходит время, они чувствуют это, и бегут. Бегут по звездной тропинке, чтобы броситься в объятия своему человеку.

— Я хотела бы тогда быть собакой... я была бы маленькой, рыжей дворнягой. И я там бы и осталась — не хочу ни к кому бросаться в объятия.

— Я был бы большим, черным псом. И я знаю, что однажды я пришел бы к своему человеку. Наверное, везде лежал бы снег, — улыбнулся ей Мартин.

В костре почти ничего не трещало. Мартин держал у лица Риши ее шарф, чтобы она не чувствовала запаха паленного, но сам не очень верил, что это помогает. В высоту уносились танцующие искры и гасли где-то в темноте. Вик молча смотрел, радуясь, что ему не

пришлось неловко обнимать плачущую девочку и сочинять историю про Созвездие Пса. А еще он радуется, что есть Мартин, который может отвлечь ее от грустных мыслей.

Риша молчала, глядя в огонь и сжимая его ладонь.

Наверное, Мартин ей помог. И, наверное, они подружатся.

И все будет хорошо.

И все будет правильно.

Действие 9

Настоящая новогодняя ель

На всех путях — вы встретите только самого себя.

Метерлинк

На следующий после погребения день Риша уже с утра стояла у забора Вика и стучала по калитке. Тень надрывалась захлебывающимся лаем, Боцман глухо рычал. Лай разбудил Мартина, который, опасаясь, что собаки потревожат отца, выбежал на улицу, накинув куртку и замотав горло шарфом.

Увидев хозяина, собаки замолкли и приветливо завиляли хвостами — они знали, что мальчик если не покормит, то, по крайней мере погладит их. Но сейчас ему было не до собак.

Риша стояла у калитки и улыбалась ему. Сегодня, когда было светло, и когда она не плакала, Мартин заметил, что у нее приятное лицо, острый вздернутый нос и открытый взгляд.

— Привет! Я так и поняла, что ты сын мужчины со свиньями, я бы тебя давно в деревне увидела. Пустишь?

Мартин вспомнил, что отец запретил Вику водить гостей, опасаясь кражи. Хотя скорее он просто не хотел, чтобы его сон тревожили голоса.

— Прости, папа против гостей, — с сожалением сказал он.

Его голос не дрогнул на слове «папа». Мартин хорошо научился лгать.

Ему очень не хотелось заставлять Ришу ждать на холоде у забора, но подвергать Вика опасности очередной порки хотелось еще меньше.

— Не страшно, у меня папа тоже строгий. Вот, это за то, что я Власа хоронила — сказал надо было оставить, где валялся и не шататься в темноте по лесу...

С этими словами девочка расстегнула куртку и две пуговицы на вязанной кофте. Оттянула ворот зеленого платья.

Мартину показалось, что ему на голову вылили ведро ледяной воды. От ключицы, к плечу и груди тянулись знакомые бордовые полоски. Только эти были тонкими и частыми.

Он молча подошел к ней, убрал ее пальцы от ворота. Застегнул кофту и куртку.

— Простудишься, Риш. Мне очень жаль...

— Да ладно, большое дело. Пройдет скоро, главное ничем его не злить, пока старое не заживет. Эй, да ты сам замерз — смотри, белый весь. Иди, оденься, я подожду. Я тебе показать хочу кое-что.

«Ну доброе утро, Мартин, почему ты стоишь тут полуодетый и скрипишь зубами от злости?»

«Я... хотел успокоить собак».

— Да, я быстро, — ответил он вслух.

Он зашел в дом, подавив желание что-нибудь разбить, и начал одеваться.

— Прости, я думаю нам нужно сходить с ней куда она хочет. Я... не смог ей отказать.

Мы скоро вернемся, я приготовлю завтрак, идет?

«Конечно. Я помню, ты боишься чужой боли. Но я не собирался тебя просить

отказываться».

— Отлично. Поменяемся?

Вик, подумав, кивнул.

Мартин приветствовал взмахом руки Ореста, встречающего его в проеме. Огонь в камине горел ярко, и комнату заливал уютный полумрак, отражающийся в золотых стеклах. Ему вдруг показалось, что там, за окнами, стало чуть светлее. Впрочем, времени приглядываться не было — Вик вышел из дома. И даже надел шарф.

Риша, перегнувшись через забор, гладила Боцмана, вставшего на задние лапы. Тень лежала, положив голову на передние лапы и тихо ворчала.

— У тебя хорошие собаки! Наши цепные совсем злые, хоть папа их и кормит каждый день.

— Моему лень каждый день, — проворчал Вик, вспомнив, как с непониманием смотрел, как отец бьет собак.

У него тогда еще были вопросы, как это бывает.

Риша улыбнулась и взяла его за руку. Несмотря на то, что девочки ее возраста обычно были гораздо выше, она была с Виком почти одного роста. Прикасаются у нее получалось так естественно, будто они выросли вместе, тогда как Вик испытывал безотчетное смущение.

Она вела его куда-то вдоль опушки, в сторону деревни.

— Расскажи про себя! Ты давно приехал?

— Летом...

— А почему я тебя не видела до сих пор? Вик, ну Новый год скоро, ты что, серьезно?! — в ее голосе слышалась обида, будто они условились встретиться, а он обманул.

— Я сидел дома. Я не очень люблю... гулять.

— А что ты делаешь дома?

«Мартин, как ей не говорить, что дома ты мне читаешь и картинки показываешь?»

«Ну скажи ей, что ты читаешь, это даже не будет неправдой».

— Я читаю книги.

— И...все? — удивилась она.

— А что не так? — Вик тоже был удивлен.

В книгах оживало то, что отвергал настоящий мир. Там как раз все было правильно. Как можно менять иллюзии с книжных страниц, на сомнительное удовольствие носиться и орать дурным голосом, как это делали другие дети?

— Но это же скучно...

Вик остановился и отпустил руку Риши. Внимательно на нее посмотрел, отошел к краю дороги и зачерпнул ладонями снег. Она сделала движение, чтобы отбежать, думая, что он бросит в нее снежком. Но он подбросил снег над головой, позволив ему падать, кружась и сверкая в лучах чистого зимнего солнца.

— Что видишь?

— Снег...

— Да нет же! Иди сюда, — он потянул ее за рукав и подбросил еще одну горсть снега.

— Это пыльца. Она волшебная, видишь, как она искриться? Если волшебство подействует, мы с тобой сможем летать! Как Питер Пен и Венди, никогда не повзрослеем! Никогда не умрем! Ну, ты чувствуешь? А хочешь...

Он снова подбросил снег так высоко, как только смог.

— А хочешь, это будут лепестки яблонь?! Забудь, что это маленькие снежинки,

посмотри, как они опускаются на землю! Они розовые, мягкие, сквозь них светит солнце! Ну же, ты видишь?..

Он остановился, с легкой тревогой заглядывая в ее лицо. Вик прекрасно понял, что, если Риша не проникнется настроением — он будет выглядеть дураком.

— Я вижу, — с восторгом прошептала Риша, ловя на руку в красной перчатке одну, запоздавшую снежинку. — И ты всегда... так? Ты так видишь, да? Будто все время играешь?..

— Я не играю. Я правда так вижу.

Он отряхнул перчатки от снега и засунул руки в кармане. Мартин пришил-таки воротник к свитеру, на улице было тепло, но все равно его пробирал странный, зябкий озноб.

— У тебя есть братья или сестры? — сменила между тем тему Риша.

— У меня есть две младшие сестры. И... и старший брат, — подумав ответил Вик.

И подумал, что он бы стучал во все двери, каждого дома в их деревне, а потом поехал бы в город, и стучал бы в двери там, повторяя раз за разом эти слова. Только бы его каждый раз обжигало таким чувством благодарности.

— Вик, ты опять задумался?

— Прости, что ты говорила?

— Я спрашиваю, где они? Почему вы не вместе?

— Мои сестры остались на Севере... Младшая, Оксана, совсем маленькая. А Лера.. Лера на два года меня младше. Я очень ее люблю. И очень скучаю, — грустно закончил он и подумал, что непременно напишет Лере письмо.

Даже мелькнула мысль написать про Мартина. Но он побоялся. Письмо могли найти взрослые, несправедливые взрослые, ничего понимающие. И не прощающие.

— А брат?..

— Брат он... всегда со мной, — неопределенно прошептал Вик, вкладывая как можно больше двусмысленности в свои слова.

— Вы хорошо ладили? Дрались, наверное? — сочувственно спросила Риша.

Она или не заметила намека, или предпочла не заметить. А может, просто относилась к смерти с детским цинизмом.

— Нет, ты что, он... хороший. И сестру я никогда не стал бы обижать. Она девочка, младшая, я ее люблю, и она меня тоже — зачем мне делать ей больно? — перевел он тему.

— У тебя, кажется, правда хорошая семья, — вздохнула Риша. — Вот, погляди. Мы пришли.

Ель была огромной. Темно-зеленая, высеребренная снегом, словно нарисованная поверх лесного пейзажа. Снизу, как оборки широкую юбку, ее охватывали разноцветные искорки.

— Что это? — спросил Вик, подходя ближе.

— Это игрушки, — улыбнулась Риша, приподнимая ветку.

Игрушки были простые. Какие-то деревянные фигурки, обклеенные фольгой орехи и замерзшие фрукты, дешевые бусы. Кое-где виднелись мутные флаконы из-под духов, плотно прикрученные проволокой к ветвям.

Нижние ветки были украшены целиком. Но чем выше, тем меньше становилось игрушек.

— Вот, смотри, видишь... там... — Риша, задыхаясь от восторга, показывала ему на фигурку птички, оклеенную чем-то вроде осколков елочных шаров.

Птичка была прикручена к ветке почти посередине дерева. Она победно сияла на

солнце, будто бросая вызов всем остальным игрушкам и заодно искрящемуся снегу вокруг.

— Это Рас. Он залез туда, посадил птичку и спустился обратно!

— Надо же, — вежливо удивился Вик, нисколько не впечатленный самоубийственным подвигом какого-то мальчишки.

Риша, впрочем, не заметила его равнодушия.

— Хочешь, я тебе еще что-то покажу? Это тайна. Детей с деревни, всех. Иди сюда.

Она нырнула под ветки и начала расчищать снег под елью. Вик подошел к ней, опустился рядом на колени и заглянул ей через плечо. Риша держала в руках что-то большое, красное, завернутое в плотную пленку.

— Смотри...

Под пленкой оказалась большая, фанерная звезда. Ярко-красная, оклеенная маленькими золотыми звездами из фольги. Позади не было звезд, зато лучи соединяла белая веревка.

— Зачем она?

— Когда-нибудь кто-то повесит ее на самую верхушку! И это будет настоящая, новогодняя ель!

— Зачем? — настойчиво повторил Вик.

Идея лезть на дерево с фанерной звездой на спине, рискуя упасть и покалечится ради того, чтобы дерево стало новогодним, казалась ему невероятной глупостью.

Он может представить себе ель украшенной целиком. И любую звезду на ее макушке. Для этого не нужно рисковать собой.

— Этот человек станет героем!

«Мартин, а хочешь быть героем? Представь, что это мечта».

«Если бы я не знал, что ты шутишь — тебя ждала бы самая нудная лекция о самосохранении, какую только способен вынести детский разум», — проворчал Мартин, с легкой тревогой разглядывая восторженную девочку, замороженно разглядывающую звезду.

«Может ей прочитаешь?»

«Ей не поможет. Но, если ты не против, я правда хотел бы с ней поговорить».

— А кто-то уже пытался? — с деланным интересом спросил Мартин, проводя рукой по шершавой поверхности звезды.

— Пытался. Его зовут Крот.

— Почему «Крот»? — поинтересовался Мартин, надеясь, что не услышит подтверждения своей догадки.

— Потому что он слепой, — Риша посмотрела на него так, будто очень удивлена его недогадливостью.

— И слепой мальчик... полез на елку, высотой в пятиэтажный дом?..

— Ага. Его все в деревне дразнили, и он полез, чтобы доказать, что он тоже... может. И он добрался до вершины!

— Значит, мечта исполнилась и можно больше не геройствовать? — осторожно спросил Мартин, заворачивая звезду в пленку.

— Неа, он сорвался, когда крепил звезду и чего-то себе сломал. Он теперь редко выходит из дома. Я иногда прихожу к нему, книжки ему читаю. Мама у него добрая.

«Мартин, если ты еще раз спросишь меня, почему я не хочу гулять и с кем-то общаться — я тебе вот это припомню».

— Риша, мне показалось — только показалось, — что ты тоже хочешь закрепить эту звезду.

— Конечно, — удивленно вскинула она глаза. — А ты не захотел?

— Героями делаются не от самоубийственной смелости.

— Если бы ты не пришел вечером в лес хоронить Власа, я бы решила, что ты трус.

Мартин почувствовал, как нехорошо кольнула тревога. Вот только бы Вик не решил что-то доказывать!

Но Вик, к его большому удивлению, рассмеялся.

«Пусть трус, зато живой. И стесняться этого не стану, не бойся».

— А зачем становиться героем? О чем ты на самом деле думаешь, когда представляешь, как повесила бы эту звезду на макушку?

— Ну ты и глупый. Меня бы тогда любили. Может быть даже родители — знаешь, это ведь очень старая елка. И это — звезда нашего поколения. А у наших родителей, говорят, была другая. И они тоже когда-то мечтали...

Риша стояла и смотрела на то место, где они спрятали звезду тоскливым взглядом, нервно теребя рукава.

— Меня не любят, Вик. У меня в деревне нет друзей, зовут шлюхиным отродьем. Мама моя им не нравится, она в городе жила, потом дом купила... Ты просто не знаешь. Такое не прощают. Ты тоже не простишь. Просто ты не общаешься с деревенскими, не знаешь, как у нас принято.

— Плевать мне, как у вас принято, Риш. Я хочу быть твоим другом, и мне все равно, как твоя мать купила дом. Людей любят не за готовность залезть на елку и не за то, сколько их родители работали в огороде. Например мой папа алкаш, думаешь, мне стыдно?

— А за что любят?

— За то, какие эти люди есть. За то, что отличает их от других людей. А еще просто так. Я очень хочу быть твоим другом, но вряд ли эта дружба тебя порадует, если ты расшибешься, упав с елки.

— Вик, а ты правда хочешь...

— Правда, Риш. Только ради всего святого, пусть эта звезда лежит себе на земле, хорошо?

— Хорошо, — неожиданно светло улыбнулась Риша.

И подала руку, впервые будто застенчившись.

...

Мартин, как и обещал, жарил на кухне блины, тревожно прислушиваясь к звукам сверху. Впрочем, отец спал, и судя по пустой бутылке на столе, спать он будет еще долго. В бутылку вмещалось полтора литра, и вчера она была полной.

«А знаешь, Мартин, кажется, у тебя судьба такая — с какими-то несчастными детьми дружить», — отметил Вик, глядя, как растет стопка блинов на тарелке.

— Не худшая судьба. А вот то, что твой отец сожрал весь мед — плохо, — ответил Мартин, задумчиво вертя в руках пустую банку, покрытую жирными отпечатками.

«Что ты вообще о ней думаешь? Ну, о Рише?»

— Думаю это несчастная девочка, и она может найти себе серьезных неприятностей. Но она хорошая. И, наверное, будет тебе верным другом.

«Нам. Мы решили — вместе», — напомнил ему Вик.

— Да, ты прав. Нам... отличным другом.

«Как думаешь, может, выберемся ночью из дома, да сожжем эту несчастную звезду?» — предложил Вик.

— Нет. Во-первых, плохая идея идти ночью в лес зимой. Во-вторых, ты же слышал — это местная легенда. Они себе сделают другую, и будут лезть на эту елку, пока не родится какое-то странное поколение не авантюрных детей.

«Авантюрных...»

— Безрассудных.

«Слушай, как думаешь, а если кто-то залезет и звезду туда прикрутит — они же перестанут об этом мечтать? Им незачем станет».

— Вик, мы с тобой не станем думать за всю деревню детей. В лесу достаточно деревьев, с которых можно упасть, рек, в которых можно утонуть и диких зверей, которых можно встретить. Не то что бы я призывал тебя к равнодушию, но лезть на елку не нужно... Слушай, а к блинам у нас ничего и нет, но я тебе чаю заварил.

«Да мне и не нужно ничего. Хотя меда жалко... Слушай, Мартин, а, Мартин. Я знаю, с чем ты подумал, когда Риша рассказала про Крота».

Мартин молча домыл сковороду, вытер руки полотенцем и уступил Вику место. Он забрал чайник и тарелку и тихо прошел в комнату.

Он тогда подумал, что ему очень повезло, что Вик не занимается такой чушью.

— Все-таки хорошо, что я не стал дружить с другими детьми. Доказывать им еще что-то, а потом одному сидеть...

Мартин только вздохнул и покачал головой.

Он не мог требовать от Вика не делать выводы, к которым пришел сам.

Действие 10

Тени деревьев

*Людей погибель — в похвальбе,
В уверенности их в себе.*

Шекспир

На следующее утро произошло именно то, чего так боялся Мартин с самого лета — Вик проснулся больным.

Мартин тревожился не просто так. Во-первых, он помнил, что Вик болеет тяжело, может бредить при температуре и страдает от сильных головных болей. Во-вторых, Мартин припрятал банку меда и лекарства на такой случай. Еще летом ему удалось достать парацетамол и анальгин, что было нетривиальной задачей, ведь все лекарства покупались в городе. Отец запаса не имел, предпочитая лечиться алкоголем.

Но Мартин прекрасно понимал, что Вику нужна забота и нормальное лечение, а не дешевые таблетки, мед и его утешения.

Проем словно заволокло туманом. Мартин впервые не смог сам шагнуть в него, словно встретив непреодолимое препятствие.

«Вик, ты меня слышишь?..»

— Будто через вату, — просипел он в ответ.

«Не говори вслух, ладно? Береги горло. Помоги мне занять твое место. Судя по тому, что я чувствую себя сносно, ты в своей комнате не будешь болеть».

«Нет, не надо... Не хочу, чтобы тебе было плохо».

«Так этот туман здесь, потому что *ты* меня не выпускаешь?» — прошептал Мартин.

Снова безотчетный страх и липкая тревога сдавили горло. Он сделал шаг назад от порога и упал, запнувшись о кресло.

«Ты в порядке?» — раздался встревоженный голос.

«Да, прости», — пробормотал Мартин, вставая с пола.

Он сам не понял, что его так напугало. Впрочем, со своими чувствами он все равно предпочитал разбираться в свободное время.

«Дай мне хоть чай тебе сделать, согреешься», — предложил он, прислушиваясь к надсадному кашлю.

Вик, подумав, все-таки кивнул. В этот момент туман в проеме рассеялся.

Мартину не требовалось искать градусник, чтобы понять, что температура очень высокая и ее нужно сбивать. Мир качался и плыл перед глазами, с каждым движением у него возникало чувство, что он возвращается в проем — мир словно опрокидывался, он не чувствовал опоры и никак не мог заставить себя думать. Мысли расплывались раскаленным маревом.

Он подполз к краю кровати. Очень медленно встал, опираясь ладонями на кровать. Каждое движение требовало невероятных усилий и полуминутных передышек.

«Мне кажется, или тебе не стоит ходить на кухню за чаем?»

«Я сейчас выпью таблетки, подождем, пока они подействуют, хорошо?»

Он дошел до шкафа и достал со дна нижнего ящика завернутые в платок лекарства. Две таблетки парацетамола ему пришлось разгрызть и проглотить, потому что запить было нечем. После этого он лег обратно в кровать. Его била частая дрожь, одеяло казалось ледяным. Стоило закрыть глаза пришли разноцветные круги, лопающиеся, как мыльные пузыри и возникающие снова. В висках пульсировала тупая боль.

И вместе с болью все сильнее нарастал страх.

Что-то приближалось к нему. Черное, вязкое и холодное. Что-то страшное. Чужое. Опасное и неумолимое. Тянулось, заставляя горло сжиматься спазмом, и обжигая глаза. Оно тянется не из темноты, нет. Его страх живет в метели.

В белоснежном, воющем пространстве, кружащем крошку битого стекла. И оттуда...

Он провалился в спасительный сон раньше, чем успел понять, что ему не справиться с наступающей паникой.

Мартин проснулся через несколько часов. Горло по-прежнему болело, и ужасно слезились глаза. Но комната сохраняла очертания, и никакой метели и монстров в метели не было.

Вик спал. В комнате было тихо и темно, но с кухни доносились расплывающиеся звуки — кажется, проснулся отец. Мартин слышал звон посуды, хриплые ругательства, и с трудом различал густой запах чего-то жарящегося. Он чувствовал лук, чеснок и сливочное масло.

Будь Мартин один — он бы скорее перемотал себе горло колючей проволокой, чем пошел бы сейчас на кухню. Но его душил сухой, надсадный кашель, обжигающий горло. Его знобило и шатало от слабости, когда он пытался встать. Бросить Вика в таком состоянии он не мог.

Пришлось вставать, натягивать свитер и выходить из комнаты. Что-то смутно, безотчетно тревожило его, и Мартин быстро понял, что именно.

Ему предстояло впервые с самого лета заговорить с отцом. Последнее слово, которое он ему сказал, было: «Десять». Впрочем, он явно не скоро расстанется с этим человеком. Ему и так удавалось избегать отца месяцами.

Но, если он снова пьян и снова решит его избить — Вик может не пережить. Если им не удастся встать с постели, если он не сможет выпить воды, поесть, принять таблетку...

Нет никакой надежды, что отец что-то заметит и спасет его. По крайней мере, Мартин не стал бы на это полагаться.

Он почувствовал, как кашель сворачивается в легких в тугую, игольчатый клубок.

Нет, нужен чай. И лучше бы еще кусок сливочного масла, если оно не все в сковороде осталось.

— Здравствуй, папа, — ровно произнес он, стоя в проеме.

Отец сидел спиной и заслонял стол почти целиком.

— Ты хрипишь чего? — неожиданно спросил он.

— Простыл, — так же спокойно ответил Мартин, ставя чайник на плиту.

— Молока тебе вскипятить?

— Что?..

Если бы отец накинул себе на плечи скатерть как шаль, и сплясал бы ему канкан, Мартин точно удивился бы меньше.

Впрочем, он не повторил своего предложения. Он смотрел на стол совершенно пустыми глазами, и редкий проблеск сознания скорее был случайностью.

Мартин тихо, не делая резких движений, чтобы не потревожить алкогольной

медитативности отца, открыл холодильник. Сливочное масло и молоко там, к счастью, нашлись.

Кухню словно обволакивал мягкий туман. Мысли становились теплыми и сонными, руки слушались все хуже и хуже.

Мартин отчетливо понимал, что силы его покидают, и что вот-вот он согнется пополам от приступа кашля, потом ляжет на пол и уснет. И утром, скорее всего, не проснется.

Он вылил стакан молока в чистый ковш, добавил кусок сливочного масла и ложку соды.

— Не скрипи, твою мать, — донеслось из-за стола.

Мартин, прикрыв глаза, представил, как выливает кипящее молоко отцу на голову.

Когда молоко прогрелось достаточно, он вылил его в кружку, быстро ополоснул ковш и расставил на подносе чашки и чайник.

— Разобьешь — убью, — донеслось ему в спину.

Без угрозы. Без единой эмоции. Но Мартин точно знал, что если он разобьет хоть одну чертову чашку — отец не поленится его выпороть. И не пожалеет, несмотря на болезнь.

Закусив губы, он медленно поставил поднос на пол и осторожно толкнул.

В комнате он поставил поднос под кровать и, зажав нос, выпил маленькими глотками всю чашку молока не отрываясь. Едва успев поставить ее на под рядом с чайником, он провалился в сон.

Мартину снился один из его нечастых снов. В его сне не было горизонта и неба, только голубая, чистая вода, и непонятно откуда берущийся свет. Много, много света, и никакой темноты.

...

А Вику снился Мартин. Он сидел рядом, положив ладонь поверх одеяла. Кажется, он что-то рассказывал, и голос звучал не в голове, а рядом. И этот голос тоже зажигал огоньки — тихий, мягкий, уносящий за собой. Мартин гладил его по голове, и на его пальцах словно оставалась головная боль и липкий жар. Вику хотелось попросить его вытереть руку об одеяло, стряхнуть с себя то, что он забирал. Но что-то мешало ему. Что-то...

Мешало...

Когда Вик открыл глаза, за окном светило солнце. В комнате было совсем тихо. Словно не хватало чего-то очень важного.

— Мартин, ты живой?.. — с тревогой спросил он.

В ответ раздался хриплый стон:

«Да, кажется... кажется, живой. Тебе лучше?»

Такого тяжелого пробуждения у Мартина не было с тех самых пор, как он построил себе дом. Будто он не спал, а всю ночь копал ров или колот дрова. Мысли были сухими и шершавыми, царапающими изнутри.

Вик смотрел на старые электронные часы на столе и пытался понять, что с ними не так.

— Мы, кажется, сутки с тобой спали, Мартин. Но я себя совсем хорошо чувствую, только горло немного болит.

«Отлично. Сегодня мы с тобой сидим дома и читаем. А потом мы завтра сидим дома и читаем. А знаешь, чем мы займемся послезавтра?»

— Мы будем сидеть дома и читать? — с надеждой спросил Вик.

«Именно так. А теперь прошу тебя, умоляю. Там чайник под кроватью, даже я чувствую, как ты хочешь пить».

— Так это горло не болело, просто пересохло! Слушай, Мартин, давай поедим? Я даже

сырой картошки бы сейчас съел, или той твоей сторовшей манки.

«Это было один раз», — проворчал он, шагая в проем.

Первое, что он почувствовал, зайдя на кухню — запах. Теплый, сладковатый, очень знакомый. На клеенчатой скатерти на столе Мартин с ужасом увидел длинный разрез и несколько полосок подсохшей крови. На плите стояла белая кастрюля, покрытая красными отпечатками пальцев.

— Вик... лучше отвернись.

«Нет, я хочу знать», — неожиданно твердо сказал он, не отводя взгляд от окна.

Мартин, кивнув, подошел к плите. Кастрюля была закрыта разделочной доской вместо крышки. Очень медленно он понял доску и заглянул в кастрюлю.

— Черт. Это, кажется, акт отцовской заботы.

«Зато тебе не придется готовить — я передумал», — слабым голосом ответил Вик.

В кастрюле плавала в мутной серой жидкости вареная курица. Отец, кажется, решил приготовить больному сыну бульон, зарезал курицу и сварил ее. Не позаботившись о том, чтобы ошипать и выпотрошить. На поверхности «бульона» плавало несколько пестрых перьев и хлопьев свернувшейся крови.

— Вик, мне нужен твой совет.

«Правда? Есть я это не стану».

— Мы можем отдать курицу собакам, помыть кастрюлю и решить, что та моя манка была не так уж и плоха. Но я боюсь, твой отец проснется и спросит, где курица.

«Скажем как есть...»

— Я бы не очень хотел рисковать, — тактично ответил Мартин, зябко поводя плечами. — В общем, можем оставить как есть. Но если он напьется и придет тебя этим поить...

«Давай сольем бульон и оставим курицу?»

— Ты прав. Да за что мне это все...

Он с трудом наклонил кастрюлю над раковиной. Из бульона показалась серая куриная лапа с черными когтями, скорбно указующая куда-то на потолок.

Мартин вернул кастрюлю на конфорку и тщательно вымыл раковину.

...

Это были хорошие дни. Несмотря на болезнь, на слабость и все еще отдающийся болью кашель. Курица исчезла куда-то вместе с кастрюлей и Вик, и Мартин единодушно решили сделать вид, что никакой курицы не было вовсе.

Время тянулось медленно, мягко и тепло. Никто их не тревожил, никто не стучал в калитку и не высаживал дверь в комнату. Отец словно вовсе забыл о его существовании, и это устраивало всех троих.

Они читали. Сам Вик читал с запинками и ни за что не осилил бы «Графа Монте-Кристо», с его желтыми страницами и маленькими буквами. Но в те дни они дочитали книгу, начиная в утреннем белоснежном свете и заканчивая в желтом полумраке керосиновой лампы. Мартин не просто достал эту историю из книги, он рассказал ее так, как не смог бы больше никто — нарисовав ее голосом и огоньками, подарив ей особую жизнь.

— Ждать и надеяться, — сказал он, закрывая книгу, и начертил эти слова в воздухе.

«А почему он не хотел подождать и понадеяться, что они сами как-нибудь себя накажут?»

— У человека от свалившихся на него свободы, возможностей и богатства немного... помутился разум, — тактично ответил Мартин. — Спать?

«Давай завтра сходим поищем Ришу? А то она снова обидится...»

— Почему нет, — пожал плечами Мартин. — Давай сходим, хватит сидеть дома...

«Я письмо Лере написал, ты видел?» — спросил Вик, укладываясь.

— Нет, я не читаю твоих писем. Хочешь завтра и отнесем? — улыбнулся Мартин.

«Да... Я написал, что нашел себе друга. А про Ришу не смог... ну, как будто я сестру так... предаю», — тихо закончил Вик, чувствуя, как притаившаяся тоска снова сжала горло.

— Ты никого не предаешь. Ведь ты не ищешь ей замену, и не пытаешься ее забыть. Я знаю, что ты очень любишь сестру, и она тебя, я уверен, тоже. Ты просто живешь здесь, а она — там. Никто не станет укорять тебя за то, что ты заводишь себе друзей.

«Мартин, я не люблю мать».

— Я... знаю.

«Это значит, что я плохой человек? Неблагодарный? Или не умею любить?»

— Нет, не значит. Так... бывает иногда.

Сам Мартин не знал, какие чувства испытывать к женщине, которая отказалась от сына так же легко, как другие отдают прочитанную книгу или надоевшую вещь. Но вещь отдают потому, что она стала не нужна. А Полина любила сына и нуждалась в нем. Мартин видел это в ворохе обрывочных воспоминаний Вика, которые ребенок не мог осознать.

Зеленое платье. Бормотание у кровати — мать читает ему книгу, и Вика не раздражает ее голос. Запах жарящихся оладий, чистые занавески на вымытом по весне окне, уши плюшевого зайца, торчащие из кармана клетчатого пальто — Мартин видел, что она любила или пыталась любить сына. Что Вик пытался любить мать.

И может, у них бы получилось.

— Тебя тревожит, что ты ее не любишь.

«Нет».

— А это тебя тревожит?

«Да», — признался Вик, прислушавшись к своим чувствам.

— Иногда... иногда нам не дано любить тех, кого мы должны любить. А иногда эти люди и не заслуживают, чтобы их любили. Так тоже бывает. Но это не значит, что ты не можешь делать то, что делал если бы любил, понимаешь? Ты можешь быть чутким, если захочешь. Можешь делать то, что должен делать хороший сын. И может быть, однажды ты полюбишь ее. Когда у тебя будет больше времени.

«Мартин... мне... тревожно. Ты меня поймешь, я знаю, ты ведь тоже... старший. Я не просто не люблю свою мать. Я ей не верю. А Лера с ней осталась. Ведь случись что она и ее предаст, правда?»

Мартин задумался. Он знал честный ответ на этот вопрос, жестокий и беспощадный — предаст. Потому что мать Вика не способна сопротивляться. Потому что у нее нет своих интересов, принципов, целей, желаний... будто пустое тело пустили жить, забыв наделить его душой. Тогда как Вику досталось сразу две.

Он закрыл глаза и вспомнил запах весеннего ветра из открытого окна, пропущенный через белый тюль с колкой свежестью стирального порошка. Вспомнил зайца и клетчатое пальто. Может, он несправедлив к этой женщине. Может, Вик к ней тоже несправедлив.

А может, любовь вовсе не в зайцах и занавесках.

— Я помню, что Лера умная девочка. У нее нет стремления влипать в истории,

оказываться там, где ее могут обидеть. А ты к ней вернешься однажды, это обязательно произойдет. И тогда ей будет больше нечего бояться. А до тех пор давай надеяться, что все будет хорошо. Она пишет тебе такие милые письма, делает цветы их бумаги — значит, она в порядке. И тоже помнит о тебе.

Вик закрыл глаза. Тоска отступала, снова притаившись где-то. Мартин не мог ее прогнать насовсем — это значило бы заставить Вика разлюбить свою сестру. Но тоска перестала душить и кусать. И скользкое, холодное чувство сомнения, призрак совершаемого предательства отступило тоже.

Засыпая, Вик чувствовал, что Мартин не спит. Он никогда не засыпал первым.

За секунду до того, как явь окончательно потерялась в черном сонном тепле, Вик подумал, что очень хотел бы, чтобы и у сестры был кто-то, кто позаботился бы о ней. Пусть это даже будет не он.

...

Утром белоснежный свет споткнулся о занавески и рассеялся в них серой дымкой. Вик смотрел на этот свет и улыбался. Ему снился хороший сон.

Недавно Мартин начал вырезать ему корабль из просушенного березового полена. Вик часами мог заворуженно наблюдать, как из дерева возникает светлая, степенная каравелла. Его собственные руки, делавшие то, что он никогда бы не смог сделать, были странным зрелищем. Но оно почему-то успокаивало. Инструменты, назначения которых Вик не знал, Мартин нашел на чердаке, и теперь к волшебству их желтых вечеров, полных лампового света, прибавился теплый запах деревянной стружки и тихий шорох наждачной бумаги.

Этот-то корабль и снился Вику. Такая же недостроенная, но большая, настоящая, каравелла стояла на причале. Море было полно розовой, смешавшейся с закатным светом, воды.

Мартин стоял рядом с ним и держал его за руку. Они оба смотрели на корабль, слушая, как волны спотыкаются о борта.

— Ты поплывешь на нем туда? — спросил он Мартина.

— Там сейчас никого нет. И каравелла не годится для такого путешествия. Нет, этот корабль — для нас с тобой.

— Но он... тонет?

— Ему нужно больше времени, чтобы утонуть, — глухо ответил Мартин.

Вик проснулся, и еще несколько минут чувствовал пахнувший солью ветер на лице и горячее, сухое касание руки Мартина. Это был правильный мир, там, во сне. Интересно, куда собирался Мартин, что туда нельзя было добраться на каравелле? Ведь он рассказывал, что именно на каравелле Колумб приплыл в Америку. Во сне было понятно.

«Куда ты собрался плыть на каравелле?» — раздался сонный голос Мартина.

— Не знаю, мне снилось, что мы стоим на причале и ты уверенно мне так говоришь, что куда-то *туда* собираешься когда-то *потом*. Вот и скажи мне, куда ты там намереваешься отправиться.

«Видимо, погулять в темноте вокруг своего дома. А мы с тобой собирались искать Ришу, поэтому предлагаю чай и воссоединительную миссию».

— Пойдет, — улыбнулся Вик, откидывая одеяло.

Они, как и каждое утро, убрали на кухне. Это стало уже привычным ритуалом — Вик любил порядок, и Мартин разделял его стремление. Не разделял отец, но они оба давно ждали от этого человека только чтобы он как можно меньше участвовал в их жизни и не

забывал класть в холодильник хоть какие-то продукты. Вик, еще недавно так тянувшийся за его любовью, теперь испытывал только стылое разочарование. И обиду, потаенную, детскую, неотступную.

Спустя полчаса они вышли на улицу. Солнце падало на снег, наполняя весь мир белоснежным, искрящимся светом. Предчувствие чего-то хорошего не покидало Вика с самого пробуждения, и он улыбался, подставив солнцу лицо.

— А знаешь, Мартин, не так уж и плох этот мир.

«Он вовсе не плох. Пойдем к дереву? Может там у кого-нибудь спросим, где Риша», — с улыбкой ответил он.

— Может на Гору, где все дети собираются?

«Ты помнишь, как ее в деревне называли? Давай лучше к дереву, там должен быть хоть один мечтательный ёлколаз. Если нет — пойдем в деревню и там спросим».

— Хорошо...

А на улице солнце, снег и оглушительно поющие птицы. Воздух наполняет легкие и мысли, колкий и звенящий. В такой день, под этим солнцем не может случиться никакой беды!

Никакого зла.

Никакого зла не бывает вовсе!

Вик впервые подумал, что хочет сделать что-то детское. Безумное. Бежать, не разбирая дороги, раскинув руки. Смеяться просто от того, что в сердце — пустота, белая и чистая. Мартин, который почувствовал эйфорию друга, сжимал косяк и молчал. Его встревожила ее легкая истеричность, но вместе с тем он боится спугнуть неожиданное счастье неосторожным словом. Все-таки Вик с каждым днем все больше и больше становится похож на нормального ребенка.

— Мартин, там стук с полянки, где елка?

«Да... Вик, иди потише, мне не нравится этот звук».

Вик кивнул, почувствовав тревогу друга. Впрочем, она не сделала солнце тусклым и не заволочла небо тучами — день был по-прежнему прекрасен.

«Может я?..»

— Давай, — легко уступил Вик.

Даже если там нет никакой опасности, а ее просто не может там быть — ему хотелось поделиться с Мартином этим днем.

А Мартину было не до прекрасного зимнего утра. Он знал, что увидит на полянке еще до того, как достиг окружавших ее кустов. Стук сопровождал ритмичный звон.

Рядом с деревом стоял мужчина. Высокий, черноволосый. Мартин его раньше не видел. Мужчина был широкоплечим, его спина, казалось, окаменела. И он ритмично, идеально выверенными движениями, рубил ель. Вековое дерево умирало под его топором, разбрасывая щепки по белоснежному снегу.

Мартин подумал о том, что нужно развернуться и уйти. Но он остался стоять, разглядывая мужчину.

В морозном звоне раздавался терпкий запах еловой смолы.

У мужчины был волевой подбородок, темные глаза с тяжелыми веками, тонкая, почти незаметная линия сжатых губ и черная щетина на щеках.

— Что вы делаете? — спросил Мартин, выходя из-за куста.

— Что, еще один альпинист? Можешь идти домой, нет больше елочки.

У мужчины был низкий и хриплый голос. Очень усталый. Вокруг него были разбросаны разноцветные щепки, серебриющиеся на солнце остатками фольги.

Звезда.

— Кто-то упал, да? Вы отец?

— Отойди, мальчик, — вместо ответа приказал он, бросая топор на землю рядом с несколькими срубленными ветвями.

Постояв несколько секунд, он ударил ногой по стволу. Движение получилось резким, рассчитанным и фатальным. Окруженное шорохом и треском, дерево упало на землю, очертив зеленую стрелку на снегу.

Мартин подошел к ветке, и незаметно сунул в карман блестящую птичку, оказавшуюся сверху. По всей полянке были разбросаны щепки.

«Я знаю, кто упал, Мартин», — едва слышно сказал ему Вик.

Этому мужчине удалось погасить солнце, ни сказав ничего важного.

— Скажите, кто упал? — тихо и настойчиво повторил Мартин, подходя к нему.

— Моя дочь. Ира. Знаешь ее?

— Я ее друг. Она жива?

— Она мне ничего про тебя не рассказывала, мальчик.

— Я помогал ей хоронить Власа, — сказал Мартин, глядя мужчине в глаза.

Он помнил полоски от ремня, которые показала ему Риша. Мартин видел человека, избившего свою дочь за то, что она похоронила друга. И пришедшего вымещать злость на дереве, с которого она упала.

— Жива. Сильно ушиблась, и вряд ли скоро встанет с постели. Зачем она полезла?.. — риторически спросил он, пиная ствол.

— Риша хотела, чтобы ее полюбили, — ответил Мартин. — Она говорила, вы тоже знаете об этом... ритуале.

Он поднял на него тяжелый взгляд. Глаза его, темные и холодные, налились кровью.

«Мартин, зачем ты его злишь?..»

«Он ничего нам не сделает».

— И поэтому полезла? — неожиданно спокойно спросил мужчина.

— Я не знаю, спросите у нее. Можно мне с вами?

— Куда?

— Я хочу ее проведать. Пожалуйста.

«Он не разрешит...»

— Пойдем, — пожал плечами мужчина, поворачиваясь к нему спиной.

Он шел, не оглядываясь и не подстраиваясь под шаг мальчика. Мартину удавалось успевать за ним, не срываясь на бег.

«Не бойся, я уверен, с ней все будет в порядке».

«Она полезла... нужно было сжечь звезду...»

«Вик, проблема не в звезде, а вот в нем. И еще целой деревне предвзятых людей. Слушай, он странный какой-то, тебе не кажется?»

«Кажется. Сначала бил ее, а потом елку пошел рубить...»

Дом, к которому они подошли, был выкрашен светло-голубой краской. На территории было чисто, цепные собаки выглядели сытыми и ухоженными. Мартин разглядел баню, сарай, большой курятник, и торчащие из-под снега цветные рейки в том месте, где летом был огород.

— Как тебя зовут, мальчик? — спросил его мужчина, открывая дверь в дом.

Из открытой двери дохнуло теплом и запахом выпечки. Но от чего-то дом все же выглядел недружелюбным. Мартина встретила темная, почти пустая прихожая, с выкрашенными в белый стенами, несколько закрытых дверей и широкая лестница из светлого, отполированного дерева.

— Виктор, — привычно ответил Мартин.

— Значит так, Виктор, громко с ней не разговаривать, долго не сидеть, занавески не открывать, про елку ей не рассказывать, все понял?

— Да.

— Тогда второй этаж, зеленая дверь, в другие комнаты не заглядывать.

«Вик, пойдешь?»

«Давай ты? Она болеет, а у тебя... хорошо получается», — попросил Вик, вспомнив, как Мартин приснился ему во время болезни.

Мартин, пожав плечами, толкнул дверь. Зеленую, другие он и не думал открывать.

В комнате было совсем темно. Пахло хлоркой. Пол был идеально чистым, вдоль стен тянулось несколько пустых полок, под окном с плотными серыми занавесками стоял стол, тоже пустой и табурет.

Кровать была задвинута в угол, где было меньше всего света. Мартин тихо подошел к столу, перенес табурет к кровати и сел рядом.

Риша, кажется, спала. Он не решился ее будить. В темноте она выглядела очень несчастной — бледной, больной и похудевшей. Ее рука, до которой он дотронулся, была совсем холодной.

«Она, кажется, сильно ушиблась... Слушай, Мартин, мне кажется нужно разбудить».

— Зачем? — шепотом спросил он.

«Слышал, как ее отец разговаривает? Будто приказы раздает. Ей, наверное нужно, чтобы кто-то... ну, знаешь, по-доброму с ней поговорил».

— Ладно... Риша? Риш, проснись, — тихо попросил он, сжимая ее пальцы.

Она медленно открыла глаза и несколько секунд смотрела в потолок.

— Вик, это ты? Ты как тут оказался? — хрипло спросила она.

— Папу твоего встретил на улице. Как ты?

— Плохо... больно очень, — слабо улыбнулась она.

— Ты скоро поправишься, — пообещал Мартин.

— Я приходила, твой папа меня прогнал. Сказал, что ты выйдешь, когда посчитаешь нужным. Я думала, ты меня не хочешь видеть...

— Я простыл, не мог с кровати встать. И отец об этом знал. Как только я смог — пошел тебя искать. Риш, я же обещал, что мы будем друзьями. Ты мне не поверила?

— У меня не было друзей никогда... Я думала, так надо... ну, знаешь, чтобы я что-то значила...

— Ты значишь. Только совсем не потому, что полезла на дерево. И не потому, что с него упала.

Он провел кончиками пальцев по ее лбу от виска к виску. И почти почувствовал тяжелую, пульсирующую боль.

— Чем ты занимаешься, когда не спишь, Риш?

— Смотрю в потолок... мне не разрешают читать. Мама меня кормит и дает лекарства. Папа иногда заходит. Сказал поправлюсь — выпорот...

«Мартин, зубы, Мартин! Разожми их...»

— Хочешь я тебе почитаю? Я могу приходить к тебе каждый день, если хочешь. Чтобы ты не скучала, — спросил Мартин, ничем не выдав своих чувств.

— Тебе со мной скучно будет, я часто засыпаю...

— Вот и хорошо. Тебе нужно много спать.

— Мне снились журавли. Я их видела на картинке в книге. Там были такие странные стихи, без рифмы, из трех строчек. И много картинок с журавлями... Мне птицы часто снятся. Они красивые...

— У меня как раз для тебя подарок. Смотри, — он достал из кармана блестящую птичку.

— Ты...ты ее достал?.. — прошептала она, забирая фигурку.

— Она упала. Наверное, когда ты лезла на елку.

— Вик, ты меня обманываешь. Скажи честно, отец елку срубил, да?

— С чего ты взяла?

— Он так всегда... если у меня какая-то беда... Как-то меня укусила собака, он ее застрелил. И меня выпорол, потому что я с ней была рядом. Я чуть не упала из окна с чердака — он забил досками окно и дверь на чердак...

— Да, Риш, он срубил елку, — не стал отпираться Мартин. — Но он просил тебе не говорить, потому что ты расстроишься.

— Он просил не говорить, чтобы, когда он отведет меня к пню, показать, что он для меня сделал... ну, благодарность, понимаешь?

— Нет.

— Он как бы... защищает меня. Это такая любовь, наверное... Ты не думай, он вообще-то хороший человек. Просто боится за меня.

— Я не думаю, что он плохой, Риш.

«Ох Мартин, ну ты врать», — почти восхищенно прошептал Вик.

— Вик, а... а почитай мне? Сказку... или лучше стихи, короткие, я засыпаю. Можно детские, ну хоть какие-нибудь...

— Каждый вечер деревья
Падают в тени деревьев,

— сообщил ей Мартин, поправляя одеяло.

Его душила злость. Методы воспитания отца Риши казались ему простой жестокостью. Ему было очень жаль девочку, а собственное бессилие делало эту жалость еще более острой. Но Мартин читал ей, рисуя кончиками пальцев узоры на одеяле. И ни голос, ни дрожащие руки его не выдавали.

— Зелено-серые тени,
В листьев шуршащей пене.
Что-то уходит несмело
В розовый сумрак закатный,
То, что жило и пело,
Станет вечерней прохладой.

И свет горизонт окутал,
Падает день в свои тени.
Он, тишиною напуган,
Шороху листьев внемлет.

Риша спала и, кажется, чему-то улыбалась во сне.

«Пусть тебе приснятся журавли», — пожелал ей Вик, зная, что Риша не услышит.

И что это не требуется.

...

«Мартин, что нам делать?»

Мартин сидел на кровати и мрачно смотрел на зажженную керосиновую лампу. Читать обоим сегодня не хотелось. Перед ним на одеяле были разложены две тонкие деревянные рейки, моток ниток и несколько листов бумаги.

— Видимо, ходить к ней и читать.

«Ты... ты злишься, да?»

— Да, я злюсь. Для нее я не могу сделать того, что делаю для тебя. Ее отец не из тех, кого можно переубедить. Она так равнодушно говорит об этом. Словно это, черт возьми, нормально!.. Хотя может так и лучше. Смирение в ее ситуации может быть милосердным.

«Ты... ты что делаешь?»

Первый бумажный журавлик был большим, с ладонь. Второй совсем маленьким. Мартин быстрыми движениями делал третьего, среднего.

— Это... оберег? Игрушка? Не знаю, как сказать. Если ей нравятся птицы, если они ее успокаивают — подарим ей. Может, отец выкинет, видел, у нее же совсем пустая комната... А может разрешит оставить, тогда у нее будут ее журавли.

«Здорово!» — искренне восхитился Вик.

Ему хотелось сделать для Риши что-то хорошее, но у него хуже выходило придумывать.

«А что ты ей читал? От кого я слышал эти стихи?»

— Ни от кого, — смущенно признался Мартин, делая четвертого журавля. — Это мои. Просто я ничего короче не вспомнил.

«Ты... сочиняешь?..»

— Да. Если хочешь — не буду больше тебя позорить, — слабо улыбнулся Мартин.

Тусклый свет, монотонная работа и несодержательный разговор заставили злость отступить, оставив на ее месте царапающую тоску.

«Нет, ты что... Мне... правда понравилось. А почитай еще раз?»

Мартин соединил рейки нитками. Получился крест. Он привязал к нему несколько ниток на разной высоте. Красные нитки свисали со светлого деревянного креста.

— Завтра возьму иголку и прикреплю журавлей, не за шею же их вешать... — задумчиво произнес он, вставая с кровати и раскладывая работу на столе.

Он погасил лампу и комнату затопила темнота. Когда он лег в кровать, темнота затопила и его — он вернулся к себе, оставив Вика засыпать.

«Каждый вечер деревья падают в тени деревьев», — тихо начал он, касаясь проплывшей мимо рыбки.

Действие 11

Чародей

Если мы можем сделать человека счастливей и веселее, нам следует это сделать в любом случае, просит он нас о том или нет.

Г. Гессе

Новогодние праздники промелькнули быстро. Елку наряжать ни Мартину, ни Вику не хотелось, поэтому ночью Мартин зажег вокруг лампы пару десятков мушек-огоньков. Как раз к праздникам он закончил каравеллу, снабдив кораблик белоснежными, прошитыми грубыми серыми нитками парусами. Мартин объяснил Вику, что такая каравелла называется «редонда» и отличается от «латины» прямыми парусами. На одном из парусов на фок-мачте был вышит красными нитками вензель «V». На борту кораблика располагалась небольшая дощечка.

«Это для названия. Тебе снова придется давать имя», — улыбнулся ему Мартин.

— Спасибо! — слово полыхнуло благодарностью в полумраке комнаты. — Я... я не знаю, как дарить тебе подарки, но я... честно сказать я нашел на чердаке, это, кажется, книга дедушки, маминого папы... Не знаю, как она сюда попала... В общем вот.

Обложка книги была покрыта темными пятнами, похожими на кофейные. От страниц едва уловимо пахло плесенью. Но для Мартина таких условностей не было.

«Морские деревянные суда», значилось на обложке рядом с нарисованным трехцветным форштевнем.

Кораблик был назван «Фараон». Мартин, полиставший книгу, обещал Вику к лету голландский флейт.

Мартин доделал подвеску с журавлями для Риши, и ее отец помог забить рейку рядом с кроватью.

Пока в комнате нельзя было включать свет, Мартин рассказывал сказки, а Вик молча наблюдал, как Мартин, увлекшись, рисует в воздухе образы, которых Риша видеть не могла.

Сначала Риша и правда часто засыпала. Мартин дожидался ее пробуждения и продолжал сказку с того места, с которого она помнила. Так сюжет сказки менялся до четырех раз за вечер.

Ее родители быстро перестали замечать гостя — дети сидели тихо, и Риша действительно начала быстрее поправляться.

Как-то они засиделись допоздна. Вик рассказывал Рише про город, в котором жил. Про снег, про высокие дома, светящиеся желтыми окнами в темноте, про детские площадки, огороженные черными коваными заборами. И неожиданно для себя самого, о сестре. Риша слушала его, улыбалась и говорила, что хотела бы подружиться с Лерой. Вик чувствовал к ней все большую симпатию.

Комната медленно тонула в сумерках, и в один момент все трое оказались в крошечной темноте.

Вик включил небольшую лампу на столе. Лампочка была белой, и свет ее казался тревожным. Но она едва светила, и кровать Риши оставалась в полумраке.

Стоило раздаться тихому щелчку лампы, как за дверью послышались тяжелые шаги.

Протяжно скрипнула дверь, и от Вика не укрылось, как скривилась от резкого звука Риша.

На пороге стоял ее отец. Вик почувствовал, как звякнула тревога — его собственная. Мартин был спокоен.

Вячеслав Геннадьевич, как его представила Риша, стоял на пороге с двумя кружками чая.

— Мне нужно еще полчаса, потом я тебя провожу. Нечего по ночам таскаться, — сказал он, отдавая Вику кружки.

— Мне далеко идти... до хутора...

— Потому и провожу, — отрезал он, закрывая дверь.

— Видишь, я же говорила — он заботливый. Расскажи сказку. Про любовь, — просила Риша, садясь на кровати, и глаза ее горели уже не лихорадочным огнем, а простым детским любопытством.

«Мартин, а можно в твоей сказке про любовь никто не умрет?» — спросил Вик, уступая Мартину место.

«Я виноват, что большинство старых сказок про то, как кто-то умер?» — улыбнулся Мартин.

— Жил на свете чародей. Обычный чародей, не похожий на седобородых волшебников, давно растворившихся в своих книгах, заменивших себе утренний туман паром над ретортами, и разложивших на волны и отрезки солнечный свет.

«Мартин, скажи мне что это не тот ужас про фею Мелюзину?»

«Нет, Вик, это другой ужас».

— Этот чародей был совсем молод и много путешествовал, совсем не пресытившись красотой мира. Таких, как он, в тех краях звали «ворлоками». И постепенно он забыл имя, которое когда-то дала ему мать, и звал себя просто Ворлок.

«Что за слово такое? Смешное...»

«Кажется, это значит „чернокнижник“ по-английски. Не спрашивай, откуда я знаю — я понятия не имею».

«Какой ты умный, жуть».

Мартин сел к столу и подвинул лампу к краю. Поводил рукой перед ней, и на стене плеснули серые волны тени. Он удовлетворенно улыбнулся. Не нужно огоньков.

— В городах никто не обращал на него внимания: было полно чародеев куда более могущественных. В селах его побаивались, но всегда находили работу. Чаще всего смешную — мышей из подвала прогнать, грыжу корове заговорить, успокоить расшалившуюся мелкую нечисть или сотворить фонарь, чтобы светил над полем в безлунную ночь... И хорошо ему жилось. Не боялся он дорожной пыли и, если у него не бывало коня, путешествовал пешком. Не боялся волн, лижущих круглые бока простеньких корабликов, которые строили люди в тех краях, где он чаще всего путешествовал. Ни солнца, ни ветра, ни пустынь, ни снегов не боялся молодой чародей. Случалось ему спать на корме пиратской ладьи, случалось бежать по ночному лесу от сбесившегося барга, случалось не есть по неделе и умирать от свалившей простуды осенью в шалаше у ручья. Любой обычный человек, верно, погиб бы, но Ворлок был не таким. Его от любого другого путешественника отличали две вещи — он был чародеем, и он был поэтом. Колдовство помогло ему спастись от барга — стоило ему остановиться, как три его тени бросились в разные стороны. За одной из них и погнался барг, а Ворлок смог скрыться. Простуду он вылечил, заговаривая отвары трав, которые собирал у реки, а пираты не тронули его, потому что он умел улыбаться особенной улыбкой,

касаясь сердца человека. Капитану от этой улыбки он показался похожим на его погибшего младшего брата, которого он очень любил.

Тени метались по стене, то плескаясь штормом, то трепеща угасающим огоньком свечи.

«Мартин, твои сказки нужно читать людям, которые собираются топиться».

«Зачем?»

«Они точно поймут, что сделали правильный выбор, но поедут топиться в море».

«Вик... ты помнишь, что случается с мальчиками, которые много умничают?»

«Они топятся в море?»

«Нет, они рассказывают сказки сами».

Впрочем, Мартин на шутки не обижался, и Вик это чувствовал.

— Эй, ты там что делаешь, горюешь о младшем брате капитана? — спросила Риша, махая рукой перед его лицом.

— Нет, вспоминал, что случилось дальше. Так вот. Дар поэта помогал ему видеть прекрасное во всем. В любви разбойника и убийцы к своему брату, в луне, залившей темный лес и в особом воздухе, который льется в легкие только в те минуты, которые могут стать последними в жизни, и даже в удушающей кашле и горячем отваре с горечью трав — ведь с ним возвращалась жизнь. И скорее чародей позволил бы отрезать себе руку, чем согласился бы расстаться с одним из двух этих подарков судьбы. Но как это часто случается, именно то, что дорого нам больше всего, нас и покидает.

«Мартин, да что с тобой делать! Тебе кто-нибудь говорил, что сказки должны быть добрыми?!»

«Это добрая сказка. Но если тебе не нравится, мы будем читать про Курочку Рябу. И про репку. А еще я расскажу тебе совершенно прекрасную историю о том, как двое стариков оказались обречены на голодную смерть, потому что шар из теста, которое они сделали из последней муки...»

«Я понял, я молчу...»

Риша смотрела на него, прижав колени к подбородку. На ее лице блуждало знакомое Мартину выражение — это был транс, в который впадали все здешние дети, слушавшие сказки.

— Ворлок нанялся на корабль, идущий на север. Там жили особые воины, чье название перекатывалось рыком разъяренного барга — Берсерки. Говорили, будто они впадают в неистовство так же легко, как ребенок радуется солнцу. Но Ворлок знал, что у них есть особое зелье, позволяющее не чувствовать ни усталости, ни боли. А он любил диковинные зелья, а еще любил путешествия и никогда не видел той суровой северной страны. Он был готов к любой неожиданности — схватке с морскими разбойниками, холоду, голоду и болезни. Но у судьбы всегда множество сюрпризов. Кормчий корабля вез домой свою младшую сестру. Он выдал ее замуж за сына ярла, с которым они прошли не одну битву, не один поход, и не бывало такого, чтобы они возвращались с пустыми руками, и чтобы ярл оставлял своего кормчего обиженным добычей. Когда он зашел в порт, где оставил сестру, в следующий раз, ему бросилась в объятия девушка, и он не сдержал горестного вздоха — она похудела, взгляд ее погас, а красота поблекла. Ему не требовалось даже слушать слова, которые она произносила — кормчий знал, что не даст ей вернуться к мужу. И теперь он вез сестру обратно.

Тень на стене вздрагивала в такт биению сердца. И вдруг замерла, осела на пол, потерявшись в темноте.

— Они что, утонули? — спросила Риша, заворачиваясь поплотнее в одеяло.

Пустая чашка стояла рядом с ней на кровати. Мартин встал и переставил ее на стол. Потом вернулся, сел на край кровати — больше теней ему было не нужно. Покачал головой.

— Ей несладко приходилось на корабле: девушка страдала от жестокой качки, к тому же боялась товарищей брата, вздрагивая от голосов, смеха и песен. Ворлок чувствовал в ее душе черную смолу горечи и отчаяния. Может, будь он седобородым волшебником — сумел прогнать ее. Может, будь он ведьмой — сумел бы сказать ей, как дышать сквозь эту смолу, превращая отчаяние в силу. Но он не мог. Он заговаривал воду, которую она пила, и девушка не страдала от качки, а по вечерам давал ей теплую воду с несколькими каплями зелья, успокаивавшего душу и дарившего светлые сны. Путешествие было длинным, и их дружба становилась все теплее. Все чаще он менял волны, небо и линию горизонта на мягкий сумрак ее каюты. Эта дружба могла бы стать просто теплым эпизодом в жизни обоих, но корабль попал в шторм.

«Она простудится и умрет, а он с горя утопится в море?»

— Да что с тобой делать! — забывшись, усмехнулся Мартин, и тут же осекся. — Море бывает столь же жестоким, сколь и прекрасным, — продолжил он, надеясь, что Риша ничего не заметит. — Волны казались Ворлоку выше гор, которые он когда-то видел. Каждая из них, упав на корабль, разметала бы его в щепки. Вокруг клубилась черная вода, ярл первый сел за весла, но усилия команды были тщетны. Вскоре они перестали грести. Он видел в лицах мужчин переход за Кромку. Они подставляли Смерти лица, как иные подставляют теплему весеннему ветру. Он и сам не боялся смерти — однажды они должны были встретиться. Чем помочь погибающему кораблю и себе — Ворлок не знал. Он вспомнил, как заговаривал паруса корабля одного капитана — он сказал, что ему нужны паруса, отрицающие воду. Чародей горько себя укорил за то, что не сделал этого для ярла.

Отец Риши не торопился. Мартин чувствовал, что сам начинает замерзать и его клонит в сон, но он был твердо намерен закончить сказку.

— И в тот самый момент, когда он хотел сесть на палубу и отдаться судьбе, он вспомнил о девушке в каюте. Неужели свет ее погас вместе с немилым браком, и теперь она не увидит родного берега, и не будет счастлива уже никогда? Она не верит в Чертог, ее не ждет славное воинское посмертие, и мудрое, чародейское. Девочка боится боли и смерти, потому что женщины все же мудрее мужчин с их, бывало, безрассудной, самоубийственной храбростью. Они смотрят смерти в глаза и читают там правду. Он не был седобородым волшебником, иначе море утихло бы под его рукой, как ласковый кот. Он не был ведьмой, иначе нашел бы теплую, успокаивающую ложь, чтобы девушка умерла спокойно. Он был чародеем, ворлоком. Корабль трещал, умирая. Трещала мачта, рвался мокрый огненный парус, и канаты такелажа лопались один за другим. Ворлок обнял мачту, прижался к ней и закрыл глаза. Это он умирал. Его ребра трещали под ударами волн.

— Сказки же обычно заканчиваются свадьбой? — тихо спросила его Риша.

Ее клонило в сон, но она хотела дослушать историю.

«Что она понимает в сказках, правда, Мартин?»

«Вик, представь себе, что я на тебя укоризненно смотрю и постыдись».

«Кажется, мне отказывает воображение».

— В сказках еще нарушаются запреты... В его горло море забивало горькую воду. Это его крылья ломал ветер, и его жилы рвались от напряжения. Черная, мучительная агония захлестнула его разум. Но кораблю нужно было продержаться, не развалившись. Сначала

один из гребцов заметил, как зарастает прореха на парусе. Как срывается такелаж и как выпрямляется согнувшаяся мачта. Некогда было думать, Боги ли послали эту милость, или это чужеземный колдун, вытаскивает корабль из бездны. У них был шанс, и ради него нужно было налечь на весла. Они пережили этот шторм. Ладья качалась на тихих волнах, спали обессиленные гребцы, а сестра кормчего, надрываясь, тащила в каюту колдуна.

«Кто такой кормчий, кстати?»

«Лоцман».

«Мартин...»

«Тот, кто прокладывает путь», — исправился он.

— Он очнулся через несколько дней в кромешной темноте. Вытянув ладонь вперед, он хотел зажечь свечу, чтобы оглядеться, но его накрыл такой ужас, словно он собирался броситься в костер. Уже тогда он, с безысходным отчаянием, понял, что больше никогда не сможет колдовать. Память о боли, которую он пережил, больше никогда не даст ему даже зажечь свечу с помощью магии. «Я потерял половину себя», — подумал он, проваливаясь в бессознательную черноту. Но на краю этой черноты не было сожаления — он заметил стоящую на пороге девушку. Он никогда бы не поверил, в самую непроглядную минуту своей жизни он будет по-настоящему счастлив.

— Грустная сказка... А дальше что-то будет? Они поженятся?

— Может быть, — улыбнулся ей Мартин.

Он прикрыл глаза, ловя отголоски рассказанной сказки. Мартин не знал, откуда взялся сюжет, и чего в нем было больше — надежды или тревоги, но почему-то ему не хотелось открывать глаза и смотреть Рише в лицо.

За дверью снова раздались шаги.

— Готов?

Вячеслав Геннадьевич стоял на пороге, уже одетый.

«Давай я с ним пойду?»

«Конечно», — не думая согласился Мартин.

— Да, — ответил Вик, снимая куртку со стула. — Поправляйся скорее, Риш.

— Завтра придешь? — спросила она.

— Конечно, — улыбнулся Вик в ответ.

И вышел вслед за ее отцом.

На улице царил синяя бархатная темнота.

— Тебя дома не потеряют?

— Папа очень устает, он много работает, — покладисто соврал Вик, как учил Мартин.

Вячеслав Геннадьевич шел ровно, не подстраиваясь под шаг мальчика, но Вику все же не приходилось за ним бежать.

— Твой папа свиней разводит, верно?

— Да.

— И продает самогон?

— Я про это не знаю ничего.

«Мартин, не нравятся мне его вопросы».

«Мне тоже, но я пока не вижу поводов вмешиваться».

— Ты нормальный парень. О Рише даже ее братья не заботятся, а ты ходишь каждый день как по часам.

Вик внезапно вспомнил, что Риша говорила, что у нее большая семья. Дом ее был

большим, темным и тихим, и не было похоже, чтобы там жил кто-то еще.

— А где ваши сыновья?

— Работают, что ты думаешь — все прохлаждаются, как твой... кхм. У нас большой дом и большое хозяйство. И мы с этого хозяйства честно живем, а не впариваем, как некоторые, городским дурачкам «экологически чистое парное мясо» и деревенским алкашам отраву.

Вик прекрасно понимал, кого он имел в виду. Но если раньше он оскорбился бы и замкнулся, то теперь он ощутил лишь глухую усталость. Ему приходилось жить в тени своего отца, ловить сочувственно-брезгливые взгляды и еще чувствовать, как это уязвляет болезненно гордого Мартина. Вику было жаль, что все вышло именно так. Ему бы хотелось уехать куда-то, где никто не задавал бы вопросов. Никто не знал бы, чей он сын. Поэтому, несмотря на всю красоту природы и деревенскую вольницу, он продолжал мечтать о стильном северном городке, где осталась сестра.

— Про это мне тоже ничего не известно, — уклончиво ответил он.

Вдалеке показались желтеющие окна хутора.

— Говорю — хороший парень, еще и умный, — усмехнулся Вячеслав Геннадьевич.

Вику в его усмешке почудилось какое-то презрительное снисхождение.

— Про это мне известно отлично, — без вызова ответил Вик, глядя на мужчину исподлобья. — Я дальше сам, спасибо вам большое.

— Приходи завтра, она тебя ждет, — вместо прощания ответил он.

...

Наступило «завтра». И еще раз, и снова. «Завтра» для Вика было обязательным и безусловным. В семь лет ведь никто не верит, что бывает иначе, и один день сменял следующий, словно бусинка щелкала на четках.

Риша поправлялась. Теперь, когда Вик приходил к ней в гости, его кормили ужином, а вечером провожали домой — отец или один из Ришиных братьев, угрюмый семнадцатилетний мальчик по имени Женя. Женя с ним почти не разговаривал, много курил и все время кашлял. Как-то он предложил сигарету Вику, и тот несколько секунд удивленно ее разглядывал, а потом начал смеяться, не в силах объяснить, что же его так развеселило. Женя, пробормотав что-то о том, что у его сумасшедшей сестрицы такие же друзья, забрал сигарету. Мартин, чье искреннее возмущение и рассмешило Вика, мрачно молчал.

Младшего брата Риши звали Денис. Сам он звал себя Нисом. Что-то было в этом имени мышинное, и что-то мышинное было в самом Нисе. Он был тихим, серым и незаметным. Движения его были торопливыми, он либо не двигался вовсе, либо все время суетился. Нис увлекался коллекционированием. Его «коллекция» хранилась в одном из известных тайниках, хаотично расположенных по всему дому. Вик замечал в руках мальчика появляющихся из ниоткуда и исчезающих в никуда пластмассовых зеленых солдатиков, крышки от бутылок, монетки, булавки, какие-то щепки и разноцветные осколки, а однажды он видел, как Нис прятал под плинтус самого маленького бумажного журавля с подвески, которую подарил Рише Мартин.

Мать Риши была высокой, с целой гривой пепельных, как у дочери, волос. Она почти всегда молчала, говорила отрывисто, словно ей тяжело давалось произносить каждое слово. Голос у нее был хриплый и почти грубый. Женщина была постоянно занята какой-то работой и мало обращала внимание на происходящее вокруг.

Впрочем, обращать внимание было особо не на что. В доме почти всегда царила гробовая тишина, и ничто не суровый, стерильный покой. Каждый раз возвращаясь домой,

Вик не мог определиться, что же ему ближе — строгий порядок Ришиной семьи, или равнодушная вседозволенность его жизни. Но вечером Мартин зажигал для него лампу и открывал книгу, и ответ становился очевидным. В том доме волшебство не жило. Никому не читал истории мягкий и теплый голос, ни для кого в темноте не танцевали светящиеся белые мотыльки.

— Расскажи про школу, — попросил Вик Ришу в один из вечеров.

Они с Мартином не могли определиться, чего ждут от осени. Несколько раз они подходили к школе — одноэтажному кирпичному зданию с большими окнами и высоким бетонным крыльцом. Вик смотрел на выбегающих из здания детей, и никак не мог соотнести это с картинкой, которую рисовали ему книги.

На учениках не было формы. Звонок, который было прекрасно слышно с улицы, мог раздаваться совсем не в то время, когда дети выходили из школы. Большинство из них были без сумок и книг.

— А, нечего рассказывать, — скучающим голосом ответила Риша. — Ты же читать-писать умеешь?

— Да, конечно...

— Ну считай тебе там первые три года делать вообще нечего. Ребята не глупые, просто их часто не учит никто, и они сами не понимают, зачем им это нужно все. Все работают, огороды, скотина, многие с апреля по ноябрь в школе вообще не появляются. Учителей мало очень, они уставшие сильно... Но вообще есть ребята, кто сильно старается. Их учителя очень любят, никогда оценки плохие не ставят... Да ты не переживай, в общем, все будет хорошо.

«Мартин, нам там кажется нечего делать».

«Да, ты, к сожалению, прав...»

«Мартин?..»

«Что?»

«Ты знаешь, что, когда я буду учиться в шестом классе тебе будет восемнадцать?» — на этот раз вопрос был беззлобной насмешкой.

Вик представил себе повзрослевшего Мартина, высокого, длинноносого, с рассыпавшимися по плечам каштановыми волосами, сидящим за партой среди недоумевающих подростков. Страха, что Мартин повзрослеет и бросит его, больше не было.

«Да. Это невероятно вдохновляющая перспектива», — улыбнулся он в ответ, представив себе похожую картину.

— А еще при школе есть театральная студия. Туда берут с четырнадцати лет, но есть курсы для тех, кто младше. Я туда обязательно запишусь, — продолжила Риша.

— Хочешь быть актрисой? — стараясь скрыть удивление, спросил Вик.

Риша казалась ему красивой девочкой, хотя он мало что понимал в женской красоте. Ведь важно, чтобы человек хорошим был, а какой у этого человека нос и какие глаза, значения не имело. Тем более, что нос у Риши был обычный, а вот глаза удивительные, огромные и голубые. С бледной кожей и пепельно-серыми волосами, она казалась ему похожей на какое-то сказочное существо, может быть на одну из эльфиек Пололого Холма, о которых рассказывал как-то Мартин. Но вместе с тем голос у Риши был тихий, несмотря на свою непосредственность, она очень легко смущалась и, кажется, опасалась взрослых.

— Хочу. Я была в театре с папой в городе, там ставили какую-то сказку, кажется, Золушку... И знаешь, я спектакль совсем не помню. Я помню, как пах занавес, тяжелый

такой, красный. Мне с тех пор часто снится, что я в красном бархате тону, и повсюду этот запах.

— А кого ты бы хотела играть? — спросил Вик, не зная, как поддержать непонятный ему разговор.

Сам он в театре не был никогда, но влюбленность в занавес представлялась ему странной причиной выбора профессии. Когда Мартин рассказывал или читал что-то о театре, Вик представлял себе огромные залы, много света, старомодно одетых людей и большую сцену. Диковатая, бледная, меланхоличная Риша в эту атмосферу не вписывалась никак. Впрочем, семилетний мальчик в искусстве понимал мало, а вот Мартин очень даже представлял себе Ришу на сцене. Только не на роскошной и светлой. Скорее это был бы уютный, сумрачный зал провинциального театра.

— Я пока не знаю. Еще не определилась... с репертуаром, — улыбнулась Риша, ничуть не смутившись.

— Я думаю, у тебя все получится, — обнадеживающе соврал ей Вик.

— А ты со мной в студию пойдешь?

— Я?! Зачем?

— Ну... будешь мне помогать. Да ладно тебе, необязательно же идти в актеры — просто ты будешь ну... так проводить время, — неловко закончила Риша, смущенная удивлением друга.

«Мартин, что ты думаешь?»

Мартин догадывался, что семилетнему мальчику никто не предложит роль даже в подростковой постановке, а вот быть зайчиком в сказке про Колобка, где Риша будет играть лисичку — куда более реальная перспектива. И она не вызывала энтузиазма у обоих.

«Я думаю, что... м-м-м... друзья иногда должны идти на жертвы», — ответил Мартин, представляя себя в костюме зайчика.

Ему казалось, что даже рыбка над ним смеется.

«Сходим. Может ей еще самой не понравится», — с тайной надеждой предположил Вик.

«Ладно тебе, это... мило. И развивает разные полезные... навыки».

— Не очень... но я с тобой пойду, — скрепя сердце пообещал он Рише.

Вик надеялся, что до осени она понюхает что-нибудь другое и забудет о театре. Больше они в этот день к этой теме не возвращались.

Действие 12

О свечах и ночных кошмарах

*Подлинные страхи
Слабей, чем ужасы воображенья.*

Шекспир

Вот и кончились метели у здешней зимы, кончился снег и потрескивающий мороз. И во все еще холодном воздухе ранним утром, в середине марта, Вик впервые в этом году почувствовал касание теплого, весеннего ветра на лице.

— Мы перезимовали, правда, Мартин?

«Правда», — с улыбкой отвечал он.

Не так-то легко далась им эта зима. Сложнее стало прятаться, если отец напивался и начинал крушить дом. Хорошо Мартин нашел подходящее место — за ящиками с хламом в кладовке. Только там все равно было холодно, очень тесно и сидеть приходилось неподвижно и тихо. Эту пытку неизменно брал на себя Мартин.

В доме было холодно, спать приходилось в одежде и между несколькими одеялами. По-прежнему не хватало еды, летние запасы кончились еще в декабре, и только травы, которые заваривал Мартин, еще оставались в плотном мешочке из небеленой ткани.

В эту зиму он познакомился с Ришей и почти тут же их дружба столкнулась с испытанием ее болезнью. Вик иногда спрашивал себя, была бы их дружба такой же теплой, если бы не чуткость и терпеливая забота Мартина?

Он чувствовал, что Мартин смог дать ему еще одного друга, и испытывал от этой мысли смесь благодарности и страха. Ведь он, Мартин, только душа, запертая в уже наделенном душой теле, умудрялся влиять на события. Тактично и мягко, не принуждая, без малейшего насилия, он заставлял людей делать то, что ему было нужно. Из Мартина вышел бы не только хороший отец, но и превосходный дипломат.

И Вик думал о том, что противостоять разрушительной ярости отца гораздо легче, чем спокойствию и рассудительности Мартина. Впрочем, он сам не смог бы объяснить себе, почему его это пугает — противостоять Мартину он не хотел и не собирался.

Но вот пришла весна. Снег еще не начал таять, только тяжелел, когда его гладил согревающийся солнцем ветер. Но весна... весна ведь означает новую жизнь.

Риша поправилась. За время болезни Вик стал приходить в ее дом без стука, как один из сыновей. Он раздражал всех ее братьев, но его любили Ришины родители.

И отец, и мать Риши привыкли к своим сыновьям, таким же, как все дети в деревне — шумным, вечно исцарапанным, покрытым синяками, которые они сами себе набивали, обгорающим за лето на солнце так, что за зиму загар успевал лишь немного поблекнуть. Дети должны носить с собой маленький хаос. Должны рвать одежду, стрелять по птицам и воровать с чужих огородов клубнику. Друг дочери оказался совсем иного склада. В нем словно звенела какая-то натянутая струна — тонкий стержень, который не сломать и не порвать, но о который можно легко порезать пальцы. И, казалось, сама смерть отступила под пристальным серым взглядом этих удивительных глаз.

Риша тоже чувствовала растущую привязанность к новому другу. Эти серые глаза смотрели на нее в упор, мимо репутации ее матери, мимо ее собственных страхов и стеснительности. У Вика все получалось просто и спокойно. Иногда он был больше похож на обычного, просто спокойного мальчика — шутил, смеялся и рассказывал ей какие-то небылицы, ну вот словно снег и правда яблоневые лепестки.

Но бывали другие моменты, когда ее друг становился каким-то особенно отрешенным. Он говорил иначе, у него менялся голос, и будто даже темнели глаза. Таким мог бы быть, пожалуй... священник?

Впрочем, это не имело особого значения. У нее не было прежде никаких друзей, и она всю жизнь тянулась к чужой любви. Вот и на елку она полезла доказывать — никакое она ничем она не хуже остальных. Ее тоже можно любить.

А теперь, к концу этой зимы, она больше ничьей любви, ничьей дружбы и не желала. Жители деревни загнали ее на дерево, словно свора злых собак облезлую дворовую кошку. Другие дети стали смотреть на нее с ненавистью, узнав, что это ее отец отнял их мечту, их ритуальную новогоднюю ель. А Вику было наплевать на ее отца, на ее мать, на елку, и на то, что им в спину на улицах часто летели злые насмешки. Странное, взрослое и жестокое презрение скользило иногда в его взгляде, обращенном к другим детям. Риша всегда прятала глаза, встретив этот взгляд. В такие мгновения глаза у него были почти белыми.

И все же, со всем хорошим, плохим, странным и понятным — зима кончилась.

...

Снег таял стремительно, вода уходила в землю, и земля покрывалась первой, несмелой зеленью. Риша едва ли не каждое утро ждала Вика у забора. Он много раз просил ее перестать — он сам бы легче смирился с этой привычкой, но она ужасно смущала Мартина. Но Риша доводам не внимала.

Тем утром она стояла у его забора, и терпеливо ждала, пока он проснется. Вик, увидев подругу из окна, торопливо одевался, укладывая в сумку запасной свитер — Риша из какого-то неясного ему кокетства надевала платья под тонкую куртку и под конец прогулки всегда замерзала. К счастью, несмотря на разницу в возрасте, он был чуть выше и шире в плечах, чем его хрупкая подруга, поэтому спокойно одалживал ей свои вещи.

— Мартин, как мне ее уговорить не торчать по утрам у забора и надевать свитер?

«Видимо, никак. Можно оттолкнуть ее, и она перестанет стоять у забора, но это не поможет ей одеваться теплее. А как заставить женщину изменить своим понятиям о красоте я вовсе не имею представления. Даже такую маленькую...»

Когда Риша увидела его, ее лицо озарила неприкрытая, искренняя радость.

— Привет! Пойдем со мной, я видела потрясающую штуку!

Она привычно обхватила его руку и потянула за собой.

— Я была сегодня в студии при школе! Меня туда взяли, представляешь?! Там начальница какая-то жуткая тетка! И она меня заставила читать какую-то невообрази-и-имую глупость, я ничего не поняла — какие-то цветы девушка раздает!

Вик шел рядом и улыбался. Риша почти подпрыгивала от восторга, часто дергая его за руку. Она извинялась и через несколько секунд повторяла движение. Пальцы она при этом не разжимала.

— Ну я прочитала — думаю, если девушка раздает цветы, значит, что-то хорошее происходит, верно? Я читаю радостно, а она как закричит на меня: «Да что же это такое! Куда ты лезешь, если ничего в литературе не понимаешь!» — Риша остановилась, нахмурила

брови и опустила подбородок, пытаясь подражать перекошенному злостью брыластому лицу.

Вик рассмеялся — больше старанию, с которым она копировала женщину, чем самой неуклюжей пантомиме.

— Ну я и решила все, меня не возьмут. А у нее помощница рядом сидит. Она говорит: «Да что вы, Маргарита Николаевна, заставляете детей читать эту тягомотину? Пусть девочка любой любимой стишок прочитает». А я так испугалась, что вот ни строчки не могу вспомнить...

Они шли по лесу, и Вик, слушая ее, удивлялся, как все удивительно преобразилось. Птицы, казалось, сошли с ума, и без всякого лада кричали о наступившей весне. Черные остовы деревьев покрылись золотисто-зелеными тенями молодой листвы и солнечного света. И эти прохладные блики, ложась на лицо Риши делали его удивительно живым. Куда-то делась ее бледность и меланхоличность, забитость и серость. Лицо обрело краски, а глаза сияли, наполненные недостижимым весенним небом.

— И вот, представляешь, я ей первые попавшиеся строчки: «Каждый вечер деревья падают в тени деревьев!» Сама испугалась, с испугу забыла, откуда я их знаю, но стихотворение до конца дочитала. Она у меня так удивленно спрашивает: «Чьи это стихи?». А я понятия не имею, и поэтов всех забыла. Это, говорю итальянский поэт Витторио. Откуда бы только взялось...

Вик услышал, как смеется Мартин. Одно это уже делало этот день удавшимся — Мартин смеялся очень редко.

— В общем, откуда взялся Витторио я тоже понятия не имею.

— А если бы меня Федей каким-нибудь звали?

— Ну был бы Феодосий, — серьезно ответила девочка. — А чьи, кстати, это стихи?

— Этого человека зовут Мартин.

— Как... гуся?

— Нет, как... да, как гуся. А вообще — был такой святой, Мартин. Один из пяти покровителей Франции.

Недавно Вик, роясь в непрочитанных книгах на чердаке, нашел истрепанную Библию и идущий к ней в комплекте томик с комментариями. Библией он не заинтересовался, а в комментариях нашел описание святого Мартина. На помутневшей от иллюстрации всадник в зеленом разрывал пополам зеленый плащ.

Мартин давно представляться ему в длинном зеленом пиджаке, и Вик решил, что это такой знак.

— И где он жил, этот твой Мартин?

— У моря, — вздохнул Вик, наклоняясь, чтобы сорвать стебель, покрытый маленькими, красными цветами.

Цветы одуряюще пахли медом. Совсем маленькие, первые, несмелые, они казались ему красивее бархатных алых роз, которые он видел в городе. Розы были мертвыми и пахли смертью. А эти цветы, даже сорванные, оставались живыми. Он незаметно заправил стебелек в волосы Риши. Красные цветы в серых волосах — красиво. Она, встретившись с ним глазами, улыбнулась.

— Смотри!

Они пришли к озеру. Не к тому, в котором учил его плавать Мартин прошлым летом. Это было маленькое озеро в глубине леса. Озеро, полное ледяной, черной воды, по берегу

поросшее теми самыми красными цветами, веточку которых он оставил у Риши в волосах.

На берегу лежала лодка.

Вик почувствовал, как что-то взметнулось в душе.

«Даже если мы сможем ее починить — мне не дотащить ее до большого озера, а это совсем маленькое... что она тут вообще делает?» — расстроено подумал Вик.

Полусгнившая лодка и маленькое лесное озеро показались ему издевательством над мечтой Мартина.

Вик подошел к лодке. На днище зияла огромная дыра.

— Я помню, ну ты вроде любишь корабли и воду... В общем, я думала, тебе понравится, — смущенно закончила Риша.

Она явно надеялась, что Вик обрадуется. Вик обрадоваться не мог, и незаметно уступил Мартину, который видел в лодке просто кучу гнилых досок, а не мертвый корабль.

Он и так много мучился дурными предчувствиями и видел тревожных знаков. Ему не нужны мертвые корабли.

— Ты же вроде умеешь из дерева вырезать?

— Да... Только ремонт придется отложить. Смотри, — с улыбкой показал он в разлом.

«Вик, смотри, какая прелесть», — про себя сказал Мартин, склоняясь над лодкой.

«Это же...»

— Лисята! — восхищенно выдохнула Риша.

Пятеро серебристо-песочных, желтоглазых щенков, ничуть не опасаясь разглядывающих их детей, смотрели на них из дыры. Один, самый смелый, стал на задние лапы, опершись о борта лодки, и, к восторгу Риши, ткнулся мордочкой в протянутую ладонь.

— Риш, ты бы не трогала... И надо отойти, я думаю, где-то неподалеку их мать, а лисы в гневе, знаешь ли, ужасны, — отметил Мартин.

В эту же секунду в голове зажегся образ — стоящая на задних лапах угрюмая лиса в цветастом переднике, угрожающе сжимающая скалку. Вик, представивший себе эту картину, сдавленно хихикал, а Мартин, подумав, добавил к образу красный, в белый горошек, бантик, кокетливо прикрепленный возле острого черного уха.

— Да ты смотри, какие они славные! Наверняка их мама такая же...

Мартин сильно сомневался в славности матери пятерых детей, тем более если речь идет о лисе. Впрочем, щенок не уходил, и Мартин легко коснулся любопытного мокрого носа.

Улыбнувшись, он отошел от лодки и сел на лежащее на берегу поваленное дерево. Его крона полоскалась в воде, и кое-где еще даже не смыло листья. Вскоре к нему присоединилась Риша. Она молча вытащила из сумки термос, налила в крышку чай и протянула ему.

— Спасибо.

— Тебе спасибо. Вик, ты зачем со мной возился?

— Я же говорил, что хочу быть твоим другом. Что тебя тревожит?

— Мама сказала, что никто из мальчиков не захочет со мной никогда... просто так дружить.

— Просто так? А что мне может быть от тебя нужно? — Мартин смутно подозревал, о чем идет речь, но знания его были крайне скудны, а убеждение, что между детьми не может быть таких условностей — слишком велико.

— А я не знаю, — странно вздохнув, ответила она. — Вроде как что-то такое... неприличное, а что — я понятия не имею. Мы делаем что-то неприличное?

— Понятия не имею, — улыбнулся Мартин, касаясь кончика ее носа, как несколько минут назад коснулся лисенка.

Нос у нее был такой же холодный, но сухой. Риша рассмеялась и положила голову ему на плечо. Мартин только вздохнул — ему пришлось привыкнуть к ее непосредственности. Смирившись, он обнял ее за плечи и притянул к себе. Она опять замерзла.

...

На улице теплело. Мартин дал добро, они распечатали окно и открыли его впервые с осени. Несколько дней они потратили на генеральную уборку, перемыв всю комнату, перестирыв и высушив на улице все белье. Им даже удалось достать полбанки белой краски, и Мартин побелил оконные рамы, и по просьбе Вика увековечил белоснежную чайку, когда-то нарисованную мелом на дверце шкафа.

Дом, в котором жил Вик, умирал. Зарастал хламом и грязью, пропитывался запахами гари, сигарет и алкоголя. Дом ветшал, терял облик, расползался трещинами, надломами и пятнами ржавчины. И только комната Вика выглядела жилой.

Отец стал регулярно привозить продукты. Несколько раз он даже пытался с ним поговорить, но Вик отвечал односложно, безукоризненно вежливо и отстраненно.

Вику отец давно стал не нужен. Он даже за стрижкой стал обращаться к матери Риши, которая привыкла подстригать сыновей. Он научился готовить, ухаживать за курами, скоро они с Мартином должны были засадить знакомый угол за курятником. Он начал заказывать книги в городской библиотеке через Ришиного отца.

Жизнь налаживалась.

И была еще одна тайна, о которой Мартин не говорил Вику. Там, в темноте за стенами его дома, он нашел тонкую, белую ниточку. Совсем тонкую, толщиной не больше волоса. Прямо в клубящемся мраке.

Сначала Мартин не мог поверить. Не хотел, боялся верить. Потом опустился рядом с находкой на колени, не в силах стоять.

В его темноте появилась трещинка.

Еще ничто, никогда не давало ему такой надежды, столько чистого, не омраченного ничем счастья. Это был свет, настоящий свет! Он зажегся в его темноте, и он не гас.

Тем вечером они читали сборник греческих мифов. Книга была с чердака, старая, громоздкая, с мелкими буквами. Написано было сухим языком, и Вик решил попрактиковаться в чтении сам. Спасти это занудство не смог бы даже чарующий голос Мартина и его огоньки.

— Слушай, Мартин, а ты считать умеешь?

«Тешу себя надеждой, что умею», — Мартин сидел в кресле и смотрел в огонь.

Мысли были сонными и вялыми, а голос Вика, читающего уже довольно ровно, но очень монотонно, только усугублял положение. Он старался не засыпать раньше, но в этот день Мартин почему-то чувствовал себя очень усталым. У него не было тела, которое могло бы болеть, но был разум, нуждающийся в отдыхе.

— А давай у Риши ее учебники попросим? Она мне что-то рассказывала, мне кажется, там не сложно...

«Давай, конечно. Только завтра. А сейчас нам лучше поспать...»

Вик, почувствовав настроение друга, послушно отложил книгу и выключил свет.

— Спокойной ночи, Мартин.

«Спокойной ночи...»

Сон пришел к Вику быстро, теплый и пустой. Мартин провалился в свой и уже на грани сна и яви отчаянно рванулся обратно в явь — на этот раз кошмар снился ему.

Но он не успел.

Проем, словно побеги какого-то жуткого растения, затянула вязь решетки. Он был прикован к этой решетке, так, что невозможно было отвернуться от проема. Но смотреть было не на что — клубящаяся темнота, как за стенами его дома, заливала все окружающее пространство. Только эта темнота была бордово-алой, пронизанной черными, пульсирующими сполохами.

Он смотрел на свои руки, и зрелище вызывало у него неясное, мутное отвращение. Это были руки взрослого человека. Своего отвращения он понять не мог и не пытался, но ясно осознавал. Он ненавидел себя так сильно, как еще ни разу, никого не ненавидел за всю свою жизнь. Прожитые годы давили ему на плечи и заставляли сердце биться медленнее. Что произошло за эти годы?

Он не помнил.

И где-то в этой темноте он различал тихий, беспомощный плач. Плакала девушка — сдавленно, приглушенно, словно старалась, чтобы ее не слышали.

«Скоро все закончится», — хотел сказать он.

Но не смог. Не смог сказать, дотянуться, утешить, хоть как-то облегчить ее боль. Она не слышала его, не видела, но вдруг замолкла.

— Я же просила тебя не ходить... — вдруг прошептала она. — Теперь мне придется хоронить картины...

«Я не мог к тебе не прийти...» — он по-прежнему не произнес ни слова.

Все, что он пытался сказать, вырывалось хрипом из груди. Но откуда-то он знал, что она слышит.

Внезапно наступила особенная тишина. Она словно была готова зазвенеть от напряжения, если пошевелиться или сказать хоть слово. И Мартин знал, что если она зазвенит — разразится гроза.

И тишина звенит, осыпаясь осколками надрывного, полного отчаяния крика:

— Милорд!..

Что-то мокрое и холодное коснулось его щеки. Мартин проснулся в кресле в котором засыпал. Рыбка зависла в воздухе около его лица. Он не знал, обладает ли Орест на самом деле какими-то качествами, но в этот момент Мартин был безумно рад, что его разбудили и рядом есть хоть одно живое существо.

В проеме не было никакой решетки. Его руки были такими, какими он их помнил. «Милорд»?.. Как он презирал себя в этом сне, как ненавидел, каким беспомощным и жалким себя чувствовал — разве кто-то в здравом уме стал бы обращаться к нему «Милорд»?

Кошмар пульсировал в висках чем-то ледяным и липким. Один вид проема вызывал панику вместо успокоения.

«Нет, нет, не может быть...» — бестолково шептал он сам себе, пытаясь вернуть самообладание.

Хорошо, что Вик спит, не слышит и не чувствует его страха.

«Я предаю его? Я, я?! Окажусь не лучше его отца, и всех остальных?.. Но девушка... при чем здесь она? Кто это, и куда она просила меня не ходить? И почему она плакала, почему звала меня?.. Не каждый сон — пророческий. Почти никакие сны...»

Но успокоить себя не выходило. Тогда он поднял с пола катушку тонкой, белой веревки

— это была одна из немногих вещей, без которых он не мог обойтись.

Мартин вышел во вторую дверь, ту, что вела во тьму.

Привязал к ручке конец веревки и пошел прочь от дома. Не хватало ему передать свои страхи Вику.

«Милорд», ну надо же...

Вик хороший мальчик, сострадательный и добрый. Он лучше него, Мартина — в нем нет темной ярости, которая возникает всякий раз при столкновении с жестокостью и несправедливостью. Вик никогда, никому, даже своему отцу по-настоящему не желал боли. Вик не умеет так изворотливо, изощренно и хладнокровно лгать.

Мартин не мог допустить даже мысли о том, что Вик когда-нибудь станет истязать какую-то девушку, которая будет в отчаянии звать его, Мартина, «Милордом».

И все же кошмар был столь реальным, столь отчетливым, что страх начал отпускать только сейчас. Зато его начала бить крупная дрожь, а перед глазами начинали расплываться белые круги. Ему всегда становилось плохо вдалеке от дома.

Пора было возвращаться. Веревки на катушке оставалось как раз несколько мотков. Темнота плескалась вокруг, шуршащая, шелковая, холодная. И страх отступил, оставив место тоске. Мартин, медленно сворачивая веревку, шел к дому, думая, что нужно попытаться еще поспать. Дома кресло, Орест и... огонь в камине. Живой, теплый. Зачем было уходить от него?

Он протянул ладонь и представил, как на ней появляется свечка. Тепло привычно пробежало по руке — он отдавал созданной вещи часть себя. Но ему нужна была эта свеча, необходима сейчас, как, может быть, ничто до этого. Для себя тоже нужно зажигать огоньки.

И вдруг он с ужасом почувствовал, что тепло, пробежавшее по руке, было последним. Созданная уже горящей свечка выпала из ослабевших пальцев, а сознание наполнила морозная тьма.

...

— Мартин! Мартин, где ты?!

Вик проснулся позже обычного и понял, что мир изменился. Он потускнел, стал глуше и тише. Что-то важное ушло из него.

— Мартин!

Он не отзывался. Мартин всегда быстро просыпался. Даже больным, даже бредящим — он всегда отзывался.

А теперь он молчал. И не просто молчал. Его не было.

«Неужели я когда-то так жил?!» — с ужасом подумал Вик.

Спокойное, ставшее привычным неотступное тепло чужой любви покинуло его. Что случилось с Мартином?.. Он ушел? Не попрощавшись?

Или он умер, как боялся летом? Закончился его срок, он дал ему друга, он наладил его жизнь — и его... не стало?

Ужас от этой мысли был столь невообразим, столь жесток, что у него не нашлось сил даже на слезы.

Если пропадет Риша — он сможет искать ее, хоть всю жизнь надеясь, что однажды они снова встретятся, и она сожмет его ладонь теплыми пальцами. Но Мартина нет смысла искать. Некуда идти, незачем кричать — его не отыщешь, не спасешь и не вернешь. Никогда. Никак.

— Мартин...

«А если он мучился перед смертью? Ему ведь тоже бывает больно и плохо... И я все проспал...» — с отчаянием подумал он.

«Я здесь», — раздался хриплый голос.

— Мартин! — забывшись, вслух закричал Вик.

«Тише... Прости меня, я просто вышел из дома и потерял сознание... Прости, я не хотел тебя пугать...Вик...»

Вик плакал, прижав лицо к подушке. Это пережитый ледяной ужас вытекал из глаз почему-то горячими слезами. Он почувствовал слабое прикосновение к волосам.

«Не надо! Не делай так! Тебе плохо потом, я знаю, а ты и так... Мартин, я думал, я тебя потерял!..» — сначала злость, а потом беспомощное отчаяние звучало в его словах.

«Прости, я правда не знал, что так получится. Я делал так раньше, ничего подобного не происходило...» — голос у Мартина был очень виноватый, усталый и слабый.

Он и правда не знал, как оказался дома. Просто очнулся, лежа на полу у проема. Услышав голос, полный отчаяния, он было подумал, что кошмар продолжается. Но нет, это был Вик, живой, здоровый и до одури напуганный молчанием друга.

«Значит, нельзя ничего создавать, если я далеко от проема», — отстраненно подумал он.

И все же еще раз дотянулся, неведомым ему самому образом, и погладил друга по плечу. Он ведь обещал всегда быть рядом.

Действие 13

Маленькое зло

*Вот и рухнул кошкин дом.
Погорел со всем добром!*

С. Маршак

«Просыпайся, Вик! Черт возьми, Вик, ты должен проснуться!..»

Голос Мартина звучал в ушах удивительно приглушенно, несмотря на панические нотки.

— Зачем ты боишься, Мартин, все хорошо... Все будет хорошо...

Сон был липким и теплым. Из него не хотелось, да и не нужно было вырываться — зачем? Когда еще будет так уютно и спокойно...

«Вик, выпусти меня! Твою мать, будь проклят этот жирный старый ублюдок! Вик, выпусти меня, умоляю! Ты должен хотя бы захотеть проснуться!»

В проеме клубилась черная темнота. Она пахла гарью, душила, жгла глаза и забирала силы быстрее любой стройки.

Мартину казалось, что он пытался докричаться целую вечность, перепробовав все известные слова. Вик спал крепко, просыпаться не хотел и тихо, беззвучно задышался во сне.

Ничего не выходило. Мартин сорвал голос, охрип и отчаялся. Время таяло, как льдинка на ладонях.

Вик должен захотеть проснуться. Иначе оба умрут.

Мартин сел в проеме и прикрыл глаза.

— Прости, — тихо сказал он и придумал монстра.

С его ладоней в проем капало что-то черное, тягучее и липкое, похожее на смолу — Мартин не заметил, как разбил руки о косяк. Падая в проем, капли обретали форму.

Это было воплощение худших, самых отчаянных и потаенных страхов Вика. О некоторых он даже не говорил Мартину, боясь лишней раз подумать о таких вещах. Этот монстр вползал в сон, распускал там свои ядовитые щупальца. Заставлял бежать в реальность.

«Ну же, давай... думаешь мне нравится придумывать для тебя кошмары?!» — с отчаянием думал он.

Когда в проходе появился небольшой просвет, Мартин едва успел броситься туда, открыв, наконец, глаза в реальном мире.

В комнате дыма было мало, густо пахло гарью. Голова кружилась, а злая, ржавая боль царапала виски и осыпалась хлопьями в горло.

Нужно дойти до окна. Только дойти до окна, порадоваться, что вечером они отказались от идеи ночевать на чердаке. Вдохнуть свежего воздуха, который покажется обжигающим в своей прохладной чистоте.

Ничего не выходило. Он с трудом сполз с кровати на пол, захлебываясь кашлем, и только дальше забивая в легкие жгучий яд.

Чашка с водой стояла на столе. Рубашка висела на стуле, расправленная так, чтобы ее не

приходилось переглаживать. Рубашку он сорвал одним движением, но вот дотянуться до чашки казалось ему непосильным. Он лежал на полу, смотрел на стоящую на краю стола чашку, на ее круглый, керамический бок с нарисованным белым цветком, и ненавидел себя за то, что не может до нее дотянуться. За то, что руки его не слушались. За то, что он уже не может пошевелить пальцами. За то, что весь мир сжался, съежился, потемнел, и осталась только одна эта чертова чашка, стоящая на краю стола.

За то, что сейчас он умрет вместе с ребенком, который назвал его старшим братом.

Рукав рубашки Мартин обмотал вокруг запястья и отчаянным, рвущим болью усилием забросил ее на стол и дернул на себя. Раздался звон — чашка упала на пол и расколосась, разделив цветок на две половинки. Вода растекалась по полу, уходя в щели между досками. Мартин прижал рубашку к луже, и через несколько секунд, не выжимая, прислонил к лицу.

Дышать стало легче. Ненамного, но мокрая тряпка задерживала новые порции ставшего губительным воздуха. Мартин позволил себе почти минуту просто лежать на полу, вдыхать пахнущий сырой тканью воздух и успокаивать бешено колотящееся сердце.

«Мартин, мы умрем?..»

«Не позволю», — с неожиданной злостью подумал он.

Просыпался ли Вик, говорил ли эти слова? Мартин не знал.

А думалось почему-то о глупостях. О том, что моделька флейта, которую он обещал Вику, так и осталась недоделанной. О том, что Риша придет утром к сгоревшему дому, не дождавись его у себя на пороге.

Последняя мысль мазнула по краю его сознания, когда он уже вставал с пола. Мир уже не так качался перед глазами, застеленный белесым туманом.

Вот путь до окна — четыре шага, будто сделанных на самой черной морской глубине. Ставшая неожиданно скользкой ручка, никак не желающая ложиться в непослушные пальцы. Подоконник, врезавшийся краями в грудь.

А потом — зеленая трава, совсем близко от лица, так близко, что Мартин чувствовал запах земли и кончики травинки, покалывающие кожу. Затем земля перевернулась перед глазами, и весь мир заполнило опрокинувшееся небо, полное золотых и розовых рассветных облаков.

«Мартин».

«М?»

«С днем рождения, Мартин», — отстраненно сказал Вик.

Облако, проплывавшее над ним, было похоже на огромный, пятимачтовый парусник.

...

Мартин потерял сознание и не знал, что спустя десять минут Ришин отец снес с петель их калитку. Собаки не бросились на него, только жалобно скулили, прижавшись к земле. С кухни валил густой, черный дым.

Мужчина нашел мальчика, лежащим на земле, под окном, с так и не отнятой от лица мокрой рубашкой. Долго искал пульс на шее. И Мартин, и Вик очень удивились бы, если бы видели, какое облегчение появилось на его лице в тот момент, когда под пальцами все же забила жизнь. За ним ехала машина — проснувшись, по обыкновению, со вторыми петухами, Вячеслав Геннадьевич увидел дым, поднимающийся с той стороны, где стоял одинокий хутор. Увиденное он осознавал, уже будя жену. Пока она звонила соседям и в пожарную часть, он бежал на хутор, готовясь к худшему.

На кухне тлела скатерть и занавески. Оплавленный чайник стоял на плите, окутанный

черным, зловонным дымом. Пламя уже доедало один из шкафов.

Вячеслав Геннадьевич сначала собирался бросить Анатолия задыхаться в собственном доме, но совесть не дала ему этого сделать. Отца мальчика нигде не было, как и машины во дворе.

Впрочем, ему было наплевать, главное, Вик остался жив. Предоставив соседям заливать еще тлеющие на кухне занавески, он поднял мальчика на руки и зашагал к дому.

...

Вик проснулся в полной темноте. Горло болело, словно обожженное кислотой.

— Мартин?..

«Я здесь, не надо вслух», — тут же раздался ответ.

Темнота вокруг пахла не домом. Он чувствовал запах еды из коридора, дождя из открытого окна, а от белья, на котором он лежал, пахло чужим мылом.

Вик прикрыл глаза. Если Мартин здесь — можно было ни о чем не волноваться. В который раз он спас его жизнь. И слово «спасибо» отчего-то застряло в горле, неуместное и показавшееся глупым.

«А я и не знал, что ты можешь так ругаться», — вместо этого подумал он.

«Я надеюсь, ты не станешь запоминать эти слова. И спрашивать, что они значат».

В голосе Мартина слышалась деланая улыбка. Голос был грустным, и Вик хорошо понимал, почему.

Что-то теплое мягко коснулось его руки. Как-то особенно осторожно. Вик хорошо понял, что это значило, и почти с отчаянием сжал пальцами воздух. Мартин нуждался в утешении.

«Ты сделал, что мог».

«Я мог не успеть, Вик. Мог не справиться... Подвести тебя. Меня пугает беспомощность. Мне так... паршиво».

«Не надо... мы бы оба задохнулись там, если бы не ты. Если ты думаешь, что я хоть что-то забыл, то ты ошибаешься. И я уже не такой маленький, чтобы не понимать... Слушай, а ты знаешь где мы?» — Вик решил сменить тему.

«У Риши. Ее отец тебя нашел и принес».

«Как ты думаешь... у нас еще есть дом?»

«Я не знаю. Знаю только, что мы не умерли вчера».

«Ну что ты, Мартин. Помнишь, я говорил, что ты умрешь вместе со мной? Забудь, это неправда. Мы вообще никогда не умрем».

От этих слов в воздухе, казалось полыхнуло озоновой вспышкой. На долю секунды Мартин почувствовал плеснувший в воздухе запах мертвых цветов и речной воды.

«Говоришь, никогда не умрем? Ну так и не о чем тогда беспокоится. Спи», — улыбнулся Мартин.

На душе и правда стало легче.

Но когда Вик уснул, Мартин не выдержал, открыл глаза, встал с кровати, подошел к открытому окну и со стоном прижался лбом к прохладной, выкрашенной белым раме.

Беспомощность. Вчера Вик в бреду запер его, и этого оказалось достаточно, чтобы они оба едва не погибли. Страшно умирать, но куда страшнее — не суметь спасти близкого человека. Перед смертью ему пришлось бы смотреть, как умирает Вик. И, когда его сознание погасло бы окончательно, задушенное едким, ядовитым дымом — успел бы Мартин пережить и свою агонию, или упал бы в вечную черноту вместе с ним?

Не каждому дана такая милость, как ясный смысл в жизни. У него он был.

Мартину хватило сил улыбнуться, вспомнив слова Вика, сказанные перед тем, как он потерял сознание.

У него и правда день рождения. Ему тринадцать.

...

Вячеслав Геннадьевич пришел вечером. Вик сидел за столом у открытого окна и наблюдал за игрой теней на белоснежной тюли. Розовый, закатный. Сиреневый и золотой. Синий цвет подступающего вечера. Он представлял, как весь мир превращается в невесомое, белоснежное кружево, похожее на облака и на морскую пену. Представлял, что может давать цвет этому кружеву одним касанием — от кончиков пальцев расползаются пятна, будто акварельные краски, брошенные в воду.

Мартин читал, сидя в кресле — недавно он обнаружил, что обладает фотографической памятью, и прочитанные книги ему удается воплощать из воспоминаний. Пришлось придумывать лишние полки на стены.

Поэтому приход Вячеслава Геннадьевича оставался незамеченным, пока он не подошел к Виду со спины и не положил руку ему на плечо.

Вик вздрогнул, и кружевной мир расплылся обрывками ткани, оставив привычный, показавшийся ему удивительно серым и невзрачным.

— Как ты себя чувствуешь?

— Мне лучше. Спасибо вам, вы... меня спасли.

— Ты сам себя спас. Твой отец уже дома, я с ним разговаривал. Он уберет за собой, все отремонтирует, и через два-три дня ты сможешь вернуться к нему. Скажи мне, Вик, ты хочешь к нему возвращаться?

— Я... мне некуда идти. Вы ведь не станете предлагать остаться у вас?

— Нет, — честно ответил Вячеслав Геннадьевич. — Но я могу устроить тебя в хороший приют. Не местный, в городской. Его директор — моя знакомая. Там хорошо. Регулярно кормят, дают хорошее образование... лучше местной школы. Будешь спать на чистом белье и ходить в отглаженных рубашках.

— Я стираю белье раз в три дня. И глажу рубашки каждый день. Не терплю грязи, — угрюмо ответил Вик.

«Мартин?..»

«Я не знаю, Вик. В его предложении есть смысл».

— Можно мне подумать?

— Конечно, — кивнул он, убирая руку с его плеча. — Ты умный мальчик, удивительно для твоего возраста. Ты точно примешь правильное решение... каким бы оно ни было.

Он ушел, плотно закрыв за собой дверь. Вик заметил оставленную им на краю стола кружку с чаем. На ней не было цветов. Кружка была стерильно-белой.

— Мартин... Ты хочешь в приют?

«В приюте будет безопасно, Вик. Его никто не подожжет. Никто не выпорет тебя, потому что ты попался под руку. Тебя будут кормить и учить. По-моему, в этом есть смысл. Правда, там могут возникнуть проблемы с детьми и учителями, я пока не знаю, что хуже».

Вик задумался.

Ему хотелось порядка и покоя. Хотелось учиться. Хотелось, чтобы вокруг было чисто, чтобы окружающий мир подчинялся логике и был предсказуем.

Его не пугали казарменные порядки, о которых он имел смутное представление по

рассказам других детей редким прочитанным историям. Его не пугали возможные конфликты. Еще совсем недавно он хотел бежать из дома, а сейчас ему предлагали шанс, которым было бы глупо не воспользоваться.

Была только одна проблема.

— Мартин... если они о тебе узнают — тебя убьют. Ты знаешь?

«Да», — спокойно ответил он.

— Я не хочу.

«Никто не узнает. Я осторожен, Вик. И ты будешь осторожен. Ты хочешь уйти от отца? Давай. Этот человек опасен. А я не хочу... Вик, я едва нас не подвел. Что будет, если я не проснусь однажды, не успею тебя спасти? Сколько еще ты будешь есть то, что я смогу приготовить из макарон, яиц и того, что выросло за сараем?»

— Хорошо... Мартин, ты обещаешь, что тебя не найдут? — с отчаянием в голосе спросил Вик.

«Обещаю. Не бойся ничего, я всегда буду с тобой».

Жить с отцом становилось невозможным. К тому же Вик был не из тех, в чьей памяти зло может сгладить время. Та порка отзвенела болью и теперь глухо, шершаво разъедала память.

Отец предал его. Не захотел его любви.

Такого Вик тоже никогда не прощал. Он любил мало людей, и любил совсем не так, как часто любят дети. Свою любовь он ясно осознавал, и, предлагая ее, не прощал, если ее отвергали.

Раздался стук в дверь. Вик думал, что вернулся Вячеслав Геннадьевич, но это была Риша. Она прошла в комнату, приоткрыв дверь. Подошла к нему, низко опустив голову, села на табурет, сложила руки на коленях.

— Риш?..

Она медленно подняла на него глаза. Глаза у нее были красные, а кожа — фарфорово-белой. На ее лице закатные тени ложились жутковатыми пятнами, похожими на синяки.

— Вик, папа сказал... папа сказал, ты уедешь. Папа сказал, так надо. Что ты будешь жить в приюте. В городе. Вик, ты... ты говорил, что мы... Вик, я...

Она сделала попытку взять его за руку, но остановилась. Несколько секунд смотрела на протянутую руку, а потом глухо зарыдала, прикрыв рукавами лицо.

Он не стал ни о чем просить Мартина. Сам подошел к ней, обнял, и прижался лицом к ее волосам. Они пахли цветами. Свежими, живыми цветами. Где-то в серых прядях пугалась пыльца — кажется, она недавно надевала на голову венок.

В тот момент, когда он хотел сказать ей, что никуда он не поедет, дверь открылась. Вячеслав Геннадьевич стоял на пороге, и губы его были плотно сжаты.

— Ты... я же сказал тебе не ходить сюда!

Он схватил ее за руку выше локтя, и рывком заставил ее встать.

— Не надо!

Вик сжал его руку у запястья, отчетливо осознавая, как жалко выглядит в этот момент.

«Придет время, и никто не посмеет стоять у меня на пути», — зло подумал он, не убирая руку.

— Не лезь, мальчик. Ты должен сам выбирать.

Он легко освободил руку, и вышел в коридор, волоча за собой Ришу. Она не сопротивлялась, только голова ее странно моталась из стороны в сторону в такт шагам.

Когда дверь захлопнулась, Вик опустился на табурет. Он смотрел на свои руки, как только что смотрела Риша, и его губы сами собой растягивались в кривой, едкой усмешке.

— Знаешь, Мартин, кажется, мне не нужна помощь этого человека.

Мартин молчал. Он думал о Рише, которую придется покинуть. Но надеялся, что она сможет понять его. Ему не хотелось делать больно подруге. И не хотелось подвергать Вика новым опасностям.

«Послушай, Вик, зачем тебе здешний приют? Ты ведь не сирота. Может быть можно попробовать добиться того, чтобы тебя отправили к матери? Через те же социальные службы, что должны были бы определить тебя в приют».

— Мать отказалась от меня. Я ей не нужен...

Злость отступила, и Вик с ужасом понял, что вместо нее пришла беспомощная обреченность. Если минуту назад он почувствовал себя взрослым, запертым в теле ребенка — злым, сильным и ожесточенным, то хватило одного укола одиночества, чтобы им завладело отчаяние.

Он ничего не может изменить.

Ему отказывают в праве на гордость и чувство собственного достоинства.

Горячие слезы часто капали на сжатые кулаки. Ногти больно впились в кожу, но боль не отрезвляла, наоборот — злила только больше.

«Ненавижу», — с внезапной ясностью подумал он.

Не-на-ви-жу. Слово разрезало боль и одиночество, словно лески.

«Вик. Вик, послушай меня. Ты слышишь, что я тебе говорю?»

Голос Мартина звучал спокойно. Ему всегда удавалось взять себя в руки, когда требовалась его помощь. О том, что он слышал, он подумает чуть позже.

— Что?! Скажешь мне, что злиться плохо?! Скажешь, что взрослые хотят для нас добра?!

Он злился. На всех, без разбора, но больше всего — на взрослых, которые швыряли его из стороны в сторону, как щенка. И почему-то на Мартина.

Может быть потому, что он теперь стал на год ближе к взрослым.

«Я когда-то так говорил?»

От этих слов, спокойных и ровных, он почувствовал укол стыда. Мартин спас его. Был готов рискнуть собой, чтобы он был в безопасности. За что ему эта злость?

— Прости.

«Не надо, не извиняйся. Вик, это хорошо, что ты злишься — это значит, что ты не такой. Ты не станешь бить беззащитную девочку, не станешь наплевательски относиться к чужой боли, не станешь никого унижать. Только тебе ведь не легче от слез, правда?»

— Нет...

Что-то коснулось его волос и запястья. Вик резко встал с кресла, подошел к шкафу. Шкаф был почти такой же, как у него в комнате.

Зеркало оказалось на дверце, на положенном месте. Только оно было не маленьким, как у него, а узким и длинным, занимающим половину дверцы.

Мартин стоял у него за спиной, положив руки ему на плечи. Щемящее чувство одиночества и покинутости отступило — он был не один.

— Я не пойду в приют.

«Хорошо», — подумав, ответил Мартин.

— Я хочу к матери. Мы сможем этого добиться?

«Давай попробуем. Нам придется привлечь отца Риши, без поддержки взрослых нам не справиться. Тебя просто вернут к отцу».

— Хорошо. Ты... не будешь меня отговаривать?

«Он правду сказал. Ты не маленький, можешь принимать верные решения. Только... пожалуйста, не забывай о том, что с отцом оставаться опасно. Так или иначе, нам нужно сделать так, чтобы он перестал нам угрожать. Не важно, как. Этот человек чуть не убил тебя. Такого больше не должно повторяться».

Вик кивнул и положил руку себе на плечо, туда, где должны были лежать пальцы Мартина. Он видел ответное пожатие, чувствовал его. И верил во все, что сказал ему друг.

Одиночество отступило.

...

Утром он завтракал вместе с семьей Риши. Завтрак проходил в молчании. Каждый с трудом проглоченный кусок только усиливал подступающую тошноту, но Вик делал вид, что его ничего не тревожит.

Это, конечно, было ложью.

— Что ты решил? — нарушил тишину Вячеслав Геннадьевич.

— Я не поеду в приют, — ровны голосом ответил Вик, прикрывая глаза.

— Твое дело, — пожал плечами он.

«У меня есть мать на Севере, и я хочу вернуться к ней».

Сестра. Его маленькая сестра, давно не получавшая от него писем. Темные волосы, тонкий нос, такой же, как у Вика. Она сидит на краю дивана, завернувшись в мамину кофту, и с отчаянием смотрит на него глазами цвета молочного шоколада.

«Я хочу вернуться».

Слова застряли в горле.

Почему вечно приходится делать чертов выбор? Почему ничего не бывает просто, ничего не бывает правильно?!

Он вспомнил, как жил с отцом до того, как появился Мартин. Это было какое-то мутное отупение. Он не хотел есть, не хотел спать, почти не мог думать. Ему было не с кем поговорить. Он сидел целыми днями неподвижно, уставившись в стену. День проходил мимо мутными пятнами цвета, угасал синей ночью. Однажды на его лицо сел мотылек, мохнатый и серый. Он скосил глаза, посмотрел на насекомое — и продолжил смотреть в стену. Он придумывал какую-то глупую историю, и следил за ее развитием, давно потеряв над ней всякую власть.

Он отчаянно тосковал. Одиночество держало его за горло, сломав хрупкий разум. Ему нужен был друг. По ночам, в минуты слабости, он тихо повторял в темноту какие-то бессвязные слова. Говорил, что ему больно и страшно. Словно звал кого-то на помощь.

И помощь пришла. К нему.

Риша смотрела в стол, и на лице ее не читалось ни одной эмоции.

«Вернуться...»

Нужно только сказать.

«Мартин, что мне делать?! Какое из зол — меньшее?»

«Ты знаешь, что. Иногда приходится идти на жертвы, ты помнишь. Нет меньшего зла, есть подлое маленькое», — устало вздохнул Мартин.

Он стоял в проеме, вцепившись в косяк, и невидящим взглядом смотрел на широкую доску порога. Пальцы, сжимающие косяк, побелели, а зубы он сжал так, что в висках

запульсировала боль.

Может, когда-нибудь он научится отворачиваться от чужой боли и бросать тех, кто в нем нуждается. Только этого человека он не сможет уважать. И меньше всего на свете он хочет им становиться.

Вик почувствовал, как под столом Риша сжала кончики его пальцев. Прикосновение было совсем легким, но в нем чувствовалось истерическое отчаяние.

«Не бросай меня!..» — умолял ее взгляд.

«Не брошу».

Что ему оставалось. Что им обоим оставалось?

Из сложившегося лабиринта не было выхода. Не было правильного решения, каждое щерилось предательством.

Завтрак кончился в молчании.

Спустя два дня Вик вернулся домой.

В доме пахло гарью, но на кухне было чисто, а стены сияли свежей краской. Отец не посмотрел на него, и не сказал ему ни слова.

Отец был пьян.

Вик несколько минут смотрел на его сторбленную спину с расплзшимися по ткани рубашками пятнами пота.

Потом, по привычке неслышно, зашел к себе в комнату. Медленно сел на кровать. И, плотно прижав к лицу подушку, вцепившись зубами в наволочку, еще пахнущую дымом, закричал.

Действие 14

Красная полоса

*Чего от нас они хотят,
Бездельники и плуты?
Для голодающих котят
Есть в городе приюты!*

С. Маршак

«Здравствуй, сестренка. Я долго тебе не писал. Мама тоже давно не пишет. У вас все хорошо?»

Я надеюсь, что это так. У нас все в порядке. Скоро идти в школу — можно было прошлой осенью, но отец забыл. Я нашел себе друга, помнишь, я тебе рассказывал. Он мне помог. Лера, у тебя есть друг, который будет вместо меня тебе помогать?

Я очень скучаю».

...

Электричка была почти пуста. Над пустым деревянным ящиком дремала пожилая женщина в цветастом платке, да в самом конце вагона несколько молодых людей неформальной наружности пили пиво и швыряли смятые банки на пустые сидения.

Мартин сидел недалеко от выхода. Он нервничал — впервые за всю его жизнь ему предстояло выбраться из деревни в город. Он знал родной город Вика по воспоминаниям, рисовал себе города по описаниям из книг, но сейчас ему предстояло увидеть все свои фантазии.

Он ехал в город вместе с Вячеславом Геннадьевичем. Вику совсем скоро идти в школу, и нужно было купить принадлежности.

Отец Риши пришел к Анатолию вчера на рассвете, застав его на обычном месте за столом. Вик не слышал, о чем они говорили, но разобрал угрожающе-спокойные интонации Вячеслава Геннадьевича и сначала рычащие, раздраженные, а затем заискивающие — своего отца.

Анатолий ушел спать, придавив пустой бутылкой несколько мятых бумажек.

Сейчас они лежали у Мартина в кармане. Вячеслав Геннадьевич сказал, что этого хватит, чтобы купить канцелярию, но ничего не останется на одежду. Впрочем, на это Мартин и не рассчитывал.

У него была забота куда серьезнее, чем ручки и тетради.

Вик, вернувшись домой после пожара стал замкнутым и раздражительным. Он проводил дни, методично закрашивая серым один лист бумаги за другим. Его прежняя меланхоличная отрешенность была похожа на белоснежную занавеску, которую ветер раздувал, словно парус. А сейчас этот ветер рвал занавеску и уносил с собой обрывки. В окне становилась видна беспощадная реальность.

Воображение и мечтательность тоже стали отказывать Вику. Когда они вдвоем с Мартином отмывали шкафы от гари (чего отец, побелив стены, сделать почему-то не подумал), Вик долго смотрел на свои испачканные сажей руки, а затем зло сплюнул на пол.

И в саже, грязи и окружающем убожестве все меньше оставалось места для сказки.

Мартин знал, что на белоснежных стенах в комнате, где оказывался Вик, появились черные пятна. Что он пытался оттереть эти пятна, но у него ничего не вышло. Знал, что Вика начинало это злить.

Но чем помочь, Мартин понятия не имел. Вик был не тем человеком, которого можно убаюкать уютной ложью — он смотрел на реальность в упор, и на его лице стало все чаще появляться досадливо-презрительное выражение.

Поездка не радовала Вика. Он никак не мог понять, как же на самом деле относится к Ришиному отцу — презрение удивительным образом уживалось с уважением. В доме, в семье и жизни Вячеслава Геннадьевича царил порядок. Никто не поджигал домов. Никто не напивался, не водил домой друзей с липкими взглядами, и куры в птичнике не расклевывали яйца.

Мартин знал, что Вик сидит в комнате и смотрит в стену пустым взглядом.

«Вик, хочешь поговорить?»

«Нет».

«А если я хочу?»

«Говори», — равнодушно предложил он.

Мартин почувствовал, как его полоснуло холодом от этих слов — будто сквозняком потянуло из проема.

«Я понимаю, что тебе больно. Но нельзя просто молчать и делать вид, что все в порядке», — осторожно начал он.

«А мне кажется, можно. Смотри, все так делают. Риша смотрит на полосы от ремня так, будто это родинки. Отец смотрит в свою бутылку так, как будто это центр Вселенной. И все молчат. Ты в меньшинстве, Мартин», — горько усмехнулся Вик.

«Послушай, ты помнишь, почему мы остались здесь?»

«Потому что мне показалось, что так правильно».

«А теперь не кажется?»

«Слушай, Мартин, я знаю, что ты меня любишь. Только это не меняет ничего — ты хороший человек. Но люди вокруг... Ведь ты сам не любишь людей».

«Ошибаешься, Вик. Я люблю людей. От этого мне больно, когда одни люди терзают других. От этого я злюсь».

Вик мрачно смотрел на свои манжеты.

«Добрый быть плохо, Мартин. Добро беззащитно. Я никак не могу защитить Ришу. Тебя не могу защитить. Себя».

«Дело не в добре, Вик... потерпи, это издержки возраста. Скоро ты вырастешь, и с тобой начнут считаться. И ты сможешь влиять на события, защищать тех, кто тебе дорог и принимать решения».

«Мартин, а ты не хочешь о себе подумать? Что ты вечно ко мне лезешь, самому-то как там?»

Мартин прикрыл глаза. Бесполезно было прятаться — слова Вика были болезненным и бесчестным ударом. Что он мог советовать, что обещать — он бессилен. И всегда будет бессилен.

Он замолчал. Молчал и Вик — ему было стыдно, и он чувствовал, что обидел друга. Но все слова, все хорошие и правильные слова, все добрые чувства куда-то делись.

Вик злился.

Он устал.

Он не хотел ничего слушать, не хотел утешения, помощи и тепла. Ему хотелось злиться.

В городе Мартин почти не смотрел по сторонам. Вик не проявлял к происходящему никакого интереса, и у Мартина не было настроения наслаждаться урбанистическими пейзажами. Вячеслав Геннадьевич не обращался к нему, только держал за руку, чтобы он не потерялся в толпе. Рука у него была сухая, горячая, с длинными, сильными пальцами.

Мартин был благодарен ему за это молчание.

Риша заранее составила ему список того, что понадобится для учебы в первый год, не забыв, хихикая, упомянуть, что ему понадобятся тетради в косую линейку, в которых он будет почти целый год учиться рисовать крючки.

Почерк у Вика за последний год стал четче и увереннее. Длинные «у», «р» и «д» заканчивались острым крючком вместо петли. Мартин замечал, что Вик пишет почти без ошибок, и словарный запас у него явно больше, чем у его деревенских сверстников. Рисовать крючки в тетрадях в косую линейку Вику было заранее тошно. Впрочем, тетради Мартин купил — деваться было некуда.

— Есть хочешь? — впервые подал голос Вячеслав Геннадьевич, когда они выходили из магазина.

— Нет, — честно ответил Мартин.

Мысль о еде вызывала у него тошноту уже третий день. Раньше он не отказывался от возможности накормить друга, но сейчас они оба на еду даже не смотрели.

Вячеслав Геннадьевич уверенным шагом свернул с улицы куда-то во дворы.

— А скажи-ка мне, мальчик, от чего ты смотришь на меня как на врага? — спросил он, глядя перед собой.

Лицо у него при этом было исполнено благодушия.

«Надо же, обычно взрослым наплевать, что ты там чувствуешь», — криво ухмыльнулся Вик.

— Вы ошибаетесь, я очень вам благодарен, — тактично ответил Мартин.

— Я разговариваю с тобой как со взрослым. Когда взрослые врут друг другу — они обычно считают друг друга идиотами. Я тебя идиотом не считаю.

— Вы относитесь к собственным детям очень...специфически. Зачем возитесь со мной? — Мартину с трудом удавалось сохранять свою обычную дипломатичность.

Он тоже устал, запутался, и ему было всего тринадцать.

Вячеслав Геннадьевич остановился у ларька. Спустя пару минут он почти силой вручил ему стакан с чаем и показал на стоящую недалеко черную кованую лавочку, утопающую в тени огромного тополя. Асфальтовая дорожка была замечена пухом, словно снегом.

Мартин сел на край лавки. Чай грел руки через картон. Мартин чувствовал себя несчастным и потерянным, ему мучительно хотелось, чтобы и ему кто-то помог. Дал совет, или сказал, что он все делает правильно. Но Мартин сам обрек себя на одиночество — стоило Вику отвернуться к стене, как оно начинало ощущаться особенно сильно.

Вячеслав Геннадьевич другом быть не мог. Мартин несколько секунд разглядывал его отрешенное лицо и зализанные назад черные волосы, а потом опустил взгляд на стакан.

— Я вожусь с тобой, потому что ты не похож на моих детей. Ты похож на меня. А еще потому, что я люблю свою дочь, и ты тоже ее любишь. Я ценю это, и ценю то, что ты не прислушиваешься к сплетням.

— Я верю тому, что вижу сам. Ваша жена — приятная женщина и хорошая мать.

— Эти слухи — правда. Об этом знает каждая собака в деревне.

— Знаете, мне наплевать. Я все еще вижу приятную женщину и хорошую мать.

Чай был черный, с химическим запахом цветов.

— Говорю же, ты похож на меня... Я хочу, чтобы ты понял, мальчик. Я не обязан тебе отчитываться в том, как воспитываю свою дочь, но я все же сделаю это. То, что я бью своих детей — не значит, что я жесток и желаю причинять им боль. Чтобы это понять, тебе потребуется много времени, но...

— Отчего же, — перебил его Мартин. — Я все хорошо понимаю. Вы думаете, что делаете доброе дело. Я плохо знаком с вашими сыновьями, но Риша — слабая, незащищенная и покладистая девочка. Она просто ждет вашей любви.

Выражение лица Вячеслава Геннадьевича не изменилось, но в глазах мелькнула насмешка. Мартин устало прикрыл глаза. Как же, сопляк взрослому морали читает.

— Риша похожа на свою мать. Сейчас она маленькая девочка, незащищенная и покладистая. Я любил ее мать, безумно, с юности, и люблю до сих пор. Если бы ты знал, через что я прошел ради этой любви. И через что она прошла.

— Риша — не ее мать.

— Ее мать жила очень... благополучно. Ее никогда не били родители, они с нее пылинки сдували. Ее берегли от всего, что могло ранить. Она рассказывала о своей комнате — она была в розовых тонах, и там было столько мягких игрушек, что нужно было постараться упасть и ушибиться. Может когда ты подрастешь я тебе смогу рассказать, чем все закончилось, но поверь мне — боль в детстве переносится куда легче и еще способна приносить пользу.

Мартин молчал. Под его щекой была шершавая поверхность стола, а за спиной щелкала пряжка ремня.

Боль.

Беспомощность.

Унижение.

Ничего хорошего он не мог найти, как ни пытался. Эта порка научила его и без того понятным ему вещам — насилие отвратительно, уродливо и несправедливо. При мысли о том, что подобное испытывает его подруга, он ощущал, как сердце толкает по венам что-то ледяное и колючее.

— Ты хочешь ее защитить. Мне нравится — детям редко хватает осознанности и благородства. Послушай меня, Вик, я не враг ни тебе, ни своей дочери. Просто поверь мне.

— Пойдемте домой? — вместо ответа попросил Мартин, сжимая пакет.

Вячеслав Геннадьевич кивнул, встал со скамейки, и не оборачиваясь пошел обратно к оживленному проспекту.

Мартин выбросил полный стакан в урну.

Вик молчал. Он не слушал, что происходило снаружи. Он замороженно смотрел, как на стене, под его пальцами распускаются узоры ледяных цветов. В них он видел порядок и строгую гармонию. То, чего так сильно не хватало этому миру.

Порядка.

Что-то тонкое и холодное отделяло его от Риши, ради которой он остался в деревне, от Мартина, любовь которого весь этот год помогала ему жить, и от всего этого мира, в котором ему приходится принимать тяжелые решения, и расплачиваться за них.

И ему это нравилось.

...

Мартин, столь отчаянно тосковавший по реальной жизни, получив тело в безраздельное распоряжение, чувствовал себя некомфортно. Вик, если выходил из своей комнаты, либо сидел и смотрел в стену, следуя потоку своих мрачных мыслей, либо огрызался и делал все, чтобы его как можно быстрее оставили в покое. Разговаривать он не желал, вцепившись в свою боль, как голодная собака в кость — ни выпустить, ни съесть.

Риша все так же приходила к нему почти каждый день. Мартин общался с ней за двоих, пытался что все так же, как раньше. И у него почти получалось, но он раньше не подозревал, как трудно дается беззаботность, когда на душе — темнота. В его книгах никто не рассказывал, что делать с озлившимся ребенком. И не было взрослых, которые могли бы ему помочь. С каждым днем настроение друга все больше пугало Мартина — тот вовсе не собирался смириться с положением дел и не реагировал ни на какие уговоры.

В ту ночь Мартин долго лежал без сна. Глаза болели, словно от дыма. В доме стояла вязкая тишина, которая давила на виски и вызывала головную боль.

Мартин прикрыл глаза.

— Вик. Пожалуйста, поговори со мной, — попросил он.

«Зачем?» — раздался раздраженный голос.

Мартин понял, что не ошибся. Вик плакал. Поэтому так странно болели глаза.

— Ты... ты мне нужен. Вик, я тоже человек. Мне тоже больно и мне тоже... нужны друзья.

«Мартин, ну что ты за человек? Тебе меня... не надо любить. Я плохой человек. Жестокий».

— Неправда.

«Правда. Это правда, Мартин. Я плохо с тобой поступал. Я отвернулся от Риши. Я от всех отвернулся, всех бросил. И знаешь что? Мне так нравится. Если бы я мог запереться в этой комнате, никогда отсюда не выходить — я бы сделал это. И не вышел бы, никогда. Так лучше было бы», — угрюмо сказал Вик, и в голосе его еще звенели слезы.

— Нет. Не лучше. Вик, пожалуйста, помоги мне. Давай вместе это нести.

«Я... жалею, что не поехал в приют», — выпалил он, неожиданно для самого себя.

— Тогда давай утром я пойду и скажу Вячеславу Геннадьевичу, что согласен, и мы поедem.

«Мартин, ты не понимаешь. Я поступил правильно. Честно, благородно. А я не хочу поступать честно и благородно. Ты-то не поймешь, тебе легко дается — ты видишь черное и белое, и черное отрицаешь. А я... так не могу».

— Ты ошибаешься. Мне нелегко даются мои решения. И ты знаешь, я часто ошибаюсь. Я просто пытаюсь тебе помочь.

«А больше-то тебе делать нечего, правда?!» — выпалил Вик, сам испугавшись своих слов.

За его спиной раздался треск. На белоснежной стене появилась новая ниточка трещины. Чужая боль и обида потекли в легкие, словно разгорающийся кашель.

«Мартин, я...»

Мартин молчал. Ему впервые захотелось послать все к черту, развернуться, и выйти во вторую дверь. Раствориться в темноте, и ничего не решать и не нести ответственность за эти решения.

— А теперь слушай меня. У меня может, нет тела, и тебе показалось, что я такая

волшебная говорящая зверушка. Или какая-то сущность, приложение к тебе, само собой разумеющееся. Так вот, тебе неправильно показалось, ясно? — голос Мартина оставался спокойным, но что-то звучало в нем, до этого момента незнакомое.

«Я... не хотел так говорить...»

— Ты хотел, это-то меня и пугает. Да что с тобой происходит?! Да, жизнь у нас с тобой не из легких. Но я стараюсь, и до этого момента мне казалось, что у меня получается. Ты больше не голодаешь, тебя больше ни разу не избили, тебе не снятся кошмары и не мерещатся монстры, у тебя есть подруга... Что мне еще сделать?!

Что-то ползло по подбородку. Мартин раздраженно провел по нему тыльной стороной ладони. На коже осталась широкая бордовая полоса.

Несколько секунд он смотрел на свою окровавленную руку. Почему-то это зрелище заставило злость мгновенно смениться паникой.

«Мартин...»

— Помоги мне... я ищу дорогу в темноте. Мне не всегда удается, но я стараюсь.

«Прости меня. Пожалуйста. Я правда был... неправ».

— Скажи мне лучше, почему ты закрылся ото всех, — попытался улыбнуться Мартин.

«Я... понимаешь, я ведь правильно поступил?»

— Не знаю, Вик. Понятия не имею. Но, по крайней мере ты точно сделал одну жизнь лучше.

«Тогда почему я этому не рад? Почему это решение мучает и преследует меня, и не кажется мне правильным?»

— Потому что такие решения, верны они или нет, никогда не даются нам легко.

«Почему так?»

— Потому что мы не живем в мире, в котором все правильно. Здесь поступать правильно бывает больно, и поступать подло тоже больно. Но кроме боли здесь много, много прекрасного, светлого, чистого. И боли гораздо меньше. Только давай не отворачиваться от этого прекрасного и светлого.

«Мартин... слушай, в доме ведь тихо?»

— Да, отец куда-то уехал.

«Пойдем поедим, а? Раз нельзя отворачиваться».

— Пойдем, — согласился Мартин, вставая с кровати.

Но, прежде чем пойти на кухню, он несколько минут в ванной отмывал от крови лицо и руки. Так, чтобы ни осталось ни тени, напоминающей о красном цвете, испачкавшем белую кожу. Мартину казалось, будто кровь вьелась в его руки намертво, и он не сможет ее оттереть. Но она послушно стекла в слив розовой водой, не оставив следа.

Действие 15

Солнце мое

*Мне было пять, а ему — шесть,
У лошадок наших нарисована шерсть,
Он ехал в черном, в белом — я,
Ему неведом проигрыш в боях.
Пиф-паф, он застрелил меня!*

Cher

Двадцать первого августа, в Лерин день рождения, Вику пришло первое письмо, написанное сестрой. Неловкие буквы, «И» выглядящая как «N», все же складывались в слова. Вик читал их, пока буквы не начали расплываться.

Лера старалась. Она выводила каждую букву, подбирала слова, и даже дала ему прозвище — она писала, что они как Кай и Герда из сказки, и что они обязательно встретятся. Но Вик чувствовал изменившееся настроение письма.

Лера начала забывать его. Она отдалялась, выросла, и в ее мире для него, Вика, осталось чуть меньше места.

«Кай». Прозвище ему понравилось — слово мягко звенело на конце зимней стужей, о которой он в последние месяцы так часто думал. Он написал его на ладони черной ручкой, и весь день ходил, сжимая и разжимая кулак. Ему казалось, что края слова мягко покалывают кожу. Оно было там, это прозвище, которое придумала его далекая, уходящая в память сестра. Он чувствовал его, словно льдинку с острыми гранями.

Лето уходило за горизонт малиновым закатом. Вик чувствовал, как тоскует Мартин — он не любил осень. Развеять эту тоску Вику было нечем. Дни он проводил около перевернутой лодки на берегу озера. Лисята подросли, порыжели, и теперь несколько самых смелых длиннолапых подростков подходили к нему совсем близко, осторожно забирая с протянутой руки кусочки сыра и хлебные корки. К Рише один из лисят вовсе улегся на колени, впрочем, через несколько секунд, испугавшись собственной наглости, сбежал в кусты.

В то утро Риша ждала Вика у забора с бумажным свертком в руках.

— Ты сияешь, как солнце, — улыбнулся ей Вик, запирая за собой калитку.

— Солнце? Мне нравится быть солнцем, — она протянула ему сверток.

— Что там?

Сверток был легким и объемным. Риша только нетерпеливо подтолкнула его под локоть: «Открывай!»

У него в руках лежала пара рубашек — шерстяная черная и тонкая белая. Под ними обнаружился черный свитер с высоким воротом.

— Меня папа просил передать, это братьев, неношенные... К школе, он сказал, ты не купил... Я тебе там... в общем вот.

У нагрудного кармана белой рубашки четкими стежками был вышит красный вензель «V», такой же, как тот, что вышил на парусах корабля Мартин.

На черной рубашке на плечах и рукавах была другая вышивка — золотистой нитью две широкие полосы и ромбовидная петля.

— Что это?..

«Это нашивки, Вик. Лоцманские. Ты любишь корабли», — напомнил Мартин.

— То есть... почему лоцман?

— Я специально у папы спрашивала, он мне нарисовал, — смутилась она. — Понимаешь, он... дорогу показывает. То есть кругом может быть шторм, или темно, а он знает берег, дно и как...

Риша совсем смутилась и замолчала. Вик несколько секунд разглядывал ее аккуратные стежки, а потом, поддавшись порыву, обнял, прикоснувшись губами к ее щеке.

— Спасибо, солнце... солнце мое. Солнце для всех пускай светит, ты будешь только мне, — сказал он, ласково проводя ладонью по ее волосам.

Риша счастливо улыбалась ему в плечо.

— Куда пойдём? — спросил он, разжимая руки.

— Мать сказала «раз мы все равно шляемся» земляники собрать, пойдешь со мной?

— Да, погоди, сейчас положу одежду и пойдём хоть землянику собирать, хоть хворост, хоть булыжники.

— Не любишь землянику?

— Люблю, — с улыбкой ответил он, разворачиваясь к дому.

Он не стал заходить, чтобы не проходить мимо кухни, где спал отец, и аккуратно сложил вещи на подоконнике, приоткрыв окно.

— А это твоё окно? — спросила Риша, когда он вернулся.

— Да, а что?

— Ничего, просто... никогда не видела, где именно ты живешь.

Она привычно взяла его за руку. Вик забрал руку, сжал ее плечи и несколько секунд внимательно разглядывал ее лицо, прежде чем снова взять за руку и направиться к лесу.

У нее голубые глаза. Чистые, яркие, как небо после дождя.

Что-то злое, темное, так больно давившее его после того, как он отказался ехать в приют, наконец-то отступало.

Часть взял себе Мартин. Часть он отбросил сам. Риша была рядом, не призрак какого-то там будущего. Человек с голубыми глазами, которого он, Вик, спас от одиночества.

— Риша, прости меня. Я себя... не очень красиво вел последние недели.

— Ты был далеко, — серьезно сказала она, и от этих слов Вик почувствовал, как позвоночник покалывают сотни ледяных иголок.

— Что?..

— Ну, ты ушел в себя. Тебе надо было побыть... ну наедине с собой. Слушай, Вик, я тоже хотела извиниться. Я не должна была... я просто... так испугалась, что ты уедешь, что я... Прости меня.

— Не надо, Риш. Пожалуйста, — с досадой попросил он, чувствуя, как холодеют ее пальцы. — Ты... ты можешь бояться. Знаешь, у меня есть... друг. Он говорит, что бояться или ненавидеть — это нормально. Это то, что делает нас людьми.

— Но ты из — за меня не поехал...

— И пусть это будет мой выбор, ладно? Я же обещал быть твоим другом. Читала «Маленького Принца»?

— Нет...

«Мартин, а можно ты ей расскажешь? Пожалуйста, я тоже хочу послушать!..»

«Почему нет», — ответил Мартин, до этого молча наблюдавший за происходящим.

— Слушай. Жил один человек, летчик. Когда он был вовсе не летчиком, а мальчишкой, младше нас с тобой, он нарисовал удава, который проглотил слона. Но взрослые, которые увидели эту картинку не увидели удава. Они сказали: «Это шляпа».

Мартин сел на корточки и пальцем начертил на дорожной пыли очертания рисунка, который видел в книге.

— Чтоб они понимали, — хихикнула Риша.

— Вот именно, — серьезно кивнул Мартин. — Тогда он нарисовал слона внутри змеи, но взрослые не поняли его, и посоветовали не рисовать змей, а интересоваться более полезными вещами, вроде истории и географии. Так ему пришлось стать летчиком...

Когда они подошли к полянке, Мартин как раз рассказывал Рише про Лиса. Она слушала внимательно и иногда кивала. Риша просила не прерываться, поэтому Мартину пришлось собирать ягоды, рассказывать сказку и рисовать в воздухе узоры — по привычке, так он легче сосредотачивался на рассказе.

Банка, которую Риша принесла с собой в сумке, стремительно наполнялась. Уже к полудню, наполнив до краев, они отнесли ее к Рише домой. Точнее нес Вик, а Риша шагала рядом и пересказывала ему какой-то фильм, который они с семьей смотрели по телевизору. Дома Ришина мать забрала у них банку, заставила их вдвоем пообедать, после чего вернула им банку пустой. Вик переглянулся с Ришей и пожал плечами. Работы он никогда не боялся.

— Пойдем на другую полянку, мы ту почти обобрали. С той полянкой озеро рядом, можно будет искупаться, — предложила она.

Мартин не слушал. Он чувствовал взгляд, устремленный ему в спину — словно камень, брошенный, и прилипший между лопаток. Он медленно обернулся.

Неподалеку от Ришиного дома стояла компания из четырех подростков. Один из них стоял чуть впереди остальных, и Мартин сразу понял, чей взгляд почувствовал. Он не знал ни одного из них, и мог поклясться, что ни словом с ними не обмолвился, но взгляды всех четырех были полны тяжелой, обжигающей ненависти и презрения.

— Риша, кто это?

— Что?..

— Мне не нравятся эти люди. Кто это?

— Это Вадик, — сникла она. — Они раньше с Женей дружили, а потом поссорились. Он ему что-то вроде должен. Он сейчас иногда ко мне цепляется... слушай, Вик, пожалуйста... я не хочу дома прятаться. Придется проходить мимо них, а они и ударить могут, и... в общем, я боюсь.

Она смотрела на него с отчаянием. Вадик смотрел с какой-то нехорошей, кривой ухмылкой.

«Мартин, слушай, давай к себе пойдем? Пересидим втроем пару часов, зайдем через окно. Отец все равно к нам не заходит, если мы тихо сидим», — предложил Вик.

У него были свои причины бояться. На безрассудную смелость есть право у тех, кто сам за нее расплачивается. А как убедить Мартина не подставляться в случае драки — он понятия не имел.

— Хорошо, давай пойдем ко мне, идет?

— Ты же говорил к тебе нельзя?

— Мы будем сидеть тихо. У меня... ты знаешь какой у меня отец, я бы очень не хотел,

чтобы он тебя обидел. Но если нужно спрятаться — лучше там. Все будет хорошо.

Когда Мартин обещал, ему было трудно не поверить. Риша кивнула и взяла его за руку. Он заметил, что у нее совсем холодные руки. За спиной раздался издевательский свист. Мартин крепче сжал ее руку. Мысль о том, что придется идти на хутор через лес или пустую дорогу вызывала глухую тревогу. Может, нужно было вернуться домой к Рише. Заставить ее пройти мимо, понадеявшись, что ее страхи пусты и их никто не тронет.

Но Мартин никогда не верил в меньшее зло.

Идти он решил по дороге, решив, что быть на виду все же лучше, чем устраивать гонки под прикрытием кустов и деревьев.

Они шли молча, не оборачиваясь, но Мартин чувствовал, что те четверо идут за ними. Риша сначала выглядела почти спокойной, потом — встревоженной, а к середине пути она побледнела еще больше обычного, и в уголках ее глаз Мартин заметил поблескивающие слезы.

— Риш, пожалуйста... ты же не думаешь, что я позволю тебя обидеть?

— Да что вам от меня надо?! — внезапно закричала она, отпустив его руку и разворачиваясь к дороге. — Оставьте нас в покое, я никогда никому ничего плохого не делала!

Четыре фигуры и правда были четко видны на фоне желтой дорожной. Они стояли вдалеке, но слова отчетливо разносились в сухом полуденном зное. В ответ донесся издевательский хохот и несколько слов, которые понял только Мартин и объяснять никому не собирался.

Он, схватив Ришу за запястье, притянул к себе. Ее била крупная дрожь, а из широко раскрытых глаз, из которых пропала всякая осмысленность, часто капали на лицо и воротник слезы.

— Риша, да что с тобой?!

Мартин почувствовал, как паника завязывается в тугий узел на его горле. Она едва стояла на ногах, и не смогла бы сбежать в случае опасности. К тому же она вцепилась в него мертвой хваткой, словно утопающая.

— Тише, все хорошо, я не дам тебя в обиду... — прошептал он, глядя ее во вздрагивающей от рыданий спине.

Под тонким платьем прощупывались позвонки и острые лопатки. Мартин поймал себя на неожиданной, неуместной сейчас жалости — она напомнила ему голодного, замерзшего котенка.

Но сейчас не время было поддаваться эмоциям.

С трудом отцепив ее пальцы от своей рубашки, он вытер ладонью слезы с ее лица и легонько встряхнул за плечи.

— Слушай меня. Слушай! Риша, не бойся, ничего плохого не случится, если ты будешь меня слушать, поняла?

— Да... да, я...

— Ты сейчас развернешься и пойдешь к моему дому. Пойдешь. Не побежишь. Как только мы исчезнем из вида — беги, как можешь быстро. Беги к моему дому, зайди сзади, там щель в заборе — чтобы тебя не тронули собаки. Мое окно открыто, заберись туда и сиди тихо, ясно? Если отец будет стучать в дверь — беги через окно, он выламывает ее за пару минут, ты успеешь. Тебе ясно?

— А ты?!

— А я с ними поговорю.

— Вик, не надо, они... они тебя убьют.

«Мартин, ты что, правда надеешься с ними договориться?»

«Я что, дурак?»

— Риш, пожалуйста. Со мной все будет в порядке, только ты должна уйти, иначе мы оба пострадаем.

Риша несколько секунд смотрела на него, а потом развернулась и пошла. Сначала медленно, потом все увереннее.

«Умница, девочка, — подумал Мартин, оборачиваясь к преследователям. — Вик, послушай...»

«А мне не надо ничего объяснять, Мартин».

«Прости».

— Что вам нужно? — спокойно спросил Мартин, подходя к поджидавшей его компании.

— С тобой хотели поговорить. Поэтому подружка твоя пускай уходит, все равно она никуда не денется.

— И о чем вы хотели поговорить?

— Ты себе не ту подругу выбрал.

— Тебя как зовут? — миролюбиво спросил Мартин.

Он знал, как зовут собеседника. Вадиму было лет пятнадцать. Высокий, жилистый, с удивительно неприятным лицом. Мартин подумал, что он похож на шакала или гиену — огромный рот, маленькие глаза, приплюснутый нос. И мелкие, будто заостренные желтые зубы, которые становилось видно, когда он ухмылялся.

От всей компании ощутимо пахло перегаром. Был еще один запах, сладковато-травянистый, которого Мартин не мог опознать. Но он догадывался, в чем дело — глаза у компании были абсолютно дурные.

— Вадим меня зовут. А тебя Витьком, так?

— Так. Я давно дружу с этой девочкой, и не слышал про нее ничего плохого. Я редко выхожу с хутора. Расскажи мне, Вадим, почему мне не стоит с ней дружить, — Мартин врал, сохраняя ледяное спокойствие и не забывая играть в детскую наивность.

Риша должна была побежать. До хутора оставалось недолго, минут пятнадцать хода. Если бегом — минут семь. И она должна была добежать.

— Шлюха она, как и ее мамаша, — Вадим зло сплюнул в пыль.

— Я не знаю, что это значит, — продолжал прикидываться блаженным Мартин.

— А мне кажется, что знаешь.

— Ей десять лет, мне восемь. Если я правильно понял, что вы имеете ввиду, то нам физически незачем... ничего такого знать. — Мартин внутренне поморщился от слишком сложной, ломающей образ фразы, и чтобы сгладить впечатление попытался сделать глупое лицо.

— Ты говори-ка давай как человек, ничерта непонятно.

— Говорю, маленькая она еще юбку задирать.

— Скажешь тоже, маленькая, — в глазах Вадима мелькнуло какое-то подобие симпатии. — Рассказать тебе, как мы в прошлом году...

Мартин почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Тело, в котором он был заперт, условность возраста, которой он был ограничен, связали его руки ледяной колючей

провоолокой. Он продолжал изображать заинтересованность, но на его лице все больше и больше проступала леденящая ненависть. Слова доносились словно сквозь туман, обрывками.

— Ничего не сделали...

«Мартин!»

— Потрогали немного, подумаешь...

«Мартин, Мартин, ты меня слышишь?!»

— А писку было, будто и правда...

На дороге, в пыли, прямо у его ботинка лежал длинный, ржавый гвоздь.

«Мартин!..»

— Ну, что ты скажешь? Понял теперь, с кем общаться не нужно?

— Понял, — ровно ответил Мартин, улыбаясь. — С выродками вроде тебя.

Гвоздь удобно лег в руку. Он был шершавым и горячим от нагретого его солнца.

— Ты, гаденыш...

— А теперь ты меня слушай, — Мартин уклонился от одного из друзей Вадима, пытавшихся схватить его за руку. — Если ее отец обо всем узнает, ты не доживешь до вечера. Вы четверо. Не доживете. А я клянусь тебе, что он узнает, если ты еще раз появишься рядом с ней.

— Я думал, с тобой можно договориться, — разочарованно протянул Вадим.

Впрочем, напасть на ребенка он почему-то не решался.

— А может быть... — меланхолично сказал Мартин, глядя, как Вадим наклоняется, чтобы что-то еще ему сказать. — Я сам тебя убью.

Он протянул руку, словно хотел толкнуть Вадима в плечо. Гвоздь вошел удивительно легко, почти без сопротивления, и Мартин не смог сдержать улыбку — так восхитительно, завораживающе приятно качнулась темнота в его душе.

На серой футболке стремительно расплывалось темное пятно.

А потом улыбка погасла.

«Прости, я тебя подвел».

«Ты... все правильно сделал», — прошептал Вик.

Он смутно понял, что рассказывал о Рише Вадим. Понял, почему Мартин не сдержался. И понял, что выбора у них обоих не было. Снова.

А еще Вику было страшно. Мартин не пытался больше уклоняться или хотя бы прикрываться от ударов — он смеялся. И смех был жуткий, каркающий и безумный. Взрослый.

Вся боль, все отчаяние, вся беспомощность и весь побежденный страх звучали в этом смехе.

— Ну его, припадочного! — раздался сквозь красную пелену голос.

Мартин не заметил, как остался один. Убедившись, что никто его не видит, он опустился на колени и уставился на пыль, в которую падала кровь с разбитого носа. А боли почему-то совсем не было.

...

Домой Мартин пришел через лес. Неподалеку, он знал, был небольшой ручей с чистой ледяной водой. Там он умылся и застирал рубашку. Он хотел поспешить к Рише, но рассудил, что его отец для нее не опасен, а вот увидев его в крови она обязательно испугается.

Он дошел до дома, когда солнце уже клонилось к горизонту. Залез в окно, как-то

отстраненно отметив, что это делать стало сложнее.

В комнате никого не было. Дверь была на месте. Мартин почувствовал, как в опустошенном яростью сознании прорастает ядовитый страх.

— Риша?!

— Я здесь, — раздался тихий голос откуда-то из-за шкафа.

Она сидела в щели между шкафом и столом, накинув сверху одеяло. В полумраке ее невозможно было разглядеть.

— Иди сюда, — позвал ее Мартин, опускаясь на колени и протягивая руку.

— Ты в порядке?.. Вик, у тебя кровь на лице... — испуганно прошептала она.

— Все хорошо. Я упал, когда убежал, — соврал он, притягивая ее к себе.

Она дрожала и тихо, беспомощно плакала, закрыв лицо манжетами. Мартин поправил одеяло, и не стал вставать с пола — так и остался сидеть, обнимая ее и ожидая, пока слезы у нее кончатся.

— Ты мне врешь... они тебя... они тебя били, да?..

— Риш, почему ты мне ничего не сказала? — вместо ответа спросил он.

— О чем?..

— О том, что им от тебя нужно.

Он почувствовал, как Риша замерла и чуть отстранилась от него.

— И ты... ты теперь...

— Что я? Что я должен сделать, Риш?

— Ты не станешь со мной дружить, да?

Вик стоял, намертво вцепившись в подоконник своей комнаты. Он даже оборачиваться на стены не хотел, чтобы не видеть, что еще там появилось. Он чувствовал себя запертым в клетке между двух костров — Мартину было больно. Рише было больно. И ему, Вику, от этого тоже было больно, мучительно и разрывающе.

— Кто тебе сказал эту глупость? Все будет хорошо, Риш. Я тебя не оставлю. Я не дам больше такому повториться. Все будет хорошо, солнце мое, — бестолково шептал Мартин, глядя ее по волосам и прижимая к себе.

На Мир-Где-Все-Неправильно опускалась темнота. Вик думал о том, что в этом мире дети не могут оставаться детьми.

Иногда они просто не имеют на это права.

...

— Риш, давай расскажем твоему отцу? — попросил Мартин, когда она, пригревшись у него на руках, наконец перестала дрожать.

— Нет, нет, ты что... он их убьет, — испуганно прошептала она.

— Тебе жалко?

— Его посадят в тюрьму, Вик... Я не хочу... не хочу об этом говорить, мне так... страшно...

— А если это произойдет снова?

— Я хорошо прячусь... почти всегда сбегала от них...

«Почти всегда», — повторил про себя Мартин.

— Ты поэтому меня ждала, да? Чтобы я не видел, если тебя подкараулят у дома?! — пораженный внезапной догадкой прошептал он.

Риша кивнула, не поднимая на него глаз.

Он чувствовал себя не лучше Вика. Он невольно стал причиной, по которой Вик увидел

самую черную изнанку мира, который он и так почти ненавидел. А еще Мартин, кажется, и сам начинал ненавидеть этот мир.

— Пойдем, я провожу тебя домой, — сказал он, вытаскивая из шкафа свитер.

— Мне... не надо, спасибо...

— Риш, тебя знобит. Ну что ты, ты же раньше брала мои вещи? Или ты хочешь, чтобы я тебя отпустил в темноте одной возвращаться?

— А если они снова тебя побьют?!

— Так можно это будет моим решением, а? Или ты думаешь мне будет спокойнее, если они... побьют тебя?

Риша взяла свитер. Мартин заметил, как она прикусила губу, и тонкая струйка крови побежала по ее подбородку. Он достал платок из шкафа и протянул ей.

— Пойдем. Я обещаю, все будет хорошо.

Мартин хорошо видел в темноте. Поэтому обратно они пошли как раз через лес, а не по дороге. Он видел тропинки, по которым можно было идти тихо, почти не наступая на ветки и не шурша листвой. Он специально надел на подругу черный свитер. Сам он надел темно-серый поверх белой рубашки — в случае чего он просто снимет его и уведет погоню.

Но в лесу и в деревне было тихо. До Ришиного дома они добрались без приключений. Мартин, неожиданно для Вика, принял предложение выпить чая. Вместо того, чтобы торопиться домой он сидел на кухне и развлекал Ришину мать какими-то невероятными историями из городской жизни, которые он сочинял прямо на ходу. Женщина сначала раздраженно на него поглядывала, но потом взгляд ее потеплел, и она даже посмеивалась. Она готовила ужин, и Мартин вызвался ей помогать. Охотно почистил полведра картошки и оципал курицу.

Принял приглашение остаться на ужин.

«Мартин, ты что делаешь, нам разве не надо бежать домой?»

«Мы не будем никуда бежать», — спокойно ответил он.

Риша тоже встревоженно на него поглядывала, но потом, что-то для себя решив, успокоилась и даже включилась в разговор. Дома, при свете, на кухне, где пахло готовящимся супом и свежим хлебом, рядом с матерью и Виком она неожиданно расслабилась.

После ужина Мартин помог перемыть всю посуду, а потом посмотрел на часы.

— Господи, как поздно! Простите, я, наверное, не должен был так задерживаться. Я пойду домой...

— погоди, не ходи один. Скоро Слава вернется, он тебя проводит.

— Простите, папа будет волноваться. Не хочу доставлять вам неудобства — а можно я пойду с Женей? — Последние слова Мартин произнес дрогнувшим голосом очень-очень послушного ребенка, чтобы скрыть нотки предвкушения.

— Да, ты прав. Женя как раз дома. Я его позову.

Мартин стоял в дверях, и безучастно смотрел, как Женя спускается. Надевает куртку и шнурует ботинки.

— Спасибо вам большое! Риша, до завтра! — попрощался он, широко улыбаясь.

Женя смотрел на него со смесью презрения и раздражения. Дверь за их спинами захлопнулась.

Половину дороги они провели как обычно, молча — Женя курил и нетерпеливо оглядывался. Когда они ушли достаточно далеко, Мартин остановился.

— Ты чего встал? Шевелись давай, — бросил Женя через плечо.

— Что ты задолжал Вадиму? — спросил он.

Вик и не знал, что голос Мартина может звучать так холодно. Может быть и была какая-то комичность в худом и бледном ребенке, ледяным голосом спрашивающим что-то у почти взрослого парня, но смеяться было некому.

— Что?..

— Что ты задолжал Вадиму? — терпеливо спросил его Мартин.

— Твое какое дело, сопля?!

— До тебя мне дела нет. И до твоих долгов тоже. Но сегодня за твои долги спросили с меня. А главное — спрашивают с твоей сестры.

Мартин научился у деревенских детей не только ловить рыбу. Он стоял, склонив голову к плечу, и думал, как славно было бы повторить трюк с гвоздем.

Как славно было бы воткнуть этот гвоздь прямо в глаз Ришиному брату.

— Да что ей будет-то... — ляпнул Женя, сам испугавшись своих слов.

— Может быть и ничего. Где Вадим берет наркотики? А? Может, он ими торгует?

Мартин блефовал. Он понятия не имел, правда ли Вадим имеет пристрастие к наркотикам, и тем более связан ли он как-то с их продажей, только надеялся, что правильно понял смысл точек зрачков и развязного поведения. Но по изменившему лицу Жени он с удовольствием отметил, что угадал.

— Не твое дело, понятно?

Женя поморщившись сделал к нему короткий шаг.

— Что скажет твой папа, если узнает, с какой компанией ты связался? Что скажет твой папа, если узнает, как за это Ире «ничего не было»?

— Ты... ты ему ничего не скажешь, ясно?!

— Я ничего ему не скажу, — согласился Мартин. — А ты за неделю вернешь до копейки своему Вадиму деньги, которые ему должен. Или не вернешь — твое дело. Но рядом с твоей сестрой и со мной этих людей больше не будет.

— Ты о себе много думаешь, сопляк. Думаешь, мы и таких не ломали?

— Такие как ты никого не ломали, Жень. Ты подлое и трусливое ничтожество, таким ты и останешься. Можешь меня избить — я не боюсь боли. Можешь поджечь ночью мой дом — я не боюсь смерти и не питаю нежных чувств к этому сараю. Только знай, что то, что случилось зимой с елкой может произойти и с тобой. Ира единственная, любимая дочка. И твой отец никого из ее обидчиков не простит, и тебя тоже. Понял меня?

— Да ты...

— Ты меня понял? — Мартин спрашивал спокойно, почти ласково, как у непослушного ребенка.

— Да, — выплюнул Женя.

— Ну и отлично. А теперь иди — я как раз должен был дойти до дома. И еще... не срывайся на ней за сегодняшний разговор. Хочется — ударь меня.

Мартин с презрением смотрел, как Женя сжимает и разжимает кулак.

— Так я и думал, — сказал он, разворачиваясь к дому.

«Мартин, что теперь будет?..»

— Ничего не будет, Вик. Просто теперь нам придется играть в их игры. Я бы все отдал, чтобы ты в них не участвовал.

«Не надо, Мартин. Я не люблю, когда мне врут. А не участвовать значило бы жить,

когда тебе целый мир врет».

— Спасибо тебе.

Вик почувствовал, как отступает боль. Мартина, Риши, и его собственная. Он прикрыл глаза. Ему ничего так не хотелось, как жить в Правильном Мире. И он свято верил Мартину, который однажды сказал, что единственный способ оказаться в таком мире — жить так, как будто ты уже там.

В этом мире не совершают подлостей и не предают друзей. И не боятся зла.

Потому что бояться зла — значит потворствовать ему.

Действие 16

Чудесные годы

*Обновка —
Стальная мышеловка.
Мышей ловить я не люблю,
Я мышеловкой их ловлю.*

С. Маршак

Первого сентября занятия не начались. Отстояв под морозящим дождем свою первую в жизни школьную линейку, Вик отправился искать кабинет директора.

Отец все-таки потрудились отнести его документы в школу, коротко бросив: «Не будешь больше целыми днями без дела по дому болтаться». Вик посмотрел на отца почти с нежностью — он приходил домой только ночевать, и об этом знала, наверное, вся деревня. Но только сегодня отец сообщил Вику, что ему нужно было пройти какое-то тестирование для зачисления в класс. Вик с тоской подумал, что из-за отца он может потерять еще один год, и они с Мартином будут одинаково нелепо чувствовать себя за партой.

Вик был спокоен и серьезен — взрослых он не боялся, как не боялся и вступительных тестов. Риша утверждала, что даже в ее классе многие не умеют нормально читать.

Мартин с тоской оглядывал выкрашенные светло-зеленой краской полы и светло-серые стены. Прямо над кабинетом с табличкой «Языковедение» была написана нецензурная фраза, на двух языках. Буква «О» на табличке была выжжена сигаретой. На другой стене он разглядел плохо замазанное серым черное изображение того, о чем говорилось во фразе над дверью.

Кабинет директора оказался просторным и светлым. Вдоль стены напротив окна тянулся стеллаж, заставленный книгами. Директорский стол располагался у другой стены. К нему вела темно-красная ковровая дорожка.

«Мартин, видел какое убожество?..»

«Не лишаешь пожилого человека маленьких мещанских радостей», — дипломатично отозвался Мартин.

Вик, фыркнув, прошел по линолеуму рядом с дорожкой.

— Здравствуйте. Папа сказал зайти к вам. Моя фамилия — Редский, — представился Вик таким голосом, будто его фамилия вызывала ассоциации не с алкоголиком, разводящим свиней, а местным аристократом.

Директор был пожилым, невысоким мужчиной, с округлым животом и мягкими щеками, покрытыми редким седым пухом.

— Ты сын...

Вик закатил глаза. Несмотря на бравладу, он знал, что уважения его фамилия ни у кого не вызывает.

— Мужчины, который был у меня вчера?

— По видимости, — усмехнулся он.

О том, что он отнес документы в школу, отец сообщил ему месяц назад.

На потускневшей золотистой табличке на краю стола было выгравировано «Яков Федорович».

— Сколько тебе лет, мальчик?

— Восемь.

— Почему ты не пошел в школу в прошлом году?

— Мы с папой только переехали с Севера, и...устраивались. Папа, видимо, забыл отнести мои документы.

— Ты умеешь читать?

— Умею.

— Правда?

Вик, до этого чувствовавший себя спокойно и расслабленно, изумленно вскинул глаза. Он медленно подошел к стеллажу и открыл первую попавшуюся книгу.

— ...Я таков, каков я есть, разве мог бы я избавиться от самого себя? И однако же, я пресыщен собою... На такой почве презрения к самому себе, настоящей болотной почве, вырастает всякая сорная трава, всякое ядовитое растение, и все это так мелко, так исподтишка, так нечестно, так приторно...

Он закрыл книгу, посмотрел на обложку.

— «Генеалогия морали», Ницше... да, у меня на чердаке таких книг не валяется.

«Вик, ты же понимаешь, что это дешевый эпатаж и позерство?» — с улыбкой спросил Мартин.

Впрочем, он гордился собой и другом — за этот год Вик научился читать бегло, без запинок, писал с небольшим количеством ошибок, к тому же они поработали над подчеркиком, в результате чего буквы у него выходили четкими, острыми и одного размера.

«Зачем отличаться от других, если нельзя эпатировать и позерствовать?» — улыбнулся Вик в ответ.

— Хорошо, считать, я так думаю, ты тоже умеешь. Как тебя зовут?

— Виктор.

— Прочитай мне стишок, Вить.

— Какой?

— Любой. Свой любимый.

Вик задумался. Он знал пару детских стишков, которые намертво въелись в память — их разучивал с Денисом, младшим Ришиным братишкой, Вячеслав Геннадьевич. Были стихи, которые рассказывал ему Мартин — Вик до сих пор не знал, откуда он брал те, что не сочинял сам.

— А можно... короткий? Про школу?

— Да, конечно, — Яков Федорович смотрел на него с выражением сдержанного интереса.

«Может лучше прочитаешь тот, про кузнечика?» — без особой надежды спросил Мартин, отчаявшийся убедить друга вести себя скромнее.

— Кто замуж выходит
за ветер?

Госпожа всех желаний
на свете.

Что дарит ей к свадьбе

ветер?

Из золота вихри
и карты всех стран
на свете.

А что она ему дарит?
Она в сердце выпускает
ветер.

Скажи ее имя.
Ее имя держат
в секрете.

(За окном школы — звездный полог.)

— Ты занимался с репетиторами в городе? — без особого удивления спросил директор.

— Да, можно... и так сказать, — тактично соврал Вик, почти оскорбленный его равнодушием.

— Пойдешь завтра в двести семнадцатый кабинет, в восемь утра. Напишешь несколько письменных тестов у Ирины Владимировны, мне некогда. Я ей дам инструкции. Слушай меня. Скажешь в классе, что первый класс закончил в городе, второй — дома экстерном из-за слабого здоровья. Больше не выпендривайся, старайся не выделяться — тут таких не любят. Все понял?

— Вы меня отправляете... сразу в третий класс?

— Проще бумаги подмахнуть, чем объяснять, почему такой лоб в первом классе торчит, — пробормотал Яков Федорович, опуская глаза к записям. — Можешь идти.

Вик стоял, задумчиво оглядывая стеллаж и перенося вес с пятки на носок. Наконец он выпалил давно мучивший его вопрос:

— В школе есть библиотека?

...

Библиотекарем оказалась девушка весьма неформальной внешности. Высокая, полная, с выкрашенными в желтоватый цвет волосами, в серой рубашке, черных джинсах, ботинках на толстой подошве и ярко-красном платке, завязанном на манер банданы. Губы она густо красила красной помадой, в тон платку.

Девушка сидела в кресле, погруженная в чтение любовного романа с полуголым мужчиной на обложке и курила, стряхивая пепел в стоящую на полу банку из-под огурцов.

Когда Вик зашел, она только смерила его презрительным взглядом и вернулась к чтению.

— Простите, уважаемая, как вас зовут? — тактично спросил он.

— Мамку свою будешь такими словами называть, — хрипло ответила она, не поднимая взгляда.

— Что нужно сделать, чтобы взять у вас книгу?

— Снять ее с полки, а потом поставить на место. Даже козявка вроде тебя должна справиться.

— А если я не верну ее на место? — из праздного любопытства поинтересовался Вик.

— Ты попадешь в ад, — просто ответила девушка, щелкая зажигалкой.

«У них тут... суровые порядки», — усмехнулся Мартин.

«Мне подходит. Тебе что взять?»

«Вижу вот там сборник Стивенсона, дотянешься?»

Вику было страшно носить книги домой. Он прятал ящик на чердаке так, чтобы отец, даже если ему вздумается туда залезть ничего не нашел. Книгу, которую он читал сейчас, а также тетрадь с историями Мартина, он прятал в нише под шкафом или засовывал в дырку в матрасе. Причины ненависти отца к чтению он не понимал, но правила игры принял. Впрочем, это не значило, что он собирался отказываться от возможностей, которые давала ему школьная библиотека.

Библиотека была довольно бедной, и на полках стояли в основном «взрослые» книги. Вик подозревал, что девушка заказывает новые издания для себя или приносит что-то из дома. На стеллаже «для старшего школьного возраста» он обнаружил несколько томов Чака Поланика, Чальза Буковски, Курта Воннегута, Нила Геймана, и около сотни женских романов. Вику фамилии авторов ни о чем не говорили, но даже по обложкам некоторых из них он догадывался, что для школьников, даже старшего возраста их могла рекомендовать только эта экстравагантная особа. Одну из книг он открыл и прочитал страницу из середины.

«Чего понаписано-то? Еще и по-английски половина», — изумленно сообщил он Мартину.

«Я бы вернулся к этой книге... лет через десять», — усмехнулся Мартин, который прекрасно понял, что там понаписано.

Вик поставил книгу обратно на полку..

На вытертом корешке книги было отпечатано «Заводной апельсин».

Тесты он прошел без труда. Школа оказалась такой, как описывала Риша — учителя были уставшими, нервными, не следили за порядком и не стремились к контакту с учениками. В первый же день Вик сидел в душном кабинете рядом с девочкой, которая непрерывно надувала пузыри из желтой жвачки. Вокруг царил хаос — кто-то разговаривал, кто-то пускал по кабинету бумажные самолетки, от которых Вику приходилось уворачиваться примерно два раза за минуту, а в середине класса четверо, сидя на столах, играли в карты.

Над ухом раз в несколько секунд щелкал лопающийся пузырь. «Щелк». Девочка была сосредоточена на своем занятии, взгляд у нее был полностью отсутствующий.

Вик не мог даже понять, на каком предмете находится. Учительница, пожилая женщина с тугими серыми кудрями, что-то монотонно читала с конспекта.

«Мартин, ты что-нибудь понимаешь?»

Щелк.

«Если честно — нет. Я ждал, что будет плохо, но не до такой же степени... Слушай, эти четверо, кажется, костер сейчас разведут прямо посреди класса».

Щелк.

В затылок ему все-таки прилетел самолетик. Вик, досадливо поморщившись, поднял его с пола, смял и засунул в углубление на парте. Позади раздалось несколько неодобрительных голосов.

Щелк.

— Милая, ты знаешь, что мне напоминает твоя резинка? — игриво обратился он к соседке.

— Чего?.. — тихо переспросила она, оторвавшись от своего занятия.

— Я спросил, знаешь ли ты, что напоминает твоя жевательная резинка?

— И что? — спросила она, впрочем, безо всякого интереса.

— Гнойный нарыв. Он растет, заполняется желтоватой, вот как твоя жвачка, жидкостью, а потом лопается, — доверительно сообщил Вик. — И брызги во все стороны.

— Дурак, — обиделась девочка, отодвигаясь подальше.

Через несколько секунд, думая, что он не видит, она с отвращением сплюнула жвачку в ладонь.

«Ты решил поссориться со всем классом?» — усмехнулся Мартин.

«Нет, я просто... Слушай, у меня болит голова. Мне здесь не нравится».

«Я понимаю... давай посмотрим, что дальше будет. Может у других учителей больше авторитета? О, смотри, что-то пишут на доске. Это, видимо, природоведение».

Следующий урок прошел чуть спокойнее. Вику удалось присмотреться к своим одноклассникам. Их было около пятнадцати человек. Один мальчик выглядел явно крупнее остальных. Он напоминал Вику бычка — у него была совершенно квадратная голова, короткие, черные волосы, маленькие глаза и широкий нос. Он сидел неподвижно и смотрел на лицо учителя, если он говорил, и на доску, если учитель что-то писал.

В классе учились шесть девочек и девять мальчиков. Кроме того, черноволосого, никто особенно не выделялся. Все они были одеты, как другие дети в деревне — девочки в немаркие платья, мальчики в рубашки и разлохмаченные к низу штаны. Один пришел на уроки в шортах, и все время почесывал длинные, голые ноги. Все пытались делать вид, что слушают, что говорит учитель — высокий, худой мужчина с огромными карими глазами. Вид у него был печальный и немного растерянный. Вику казалось, что такого человека вообще не должны слушать, но, как ни странно, именно на его уроках сохранялось некое подобие дисциплины. Вел он математику. За весь урок он ничего не написал на доске, но все время крутил в пальцах кусочек мела.

Вику учитель не понравился. Он разговаривал с классом будто перед ним были умственно неполноценные дети. Интонации его были ласковыми, голос — преисполненным терпения, и каждую реплику он повторял по три раза.

Мартин из солидарности сидел в проеме и наблюдал за ходом урока. У него учитель вызвал только сочувствие — он прекрасно понял, почему у него такой печальный взгляд и терпеливый голос.

Обедать Вик не пошел — едва услышав звонок, дети вскочили со своих мест и устремились к выходу. Раздался грохот переворачиваемой парты.

Вик поморщился. Голова у него болела все сильнее.

Уходя, он заметил, как тот самый мальчик, тяжело вздохнув, возвращает парту на место.

Коридор был пуст. Судя по всему, все дети находились в столовой. Вик подошел к окну и попытался его открыть — во всей школе стояла ужасная духота. Оконная ручка была отломана у основания. Так же, как и все остальные ручки на всех остальных окнах.

Он хотел найти Ришу, справедливо полагая, что она тоже не пошла обедать вместе с остальными. Но ее нигде не было. Зато он нашел Ниса, сидящего на полу и меланхолично жующего бутерброд.

— Привет! Где Риша, не знаешь? — дружелюбно улыбнулся он мальчику.

— Женя сказал мне с тобой не разговаривать, — отозвался он, не отрываясь от еды.

— А ты не разговаривай, скажи мне, где твоя сестра и молчи, — предложил ему Вик.

Нис не ответил.

Вик пожал плечами и отошел к окну. Он нашел заклеенную скотчем пробойну. Оттуда хоть немного дуло. Мысль выйти на улицу посещала его все чаще, но отчетливо понимал, что не сможет заставить себя вернуться.

«Знаешь, во всем этом есть по крайней мере один плюс», — раздался голос Мартина.

«И какой?»

Вик не видел ни одного.

«Ну... два года этой каторги тебе скостили», — ободряюще ответил он.

Следующие два урока были отведены под чтение. Так в расписании и было написано, и Вик долго пытался представить, как выглядит чтение на уроке — уж точно никто не показывает бабочек и корабли. И вряд ли ему позволят просто посидеть в тишине и почитать — он был на что угодно, даже на ужасные инструкции к лекарствам, которые всегда целиком прочитывал Мартин.

Но ни бабочек, ни инструкций к лекарствам на уроке, конечно, не было.

Дети по цепочке читали рассказ из учебника с желтоватыми страницами и огромными буквами. Почти все читали по слогам.

Рассказ был тяжелый, мутный, про мальчика, который учился читать ради того, чтобы его кормили. Вик прочитал его за первый урок и мучился от скуки. Мартин предложил поменяться, но Вик справедливо рассудил, что наблюдать из пустой комнаты за происходящим едва ли будет веселее.

Вспомнив совет директора, Вик читал, иногда запинаясь на длинных словах. С ним никто не разговаривал, и внимания на него никто не обращал, что его, в сущности, целиком устраивало. Едва прозвенел звонок, он бросился из школы, забыв застегнуть рюкзак.

Он никогда не замечал, какой чистый воздух на улице. Как сильно пахнет цветами, травой, водой, как прекрасно это истошно-синее небо, и как теплый ветер гладит лицо.

«Мартин, ты помнишь, как мы про Дантеса читали? Я только что понял, что он чувствовал, когда вышел из тюрьмы».

Мартин только сочувственно вздохнул. Битва с системой образования была проиграна заранее.

«Ладно, все хорошо, что уже закончилось. Пойдем, я кажется, вижу Ришу», — сказал он, указывая на забор.

Она и правда стояла в тени огромного тополя, затравленно озираясь по сторонам.

— Привет. Ты кого-то ждешь? — спросил Вик, подходя к ней.

— Тебя, — улыбнулась она, отрывая взгляд от шумной толпы детей, выходящих из школы. — Ты где был? Я тебя не видела с первоклассниками...

— Меня минуло, к счастью. Как-Там-Его Федорович, мне дал направление в третий класс.

— Ух ты! — улыбнулась она. — Это здорово! Театральная студия как раз с третьего класса!

«Мартин, да за что мне это?!» — простонал про себя Вик.

«Не переживай, у нас будет самое авангардное прочтение „Колобка“ во всей стране», — без особого, впрочем, энтузиазма, отозвался Мартин.

— Я этому безумно рад, — вежливо соврал Вик, уводя Ришу от школы подальше, пока она не решила предложить записаться прямо сейчас.

Чем дальше позади он оставлял школу, тем лучше становилось его настроение. Риша

шла рядом, погруженная в собственные мысли.

— Слушай, у меня одноклассник один такой странный — высокий, спокойный, с таким... простым лицом. Ходит по классу и вздыхает тяжело. Не знаешь, кто это?

— А, это... не обращай внимания, это Матвей. Он хороший вообще-то, просто... не очень умный. Долго соображает. Ты не подумай, я не со зла так говорю, — торопливо исправилась она. — Он в каждом классе по два года. Его бы переводили, без проблем, но он на всех контрольных, на всех экзаменах пустые листы сдает. И мама его все ходит, проверяет, чтобы результаты не подделывали. Она все надеется, что он чему-нибудь научится...

— А почему ему никто не помогает?

— Да не хочет никто, — просто ответила Риша. — Я как-то пыталась — а он только смотрит грустно и головой мотает. И не понимает вот совсем ничего. А я... ты знаешь, я плохо умею объяснять. Но он очень старается.

...

На следующий день в классе находилось вдвое меньше учеников, чем в первый. Математик с грустными глазами в начале урока устроил переключку и что-то отметил в журнале. Вик, выходя к доске, чтобы решить уравнение, про которые вчера ему рассказывали, заглянул в журнал. Там не было посторонних отметок. Все дети присутствовали на занятиях.

Математика ему понравилась. Раньше они с Мартином решали простые задачи, выучили таблицу умножения и даже прорешали часть заданий из учебника Риши. Но сейчас его и Мартина обрывочным знаниям наконец-то давался порядок.

После урока он пересел к Матвею. Он не поднял глаза от листа, на котором было написано единственное уравнение, самое простое, из трех компонентов.

Вик вырвал из тетради лист и разорвал его пополам. На одном нарисовал злую, острую семерку, на другом — единицу и четверку. Что-то написал на ладони, и нарисовал на тыльной стороне небольшой крест.

— Какое число я держу в руке?

— Что? — Матвей будто впервые увидел его.

— Какое число я написал на ладони? — терпеливо переспросил Вик.

Так ему когда-то показывал решение Мартин.

— Ну... семерку, что дальше? — удивленно спросил Матвей.

Вик разжал кулак, показав ему такую же четкую семерку, как на листе. Потом перевернул руку, показывая ярко-синий «икс». Потом указал на такой же «икс» на его листе.

Матвей смотрел на лист несколько минут. Вик заметил, как на его лбу выступили капельки пота. Затем Матвей кивнул, сложил лист вчетверо и продолжил смотреть уже в чистый стол.

«Вик, это же сейчас был не акт альтруизма, правда?» — спросил Мартин, до этого молча наблюдавший за сценой.

«Нет. Но я никому плохо не делаю — я помогаю отстающему товарищу», — улыбнулся Вик. Незаметно, самыми уголками губ.

Мартин только вздохнул. Сам показал, как манипулировать людьми, нечего удивляться, что Вик понял, как это делается. Лицемерием Мартин не страдал и не стал читать нотации.

Последними двумя уроками опять стояло чтение.

«Мартин, слушай, давай мы пойдем читать в библиотеку, а ты сделаешь вид, что я

ничего плохого не делаю, а?» — взмолился Вик, который от мысли о том, что опять придется слушать, другие запинаясь, по строчке читают вслух, ощутил приступ тошноты.

«А что ты плохого сделаешь, будешь читать на уроках чтения?» — со вздохом спросил Мартин, не видевший смысла заставлять его.

К тому же он заметил, что другие дети на него косо поглядывали. Он понимал причины раздражения — белая рубашка, расчесанные волосы, чистые рукава и общая серьезность и дисциплинированность Вика слишком сильно контрастировали с окружающей обстановкой. Еще немного, и от неясного раздражения он мог начать вызывать открытую агрессию.

«В конце концов... — рассудил про себя Мартин, — директор сам просил не выделяться».

Девушка в библиотеке, кажется, не меняла позы с тех пор, как он ушел оттуда.

— Как вас все-таки зовут? — поинтересовался Вик, твердо решивший подружиться с ней.

— Вот настырная шмакодявка. Вера я.

Вик облегченно вздохнул — хоть у кого-то было нормальное имя.

— Хотите я вам чем-нибудь помогу?

— Да. Заткнись.

Справедливо рассудив, что на сегодня лимит общительности Вера выработала, он снял с полки томик с надписью «Волшебник Земноморья» и с ногами забрался в соседнее кресло.

Спустя пару часов он предложил Вере открыть окно.

— Не нравится — проваливай, — меланхолично предложила она.

Вик только пожал плечами. В библиотеке было тихо и практически пусто. Веру можно было считать чем-то вроде тлеющей в пустом кресле сигареты. Дым ему не так уж и мешал, отец много курил на кухне, и Вик давно смирился с тем, что этот запах будет преследовать его все время.

Еще через час он поставил книгу на полку — из расписания внизу он знал, что занятия у Риши должны уже закончиться. Если она, конечно, не пришла к тому же выводу, что он сегодня.

— До свидания, — вежливо попрощался он.

— Ты что, опять припрешься? — спросила Вера, поднимая на него тяжелый взгляд.

— Да, — не стал отпираться Вик.

— Клей возьми с собой, поможешь мне переплеты починить, — безапелляционно заявила она.

— Хорошо, — покладисто ответил он, закрывая за собой дверь.

Школа перестала казаться им таким ужасным местом.

Действие 17

Перед антрактом

*Всю свою жизнь я делал добро, когда мог,
и зло, когда это было необходимо.
Прощать обиды врагам — не значит быть справедливым.*

Жюль Верн.

Оказалось, Вера иногда покидала библиотеку — она вела уроки труда. В первый раз увидев, как его одноклассники сосредоточенно вырезают цветочки из цветной бумаги, чтобы сделать открытку маме, Вик успел не на шутку испугаться. Мысль о подобном занятии ему претила по двум причинам — во-первых, он считал его глупым, а во-вторых, не представлял себе, что можно сделать для матери. Что могло бы ее порадовать? Вырезать из бумаги спящего отца? Или сразу мертвого?

На его счастье, у Веры были другие планы. Она несколькими уверенными движениями начертила на доске макет открытки, объяснив, как и где должна располагаться надпись, а потом обвела класс тяжелым взглядом.

— Кто хочет помочь мне в библиотеке?

Тишину в кабинете, казалось, можно было зачерпнуть ложкой. Вик уже знал, что Вера пользовалась дурной репутацией среди учеников, а библиотека считалась чем-то вроде каторги.

— Вот ты пойдешь, давай, шевелись, — бескомпромиссно указала она на Вика, не дав ему вызваться.

Он с нескрываемым облегчением вышел в коридор.

— Если тебе хотелось клеить открытку маме...

— Мне хотелось сложить руки на груди и выпасть из окна, — честно ответил Вик.

— Мне тоже, — серьезно ответила Вера.

— Я Виктор.

— Да плевать.

«Зато честно», — усмехнулся Мартин.

До обеда Вик успел склеить несколько переплетов и подшить пять растрепанных томов.

— Ты — сын этого алкаша, который спит со своими свиньями? — спросила Вера, мывшая в это время окна.

— Папа спит со своей бутылкой, — тактично ответил Вик, которого окончательно перестали уязвлять такие выпады.

Мартин даже не пошевелился. «Алкаш, который спит со своими свиньями» — ну и прекрасно, «зато честно».

— Ты я смотрю не очень-то уважаешь отца, а?

— А за что мне его уважать? Может, я мог бы выглядеть хорошим сыном, но не хочу выглядеть дураком.

— Заворачиваешь красиво, сразу видно, что книжки читаешь, — с оттенком одобрения

сказала Вера откуда-то из-за занавески. — А что, кстати у тебя с этим ненормальным, Савой?

— Я знаю много ненормальных, но не помню, который из них Сава, — проворчал Вик, разглядывая развалившийся по странице томик «Капитана Блада».

— А это тот, которого из школы отчислили несколько лет назад. Заходил вчера про тебя спрашивал, я сказала, что за тобой слежу по просьбе твоего отца. Он сказал, что хорошо знает твоего папу и сегодня зайдет к вам в гости.

— Спасибо...

«Мартин, у нас проблемы».

«Я слышу».

— Слушай, мальчик, мне, конечно, наплевать, но ты понимаешь, насколько плохо надо себя вести, чтобы вылететь из этой школы?

— Да. Это не мой друг. Это, видимо... друг брата моей подруги, а с братом у нас недавно был конфликт.

Вера молчала. Только тряпка скрипела по стеклу.

«Мартин, что нам делать?»

«Я думаю, Вик... Сначала нам стоит поговорить с Ришей. И подумать... Черт возьми, столько времени все было спокойно, и вот, пожалуйста, один за другим... — бормотал Мартин, а потом вдруг рявкнул: — Да пошло оно все, мне что, было мало других проблем?!»

Вик услышал треск. Кажется, Мартин ударил кулаком по косяку.

«А тебе сегодня изменяет сдержанность, не правда ли?» — усмехнулся он.

На стене висело небольшое мутное зеркало. Вик смотрел в него не отрываясь. Он видел там Мартина — побелевшего от злости, судорожно сжавшего пальцы вокруг невидимого препятствия.

«Мы справимся, Мартин. А если хочешь — я положу в карман пачку гвоздей, и ты сможешь втыкать их в людей сколько тебе захочется», — ободряюще предложил ему Вик.

«Боюсь, Вик, не поможет нам пачка гвоздей... Я придумаю, как из этого выпутаться. Прости меня, кажется, я втянул тебя в неприятности».

«Что ты, Мартин. Это не ты меня туда втянул», — по-взрослому устало вздохнув, ответил Вик.

— Вера, а Вера.

— Чего тебе?

— А ты где до этого работала?

— О себе — не рассказываю, — отрезала она, спускаясь с подоконника.

— Тогда про Саву расскажи, — покладисто предложил Вик.

— А что про него рассказывать? Наркоман, барыга и конченный гондон. Отчислили его после того, как его брата убили.

— И как убили его брата?

— А сторож наш, Степаныч, лопатой его по хребту вытянул... неудачно. А я думаю — очень даже хорошо получилось.

«Мартин, кажется нам больше не стоит прогуливать уроки...»

— А за что, говоришь, у вас учеников лопатами забивают?

— Не скажу, — резко ответила она. — Вот Сава после этого сторожку поджег, его отчислили. А брата его похоронили, хотя стоило бы бросить собакам.

«Кстати о собаках, Мартин. Как тебе идея — возьмем ведро хлебных корок, придем к этому... к Саве. Придумаем ему имя нормальное и...»

«Вик, отстань, а?»

— В общем, лучше к Саве близко не подходи, — подытожила Вера, забирая у него многострадального «Капитана».

— Это — на списание. Или забереешь этого калеку?

— Конечно заберу, — с радостью ответил Вик. — А что делать, если Сава ко мне подойдет?

— Бежать, — серьезно ответила Вера, усаживаясь в кресло и раскуривая сигарету.

Больше из нее не удалось вытянуть ни слова.

...

После школы Вик нашел Ришу стоящей у забора.

— Риш, к тебе кто — то подходил? Угрожал? — сразу спросил он.

— Нет, мне... Вик, они все-таки...

— Кто такой Сава?

— Сава?.. Он страшный человек... Он... это он тогда... он тоже...

«Вик, можно я, а? Помягче бы с девочками...»

— Тише, не бойся. Давай мы отсюда сейчас уйдем, а ты мне расскажешь, что там за драма с братьями, сторожами и лопатами.

— Он сторожку в школе поджег, после того как... как... там была какая-то ссора... у сторожа... нам ничего не рассказывали, но в деревне говорят, что его брат вечером у школы напал на девочку... Вот, после похорон брата Сава совсем сорвался. Он все время деньги ищет. В долг ему никто не дает уже — он не возвращает... Он вообще-то вор, но иногда...

— Я понял, не продолжай. Скажи, ты еще знаешь кого-нибудь из Жениных друзей, кого стоит бояться?

— Только Саву и Вадима. У Жени мало друзей, его тоже не очень любят...

«Удивительно», — прошипел про себя Мартин. Вслух же он беззаботно спросил:

— А почему никто из взрослых до сих пор не озаботился его излишней тягой брать чужое?

— А он у взрослых редко ворует. У ребят, по мелочи, но у них кроме этой мелочи ничего нет... Вик, не связывайся с ним, он правда... жестокий.

— Такой жестокий, что ворует мелочь у детей. Знаешь, Риш, я думаю, что в мире столько зла и жестокости потому, что мы их боимся.

Она только тяжело вздохнула. Вряд ли ей хотелось противостоять злу и очертя голову бросаться в какую-то там борьбу за справедливость. Ей просто хотелось покоя. Впрочем, Мартину и Вику хотелось того же.

— Слушай, Риш, помнишь, ты хотела записаться в театральную студию? — сменил тему Мартин.

«Предатель!»

«Нас это все равно не минует».

— Да, я... мне показалось ты не хочешь...

— Я же обещал тебе пойти туда с тобой. Хочешь — пойдем завтра?

— Да, — в глазах ее блеснула искренняя радость.

Мартин увел их глубоко в лес, мимо знакомых тропинок и мимо тропинок вообще. Он все время опасался преследования, но они были одни. Впрочем, его это ничуть не успокоило.

— А куда мы идем? — спросила Риша, в очередной раз зацепившаяся платьем за колючую ветку.

— Сейчас узнаешь, — туманно ответил Мартин.

На самом деле он понятия не имел, куда они идут, но справедливо полагал, что в лесу что-то интересное точно найдется, главное, чтобы оно нашлось как можно дальше.

Сначала он почувствовал густой запах меда и трав. Запах был густой, липкий и удивительно тревожный.

— Риш, ты чувствуешь?

— Цветами пахнет, — кивнула она.

Спустя несколько секунд им открылся источник запаха — небольшая поляна, поросшая высокой травой. И в этой траве густо рассыпались маленькие белые цветы.

— Какая прелесть! — выдохнула Риша, подходя к краю полянки. — Давно ты ее нашел?

«Только что», — усмехнулся Вик.

Мартин только неопределенно пожал плечами. Запах перестал его тревожить — Риша слишком обрадовалась этим цветам.

«Мы испачкаем рубашку пыльцой», — тоскливо протянул Вик, глядя, как подруга уверенно движется к центру поляны, собирая букет.

«Не ворчи, постираем. Я, конечно, не на это рассчитывал, но посмотри — тут хоть один человек счастлив».

«Что мы будем делать с этим... Савой? Может, поищем где можно украсть лопату?»

«Есть у меня мысль... Пообещай мне одну вещь».

«Какую?»

«Пообещай, Вик, это очень важно».

«Хорошо, обещаю».

«Мне нужен остаток этого дня. То, что я буду делать, когда приду домой... ты не должен мне мешать».

«И что ты собрался делать?»

«Ты обещал».

Вик кивнул. Он ощущал смутную тревогу, но Мартин был совершенно спокоен, и он невольно перенял эту уверенность.

С Мартином не страшно. Мартин сильный и хитрый — значит, вытащит их из любой беды.

Вот только сам Мартин не был уверен, что ему это удастся.

Риша подкралась со спины и надела ему на голову огромный, лохматый венок. На нос ему посыпалась пыльца.

— Мне здесь нравится! — заявила она, вытирая пыльцу с его лица рукавом. — Здесь красиво и никого нет. Слушай, давай тут на краю полянки шалаш построим и домой возвращаться не будем?

— Зимой замерзнем, — резонно заметил Мартин, избавляясь от остатков пыльцы.

— Ничего, возьмем свитер, — серьезно, в тон ему, ответила Риша.

Вик не разделял восторга от полянки и цветов. Что-то тяжелое все больше проникало в легкие, разливалось в крови и цеплялось в разуме крючками мыслей о неминуемой беде. Но он старался скрыть их от Мартина — в конце концов, он и так делал, что мог.

— Вик, ты правда не боишься?.. — вдруг спросила Риша, будто почувствовав его тревогу.

Мартин улыбнулся. Он снял венок со своей головы и надел на Ришу. Потому взял ее за руку, заставил легонько сжать цветы и нарисовал ее пальцем, испачканным в пыльце ярко-желтый крест-мишень у себя на груди, напротив сердца.

...

Мартин проводил подругу домой рано, до того, как на улице начало темнеть. После он отправился к дому.

«А у тебя разве не было какого-то там плана?..»

— Был. Но время еще не настало.

Дома он снял рубашку и долго отстирывал в холодной воде. Повесил сушиться в

комнате, на вешалке. Вместо нее надел старую, серую, из плотной ткани. На рубашке был оторван воротник, а с манжет свисала бахрома белых нитей.

Кажется, это была одна из тех рубашек, что его отец заносил до дыр еще в детстве.

«Мартин, зачем тебе эта тряпка, там же в шкафу есть нормальные?»

— Надеюсь, что незачем и я ошибаюсь. Впрочем, если я правильно понял сегодняшнее происшествие, то... я вряд ли неправ.

Он достал из сумки книгу и разложил на коленях несколько листов.

— Вот что я тебе скажу, Вик. Питер Блад, бакалавр медицины, закурил трубку и склонился над горшками с геранью, которая цвела на подоконнике его комнаты, выходящей окнами на улицу Уотер Лэйн в городке Бриджуотер...

Спустя пару часов из комнаты отца раздался скрип кровати и глухие ругательства. Мартин прислушался.

Раздались тяжелые шаги в сторону кухни. Звон посуды.

«Мартин?..»

— Подожди...

Хлопнула кухонная дверь, и дом погрузился в тишину.

Мартин, кивнув, вернулся к чтению.

Еще через пару часов, когда на улице окончательно стемнело, он запер окно и тихо прошел на кухню. Заглянул в приоткрытую дверь.

Отец полулежал на столе, уставившись мутным взглядом в экран телевизора.

«Мартин, что ты...»

— Тише, — прошептал он.

Бесшумно прошел по темному коридору и остановился у закрытой двери.

«Мартин, это отцовская комната, нам туда нельзя!»

«Я сказал — тише!» — про себя шикнул он.

Он взялся за ручку и медленно опустил вниз. Ручка не скрипнула. Затем, так же медленно, приоткрыл дверь. Совсем немного, чтобы легко проскользнуть в душную, прокуренную темноту.

«Ты что делаешь, он поймает нас и свернет две шеи за одну!» — в панике прошептал Вик.

«Не свернет», — отрезал Мартин.

В комнате пахло сигаретным дымом, плесенью и чем-то кислым. Мартину было неприятно даже прикасаться к вещам в этой комнате. Он был здесь впервые, и предпочел бы никогда сюда не заходить. Но сейчас у него оставался враг, от которого нужно было

обезопасить себя и Вика. И Ришу. Чтобы после можно было жить спокойно.

Он ощупал неразобранную кровать. Залез в шкаф, в ящики стола.

«Что ты ищешь?»

«А ты как думаешь?! Вик, прости, но не мог бы ты помолчать?»

На подоконнике стоял цветочный горшок, полный высохшей земли. Мартин поднял его. Стукнул пальцем по дну. А потом начал раздеваться.

«Мартин, какого черта?!»

Не удостоив его ответом, он расстелил на полу рубашку и высыпал на нее землю из горшка. Под ней обнаружилось блюдо.

В коридоре слышались шаги.

«Мартин!..»

«Да замолчишь ты или нет?!»

Он тихо поставил на рубашку горшок. Затем заполз под кровать, утянув за собой рубашку.

Ручка не скрипнула, она жалобно хрустнула, когда на нее надавили. Мартин из-под кровати видел, как отец подошел к шкафу. Достал со дна еще одну бутылку. А потом, не посмотрев на подоконник, вышел из комнаты, захлопнув за собой дверь.

Вик был уверен, что утром увидит себя в зеркале седым.

«Мартин, я тебя ненавижу...»

«Давай это потом обсудим», — молча попросил он, выползая из-под кровати.

Вытряхнул блюдо из горшка. Под ним оказалась свернутая в трубочку пачка купюр.

«Как оригинально», — подумал Мартин, возвращая блюдечко на место и засыпая землей.

Он надел рубашку, вернул горшок на место и, к невероятному облегчению Вика, вышел из комнаты. Деньги он забрал с собой.

«Мартин, ты сошел с ума, да? Мне конец, мой лучший друг, мой мудрый внутренний голос спятил...» — тоскливо прошептал Вик.

Он не удостоил его ответом, только запер за собой дверь своей комнаты.

«Теперь-то ты объяснишь мне, какого черта?! Ты что, решил откупиться?!»

— Лучше. Откупиться от такого человека невозможно, он просто сядет нам на шею и начнет вымогать еще.

Он достал из шкафа чистый платок и вылил на него воду из чашки, стоявшей на столе. После насухо вытер и положил в нее деньги. Достал из ящика стола спички.

«Нет, ты точно сошел с ума».

Вик ни секунды не сомневался в этом, глядя, как Мартин жжет купюры, прикрыв чашку мокрым платком. Когда в чашке остался только невесомый пепел, он частями вытряхнул его в окно, туда же выпустив из чашки весь дым.

После он вытер платком чашку, смял его и засунул в самый дальний угол шкафа.

— Ну вот и все. Теперь будем надеяться, что слова у этой компании с делом не расходятся. Остается только порадоваться, что мы имеем дело с беспросветными идиотами. Поверь мне, если они придут — мы отделаемся от них раз и навсегда.

«Может нам стоит заночевать в лесу, раз они собираются сюда прийти?»

— Тогда они придут завтра.

Когда стемнело Мартин открыл окно и, не раздеваясь, лег на кровать.

Он лежал без сна несколько часов. Вик давно заснул, устав за день от тревог. Мартина это устраивало. Он улыбался темноте, вспоминая, как Риша радовалась цветам.

Наконец, под окном раздался шорох и несколько голосов. Мартин закрыл глаза и притворился спящим.

— Вот он, — раздалось прямо у него над ухом.

Он не сопротивлялся, когда его рывком сдернули с кровати. Не издал ни звука, когда ему рот забивали какую-то тряпку.

— Ты на кого рыпнулся, сучонок?

Нападавших, кажется, было всего двое. Первый голос был незнаком, а во втором Мартин с немалым злорадством узнал Вадима.

«Мартин!» — отчаянно вскрикнул проснувшийся Вик.

«Если хочешь, чтобы все было не зря — молчи».

Боль была уже почти привычной. Мартин не боялся ее и не терял контроля над ситуацией. Только старался беречь лицо и подаваться навстречу удару. Только раз будто попытался встать, вцепившись в карман одного из нападавших.

Впрочем, он только раздраженно стряхнул его руку.

— Хватит с него, пойдем.

Мартин остался лежать полу без движения. Он прислушивался. Шагов было почти не слышно. Скрипнули две двери — на кухню и в спальню отца.

«Мартин, тебе больно?..»

— Ерунда, — прошептал он в ответ, вынимая тряпку. — Нет, правда — через пару дней все пройдет, они, как ни странно, совершенно не контролируют жертву... Прости, я очень надеюсь, что это в последний раз.

«Но Мартин... Ты что, хочешь предъявить отцу синяки? Для этого ты позволил? Но всем же будет наплевать!»

— Именно так. Всем будет наплевать.

Мартин услышал, как в коридоре грязно выругались. Потом раздался звон битого стекла — кажется, разбито было окно на кухне.

Сжав зубы, он с трудом поднялся с пола и метнулся к двери.

— Какого хрена?! — раздался рев отца из спальни.

Спустя несколько секунд дверь с грохотом открылась. Мартин торопливо запихал тряпку на место.

Спустя несколько секунд дверь распахнулась.

— Ты! Какого... — отец оборвался на полуслове.

Он лежал на полу лицом вниз, и вокруг него на чистом полу виднелись грязные следы. Его рубашка была испачкана чем-то темным — не разобрать в темноте, кровью или землей. Через несколько секунд отец, с грохотом захлопнув дверь, бросился в спальню.

«Это лучший отец, какого я когда-либо видел», — ядовито заметил Мартин, не меняя позы.

Недолгую тишину разбил звон. Мартин знал, что только что разбился горшок у отца на подоконнике.

— Су-уки! — раздался из темноты коридора разъяренный рев.

Отец прошел по коридору, хлопнул дверью. Мартин услышал, как он заводит машину во дворе, встал, вытащил тряпку и выскользнул из комнаты, подошел к отцовской спальне и что-то швырнул в темноту проема, после чего сразу же вернулся к себе и закрыл дверь.

— Ну вот и все, можно ложиться спать, — спокойно сказал он.

«Теперь ты мне объяснишь, какого черта?!»

— Твой отец сейчас поедет в деревню, приведет сюда милицию. Ему плевать на то, что тебя избили, но сейчас у него украли деньги — он этого не простит. Если у него есть хоть чуть-чуть мозгов — еще и предъявит им твои синяки.

«А что был за цирк с платочком?»

— Чтобы не пахло гарью. Я хотел оставить деньги, но не знаю, как тщательно их будут искать. Ты хороший мальчик, жертва. Пытался предупредить папу, был за это избит. Так и скажешь, когда будут спрашивать. В комнате твоего отца валяется зажигалка, которую я вытащил из кармана... кого-то из них, в темноте не разобрал. Ее найдут, как только придут с обыском. Я оставил твоему отцу землю на подоконнике, а горшок он прекрасно разбил сам. И я уверен, что твой мелочный, мстительный отец позаботится о том, чтобы наказание для них было как можно более суровым.

«Но если они не поверят?!»

— Вик, к мальчику-отличнику, умному и послушному, в окно влезла местная шпана. Избили его, из дома пропали деньги, к тому же они умудрились при свидетелях пообещать этот визит. Я сделал все, чтобы они не отвернулись, даже улики подложил и от денег избавился, а это было, уж поверь, нелегко. Пойми, Вик, от этих людей нельзя прятаться, нельзя играть по их правилам. Иначе они тебя уничтожат.

«Но Мартин... мы что, только что отправили двух человек в тюрьму?»

— По крайней мере одного. Вспомни, что они сделали с Ришей, — жестко ответил он, закрывая глаза.

Тупая, ровная боль разливалась по ребрам и правому плечу. Он устало прислушивался к себе и понимал, что правила этой игры нравятся ему все меньше и меньше. Но о совершенном поступке он не жалел нисколько. Если взрослые не хотят защищать своих детей — пускай защищают свои деньги. Если справедливость приходит только к тем, кто ее требует — что же, он потребует.

Кажется, в разбушевавшемся море наконец-то наступал штиль.

Надолго ли — Мартину было знать не дано.

Режиссер-постановщик – Мария Б.
Музыкальное оформление – Мария Б.
По пьесе Софии Баюн

ВПЕРВЫЕ В ТЕАТРЕ СОВРЕМЕННОЙ
ДРАМЫ

Музыка стихла, словно захлебнувшись. Фигура стоящего на краю сцены человека резко очерчивалась белым прожектором, и зрители в первом ряду видели не только бликующий

кровавыми пятнами бархат его камзола, но и обведенные черным безумные глаза, перекошенный рот и капли пота, текущие по гладкому черному гриму.

— Молчи! — он отточенным движением повел рукой, отстраняясь от стоящей рядом женщины невидимой чертой. — Я смею то, что можно человеку! Кто смеет больше... — он уронил голову, словно подставляя шею под занесенный топор. — Тот не человек.

Мокрые от пота черные пряди упали ему на лицо, смешавшись с гримом в пугающий узор. Женщина, к которой он обращался, сделала шаг вперед. Ее грим — белый и синий — подчеркивал каждую горькую морщинку вокруг искривившихся в отчаянии губ.

— Так что за зверь тебя заставил мне открывать намеренья свои? — вдруг раздалось из темноты зала. Где-то на средних рядах высокая девушка в черном встала и вцепилась в спинку кресла перед ней. — Тогда ты смел, и ты был человеком!

В душной тишине зала прокатился хриплый, скрипящий звук, нарастающий, как волна. Он был больше похож на придушенный крик, чем на смех, и все же девушка смеялась, с каждой секундой все отчетливее и звонче.

Мужчина замер на краю сцены. Обернулся к залу, на долю секунды нарушив ритм пьесы, а потом женщина в сине-белом эхом повторила:

— Так что за зверь тебя заставил мне открывать намерения свои?^[4]

Многоголосый шепот слился в белый шум, накатила волной и стих, пристыженный невозмутимостью актеров. Девушка в черном опустилась на колени, но продолжала смеяться, тихо, сдавленно, не отпуская спинку кресла и все сильнее сжимая пальцы. На алой обивке под ее ладонями расползались темные пятна.

...

Балет для нее кончился, когда ей было десять, за два года до переезда в столицу. Кончился внезапно и совершенно бесповоротно — черным бампером, похожим на оскаленную пасть, беспощадным треском костей, вывалившейся в грязную снежную кашу искрящейся красно-белой пачкой и серым небом, вращающимся над головой.

Конечно, врачи говорили, что перелом срастется. Что все будет хорошо, и она ни за что не будет ходить с тростью. А она только вытирала слезы и спрашивала, сможет ли станцевать перед экзаменаторами Ту Самую Партию в «Щелкунчике».

— Нет, нет, не зовите Машей, пожалуйста, — всхлипывала она, вытирая слезы жестким, стерильно-застиранным уголком больничного одеяла. — Мари. По имени героини, вы знаете, я в ней давно потерялась... ее даже зовут как меня... Светлана Степановна захотела, чтобы было как до революции, она рассказывала, что ее раньше звали Мари, от Марихен... я все про нее знаю... скажите, я ведь смогу танцевать на экзамене? Я столько репетировала, столько...

Она задержала взгляд на уродливом серовато-белом гипсе, а потом закрыла лицо рукавами и разрыдалась.

Мать приехала через несколько часов и застала ее безучастно разглядывающей обед на тумбочке. Светлые волосы Мари разметались по подушке, налипли на мокрый лоб. Губы были искусаны до крови, всегда аккуратные ногти обгрызены, а лицо казалось серым в мутном свете больничной лампы.

— Мама... — прошептала Мари, приподнимаясь. — А где папа?

— Он общается со своими... друзьями. Мы же не хотим, чтобы человек, который тебя сбил, избежал наказания... — она присела на краешек стула рядом с кроватью. — Ну как ты, милая? Врачи говорят, все срастется...

— Я не смогу больше танцевать, — убежденно ответила Мари. — Я спросила, и врачи так переглянулись... я сразу все поняла... мамочка, я не смогу без этого, мне нужна сцена, мама, я...

— Если нужна — значит, будет, — просто ответила она. — Не о сцене сейчас надо думать.

— Будет... — прошептала Мари, выдыхая горячую боль из ушибленных ребер, искры, рассыпанные по костюму и серое небо. — Будет...

...

Пирожное у нее в руках было бесформенным, липким и огромным. На витрине буфета оно казалось почти произведением искусства — совершенная конструкция из белоснежного крема, искрящегося кристаллами сахара и масляных роз. Несколько секунд Мари держала его на ладони, чувствуя, как улыбка словно разрывает губы, а потом вышла в коридор, села на пол и, не переставая улыбаться, накрыла его ладонью. Между пальцев потек воздушный белковый крем, а хрупкая корзинка из песочного теста превратилась в пыль. Убедившись, что масса, размазанная по рукам, меньше всего напоминает произведение искусства, она принялась слизывать крем с пальцев. Белые комки растирались по лицу, падали на черное трико, оставляя неопрятные пятна. Ее тошнило, от сладости болели зубы, но она продолжала есть, глядя на черные соленые кляксы, все чаще растекающиеся в креме.

Впервые в жизни она чувствовала себя такой нелепой. Тощая блондинка со стоящими дыбом волосами и размазанной по белому гриму алой помадой поливает слезами мятое пирожное — за все свои восемнадцать лет она впервые выглядела и вела себя по-настоящему жалко. И от этого она чувствовала то, что всегда ощущала, сломав очередную границу — кислотную смесь эйфории, отвращения и сексуального возбуждения.

— Два солнца стынут — о Господи, пощади! — промурлыкала она стихотворение из своей программы мелькающим мимо ногам, чувствуя, как слова налипают на крем. — Одно — на небе, другое — в моей груди. [5]

Каждый взгляд оставался под кожей, как след от иглы — сочувствующие, брезгливые, равнодушные и злорадные, взгляды кололи одинаково. Мари, улыбаясь, смотрела на ботинки и туфли, колготки, джинсы и такие же как у нее трико, представляла, как выглядит со стороны, но уже не могла презирать себя сильнее. Поднять глаза и увидеть хоть одно лицо казалось ей невозможным подвигом.

— Да быть не может, — раздался у нее над головой знакомый голос.

— Ага, — буркнула она. — Именно так. А теперь иди нахер, Егор.

Однорупник меньше всего устраивал ее в качестве свидетеля позора и акта отчаянной расправы над пирожным.

— Ты не поступила? — зачем-то переспросил он усаживаясь рядом.

— Сказала же — да, — она чувствовала, как комок крема медленно движется по горлу. Закрыв глаза, она задумчиво прочертила испачканным пальцем траекторию движения — от гортани к солнечному сплетению. На черной ткани осталась еще одна белая полоса.

После этого она открыла глаза и кончиком языка подвинула кусок розового лепестка на

запястье. Вытянула руку перед собой, любуясь получившимся пятном, словно браслетом, и стараясь убедить себя, что только это имеет значение.

— Я тоже не поступил, — Егор оказался упорным. — Меня Ровин завалил. Сказал у меня голос дрожит, когда в динамике читаю, а читаю я и без того паршиво...

— А меня — Нуровский, — неожиданно призналась она. — Сказал, что я бездарность. Что мне надо идти на рынок торговать тряпками, потому что для картошки у меня слишком красивые руки. Сука. А я ему Цветаеву читала, такой интим.

Пирожное толкалось в желудке, ворочалось, как раздраженный зверь. Пришлось стиснуть зубы, предупреждая, что не позволит ему вырваться наружу.

— Есть другие университеты, — зачем-то сказал Егор.

— Нет. Мне нужен был этот. Остальные... мне не диплом нужен. Мне нужно... чтобы меня эти люди, лучшие... нужно было... — она осеклась и всхлипнула, подняв глаза.

Егор потянулся к карману, но пальцы скользнули по гладкому черному трико. Он виновато развел руками, будто извиняясь.

— А твой отец не поможет?

— Ну конечно, — она сжала кулак, уже не замечая белых брызг, разлетевшихся в стороны. — Мой отец. Все же думают, что все мои успехи потому что я «дочка Самого», — последнее слово она произнесла с наигранным благоговейным придыханием, и белая крошка с губ сорвалась на колени. — А вот хрен, ясно? Не пойду я к нему. Мне еще Ровин знаешь что сказал?

Она вспомнила толстощекое, благостное лицо режиссера в мягком шерстяном костюме, и пирожное показалось еще отвратительнее. Не выдержав, она со шлепком опустила ладонь на каменный пол и с наслаждением растерла остатки крема.

— Что же он сказал? — участливо спросил Егор, и ей мучительно захотелось залепить ему пощечину. Он всегда был такой — участливый и сострадательный. Нелепый, долговязый и черноволосый, похожий на известного финского певца, он вообще-то нравился девушкам. Но она всегда чувствовала в нем слабинку, неявную, но мерзкую, как торчащий их родинки волос — стоит разглядеть и уже не отвести глаз.

— Он сказал, что берет в группу тех, кто умеет играть с людьми и в людей. Что по мне видно, что я никогда не была жертвой и не понимаю, как ей быть, — она поморщилась. — «Мне нужны люди особого склада. Которые были жертвами в прошлом и способны видеть их в других. Как вы добьетесь от своих актеров того, о чем понятия не имеете? Как не страдая заставите играть страдания?»

Она вдруг вспомнила, как Егор постоянно говорил, что живет театром, а без театра жить не будет. В эти моменты он казался ей таким ничтожеством, что даже запах его недешевого одеколona становился отвратительным, как трупная вонь.

«И что, мне надо было так же себя вести, чтобы меня приняли? — с ненавистью подумала она. — Так просто? Не может быть чтобы это сработало...»

— Ты что, поступала на режиссера? С твоими актерскими данными? — удивился Егор и сразу перестал казаться ей таким лицемерным слабаком.

— Да. Не хочу я вот это... хочу рассказывать истории, — слова словно смыли с горла вяжущую липкость и растеклись теплом под сердцем, в запястьях и внизу живота. А потом тепло исчезло.

— А я на актерский поступал. Странно, что нас вообще в один день прослушивают... Хочу рассказывать истории.

— У тебя... — она хотела похвалить его в ответ, но не придумала, за что.

«У тебя посредственные данные, паршивая пластика и стремная рожа, — с неожиданным удовольствием подумала она. — И ты такой же жалкий, как и я, только я прячусь за этим пирожным, а у тебя даже на это не хватило мозгов».

— Что ты танцевала? — вдруг спросил Егор.

— Что?

— На прослушивании ты что танцевала?

— Я... танец придумала... под «Аккордеониста» Эдит Пиаф, — растерянно ответила она, зябко поводя плечами.

Нужно было сказать правду. Что ей не дали даже дочитать до конца отрывок из «Грозового перевала», и танец остался в ее комнате, где она репетировала перед зеркалом несколько часов назад. И что он никогда не покинет стен ее спальни. Как и все танцы и этюды.

Но ей никогда не нравилась правда.

Она вскочила и вытерла руки о трико. Широко улыбнулась шарахнувшейся от нее девушке, вытянула вперед руку и подпрыгнула, щелкнув джазовками.

Нет скользкого мраморного пола — это сцена в полутемном зале. Это белоснежный свет прожектора, а не пошлая люстра под потолком бросает блики ей на лицо.

Она танцевала, не открывая глаз, но словно смотрела на себя со стороны, из невидимого зрительского зала. Девушка в полустершемся гриме и заляпанном трико ломанными движениями выплетает узор танца, выщелкивая рваный ритм, совсем не подходящий к музыке, которую никто не слышит. Она скалит зубы, белеющие в алом пятне размазанной помады и не может вспомнить, как улыбаться. Неопрятный танец, порывистый, истеричный.

Что угодно, только не говорить правду.

У нее совсем нет сил хорошо лгать Егору. Если бы были — она не провалилась бы сегодня.

Ведь там, на сцене, она тоже смотрела на себя со стороны. Свои попытки играть с мимикой и драматически дрожащие интонации там, где должна была быть злость. Там, на сцене, она тоже врала, каждую секунду боясь, что ее разоблачат — никакая она не актриса. Дочь влиятельного человека, которую взяли в колледж только посмотрев на фамилию. Ее хвалили и прочили ей великое будущее, глядя на ее проклятую фамилию, но когда на экзамен приехали преподаватели столичного университета, для которых эта фамилия ничего не значила — белоснежные софиты тут же высветили правду, жалкую, испуганную правду, визгливо пытающуюся изобразить хиткликовскую экспрессию.

И она танцевала. Неловко и не попадая в такты воображаемой мелодии, но так, чтобы единственный зритель, до которого ей было дело, не услышал, как она скулит через слепивший губы крем.

В ее руках был белый платок — Мари наматывала его на шею, надевала на голову как косынку и заставляла рисовать в воздухе прихотливые узоры — в ее воображении весь танец

ее преследовал белый росчерк, призванный показать ускользающую любовь проститутки к аккордеонисту, который так славно играл на площади.

Но в глубине души она знала, тогда и сейчас — этот платок — белый флаг, мольба о пощаде.

Никто ее не пощадил.

На финальных «аккордах» она стояла, раскинув руки и медленно заводила их назад, уходя в поклон. В сказках, которые она иногда смотрела по телевизору, именно в этот момент рядом оказывался режиссер, застывший в немом восхищении. Он признавал ошибку, предлагал место в группе, обещал великое будущее.

Место для женщины, которая умеет быть и жертвой, и хищником.

Когда она открыла глаза, вокруг собралось несколько абитуриентов, в глазах которых явственно читалась сочувственная брезгливость. Почти все молчали, только кто-то сзади сдавленно хихикал.

Она выпрямилась, победно встряхнула волосами, выронив пару шпилек и изобразила реверанс.

— А давай всем отомстим? — вдруг сказал Егор, подбирая шпильку.

— Как?

Он с совершенно серьезным видом согнул шпильку в кольцо и протянул ей:

— Выходи за меня замуж, Мари.

...

Маленький каток в глубине спального района был замечен тонким слоем выпавшего за ночь снега. Дома вокруг смотрели слепыми темными окнами, и даже птицы еще не проснулись. Мари стояла, кутаясь в изумрудное пальто, под которым противно холодило кожу влажное застиранное трико. Егор разматывал цепь на воротах.

— Даже не запирают? — удивилась Мари.

— Зачем, что можно сделать с катком? — улыбнулся он, сдув с лица черную прядь. — Только я не пойму, зачем тебе это, все равно у нас коньков нет.

— Ты скучный, — поморщилась она. — По-моему, на будочке с прокатом висит амбарный замок.

— Время четыре утра, незабвенная, конечно он там висит.

— Так давай откроем!

И прежде чем он успел возразить, она уверенно зашагала к двери. Снег хрустел под каблуками, разнося каждый шаг по сонной черноте.

Ей хотелось быть уверенной. Завтрашний день все расставит по местам. Ведь все еще можно расставить по местам.

Так она лгала себе, впечатывая кусочек обмана в каждый шаг.

— Стой, ты что делаешь? — Егор заторопился следом и поймал ее за обшлаг. — Это же преступление!

Мари посмотрела на него с неподдельной жалостью.

— Что, взять коньки из проката коньков? Я им денег оставляю, не переживай.

Он растерянно замолчал, наблюдая, как она ковыряется в замке чем-то длинным и изогнутым.

— Это что, отмычка?

— Ага. У меня замок дома вечно клинит.

— Так поставь новый. Откуда ты взяла отмычку?

— Украла, — улыбнулась она. — Точнее сняла с тела.

— С какого тела? — он нахмурился и поднял воротник куртки, словно прячась от нее.

— С мертвого, — Мари широко распахнула глаза. — В общем, выхожу это я как-то из дома, а у меня прямо под дверью — мертвый мужик. Весь в крови, горло вот так перерезано, — она провела вертикальную линию от кончика подбородка к верхней пуговице пальто. — Вся площадка в крови, стены — в крови, лестница... — замок с щелчком раскрылся. — В крови.

Она зловеще улыбнулась и потянула на себя тяжелую, пронзительно скрипящую дверь.

В будке помещалась только стойка выдачи и полки с коньками. Мари придирчиво осмотрела одни, с полки с подходящим номером, а потом начала разуваться.

— И ты, вместо того, чтобы звонить куда надо или падать в обморок начала его шмонать? — фыркнул Егор, снимая первые попавшиеся коньки своего размера.

— Нет. Я затащила его в дом... ой, вот тут дырочку пропустила, ну вот что такое... за руки взяла и затащила. Потом быстро перемыла площадку. Раздела его, отрезала ему сначала руки, потом ноги, потом сложила все в ванну и пошла на кухню.

— Зачем?

— Резать лук, — она патетически вытаращила глаза и подалась вперед. — Мужик старый, как его жрать без маринада?

Он, вздохнув, отложил коньки, сел рядом и потянул за шнурки на ее коньках, заставляя закинуть ноги ему на колени.

— Знаешь, в чем твоя проблема, Мари? Ты не знаешь меры, — он деловито перешнуровывал коньки, — я бы поверил, если бы ты сказала, что с перепугу захлопнула дверь, а перед этим случайно прихватила то, что было у него в руках. Но тебе же надо драмы. Кровавых подробностей, и чтобы зрители за сердце хватались.

— Много ты понимаешь. Если бы я хотела, чтобы ты поверил — ты бы никогда не догадался, что я вру, — она высокомерно вздернула нос и опустила ноги, вставая на коньки — так же уверенно, как до этого стояла на каблуках.

Двигалась она всегда уверенно, жаль только за уверенность не берут в театральный.

Не оборачиваясь, она вышла в холодную тишину, которую резали погружающиеся в снег лезвия.

Где-то в синей темноте брезжила полоска самого важного рассвета в ее жизни.

Егор остановился у входа, молча наблюдая. В темноте с визгливым шорохом кружилось темное пятно в сполохах светлых волос, и каждое движение лезвий коньков кромсало мимолетное счастье в уродливые обрывки.

Завтра.

Они договорились, что сегодня не будет никакого «завтра». Пускай оба хотели, чтобы завтра наступило, пускай в тесной квартирке, которую снимала Мари, в шкафу, рядом с белоснежным платьем, висел серый костюм в клетку, но до рассвета они не скажут об этом ни слова.

— Два солнца стынут — о Господи, пощади! — она остановилась в центре катка и завела руку за спину, как крыло. Замерла, прислушиваясь к ощущениям. Холодный воздух лился на лицо, как вода. От лопатки к пояснице словно натянулась струна. — Одно на небе — другое — в моей груди, — обиженно сообщила она застывшему Егору.

— Нуровский — просто стареющий... содомит. Не стоит его слушать, — Егор осторожно оторвался от бортика и подъехал к центру катка — он держался далеко не так уверенно.

— Да какая теперь разница? — прозвенел ее голос вслед за шорохом коньков. — А что, Нуровский правда любит мальчиков?

— А у него что, на лице не написано? — усмехнулся он.

— Неа. Он к тебе приставал? — в глазах Мари зажегся жадный интерес. — Ух ты, что правда? Правда?! — обрадованно взвизгнула она, прочитав ответ по его лицу.

— Нет, — скривился он. — Ну... не совсем. Он что-то такое сказал перед прослушиванием, вообще-то он всем сказал, и на меня даже не смотрел, но мне показалось... в общем, не важно.

— Ах ты маленький мнительный поросенок!

Ей понравилась эта игра. Она позволяла говорить много-много бессмысленных слов и топить в них собственную ничтожность и наступающий рассвет. Мари закружилась вокруг Егора и стала дергать его то за рукав, то за пуговицу, то за челку, то за кончик носа, словно пытаясь отщипнуть кусочек истории, растереть между пальцами и попробовать на вкус — какая она, чужая правда? Какая на самом деле чужая жизнь?

Но Егор стоял на своих дурацких разъезжающихся коньках, ссутулился и пытался выдавить улыбку. В конце концов Мари надоело, и она просто села прямо на лед, подобрав полы пальто.

— Правда что Нуровский играет в «Шотландской трагедии» через два дня? — спросила она, глядя снизу вверх.

— Да, в главной роли.

— Мы все знаем, что главная роль — леди Макбет, — задумчиво ответила она. — А ее кто?

Он пожал плечами. Мари, улыбнувшись, повторила его жест и похлопала по льду рядом с собой. Егор сел рядом, нахмурился и уставился на носки коньков. Он раздражал все сильнее — не хотел играть. Как и говорил Ровин.

— Слушай, а почему ты этим не козыряешь, если он правда тебя домогался? Ровин был бы в восторге, а?

— Срать я хотел на восторги Ровина, — огрызнулся Егор и поднял на нее взгляд. Глаза у него были огромные, темные и влажные, как у спаниеля. — Что бы он понимал.

Он вымученно улыбнулся и перевел взгляд на коньки.

Мари стало тоскливо. Ей было скучно. И беспросветно одиноко.

Она легла на лед, раскинула руки и стала разглядывать черное небо в невесомой взвеси искорок-снежинок.

...

— И чтобы зрители хватались за сердце... — шептала Мари, шнуруя корсет. Надевать эту вульгарную, неказистую конструкцию с пышной юбкой и расшитым стеклярусом лифом совсем не хотелось, но Егор убедил ее — для большинства людей это был абсолютный символ счастья, а Мари очень любила играть в счастье.

Сам Егор, глупо улыбаясь, гладил рубашку — белую, но с застиранным пятном на груди. Он сказал, что другой у него нет, а пятно под жилетом видно все равно не будет.

— Ты уже позвонил родителям? — спросила она, с сомнением разглядывая

белоснежные перчатки.

— Да, скоро будут здесь, — обнадежил Егор, не отрывая взгляда от гладильной доски. — А ты?

— Да, — соврала Мари. — Папа... приедет.

Он кивнул и поставил утюг на пластиковую подставку.

— Посмотри, ровно?

— Вроде да, — равнодушно ответила она, скользнув взглядом по рубашке. Села на краешек стола, не сменяя крошки и достала из лежавшего рядом с сахарницей портсигара последнюю самокрутку. У Егора трава была лучше, чем та, которую она покупала у мальчишки из соседнего общежития.

— Хочешь грим? Я тебе помогу, — предложил Егор, снимая футболку.

Мари равнодушно оглядела его выпирающие ребра и закрыла глаза, сосредоточившись на теплом дыме, полоскающем легкие.

— Нет. Не стоит переигрывать. Бутоньеркуними, бесит, — попросила она.

— По-моему, хорошо подходит к твоему платью. И волосам.

Она почувствовала, как Егор пытается вытащить косяк из ее пальцев. Мари резко отдернула руку и открыла глаза.

— А ну руки убери! Какой мудака будет в светлые волосы совать белые цветы? — огрызнулась она. — Какая пошлятина, вот это все такое белое, мне еще рожу надо соорудить, как будто я трепетная барышня в ожидании потери невинности... давай еще тамаду позовем.

— Зачем, сами справимся. Ну не было в прокате нормального платья, сама же видела.

— Самый важный день в моей жизни, — издевательски протянула она. — Хочу блистать.

— Ты и так... — Егор неопределенно помахал рукой у себя перед грудью. — Короче, аж светишься.

— Угу, отлично. Ты пуговицу пропустил. Чего у тебя руки-то так трясутся? Так не попадешь... в кольцо пальцем.

Она встала, подошла к нему и быстро расстегнула все пуговицы, а потом застегнула все, кроме последней и стала завязывать бабочку, удивляясь, что у нее руки не дрожат. Потом, сжалившись, сунула ему недокуренный косяк.

Закончив, вернулась к столу и открыла шампанское. Разлила по бокалам пахнущую духами дешевую дрянью и с обворожительной улыбкой выпила залпом.

— Супруги не чокаются, — сообщила она. — Музыка?

Егор только кивнул.

Они зашли в комнату.

Мари включила «Аккордеониста». На повтор — так было надо. Душу наполняла какая-то странная, колючая радость и предвкушение чего-то хорошего.

— Два солнца гаснут в моей груди! — прошептала она, становясь на табуретку. — Одно на небе, другое — о Господи, пощади! — Мари глупо хихикнула. — Слова забыла.

Егор стоял на табурете прямо напротив. Они сосчитали такты — раз-два-три, и одновременно надели на шею заранее завязанную петлю. Мари словно смотрела в зеркало —

это она стоит напротив окна и пытается решиться.

— Раз, — неожиданно четко сказал Егор.

— Два, — широко улыбнулась Мари, раскинув руки.

— Три, — прошептал он, шагая вперед.

Раздался грохот, а потом комнату вдруг утопила густая, липкая тишина.

Мари так и осталась стоять, медленно опуская руки, и в такт им опускались уголки ее губ.

«Шагай!» — мысль бьется о стенки черепа, как муха о стекло.

Мир распался — вот край ее юбки, белой, с красными стразами, похожими на брызги крови. Они сияют в мутном электрическом свете так же ярко, как горели пайетки на ее пачке.

«Шагай, дрянь!»

Вот пальцы Егора — она не может заставить себя посмотреть на его лицо, но видит, как он судорожно скребет по веревке, пытаясь освободиться.словно в замедленной съемке Мари видит, как ломаются его ногти.

«Ну давай, сука, давай, он же смотрит! Ты обещала, ты, паскудная, слабовольная тварь, шагай, ну же!»

Она скользила взглядом по дрожащей веревке, по пальцам Егора, по пляшущим в воздухе носкам ботинок, и ненавидела себя не за то, что не может шагнуть, а за то, что не может посмотреть ему в глаза.

Мари медленно сняла петлю с шеи. И подняла глаза.

Егор не двигался. В его глазах и перекошенном лице не было никаких эмоций, только страх и страдание прорывались изнутри красными пятнами, расползающимися на белках.

— Прости... — прошептала она. — Я не смогла, я... думала я смогу, я хочу, я могу... Чтобы все... о Господи, пощади...

На белоснежный лиф падали неопрятные черные кляксы — как в пирожное.

— О Господи, пощади! — всхлипнула она, садясь на табурет, с которого так и не смогла шагнуть. — О Господи, Господи, пощади!

Словно во сне она встала и, держась за стену, побрела на кухню.

Они договорились — написали предсмертные записки, долго выбирали эффектный способ самоубийства. Мари до последнего казалось что это такая игра — символическая свадьба, яркий финал, литературно-выстраданные слова на неопрятных тетрадных листах — она обвиняла Ровина, который был так жесток и несправедлив к ее таланту, Егор — Нуrowsкого, выставляя его похотливым животным, равнодушным к истинному рвению.

Мари выбрала для музыкального антуража непрозвучавшую на сцене песню для своего танца — историю глупой женщины, которая не могла понять, что влюблена не в аккордеониста с площади, а в само искусство.

Выбрала и разметила сцену, придумала костюмы, и весь вечер клеила эти красные стразы на взятое напрокат платье.

Все было идеально, но она так и не смогла сделать свой шаг в бессмертие. Потому что Ровин был прав. Потому что человек, который никогда не страдал, не достоин настоящего искусства.

Когда успел побыть жертвой бездарный, но более искренний в своем рвении Егор?

Она теперь не узнает. Он теперь не расскажет. Она никогда не решится спросить.

Мари тихо скулила, покачиваясь с пятки на носок. В кухонное окно врвался беспощадный белый свет, она стояла, отвратительно живая в очередном нелепом костюме из недоигранной пьесы, и не знала, что делать дальше.

Она держала в руке свою записку, еще вчера казавшуюся ей совершенным кружевом слов и ироничным контрастом красоты наполнения и неказистой оболочки. Сейчас этот клочок бумаги только подтверждали ее бездарность и любовь к позерству.

Мари молча вытряхнула на пол окурки из переполненной пепельницы, затолкала туда записку и подожгла, обещая себе больше никогда не писать.

Ненависть к себе и своему малодушию текли холодным потом по спине и выступали на ладонях, размывали слезами макияж, но никак не становились меньше.

Скоро приедут родители Егора.

Она так и не смогла позвонить своим — решила, пусть они лучше увидят любимую дочь в морге, а не в петле. Они ничем не заслужили такого финала.

А Егор оказался более жестоким. Более решительным. Это ему стоило рассказывать истории.

В мысли медленно потек запах раскаленного пластика.

Мари обернулась.

Егор забыл выключить утюг, и, кажется, она задела шнур, когда заходила на кухню. Утюг лежал на гладильной доске, медленно прожигая ее.

И вслед за запахом в ее мир снова ворвался звук.

Музыка, хрипящая из колонок, шорох коньков по льду, рваный ритм ее танца на мраморном полу, собственный голос, лгущий словами Цветаевой, хлопки белоснежного платка у нее руках и нарушенные обещания разом зазвучали в голове, уже не одинокой мечущейся мухой, а целым роем, грозящим разорвать череп изнутри.

— И то остынет первым, что горячее! — выкрикнула она и двумя руками схватила утюг за подошву.

Боль ударила, яркая и торжествующая, от кончиков пальцев до затылка, хлынула по позвоночнику, раскрыла ее рот в беззвучном крике и расширила зрачки.

А потом Мари потеряла сознание.

...

Все повторялось — больничная койка, сухой белый свет и крах карьеры. Мари лежала, вытянув руки вдоль тела, и смотрела в потолок. Пахло мазью от ожогов, бинтами и спиртом. И опустившимся занавесом.

Белая лампа на белом потолке — омерзительная выпуклость, нарушающая ровное совершенство формы, словно прыщ на красивом лице.

— Мария? Мария, вы можете рассказать, что именно произошло? — донесся из тумана равнодушный, усталый голос.

Она медленно обернулась. Человек в форме, кажется, не впервые задавал этот вопрос.

Что произошло? Она сама себя изуродовала, не доиграла свою пьесу, никому не

отомстила и не стала бессмертной.

— Егор... умер, — прошептала она, как будто это имело хоть какое-то значение.

Если бы у нее были силы — она снова станцевала, спрятала неприглядную правду от пронизательных глаз.

Вдруг этот человек узнает больше, чем она скажет?

Вдруг он узнает, что она всегда ненавидела балет и мечтала о театре? Мари считала, что нельзя рассказывать историю одним танцем, к тому же балетная школа больше напоминала ей казарму. Но мать называла балет искусством, а театр — кривляниями и вульгарной патетикой. В девять лет Мари сказала, что больше не будет ходить в студию и дома случился скандал. Отец встал на сторону матери, и в конце концов Мари подчинилась. Она не саботировала занятия, потому что целью было не уйти из балета, а попасть в театральную студию, а затем в колледж. Сначала она долго выглаживала план. Наблюдала за всеми машинами рядом с училищем. Наконец нашла то, что искала — черную машину, водителя в огромных очках. Он ездил осторожно, и наверняка не сбил бы ее насмерть.

Первое, чему их учили на танцах — падать и избегать травм. Она сделала наоборот.

Но оказалось, она не была не готова к такой боли. Сломанная нога, ушибленные ребра — поначалу она совершенно искренне требовала у врачей правды. Ей казалось, что ее парализует. Что ногу придется отрезать. Что она будет хромать всю жизнь, потому что все ее расчеты были неверны. Но тогда она смогла доиграть роль, потому что все уже случилось — глупо было бы сломать себе ногу и не суметь этим воспользоваться. Врать тогда было легко — строить из себя восходящую звезду балета, хотя на самом деле партию Марихен она никогда не танцевала.

Чтобы все случилось, ей понадобилось только упасть. В десять она не знала, что не может. В восемнадцать знала слишком хорошо.

Но все уже случилось.

«И глупо этим не воспользоваться», — вдруг зажглась в сознании болезненная, яркая мысль.

Белый свет лампы вдруг стал сильнее и ярче, превратившись в свет софитов. Край кровати стал краем сцены, а человек в форме — единственным зрителем, для которого нужно было выступить.

Мари мягко повела покалеченной рукой и сломала движение, бессильно уронив ее.

— Егор был ревнивым, — прошептала она, — и глубоко несчастным молодым человеком. Он был очень хорошим, чутким, ласковым, но... не совсем... здоровым. У нас с ним был... недолгий роман. Мы скрывались ото всех.

Лгать, тщательно подбирая слова правды и подгоняя их друг к другу. Она рассказала о катке. О том, как Егор говорил, что умрет без театра, и еще о странной музыке, которую он слушал.

— На прослушивании Нуrowsкий... актер из экзаменационной комиссии... домогался Егора перед прослушиванием, — слова обретали все больше силы. Они распускались в воздухе, словно цветы, и оплетали ее позвоночник полосками металла, заставляя голос звучать тверже, а глаза гореть ярче. — Егор, конечно... не ответил на его притязания. А потом он так злился, знаете, так злился... сказал, что не может этого пережить. Убеждал

меня повеситься вместе с ним. А я иногда его боялась... он бывал жестоким человеком, знаете, как... только ничтожества бывают такими жестокими. Но я его любила, и я тоже... меня ведь тоже не взяли... но режиссер Ровин назначил мне повторное прослушивание.

Последняя ложь отозвалась в сознании хлопком наполненного ветром паруса.

Ровин не посмеет отрицать. Не посмеет сказать, что она все придумала, не захочет быть причастным к этой истории.

Он проведет ей новое прослушивание. И она расскажет ему эту же историю. Прженщину, которая умеет быть жертвой.

— Егору история с Нуровским совсем... у него прямо крыша поехала, — всхлипнула она, и откуда-то взялись слезы, прохладные и послушные, красиво стекающие по щекам. — Он решил, что Ровин мне тоже что-то предлагал такое, даже не знаю, почему... и что я согласилась, хотя клянусь вам, ничего такого не было... Егор начал орать что-то... ужасное, какую-то чушь про... — нужна была деталь, абсурдная, которая пришла бы в голову только сумасшедшему — и деталь откликнулась, пришла из небытия, такая же послушная, как и слезы. — Про рубашку Дездемоны. Что я в ней на сцене буду выглядеть как шлюха. Что я готова... можно я не буду вам рассказывать?.. В общем, он включил песню, под которую я собиралась танцевать на прослушивании, а потом... — она зажмурилась, отсчитывая секунды паузы. — А потом он прижег мне руки утюгом. Я потеряла сознание, а он, видимо пошел в комнату и повесился. Один.

Если бы час назад мать Егора не сказала, что он умер — было бы сложнее доиграть эту импровизацию. Но у нее были крючки и белые ниточки света софитов — нужно было только сплести кружево-паутину.

Если Ровину нужна ставшая хищником жертва — он ее получит.

Если Нуровский считает, что сцена вечно будет принадлежать ему — он ошибается. Из обломков его карьеры она сделает Егору надгробье.

Мари подняла полные слез глаза.

Она чувствовала себя жалкой, и это было так приятно, что даже усыпленная лекарствами боль, отдающаяся зудом в ладонях, исчезла, оставив колючую эйфорию.

Табурет упал, занавес опустился, но Мари не позволила отрезать себя от своей истории — режиссер смотрит из зрительского зала.

Для нее пьеса начиналась после финальной сцены.

Акт II

Холодная вода и белые цветы

Действие 1

Слово режиссера

*Мы были призваны в глухую глубину...
Но нас окликнули — и мы пошли ко дну.*

Томас Элиот

Когда, много лет спустя, Мартин мысленно возвращался в это время, то не мог вспомнить ничего по-настоящему важного. Все распадалось на яркие образы и отдельные события.

Как Мартин и рассчитывал, Сава все-таки отправился в тюрьму. Недавно наступившее совершеннолетие, прошлые заслуги и Анатолий, живописующий, как за «какие-то деньги» избил его малолетнего сына, не оставили ему шанса.

Вадим отделался постановкой на учет и общественными работами.

Как Вик и планировал, помогая Матвею, он заслужил его слепую преданность. Матвей ходил за ним по школе, словно большой пес. Сначала Вика это немного раздражало, но в конце концов он привык, что за ним следует тень. К тому же присутствие Матвея удивительным образом помогало избегать конфликтов — к нему просто боялись подходить. Вика это более чем устраивало, и он смирился с молчаливым присутствием еще одного человека в своей жизни.

Они с Ришей все-таки записались в театральную студию. Матвей и здесь увязался за ним, хотя тяги к искусству явно не имел.

К невероятному облегчению и Вика, и Мартина, «Колобка» они не ставили. Несколько месяцев, дважды в неделю они репетировали отрывки из «Алисы в стране чудес», после чего просто начали другую пьесу. Руководитель студии, Маргарита Николаевна, грузная женщина с тяжелым взглядом и громким, командным голосом постоянно ругала Ришу, почти не замечала Вика, Матвею давала роли, где было не больше десяти слов, и называла все сценические успехи подопечных «блеклым, невыразительным копошением». Риша расстраивалась, Вик относился к происходящему совершенно фаталистично, зато с удовольствием брал у Маргариты Николаевны распечатки стихов, которые она готовила к каждой репетиции.

Жизнь текла неторопливая и спокойная. Вик много времени проводил в библиотеке, сумев установить с Верой некое подобие приятельских отношений. Риша стала ходить с ним — выяснилось, что раньше она боялась Веру, поэтому старалась лишней раз в библиотеке не появляться. Вместе они постепенно привели в порядок все старые издания и перебрали картотеку, Все женские романы с чердака Вик по одному перетаскал Вере. Вера заказала для него собрание сочинений Крапивина.

Наступила и закончилась зима — холодная и вьюжная. Весна сменилась летом, а лето — новой осенью, возвращением к урокам, становившимся все менее несодержательными,

репетициям в театре и долгими вечерами в библиотеке.

Воспоминания об этом времени были подернуты туманом. Словно страницы переворачивались дни — цветы.

Трава.

Небо.

Снег.

Озера в глубине леса.

Стриж, залетевший в окно.

Прикормленный Ришей котенок, выросший в огромного белоснежного кота. Через два года куда-то исчез.

Ночевка в лесу — отец напился и топором разнес кухонный шкаф. Вик сидит у костра и смотрит в огонь, Мартин зажигает десятки огоньков.

Лера пишет письма — аккуратно, раз в месяц.

Мама стала пить. Мама завела себе любовника. Оксана ходит за Лерой хвостом и страшно раздражает. Если оттолкнуть — плачет. Плач раздражает Леру еще больше. Она скучает.

Любовник ушел от матери, что-то украл. Мама смотрит телевизор и не выходит из комнаты.

Лера скучает.

Вик писал письма, наполняя их словами поддержки, но с каждым месяцем искренности в этих словах оставалось все меньше. Лера осталась где-то далеко, и Вик даже с трудом вспоминал как она выглядит, только помнил, что должен любить ее.

Мама так долго не выходила из комнаты, что Лера начала носить ей еду. Лера волнуется за маму, а он, Вик, волнуется?

Какое ему дело, кто эта женщина?

Оксана до сих пор не умеет читать, Лера не может ее научить. Ей не хватает терпения. А кто такая Оксана?

Мартин собрал из тонких деревянных реек, бумаги и ниток бумажного змея. Риша в восторге — он летит высоко и не падает. Белоснежное пятно в безоблачном, ультрамариновом небе.

В заснеженном лесу они нарядили елку — маленькую, на которую не нужно залезать, чтобы укрепить звезду на макушке. Мартин сделал для Риши деревянный гребень с белоснежным цветком из ткани и бусин. Риша связала Вику шарф.

Под перевернутой лодкой на берегу озера, которую они не стали чинить — новый выводок лисят. Эти черные, с янтарными глазами. Вик с Ришей как-то даже видели их мать — черную, длиннохвостую тень у кромки воды.

К осени лисят под лодкой уже нет.

Вик почти начал верить, что тот самый Мир-Где-Все-Правильно — не недостижимый идеал. Что в его жизни появляется порядок. Что все будет хорошо.

Но однажды осенью, незадолго до пятнадцатого дня рождения Вика, в деревню приехала Мари.

И все закончилось.

...

Мари приехала из города. Выпускница театрального института, она должна была защищать дипломную работу в конце года. Свои режиссерские амбиции она решила удовлетворять вдали от городской суеты, красочно обрисовав преподавателям, какое доброе дело собирается совершать — учить детей, которым не доступно хорошее образование в области искусства. Впрочем, по ее же словам, Мари была лучшей ученицей курса и никто в ней не сомневался. К тому же перед отъездом из города она успела заключить контракт с городским журналом о серии заметок. Из-за этих заметок и каких-то мифических субсидий ей и позволили творить все, что она захочет. Вик несколько раз видел, как угодливо улыбается ей директор школы.

Мари была молодой, красивой, и обожала драму.

Свой маленький черный автомобиль она припарковала прямо у крыльца. Никто ее не встречал, только несколько человек, включая Вика, наблюдали из окна. Но она выходила из машины так, словно сходила под софиты и вспышки камер, а не ступала на размокшую от дождя землю. Оглядев серую коробку школьного здания, она всплеснула руками и что-то восторженно пробормотала.

Вик Мари не понравилась с первой же секунды. Она зашла в зал, где проводились репетиции, и он испытал то же чувство, что и при виде ковровой дорожки к директорскому столу.

Мари была высокой блондинкой. Рост подчеркивали шпильки, чья безупречная линия точно совпадала с черными стрелками на шелковых чулках. Черное бархатное платье едва достигало колен. Руки ее закрывали черные бархатные перчатки, поверх которых Вик разглядел несколько серебряных браслетов и колец.

Мари морщила напудренный нос, кривила тонкие губы и бормотала что-то мурлыкающе-нецензурное, разбрасывая по гулким коридорам звон каблучков.

«Мартин, это что?!»

«Не знаю, но мне тоже не нравится».

Вик из сублильного городского ребенка превратился в долговязого подростка. На похудевшем, вытянувшемся лице особенно выделялся длинный нос и огромные, все больше белеющие глаза. Казалось, через несколько лет цвета в них вовсе не останется. Теперь он один заботился о доме, занимался огородом, а когда отец дважды уходил в запой — следил за свиньями. Животные раздражали, раздражали грязь и шум, но Вик не хотел, чтобы шума и грязи становилось больше.

Он больше не боялся драк и конфликтов. Драться честно он не видел смысла, он дрался для победы. Кто-то считал, что он дерется подло, а Вик считал, что если не он эту драку начал — а сам он драк почти никогда не начинал — то и незачем соблюдать какой-то там этикет. А если все-таки начинал — то уж конечно не просто так, а значит, этикет соблюдать тем более не стоило.

Недавно Вик начал не только делать работу по дому, но и помогать соседям — за деньги, но чаще за еду, он рубил дрова, полыл огороды, мог починить крышу или забор. Ему

правила тяжелая работа — она успокаивала. Она позволяла меньше зависеть от отца, от работы развивалась сила и выносливость. Вик давно не чувствовал себя беспомощным и слабым, и это было восхитительно.

Мартину недавно исполнилось двадцать. Светящаяся рыбка по-прежнему жила в его комнате. Полки, заполненные книгами, тянулись вдоль стен до самого камина. Мартин старался комнату не разглядывать — его раздражало, что в ней ничего не меняется без его участия. Если Вик терпеть не мог пыли и царапин, то Мартину их отсутствие казалось лишним напоминанием, что он лишь придуманный человек в нарисованной воображением комнате.

Когда ему было пятнадцать, он начал по-новому осознавать свое положение.

Может быть у них с Виком и будут женщины, когда он повзрослеет. Какое-то время, но перспектива несколько его не привлекала. Мартин хотел бы иметь собственную семью, а не довольствоваться случайными связями.

Но семья будет у Вика. Он может позволить себе любить, выбирать профессию и идти своим путем.

Мартин желал ему только счастья, но все же в минуты тоски, по ночам, когда никто не мог услышать его мыслей, он думал о том, что, когда Вик устроит свою жизнь, он хотел бы умереть.

Может быть однажды он отперет свою вторую дверь и узнает, как далеко может зайти в темноту и как долго там блуждать.

В конце концов, не дольше человеческой жизни. Однажды Вик умрет, и оба разума погаснут. И ему, Мартину, суждено умереть, не оставив ни следа. Ни фотографий, ни вещей. Ни детей, ни даже воспоминаний — это Вика будут помнить, и даже в те моменты, когда сознание будет занимать Мартин, он будет оставаться в людской памяти Виктором Редским.

Подобные мысли посещали его все чаще. Иногда по ночам он, не выдержав, выходил на кухню, варил кофе и до утра сидел с какой-нибудь книгой на чердаке. Он мог бы читать у себя, но ощущение реальности происходящего прогоняло тоску лучше домашнего уюта и привычной обстановки.

Но в конце концов он свыкся с этими мыслями, и они улеглись, перестали тревожить. Оставили отпечаток. Обещали вернуться. Поселили тоску в глазах, провели про длинным, каштановым волосам, оставив пару ранних серебристых волосков, и затаились.

Привычка пить кофе и читать на чердаке так и осталась с Мартином.

Три года назад он, выйдя во вторую дверь с кусочком мела решил отгородиться от клубящейся темноты еще одним способом. Теперь его встречал не непроглядный мрак. Он нарисовал несколько деревьев, несколько розовых кустов и деревянный настил. Выпустил несколько светлячков и шмелей, чтобы они танцевали вокруг цветов. Все это он наполнял жизнью постепенно, боясь надорваться как с домом. Сейчас цветы и шмели были настоящими, как и почти все деревья. Оставалось только одно с недорисованной кроной.

Когда Мари бесцеремонно вторглась в их жизнь, Вик с Ришей как раз репетировали очередную невероятно скучную пьесу со стерильным и до тошноты педагогичным сюжетом — молодой человек, поддавшийся на уговоры одноклассников, пристрастился к наркотикам и читал со сцены затянутые, невероятно нудные монологи о своей печальной судьбе. Риша играла его подругу, роль которой состояла в том, чтобы сомнамбулически бродить по сцене

и стенать, заламывая руки. Несколько раз она ободряюще произносила: «Любовь все преодолет», после чего продолжала заламывать руки.

Вообще-то главному герою по сюжету было семнадцать. Но так как мальчиков в секции было всего двое, играть приходилось Вику. Матвей все еще не запоминал тексты длиннее нескольких строчек, хотя благодаря стараниям Вика наконец-то стал переходить в следующий класс через год, как полагается, а не через два.

Первый монолог героя начинался неубедительным: «И пусть я выгляжу моложе...». Впрочем, возраст Вик и в жизни старательно скрывал, стараясь казаться старше.

Когда-то давно Мартин обещал, что Вик в двенадцать лет будет напоминать его самого в тот момент. Но он ошибся — мальчики различались, словно сеттер и белоснежный кот. Хотя в чертах их лица было много общего, у них была разная мимика, пластика, и мышление. Пять лет назад Мартин был худым и бледным, с совсем уж несуразно длинным носом и повзрослому усталым взглядом. Вик в пятнадцать был широкоплечим, летом постоянно обгорал и смотрел ехидно, осознавая свое превосходство. Ему нравилось быть умным, сильным и хитрым. Ему нравилось быть умнее и хитрее, а значит, и сильнее других.

Сейчас Мартин был взрослым мужчиной, и Вик точно знал, что через пять лет он, Вик, будет выглядеть совсем по-другому. Как-то он в шутку спросил Мартина, может ли он по желанию отрастить себе бороду. Мартин, усмехнувшись, ответил, что это было бы некстати и ему пришлось бы придумывать себе бритву, а он не уверен, что у него получится.

Рише недавно исполнилось семнадцать. Из стеснительной девочки с мягкими чертами лица она превратилась в девушку с острым подбородком и грустными голубыми глазами. Она начала привлекать внимание, и тут репутация ее матери снова сыграла с ней злую шутку. Подначки и щипки доводили Ришу все же меньше, чем прямые предложения, и Вик старался как можно реже оставлять ее одну.

Серьезной угрозы он еще не представлял, но с ним все равно старались не связываться. К тому же где-то неподалеку от Вика часто находился Матвей, все больше напоминающий быка, флегматичного, но легко впадающего в разрушительную ярость. Яростью Вик с удовольствием пользовался, и если драка превращалась в расправу — отходил в сторону и наблюдал, улыбался и чувствовал себя совершенно счастливым.

И Вику с Ришей удавалось обманывать судьбу до тех пор, пока над залом не раздалось: «Шар-р-ман!»

У Мари был потрясающий голос — глубокое, мягкое, чуть хрипловое сопрано. С таким голосом она могла бы просто зачитывать роль с листка, и ее слушали бы, замерев от восторга.

Риша смотрела на нее влюбленными глазами с первых секунд. Мари поднялась на сцену, гулко простучав каблуками, и подошла к Рише, стоявшей ближе всех к занавесу.

— Ты такое чудо, девочка. Настоящая нимфа, Офелия, — Мари прикоснулась к щеке Риши, поправила выбившуюся из косы серую прядь.

Потом устремила взгляд на Вика. Глаза у нее были невероятные, зеленые, как бутылочное стекло, в расчетливом обрамлении густых ресниц и черных стрелок.

— А ты...

Вик сидел на краю сцены. Он только что в очередной раз зачитал один из своих монологов и сумел это сделать почти не презирая себя. И менять позу он не собирался.

Мари опустилась на корточки рядом. В воздухе запахло чем-то сладко-пудровым.

— Такая прелесть. Маргарита Николаевна, на каких ролях вы гноите такой типаж? Такой злой... волосы и глаза совсем белые, что-то мистическое...

«Вик, я знаю, о чем ты думаешь, но не хами ей, пожалуйста — Риша расстроится», — попросил предусмотрительный Мартин.

— Руки, уважаемая, — просто сказал ей Вик, кончиками пальцев отодвигая от своего лица протянутую руку.

— Прелесть! И правда злой! — обрадовалась Мари, ничуть не смутившись. — Такой... холодный. Кай, Мальчик-Без-Сердца...

— Мария, может быть вы потом потрогаете наших актеров? Детям пора домой, — раздался раздраженный голос Маргариты Николаевны.

Слово «актеры» она произнесла со своим обычным сарказмом, но Вик впервые был ей за это благодарен.

— Кто автор этой пошлости, что дети тут играют? — не обратив внимания на ее пассаж, спросила Мари.

Маргарита Николаевна уставилась на нее с уже ничем не прикрытой ненавистью. «Наркотики или жизнь» были ее трудом, за который она даже получила грант на обустройство студии.

— Мы ее перепишем заново. Все эти монологи, эта девочка, которая как приведение тут стенает — это же вообще никуда не годится! Нам нужна глубина сюжета, трагедия...

— По-вашему ребенок, севший на наркотики — не трагедия?! — прошипела женщина, подходя к краю сцены.

Мари все еще стояла на коленях рядом с Виком, и он кончиками пальцев чувствовал скользкое и холодное прикосновение бархата ее юбки. Она тоскливо посмотрела на Маргариту Николаевну. Поправила волосы. И улыбнулась.

— Нет, Маргарита Николаевна, это не трагедия, потому что вы не показываете зависимость. Здесь нет борьбы, нет безумия, динамики, драмы — ребенок просто повторяет подслушанные за взрослыми морали. И да будет вам известно, кокаин не вкалывают в вены и никто, никогда ничего не колет инсулиновым шприцом — у него тонкая игла, и он выпускает пену. Поэтому эту глупость о том, как он крал шприцы у матери, больной диабетом, точно нужно убрать. Над вами просто посмеются.

Риша слушала Мари, замерев от восторга. Годы ее стараний и преданной любви к театру наконец-то вознаградились. Мари не назвала ее бездарью, она сказала, что из нее получится Офелия. Она принесла свежий взгляд на заученный, расписанный порядок.

Вик восторга ее не разделял. Мари не просто его раздражала — он безошибочно чувствовал в этом бархате, самоуверенности и пудровых духах липкую фальшь. Она вызывала у него брезгливое омерзение, и дело было вовсе не в подростковой ершистости — Мартин чувствовал то же самое.

Но сделать они пока ничего не могли, а вскоре им даже пришлось встать на сторону Мари.

Вечером Вик ужинал у Ришиных родителей. Отец уехал в город двое суток назад, и Вика

такой порядок полностью устраивал. Если бы отец там без вести пропал — Вик был бы только счастлив. Он давно научился сам себя кормить, делать запасы на зиму и не позволять дому ветшать. Отец только мешал ему бесконечными пьяными выходками, запоями и конфликтами с покупателями из-за поднятых цен на самогон.

Вячеслав Геннадьевич симпатизировал Вику все откровеннее.

Женя уехал учиться в город сразу после того, как Сава попал в тюрьму, и родных не навещал. Риша, которую стало некому пугать дома, стала гораздо спокойнее.

За столом она без остановки рассказывала о сегодняшнем знакомстве. Вик только досадливо морщился — он видел, что Ришин отец все больше мрачнеет, и тема ему неприятна. Вик пытался ее сменить, но Риша не замечала его попыток, и упорно продолжала говорить о театре, о Мари и о своих будущих ролях.

— Ты бы чем дурью разной маяться, лучше бы за учебой следила. Скоро аттестат получать, и что дальше думаешь делать?! — не выдержал Вячеслав Геннадьевич.

— Поеду в город... поступлю в театральное училище... — прошептала она, на глазах превращаясь в испуганного ребенка.

— В театральное? Правда? Тебе мало того, что про тебя в деревне говорят?! Скажи спасибо что этот вот нашелся, который все это не слушает! — Вячеслав Геннадьевич бесцеремонно ткнул пальцем в Вика, не отрывая от дочери налитого кровью взгляда.

«Ах ты старый сводник!» — возмущенно выдохнул Мартин.

Причина многолетнего расположения стала ясна в один миг — он просто ждал, что Вик добьется чего-то в жизни и возьмет замуж его дочь. С ее дурной репутацией и дурными мечтами о театре.

Риша переводила беспомощный взгляд с отца на Вика, пока, в конце концов, не опустила глаза, не выдержав поединка.

— Мне говорили о твоих успехах. Маргарита Николаевна сказала, что у тебя нет ничего, чтобы быть успешной на сцене — ни внешности, ни голоса, ни таланта. Что ты собралась делать, когда тебя вышибут из училища? — безжалостно закончил разговор Вячеслав Геннадьевич.

«Мартин, ты знаешь, как сильно я это все ненавижу?»

«Что поделать, искусство требует жертв» — тяжело вздохнул Мартин.

Что он мог сказать? Заступиться, сказать, что у нее на самом деле есть талант, а Маргарита Николаевна — деревенская тетка, погрязшая в ханжестве и чопорности? Здесь слово подростка не стоило бы ничего, и для Риши — тоже.

Он снова не мог ее защитить.

После ужина он не пошел домой. Его больше не провожали — сначала он сам стал отказываться, потом этот вопрос просто перестали задавать.

Риша сидела за домом, под старой яблоней. На ее плечах лежали листья, серые в вечерних сумерках.

— Риш, ты зря слушаешь его, — сказал Вик, садясь рядом.

Земля была холодной.

— А по-моему, все правильно... взрослые же всегда все лучше знают, — вздохнула она.

— Что они знают, Риш? Что вообще ты от них хорошего видела или слышала? — огрызнулся Вик.

Разговор оставил тягостный осадок. Ему было противно от того, что Вячеслав Геннадьевич сказал дочери. Противно от того, что он сказал о нем. Противно, что он сам не смог ничего возразить.

— Мари сказала, что я смогу играть Офелию, — возразила Риша.

— Я тоже могу сказать, что ты можешь играть Офелию. Ты можешь играть Джульетту, леди Макбет, а если нужно — Титанию, потому что ты талантливая и можешь примерять разные образы. И поверь, я искренне так считаю. А теперь не плачь. Мне не нравится Мари, но, кажется, у нас с тобой скоро будет новая история и новые роли. Я этому рад бесконечно, потому что «Пожирающая меня изнутри белоснежная смерть, которую я сам впустил в свои вены вопреки воле родителей и наставлениям моих мудрых учителей» вызывает у меня тошноту каждый раз, когда я это произношу, — улыбнулся Вик.

— Да, ты прав... Что она обещала?.. Драму и настоящие чувства? — Риша слабо улыбнулась, вытирая слезы рукавом.

— Как-то так, я не слушал — духи ее душили, — проворчал он, привычно обнимая ее за плечи.

...

Шел четвертый день, как отца не было дома. От Леры пришло письмо, полное беспомощной тоски — мать больна и лежит в больнице. За ними с Оксаной следит ее подруга, она ничего не говорит, но Лера видела, как однажды вечером она ушла в любимом мамином платье. Она поняла, что это значит — подруга не верит, что мать вернется.

Вик начал всерьез подозревать, что отец поехал к бывшей жене. Он даже успел удивиться такому благородству, но тем вечером отцовский друг Мит пришел требовать денег — Анатолий уехал в город, заняв у него какую-то сумму, да там и пропал.

«Значит, он поехал не к матери», — безо всякого, впрочем, разочарования подумал Вик.

— Денег не будет. Отец приедет и сам с вами рассчитается. А сейчас — уходите, — твердо сказал он, стоя в калитке.

— Я знаю, где у твоего папки деньги лежат, пусти, я сам заберу, сколько он мне должен, — попытался он оттолкнуть Вика.

— Я сказал — проваливайте, — спокойно ответил он, отходя в сторону.

— Так-то, — предпочел не заметить его слов Мит, заходя во двор.

Вик только пожал плечами и запер за ним калитку. Пошел на другую сторону участка, не сказав ни слова. Спустя несколько секунд раздалось поочередно два щелчка. Мит успел обернуться, и даже собрался кричать — впрочем, это не имело уже никакого значения.

Боцман и Тень были уже не молоды. Жизнь на цепи погасила их бешеную злость, а заступничество Вика, который всегда вовремя их кормил сделало их куда лояльнее к чужакам. Но годы побоев, голода и унижений взметнулись кипящей, ядовитой ненавистью, стоило спустить их с цепи.

Отпустив собак, Вик не стал наблюдать за происходящим, а, забравшись на крышу будки перелез через забор и запер калитку снаружи. Он улыбался — собутыльник отца с мутными глазами и крысиными повадками давно вызывал у него глухое презрение.

Мартин молчал. Ему была понятна эта жестокость, и тревоги она не вызывала. Им обоим приходилось защищать себя всеми доступными способами. К тому же, и Мартин, и Вик точно знали, что если бы Мит забрал деньги, отец бы обвинил в этом сына. А ночевать несколько дней в лесу им обоим не хотелось.

Спустя пару минут Вик услышал грохот. Кажется, Мит смог перелезть через забор и броситься бежать. Вик торопливо отпер калитку и зашипел от злости — аккуратно перекопанные грядки были растоптаны вместе с несколькими кустами и высаженными цветами.

— Ах ты пропитая, старая паскуда!

«Вик, это лишнее!» — попытался остановить его Мартин, но было поздно.

— Взять! — приказал он, отходя от открытой калитки.

Собаки метнулись мимо него на улицу, оставив глубокие борозды на земле.

«Не стоило этого делать. К тому же собаки могут не вернуться», — осуждающе сказал ему Мартин.

— Пусть только этот ублюдок больше здесь не появляется, а собаки... что-то мне подсказывает, что они вернутся.

Собаки и правда вернулись к вечеру — грязные, у Тени было порвано ухо, а у Боцмана — морда. Вик только вздохнул, посадил их на цепь и долго отмывал водой из колонки. К тому времени в доме наконец-то появился нормальный водопровод, и колонка была почти забыта.

— Мартин, слушай, порез плохо выглядит. Я надеюсь, его не ножом полоснули?

«Нет, больше похоже, что он подрался с кем-то, смотри, края рваные».

— Может зашить?..

«Он от боли с ума сойдет, к тому же боюсь, что не смогу сделать это аккуратно и быстро. Залей перекисью, сверху мазь с антибиотиком — я в холодильнике оставил. Я потом заклею, чтобы он не разлизал».

Они еще несколько раз выбирались в город с Ришиным отцом, и оказавшись там снова, Мартин тут же нашел аптеку и купил лекарства по заранее заготовленному списку. Источником его знаний был двухтомный «Справочник врача», найденный среди книг на списание в библиотеке. Половину Мартин не понял без дополнительной литературы, которую ему было взять неоткуда, вторую половину понял очень поверхностно. Но и этого хватило, чтобы понять, что у него есть любовь и кроме моря, которое он никогда не видел. Медицина привлекала его, как Вика — математика. Если в математике Вик обретал власть над миром, уместя его в числа и значения, то Мартин понял, что может обрести власть над

несчастьями, вступив в схватку со смертью.

Впрочем, мечта о медицинской карьере должна была так и остаться несбыточной. Даже если бы они поделили свое время, как Вик предлагал — ему бы не хватило половины жизни. К тому же Мартин не хотел соглашаться и красть у друга время, хотя сам признавался себе в том, что искушение каждый раз все труднее преодолевать.

До вечера Вик провозился с огородом, восстанавливая грядки. Мартин сменил его через три часа, покормил свиней и собак, проверил кур и, наконец добравшись до постели мгновенно уснул, успев только открыть окно — в доме было душно.

Его разбудил собачий вой. В окне что-то дрожало неверным, качающимся светом.

— Опять?! — успел выдохнуть Мартин, выбегая во двор через окно.

Горела крыша курятника. На самом краю он увидел кусок кирпича, обмотанный промасленной тряпкой.

— Seriously?! — крикнул он через забор.

Мелкая, мелочная месть подростку, которого не удалось обокрасть показалась Мартину верхом бесчестия даже для Мита. Бросаясь к колонке за водой, он успел распахнуть калитку и отстегнуть собак.

«Не стоило этого делать, Мартин», — не удержался от подначки Вик.

— Как-нибудь переживу, — прошипел в ответ Мартин, заливая крышу водой.

*Я древний хаос, я друг твой давний,
Твой друг единый — открой, открой!*

3. Гиптиус

В зале было душно. Никакого красного, бархатного занавеса, так очаровавшего Ришу когда-то у них не было, только темно-серая полупрозрачная завесь. И много, много пыли.

Несколько человек сидели вокруг сцены на деревянных стульях. Вик с Ришей сидели рядом, чуть дальше остальных. Ближе всего сидела Рита. Впрочем, она недавно завела себе дурную привычку требовать, чтобы ее звали Марго. Рита не отличалась красотой или талантом, зато была обладательницей на редкость гадкого характера и копны черных волос, которые она каждый день завивала в тугие, глянцево-кудри. Семнадцатилетняя Рита была «примой» их театра. Впрочем, нигде, кроме театра, она не блистала.

Вик прекрасно знал, что за скандал состоялся, когда ее застигли с одним из старшеклассников в пустом спортивном зале. Еще Вик слышал, как учитель математики, тот самый, с грустными глазами, орал на нее, стуча мелом по доске. Мел крошился, оставляя белоснежные пятна на черном грифеле, но он, казалось, этого не замечал. И Вик, и Мартин были крайне удивлены — до этого дня они вообще не подозревали, что он способен издавать звуки громче своего обычного полусшепота.

Мари лежала на краю сцены и курила в потолок. Вик смотрел на нее с плохо скрываемым раздражением. В ее позе было слишком много манерности. Малахитовый мундштук казался ему нелепым, а вот почему вместо длинной сигареты в мундштуке короткая самокрутка, он догадывался очень хорошо. Он даже знал в лесу поляну, где росла конопля. Судя по тому, что ее не обирали налысо — ее нашел только он.

— В общем, я переписала вашу пьесу, — мягко сказала она, не глядя в зал.

Видимо, пауза предназначалась для восхищенных вздохов.

Риша сидела выпрямившись и наблюдала за Мари полными восторга глазами.

— Непедагогично себя ведете, уважаемая, — мрачно сказал Вик, которого Ришин восторг все больше раздражал.

К тому же у него начинала болеть голова.

— Что?.. — рассеянно переспросила она, по-прежнему не оборачиваясь.

Вик чувствовал на себе неодобрительные взгляды. Мари нравилась всем, кроме него.

— Голова болит. Потушили бы косяк, а?

— А ты и правда злой... уважаемый, — обиженно вздохнула Мари.

Но самокрутку все-таки потушила и даже села на край сцены. Обвела присутствующих мутным взглядом.

— Значит, так. Я прочитала тот ужас, что вы тут раньше играли, и он совершенно

невыносим. Да, может быть это педагогично, но мы же здесь собрались, чтобы творить высокое искусство, не так ли?

«Не-так-ли». Она произнесла это как-то по особенному, одним словом, будто перекатила на языке и потом проглотила.

«Мартин, она тебе нравится?» — вдруг спросил Вик.

«Ты же знаешь, что нет», — отозвался он.

«Нет, в смысле... ну как женщина».

«Вик, ты же знаешь, что я стараюсь... не думать о женщинах», — осуждающе ответил Мартин.

«Да, но...»

«Нет, она мне не нравится. Ни как женщина, ни как человек», — вздохнул он.

Пока Мартин пребывал в меланхолии, а Вик размышлял о том, каким вообще мужчинам может нравиться вся эта бархатно-блондинистая липкость, Мари томным голосом продолжала:

— В общем, Виктору мы оставим его роль. Но я не вижу смысла делать героя старше. Я так понимаю, Маргарита Николаевна пыталась таким образом оправдать любовные отношения между персонажами. Но мы с вами люди искусства, а значит, должны быть выше всего этого ханжества. Все герои будут вашими ровесниками, нам с вами предстоит жить на сцене... Хорошо, что ты выглядишь старше своих лет... скажи мне, мальчик ты бывал... влюблен?

«Не-так-ли». «Влюб-лен». Словно плеснул камень, брошенный в воду. Вик поморщился. Десять пар глаз уставились на него с хищным интересом. Риша подвинулась чуть ближе, словно хотела его от чего-то защитить.

Вик уже открыл рот, чтобы сказать Мари, что это не ее дело, но услышал досадливое фырканье.

— Да что вы его спрашиваете? У него ведущие роли только потому, что он единственный мальчик в студии. Этот не считается, он у нас вот навроде пня, — процедила Рита, смерив Вика презрительным взглядом и ткнув пальцем в Матвея.

Пара девушек угодливо захихикали. Вик закатил глаза.

— Зато ты много знаешь о любви, милая. Ты столько знаешь о любви, что половина школы вообще узнали о ней благодаря тебе.

«Вик, девочкам хамить некрасиво», — раздался голос Мартина, впрочем, Вик явственно слышал в нем сарказм.

«Ой, что же я делаю».

Мари расстроено всплеснула руками.

— Котенок, как можно быть таким циником? О, как тяжело. Ладно. В общем, наша пьеса будет не о зависимости, она будет о любви. О том, что любо-о-овь... — Мари хлопнула в ладоши. — Побеждает зависимость.

Она встала на край сцены и сделала по ее краю несколько уверенных шагов.

— Какая мотивация была у твоего героя, Виктор?

— Он подался на уговоры. «На слабо», — скучая ответил Вик.

— А как ты думаешь, почему сюжетно дела обстоят именно так? Зачем сюжету нужен такой герой?

— Чтобы он мог бубнить свои морали, — пожал плечами Вик. — К тому же... он слаб. Таким персонажем легко управлять, мы двигаем его по сюжету без всякого сопротивления.

— Что ты хочешь сказать?..

— Что разные прочтения есть у Гамлета. У того, кого я играю не то, что прочтений — у него даже имени нет. Нет, серьезно, у нас главного героя зовут «Н», его девушку — «Л», а мудрую наставницу, которая э-э-э... помогала мальчику звали «В». Если кто — то не понял — это Надежда, Любовь и Вера, по-моему, метафора дрянь.

— Отлично. А твоя героиня, Ира, какая у нее мотивация? — обратилась она к Рише.

— Она... ну... она просто его любит. Ну... потому что, нас поставили перед фактом. И ее роль заключается в том, чтобы страдать от того, что он себя убивает... и ничего не делать, да она и не может — у нее ведь нет характера...

— Замечательно. Ладно, Рита, а твоя «Мудрая наставница В» зачем нужна сюжету?

— Она наставляет героя на истинный путь, помогая бороться с пагубной зависимостью, — заученно ответила Рита.

— А «пагубной» это как? — не удержавшись, спросил Вик.

— Заткнись, — попросила его Рита.

«Кто-то, я вижу, не в духе».

«Это от травы, ее духов и ее „влюб-лен“. Нет, ну ты слышал?!»

«Слышал», — вздохнул Мартин, рассеянно протягивая ладонь подплывшему Оресту.

Рыбка привычно скользнула вокруг его пальцев, сделала несколько кругов вокруг запястья, словно обвязав его холодной, светящейся лентой, и взвилась под потолок.

— Не ссорьтесь, котяточки. Если мы все не будем дружить, я могу дать вам какую-нибудь плоскую пьеску, отчитаться и уехать в следующую деревню.

Вик в этом здорово сомневался. Он догадывался, что выбор Мари был обоснован относительной близостью города и благоустроенностью деревни, куда даже приезжали на фотосессии и провести выходные подальше от привычных урбанистических пейзажей жители соседних городов. Вслух он говорить ничего не стал.

— Значит так, у нас тут гораздо больше ролей. Мы не будем называть героев «Эн», «Эл», и даже «Цэ». Но и делать своих персонажей Колями, Васями и Наташами мне тоже не хочется. Поэтому... у героев будут прозвища. Их я предлагаю вам выбрать самим, до завтрашнего вечера. Далее... Я раздам вам текст пьесы, отметив в афише ваши роли...

— Вы раздадите нам пьесы... без имен? — удивилась Рита.

— Справедливый вопрос. Пока что я подготовила распечатки со старыми именами, а новые персонажи по традиции названы произвольными буквами, без метафор. Их не так много, я думаю, вы разберетесь. Теперь... Со следующей репетиции мы не будем обращаться к друг другу своими именами. Вы будете своими персонажами. Вы будете не просто так называться, вы будете вести себя так. Вы будете ими. Выходя за двери зала, вы будете снова становиться собой. Все ясно?

Несколько человек кивнули, остальные пробормотали что-то утвердительное.

— А как вас будут звать? — неожиданно спросила Риша.

— Меня? — улыбнулась Мари. — Меня будут звать де Мертей.

«Ну потрясающе, просто прекрасно», — скучающим голосом отозвался Мартин.

«Что?..»

«Не обращай внимания, это я так».

Ему не понравился выбор прозвища. Не понравилось то, что Мари выбрала неясный, как она думала, для детей образ. Словно она скрыла лицо за прозрачной маской, рассчитывая, что никто не заметит.

Мари чем-то его тревожила. И если Вика раздражала ее манерность, и он неосознанно ревновал Ришу, то Мартин чувствовал в ней реальную угрозу.

У нее были странные глаза. Неподходящие к ее поведению. За томным, липким и выверенным, в этой зелени таилось что-то колючее и ледяное.

«Значит, де Мертей? Мария де Мертей, любишь оксюмороны?.. Пусть так», — рассеянно подумал Мартин, проводя рукой по косяку.

...

Вик с Ришей решили читать пьесу вместе. Они расположились около небольшого лесного озера. Мартин посоветовал развести костер — вечерело, а осень уже расплескала в воздухе свою прохладу.

Теперь огонь весело потрескивал на сухих ветках, вокруг них был осенний лес, перемешавший золото, алые вспышки на кронах и наполняющееся синими сумерками небо.

Вик держал в руках распечатку, и ему почему-то хотелось бросить ее в огонь. Не от тревожных предчувствий. Просто был костер на берегу озера, Риша, положившая голову ему на плечо и растирающая замерзшие руки в его перчатках, и Мартин, сидящий на краю проема и смотрящий в огонь.

Все было как надо. Правильно. Наверное, в этот момент он был по-настоящему счастлив.

— Открывай давай! — поторопила Риша.

Он, вздрогнув, нехотя перевернул первую, чистую страницу.

На второй странице посередине было единственное слово, напечатанное крупными буквами посреди страницы.

«Дожди».

— Что, «Наркотики или жизнь» в прошлом? Отлично, — усмехнулся Вик.

— Не ерничай, — серьезно сказала Риша и сама перелистнула следующую страницу.

— Монолог?! Серьезно?! — возмущенно выдохнул Вик, уставившись на страницу.

«Ах, до чего свежая аналогия, бесподобно», — раздался скучающий голос Мартина.

— Быть... или не быть, вот в чем вопрос. Мы задаем его себе каждый день. Закрывая ночью глаза мы погружаемся в темноту и перестаем «быть»... О, я знаю, кто бы с этим поспорил... А каждое утро, проснувшись, мы принимаем решение... продолжать. Или нет? Уснуть, забыться... однажды это манит каждого из нас. Мы все носим в сердце свою маленькую смерть, и иногда, прежде чем открыть глаза, мечтаем выпустить ее наружу... Риш, Маргарита Николаевна заставит Мари сожрать все экземпляры, а потом задушит ее нитками, которыми они были сшиты.

— А вот и нет. Я разговаривала с Мари. Она — волонтер. К тому же она пишет о нашей школе, и директор уже получил деньги на покупку какой-то мебели... Она говорит, что она хочет показать по-настоящему авангардное искусство, и считает, что чистые типажи есть

только вдали от городских условностей. Я читаю, что она пишет в журнал, — похвасталась Риша.

— Замечательно. Авангардное искусство и прочие, мать их, перформансы, — проворчал Вик, опуская глаза к тексту.

Герой дочитал монолог, упал на колени и начал кричать что-то о своей вине. Когда он закончил и с трудом поднялся на ноги «два Тени тащат его в темноту». Тени, забравшие героя, станцевали короткий вальс.

Следующей на сцене появилась девушка в сером платье.

— Спорим — Офелия?

— Ну Вик...

— Ладно, прости. «Меня зовут Л, и я верю, что любовь все преодолет»... Звучит, как признание в клубе анонимных алкоголиков...

— Вик, хватит издеваться! А ну отдай сюда! — возмущенно воскликнула Риша, забирая распечатку.

«Мартин, почитай с ней пьесу? Я не могу сдержаться, это слишком смешно, но не хочу Ришу обижать», — взмолился Вик.

Пожав плечами, Мартин шагнул в проем.

— Ладно, не обижайся. Прости, я просто нервничаю. Давай мне текст, — как можно мягче попросил он, забирая у нее листы и тут же кладя их себе на колени.

Потом он снял с нее перчатки, сжал ее руки в своих ладонях и осторожно подышал на ледяные пальцы. Почувствовав, как они потеплели, он вернул обе перчатки на место и снова взял в руки распечатку.

Пробежался глазами по пьесе и понял, что ему тоже хочется ерничать. Перелистнул несколько страниц.

И понял, что желание пропало, будто его сдул ледяной ветер.

— Голос за сценой — в... темноту. «Встать, суд идет... мы сегодня судим... Ложную Надежду... убедившую Н и Л, что любовь все преодолет... Любовь не преодолет ничего, ни зависимости, ни жестокости, ни смерти... Она позволила этому мальчику увериться в том, что он... Бог. И будет так, ведь давно Бог умер... и когда мы наконец-то...»

«Мартин... может лучше бы мы продолжали читать морали о вреде наркотиков?»

— И если я — Бог, на земле никто не будет святым... Привкус горелых строк зиме добавляет дым... Горят мосты и сердца — Я! Себе и икона, и гимн! Но за миг до конца я хочу быть святым... А вот это...

— И если ты — Бог, то я не хочу быть святой... — прочитала Риша. — Вик, мне кажется или Мари слегка увлеклась?

Мартин молчал. Он перелистывал страницы, быстро читая текст наискосок.

Главному герою было пятнадцать. Наркотики он начал принимать, решив, что либо он отличается от остальных, и ему можно все, либо жить ему незачем. Наркотики пробудили в нем темные стороны, его девушка, не выдержав такого жестокого разочарования в первой любви покончила с собой, и дальше участвовала в действии в виде призрака, старающегося воззвать к спящей совести персонажа.

В конце пьесы герой лежал на сцене, не то мертвый, не то полностью опустошенный, и голос за сценой читал монолог, названный «молитвой мертвому Богу».

Одновременно действию некие «Тени» ведут суд над «Ложной Надеждой», названной в пьесе «Эспуар».

«Видимо для того, чтобы избежать ассоциаций женским именем. Впрочем, она не забывает по тексту напоминать, что этот персонаж — именно надежда. И именно ложная... Что странно, ведь имя ее означает просто надежду», — рассеянно подумал Мартин.

Эспуар говорила голосом девушки главного героя, но всегда стояла к залу спиной и была укрыта плащом с капюшоном. Она доказывала, что не погубила ни девушку, ни ее горе-возлюбленного, а вывела их к свету из тьмы заблуждений. От высокопарных метафор Мартина начинало мутить. В конце пьесы объяснилось имя этого персонажа — Тени ее оправдали, признав, что надежда была не ложной. Через текст проходила сквозная метафора о дожде, которым небо оплакивает людские грехи.

— Риш, если честно... Мне кажется, что Мари не очень понимает, что такое постановка пьесы в школе, — осторожно сказал он.

Ему не хотелось, чтобы она в этом участвовала. Не хотелось, чтобы участвовал Вик. Пока он разыгрывал перед пустым залом неубедительно кающегося наркомана, это было простой игрой. Но сейчас, когда им предлагали участвовать в каком-то перформансе о смерти, ницшеанских идеях, зависимостях и самоубийстве, Мартин больше всего хотел бы, чтобы они втроем отказались от участия. Потому что есть грани, которые незачем переходить тем, кто за них даже не заглядывал.

— Я тоже... тоже так думаю, — неожиданно согласилась она.

Риша давно мечтала о серьезной роли. О настоящем искусстве. Она хорошо понимала, что играть не то утонувшую, не то утопленную Офелию, заколовшуюся кинжалом Джульетту или задушенную Дездемону — необходимая часть. Риша, в отличие от Риты, серьезно увлекалась театром, и с классическими пьесами была уже хорошо знакома. Вера, тайком от ее отца, выписывала для нее журналы о театре, которые числились как «Пособия для школьной студии». И она хорошо видела разницу между самоубийством Джульетты и этой декадентской мутью.

— Слушай, Риш, давай... давай откажемся. Пока не поздно, — неожиданно для самого себя попросил Мартин. — Я чувствую, что у этой истории есть... власть. Несмотря на то, что в ней много излишне пафосных оборотов и ненужных метафор.

— Я тоже чувствую... но Вик, я не могу отказаться. К тому же, — вдруг улыбнулась Риша, — это неважно. В конце концов эту... Эспуар, и пока неназванную девушку будет играть Рита, а у меня будет роль на несколько слов, может быть одна из Теней... А тебе, мне кажется, ничего не страшно, тебя с пути никто не собьет.

Мартин был в этом не уверен. Сам он прекрасно осознавал, что при виде жестокости и несправедливости теряет над собой контроль и испытывает совсем не добрые чувства. Вик же казался ему впечатлительным. И, кажется, его было легко разочаровать, а проверять, во что выльется разочарование в мире и его фантазии о холодном мире без любви, Мартину совсем не хотелось.

Впрочем, должно было произойти явно что-то более серьезное, чем постановка пьесы,

даже такой тяжелой.

Но дурное предчувствие, из тех, которым Мартин привык доверять, его не покидало. Он протянул руку к Ришиной распечатке и открыл страницу с афишей.

Напротив «Л» вызывающе краснело выведенное изящным почерком имя «Ирина».

Посмотрев Рише в глаза, он понял, что все безнадежно. Она не сможет отказаться от своей первой в жизни серьезной роли.

...

— Слушай, Мартин, какое должно быть прозвище у героя? — спросил Вик вечером.

Спать не хотелось. От чего-то, может быть от прочитанной пьесы, в которой ему предстояло играть, может от тревоги Мартина, а может от чего-то еще, его мучила тошнотворная тоска. Мартин, попытавшись понять причины, быстро сдался, предложил выбраться на крышу через чердак.

Вик лежал на спине и смотрел в небо. Небо напоминало ему темноту в его детстве — непроглядная чернота, в которой кто-то зажег белоснежные огоньки.

«Я не знаю. Слушай, Вик, мне вообще вся эта затея не нравится, лучше бы мы все-таки играли в детских сказках, это хотя бы просто было полчаса позора... Но раз Мари хочет играть так... назовись Виконтом».

— Что?..

«Она выбрала себе образ маркизы де Мертей — персонажа романа Шодерло де Лакло „Опасные связи“. Ее...антагонистом был виконт де Вальмон. Вообще-то он был ее другом, но в конце у них возникли... разногласия».

— Я не помню, чтобы мы читали такой роман.

«Я его читал один. Тебе было бы не интересно, он в письмах, и про интриги на тему отношений. Он валялся в коробке на списание у Веры».

— Виконт... Ну что же, мне нравится, и сокращается до «Вик», — улыбнулся он.

Мартин хмыкнул и замолчал. Его не успокаивало черное осеннее небо, его не успокаивали все разумные, весомые доводы.

Кажется, сегодня его ждала еще одна ночь на чердаке.

В пятнадцать лет рано было начинать играть в такие игры. Рано было играть наркомана с комплексом Бога в «Дождях». Мартину казалось странным, что Мари не выбрала для своего диплома что-то менее циничное, что-то педагогичное и позитивное, чтобы встретить одобрение широкой общественности.

Кажется, она ставила какой-то эксперимент, причем с чьего-то согласия и при чьей-то поддержке. Играла в свою игру, и Мартин понятия не имел, какие правила у этой игры.

Действие 3

Фокстрот с манекеном

*Пусть думают о нас все, что им угодно —
Мы только потанцуем и уйдем.*

Шекспир

Сегодня Мари, видимо поддавшись осенней меланхолии, оделась в серое. Даже волосы завязала широкой серой лентой. Но перчатки так и не сняла, только сменила на более короткие.

Она сидела на краю сцены. Увидев, что подопечные начали собираться, приветливо помахала рукой, приглашая подойти ближе.

— Прежде всего, мы должны снова познакомиться. На прошлой встрече мы договорились, что вы...

— Почему?! — Рита осталась стоять.

Она зашла позже остальных, и Вик видел, как дрожат от бешенства ее пальцы. Он сидел, подогнув под себя ногу, чтобы в случае, если она бросится на Ришу, успеть встать и удержать ее. Риша явно боялась этого скандала, и по испуганному вздоху за спиной он догадался, что она не ожидала, что он начнется так рано.

— Потому что я проводила прослушивание и пришла к выводу о способностях каждого из вас, — невозмутимо ответила Мари.

Ее явно не напугала взбешенная капризная школьница. Но Рита пережила бы это, если бы не видела проблему куда более страшную и унижительную для себя — Мари было смешно. Она почти не пыталась этого скрывать, и уголки ее губ в бордовой помаде то и дело подрагивали, распуская едва заметные лучики морщинок.

— В моей роли слов меньше, чем в его, — она обвинительно ткнула распечаткой в Матвея, хранившего обычную невозмутимость.

— Потому что он просто не талантливый ребенок, но усердный и спокойный. А ты переигрываешь, и дать тебе роль все равно, что вручить микрофон вокалисту, который безбожно фальшивит.

— Но вы ведь отдали главную роль этому! Потому что у него есть...

— Талант? Мозги? — перебил ее Вик, которому надоело слушать, как Рита пытается вернуться на привычное место любимицы руководителя театра. — Мы все в курсе, почему для тебя это так важно, милая. Потому что ты можешь покрывать свои выходы якобы творческой натурой.

На секунду Вику даже стало жаль Риту — она не могла даже дождаться, пока Мари уедет, чтобы все стало по-старому. Это был последний школьный год Риты, а после ее жизнь вряд ли будет связана с искусством. И вряд ли ее станут хвалить за откровенно плохую игру, как это было раньше. Мари забрала у Риты последний шанс блистать ярче других.

— Характер, — высказала свою точку зрения Мари. — Кому не нравятся роли — я не держу, и решений не меняю. Можете измениться вы — тогда я подберу для вас что-то иное. Если нет, то я ничем не могу помочь. Ты остаешься?

— Да, — с ненавистью выплюнула Рита, садясь на пол.

— Отлично. Тогда начнем с тебя. Как тебя зовут?

— Китти.

— Вот как? Что же, хорошо. Китти. А ты? — обратилась она к Матвею.

Вик поднял глаза. Ему было интересно, что же он придумает. Он ждал чего-то простого, сурового, и...

— Февраль, — неожиданно сказал он.

— Февраль? — удивилась Мари. — Почему?

Матвей пожал плечами и сложил руки на груди. Она не стала настаивать.

Третьей была девушка по имени Даша. Ей было пятнадцать, и она была похожа на птичку — маленькая, худая и суетливая.

— Лета.

— Хорошо...

Мрачная девушка, всегда носившая черное, назвалась Сворой. Альбина, полная, с толстыми русыми косами и веснушками назвалась Торой.

— Теперь вы. Как тебя зовут? — спросила она у Вика.

— Виконтом, маркиза.

— Значит, ты не только злой, но еще и читаешь неподходящие по возрасту книги? — в голосе Мари отчетливо слышалось неодобрение. Почти обида.

Он пожал плечами, улыбнувшись. Взрослых он очень давно не боялся, ровно, как и их неодобрения.

— А ты?..

Риша назвалась Офелией, как Вик и ожидал. Он видел это имя написанным на ее запястье. Ему не понравилась надпись — она черной ручкой вывела жирными буквами «Офелия».

— Прекрасно. Вот мы и познакомились. К следующей встрече я внесу ваши имена в афишу и текст. Теперь... давайте обсудим пьесу. Все прочитали?

— Я прочитала, — сказала девушка, которая сейчас звалась Летой. — Так нельзя.

— Почему?

Вик смотрел не на Мари, иронично вскинувшую бровь, он внимательно наблюдал за Летой. Она была непохожа на себя — бледная и сосредоточенная, постоянно касалась четвертой пуговицы на блузке.

«У нее там крест», — подсказал проницательный Мартин.

Его подозрения оправдались следующей репликой:

— Ересь... Она темная, злая, понимаете? Нельзя играть с темнотой, темнота этого не прощает!

«Умная девочка», — усмехнулся Мартин.

— Эта пьеса — о любви. О месте человека в жизни, и о том, что никто не Бог, кроме самого Бога, — неожиданно мягко ответила Мари.

Вик ждал, что она и Лете предложит уйти, если ей что-то не нравится. Но у Мари не было цели таким образом утвердить свой авторитет.

Лета молчала. Посчитав вопрос исчерпанным, Мари обратилась к остальным:

— Отлично. У кого еще есть вопросы по тексту?

— У меня есть. Вы приехали в деревенскую школу, и в студии, где самому старшему человеку семнадцать, называетесь де Мертей и ставите вот это. Вы уверены, что правильно определили место для воплощения амбиций? — сквозь зубы процедил Вик.

Мари смотрела на него в упор. В ее зеленых глазах все больше просыпалось что-то злое и колючее. Расправляло свои иглы. Щерилось, чтобы под конец подернуться обычной томной дымкой.

— Потому что я считаю, что те, кто не видел темноты убедительно сыграют...

— Вы ошиблись. Это деревня. Здесь все не так, как описывают в пасторальных романах. Мой отец разводит свиней, и я видел их на всех этапах, от зачатия до кучи потрохов на снегу. Вы правда рассчитывали найти здесь милых, неразвращенных детей?

Он видел, что Мари растеряна. С немалым удивлением для себя он заметил, что Рита, которую теперь следовало называть Китти, смотрит на него с одобрением.

«А ты как хотел. Вы теперь союзники. Только не увлекайся, я чувствую, что кое-кому не нравится твое выступление».

«Черт, я совсем забыл...»

Риша и правда выглядела обиженной. Вик поморщился — ему не хотелось расстраивать подругу, он просто ничего не мог поделать со своим стремительно портящимся характером.

— Я уже нашла, что хотела, — со странной улыбкой ответила Мари, скользнув взглядом по Ришину лицу.

«Ты видел, как она на нее посмотрела?» — прошептал Вик Мартину.

«Да».

— А теперь, если ни у кого не осталось вопросов... кто умеет танцевать? — спросила Мари, хлопнув в ладоши.

— Танцевать? Зачем нам танцевать? — спросила Свора.

— Во-первых, потому что это есть в сценарии. Во-вторых, потому что вы должны уметь двигаться на сцене. Встаем, котятки, встаем! — жестом пригласила Мари, поднимаясь с пола.

Рядом с ней лежала длинная черная трость с серебряным набалдашником в виде сидящего кота.

— Давайте по очереди. Я отстучу ритм, а вы повторите хлопками. Давайте с Китти, и по кругу, как представлялись.

Мари легко взбежала по ступенькам на сцену и отстучала первый ритм.

Рита повторила его с первого раза, к общему удивлению хорошо улавливал ритм Матвей и Свора. Тора повторила с задержкой в несколько секунд, но не сбившись. Лета запуталась и несколько раз сфальшивила.

Вик повторил заданный ритм с первого раза без ошибок. Он услышал, как тихонько отстучал его по косяку Мартин. Риша, улыбнувшись, повторила ритм и сделала еще несколько хлопков.

— Я знаю этот вальс...

Вик знал, что Риша училась танцевать. Она нашла в какой-то из книг подробное

описание вальсовых движений, несколько раз видела танец по телевизору, и вот уже почти год, без музыки, по памяти училась воспроизводить увиденное. Впрочем, Вику она показывать, как танцует всегда стеснялась, и учиться вместе отказывалась.

— Чудно! — воскликнула Мари, спускаясь со сцены. — Отодвигайте к стенам стулья. Потом становитесь по парам. Солисты, разумеется, вместе, ты... м-м-м... Февраль, возьмешь Лету, Китти станет с Торой...

Она подошла к Вику, подвела Ришу за руку.

— Главное в танце не ритм и не техника. Непринужденность. Поверьте, неловкое движение можно скрыть, а вот натужность... губит волшебство. Я покажу, вы повторите.

Несколькими движениями она поставила их обоих в нужную позицию.

— Вот так... пока присядьте. Хорошо смотрите, котята...

«Кажется, я умею», — раздался голос Мартина, с интересом наблюдавшего за Мари.

«Правда?! Как с вырезанием из дерева?»

«Да».

«Мартин, а можно... можно ты...»

«Желание эпатировать никак тебя не покидает? А мне потом за тебя отдуваться?» — усмехнулся Мартин.

«Ну пожалуйста!»

«Ты не боишься, что тебя возненавидят?»

«Хочу, чтобы Риша... показала, что она лучше».

— А это...это Максимилиан, — раздался голос Мари откуда-то из-за сцены. — Максимилиан покажет нам, что даже если один из партнеров совершенное бревно, второй может превратить танец в историю...

Мари тащила деревянную куклу в человеческий рост, вроде тех, которые художники используют, чтобы рисовать движение. Она поставила манекен на подставку и несколько раз ударила каблуком по основанию, чтобы убедиться, что нога манекена легко отходит от подставки и легко становится обратно.

— Итак, сейчас будет... музыка!

Раздался щелчок и колонки, сначала хрипя, но все чище и чище, выплеснули в зал «Bei mir bist du shein».

Мари танцевала фокстрот. Она улыбалась «залу», стуча каблуками вокруг своего несговорчивого «кавалера». Делала обиженную гримасу, отходила от него, удерживая его только ладонью, потом несколькими быстрыми движениями возвращалась в его «объятия», провисая на его руке так, что кончили волос ее мели по полу. Вик видел то, что она хотела показать — историю о жизнерадостной девушке и ее холодном, неуклюжем возлюбленном.

Танцевала она и правда красиво. В конце она заставила манекен склониться к ее губам, оставив на светлом, лакированном дереве легкий отпечаток бордовой помады.

Все это время Риша сжимала руку Мартина, и он чувствовал, как пожатие становится крепче на «sokissmeandsayyouunderstand».

— А теперь... давайте вернемся к вальсу, — сказала Мари, отодвигая манекен.

Она несколько минут объясняла, подходя к каждой паре, с какой ноги нужно начинать, как не путаться в поворотах и шагах.

— Учтите, я жду от вас не просто ритмичного кружения, как у детей на школьных линейках, когда показывают листики и прочую пошлость. Вы будете рассказывать историю. Вы двое особенно, а вы все — их Тени, учтите, что без вашей истории они не расскажут свою. Они будут танцевать по часовой стрелке, вы — против, и вы не должны сбивать друг друга. Когда мы научимся хоть сколько-нибудь сносно это делать вы все должны будете мешать этим двоим, а вы должны не сбиваться. Ясно? Попробуем.

— Вик, у меня не получится, — прошептала Риша так, чтобы не слышали другие.

От ее обиды не осталось и следа.

— Получится, — ободряюще ответил Мартин.

Вдоль стены тянулось старое, помутневшее зеркало. Мартин видел в нем свое отражение. Немного смутно, словно зеркало шло рябью — он был выше Вика и даже выше Мари. Риша не смогла бы держать его за руки так, как держала сейчас.

Зазвучала музыка. Мартин, прикрыв глаза, прислушался к ритму.

— Пойдем. Не бойся, все получится.

Он в несколько шагов вывел Ришу на середину зала. Мари сделала странное движение, будто хотела его остановить, но потом опустила руку.

— Оффенбах, — злорадно рявкнула она.

Мартин только поморщился — он понятия не имел, что это за композитор и что за вальсы он писал. Он ждал, что Мари выберет какой-нибудь «Голубой Дунай» или «Вальс Цветов», которые включали на тех самых линейках.

Вальс начался скрипкой, тактичной и нежной. Под нее можно было только медленно двигаться по залу, привыкая друг к другу, но Мартин чувствовал, что это продлится недолго.

Ему казалось, что музыка бьется о серые стены и мутные зеркала, мучается и стонет, не в силах вырваться. И он вдруг понял, что вот-вот она начнет «отскакивать» от стен, злиться и метаться в центре зала. И Мартину нужно будет злиться вместе с ней.

К его удивлению, Риша подстроилась под него почти сразу. И когда вальс вспыхнул всей своей злой торжественностью, Риша полностью расслабилась и улыбнулась. К середине танца Мартин перестал опасаться, что она собьется. Она не только не сбивалась, она непостижимым образом угадывала следующее движение.

Танец был непринужденным, как и хотела Мари. Ни Мартин, ни Риша не улыбались залу — только друг другу. Мартин — ободряюще, Риша — смущенно. В зеркале он видел мелькающие тени — свою, черно-зеленую, и Ришину — сиренево-белую. А больше вокруг не было ничего, ни людей, ни зала, ни Максимилиана с пустым лицом, оставленного сидеть на сложенных в углу стульях. Словно вокруг темнота, какая-то непривычная, особая.

Он чувствовал, как Риша теплыми пальцами сжимает его ладонь. Чувствовал, как она выгибается, повиснув на его руке. Видел, что она в один момент перестала улыбаться, и

смотрит ему в глаза с какой-то непривычной серьезностью. Их танец был странной игрой, историей, в которой они то сближались, и Риша почти прижималась к его груди, то расходились на расстояние, на котором они лишь касались кончиков пальцев друг друга, но ни разу не разрывали вязи своих касаний.

Мартин понимал, что висит в воздухе, словно электрические разряды. Еще слабые, безотчетные, но грозящие нарасти в будущем грозой. И знал, что это предназначено не ему.

Впрочем, он не жалел. Он относился к Рише, как к младшей сестре и точно знал, что никаких романтических чувств она у него не вызывает. Он лишь немного жалел о том, что ничего подобного ему пережить не суждено.

Когда музыка стала затихать, он повел ее к тому же месту, откуда они стартовали. На последних аккордах они уже стояли неподвижно, позволяя прошлым движениям оседать в воздухе, словно поднятый снежный след.

— Так значит, да. Мы читаем неподходящие по возрасту книги, хамим взрослым и вальсируем. Чудно, — с иронией произнесла Мари. — Тогда план меняется. Бери... Китти, заходи на второй круг.

«Она поняла, что нам не нравится», — сказал ему Вик, лениво наблюдавший за происходящим.

«Удивительно проницательная женщина, не-так-ли?» — усмехнулся Мартин, скопировав плещущие интонации Мари.

Коварство Мари он явно недооценил. Рита смотрела на него с такой злостью, что Мартин на секунду замешкался, прежде чем протянуть ей руку.

— Не укушу, — оскалилась она.

— Рита, давай мы...

Она не слушала. Музыка уже началась, а она все стояла, вцепившись в его руку. Мартин попытался сделать шаг назад, и Рита просто повторила его движение и остановилась.

«Ну и хорошо, давай стоять и тарашиться друг на друга», — устало подумал он.

Самоутверждения Риты были ему не интересны. Он ждал, что Мари их поторопит или остановит музыку, но она сидела, обхватив себя руками, и молча смотрела, как они стоят посреди зала.

Дождавшись конца прелюдии, Рита вдруг ожила. Ее движения были тяжелыми и ломаными, будто у шарнирной куклы со слишком тугими суставами. Каждый ее шаг был словно нарочно мимо ритма, вести она не давала, и под партнера подстраиваться не собиралась. Мартин, пожав плечами, остановился, позволив ей делать, что хочет — не плясать же вокруг нее, как Мари вокруг манекена.

Но стоило ему замереть — как Рита остановилась. Она стояла, неловко изогнувшись, словно пытаясь увернуться от брошенного в лицо камня. Ей явно было неудобно, Мартин видел, как дрожат ее колени, но она не пыталась выпрямиться.

И он понял.

Рита танцевать не умела, но очень хотела показать Мари, что тоже что-то может. Повторить ее трюк. И она взяла роль ожившего манекена, который и не должен уметь танцевать.

Мартин улыбнулся, подхватил ее под локоть и повел к центру зала, больше не заботясь о

том, чтобы Рита попадала в такт.

Когда музыка закончилась, они оба замерли у зеркала — черная и зеленая тени. Мартин стоял прямо, а Рита сидела на полу, широко расставив ноги и раскинув руки.

На лице Мари читалась неприкрытая неприязнь. Кажется, она была не из тех, кто ценит, когда повторяют его трюки.

...

Отец вернулся недавно, после двухнедельного отсутствия.

Анатолий не сказал сыну ни слова. Положил в холодильник какие-то продукты и сел за стол, застыв там, будто он вовсе из-за него не поднимался.

Вик отцу тоже не стал ничего говорить, хотя хотел бы. Он не видел ни одного шанса переубедить отца в чем-то, и с годами стал ощущать к нему что-то вроде странной, смутной благодарности. Его воспитанием не занимался недалекий алкоголик. Благодаря его равнодушию у него есть Мартин.

Впрочем, Вик прекрасно осознавал, что заслуги отца в этом никакой нет, и что он обрекал его совсем на другое. Но эти мысли помогали ему поддерживать зыбкое перемирие.

Но перемирие закончилось тем же вечером. Когда Вик возвращался домой, проводив Ришу, он по привычке зашел в дверь, а не через окно — привык, что дом пуст.

— А ну иди сюда, — раздалось у него за спиной.

«Черт».

«Ничего, Мартин, это больше неважно».

Он стал в дверях. На сидящего отца он теперь смотрел сверху вниз.

Мужчина все еще был гораздо крупнее и сильнее. При желании он смог бы его снова избить. Но Вик не боялся боли, и не собирался больше позволять себя унижать.

— Ты на дядьку собак спустил?

— На какого дядьку? — ледяной иронией в голосе Вика гордилась бы даже Мари.

— На Мита! Он сказал приходил к нам спросить, где я, а ты...

— Он приходил красть, — лениво ответил он.

— Что...

— Ты все слышал. Сказал, ты должен ему денег. Хотел забрать их сам.

Вик увернулся от летящей ему в голову кружки и остался стоять, глядя исподлобья как медленно багровеет лицо отца. Он чувствовал, как губы его сами растягиваются в улыбке.

— Паршивец! Ты на кого наговариваешь! Ухмыляется еще, ты смотри... — рычал отец, вставая со стула.

«Вик, прошу тебя, не сейчас. Ты не сможешь», — предупредил Мартин.

«Я все смогу», — ответил Вик.

Теперь танцевал он. Он привык уворачиваться в драках с более крупными противниками. Несколько раз он просил Матвея на него напасть. Тот делал это сначала медленно, потом все быстрее, чтобы Вик успел понять, как ему уклоняться и куда бить. Матвей учил его так же терпеливо, как Вик помогал ему все это время.

И Вик понял.

Он кружил вокруг отца, будто ласка вокруг проснувшегося медведя. Кухня была

слишком маленькой, и Вик отступал в коридор, мимо своей комнаты — к улице. Там было больше места, к тому же он всегда смог бы сбежать. Отец на ходу расстегнул и с тихим шуршанием снял ремень. Вик разглядел небольшую зазубрину на пряжке — она появилась от удара о стол. Он точно это знал. Ремень был тем самым, не сменился за девять лет.

Вик не знал, чего добивался в этой схватке. Хотел показать отцу, что его власть над ним кончилась? Хотел отомстить за прошлые унижения ответным унижением?

Анатолий был пьян, как всегда. Правда, привыкнув управляться одуревшими от страха смерти животными, он сохранил достаточное проворство. К тому же он все еще был очень силен. Но Вик точно знал — он его не поймает. А даже если и поймает — Вик больше не позволит Мартину страдать за него и унижаться.

И чувство ответственности за последствия, вместе с полным отсутствием страха перед болью, сделали его безжалостным. Он кружил по участку, не стараясь ни забиться в какую-нибудь щель, откуда отец бы его не достал, или сбежать через забор. Нет, Вик смотрел, как отец начинает задыхаться, как все больше краснеет его лицо, и едва ли не впервые в жизни чувствовал настолько пьянящую эйфорию. Он даже не заметил, что отец несколько раз достал его ремнем, что красные полосы растекаются на левом плече и на правом боку, и что угол пряжки полоснул его по лицу, оставив длинную, кровоточащую царапину.

Он оставил его голодать.

Он не принял его любви.

Он избил Мартина.

Он заставил их с Мартином часами сидеть в кладовке зимой. Каждую зиму.

Он пропил все его, Вика, детство.

Он оставил его лежать избитым на полу, бросившись проверять деньги.

И теперь он опять поднимает на него руку. За то, что он защищал дом, пока отец где-то шляется. За то, что Вик больше не любит и не уважает его.

Вик хотел загнать его до сердечного приступа. Или хотя бы потери сознания. Хотелось раз и навсегда показать, что он теперь не ребенок, который боится силы. Он сам — сила.

Но сделать это Виду не удалось. Он услышал оглушительный звон, а затем страшный грохот. Мимо него, волоча за собой обрывок цепи, промелькнула Тень.

На секунду Вик почувствовал, как его обдало ужасом. От Тени веяло чистым, незамутненным животным безумием. Глаза ее казались красными, а клыки — странно загнутыми и неестественно желтыми. Она сейчас больше походила на монстра из ночных кошмаров, чем на собаку. И ее налитый кровью взгляд был направлен его отцу прямо в горло.

«Вик, останови собаку!»

«Пускай!» — неожиданно для самого себя огрызнулся он, отходя в сторону.

Но отец увернулся сам, и зубы с хрустом сомкнулись на подставленной руке. Вик зачарованно наблюдал, как рукав отцовской серой рубашки расцветивают частые бурые пятна. Кажется, отец что-то кричал ему. Кажется, просил о помощи.

Но он не собирался помогать. Ненависть не была наваждением — он бы, наверное, смог

до конца досмотреть, как Тень убивает то, что так отравляло его жизнь все эти годы. Но неожиданно отец, рывком встав с земли и сбросив собаку, бросился бежать.

Вик смотрел ему в спину не мигая. Ему не хотелось ни смеяться. Ни плакать. Ни вообще двигаться с места.

«Вик, слышишь меня?! Вик!» — стучал в виски голос Мартина.

— Я сейчас упаду, — с трудом просипел он.

Горло будто сжало спазмом. Зубы он сжал до хруста, так, что не разжать, наверное, ни силой воли, ни лезвием ножа. А к горлу подступала муть.

«Вик, слушай меня. Ты зайдешь в сарай с дровами. Там, за второй поленницей есть щель, я ее заткнул курткой. Иди туда. Иди, слышишь?! Или дай мне».

— Я...сам.

Каждый шаг давался тяжелее предыдущего. Походка ломанная, будто он был пьян. Он чувствовал, как изнутри нарастает и рвется ознобная дрожь.

«Допрыгался. Кто просил так скакать?.. Иди, давай, еще немного», — ободряюще сказал Мартин.

Он дошел до сарая. Достал из щели старую, ватную куртку, накинул на плечи. Потом с трудом протиснулся за третью поленницу, в небольшую нишу — у них с Мартином там давно намечено укрытие. Со стороны его будет вовсе не заметно, а куртка не даст ему замерзнуть осенней ночью.

Проваливаясь не то в беспамятство, не то в сон, Вик чувствовал, как Мартин касается его лица ладонью, закрывая его глаза.

От этого жеста словно разливается золотое тепло. Этого достаточно — в его сне нет тревог. Только темнота.

...

Вик не знал, сколько он пролежал за поленницей. Несколько раз он просыпался. Словно в бреду слышал рев отца. Еще какой-то голос. Звуки уезжающей машины.

Вик спал, и никак не хотел просыпаться. Иногда в его темноте появлялись золотые и белые искры, и Вик не знал, это Мартин сморит вместе с ним путанные сны, или он просто вспоминает о том, что дарило утешение в детстве.

И не было ни боли, ни страха.

Когда Вик, наконец, проснулся, он долго пытался выползти из-за поленницы. Тело не слушалось, а мир перед глазами качался. Наконец, ему удалось. Взгляд его остановился на старом бидоне с водой. Мартин оставлял воду и теплые вещи повсюду, где им могло потребоваться прятаться от отца. Благодарность ему за это в тот момент превосходила благодарность за все, что Мартин сделал до этого.

«А ведь я уверен, что это еще не все».

— Я тоже. Пойдем посмотрим, что он натворил. Хватит его бояться.

Он вышел. Дом смотрел на него пустыми, темными окнами — видимо, отец уехал в больницу. Или его кто-то увез. А прямо посреди двора...

— Подонок. Трусливый, подлый ублюдок, — с ненавистью прошипел Вик.

Он много раз видел, как отец разделяет свиней — вскрывая от горла до паха. Потом отрезал голову, чтобы продать отдельно.

Собачий труп лежал около хлева.

Это был Боцман, оставшийся на цепи. Тени рядом не было.

Вик смотрел на собаку и не чувствовал ничего. Молчал Мартин. Вик чувствовал его сменяющиеся эмоции — страх. Боль. Страх. Ненависть. Презрение. Нарастающая ненависть.

А он сам не чувствовал ничего. Он подошел к псу, и уставился сверху вниз на пятна крови на серой шерсти. На открытые глаза и жесткие, топорщащиеся усы.

Потом медленно, как во сне, опустился на колени, протянул руку, и коснулся собачьего носа, как когда-то, в безумно далеком детстве.

И, неожиданно даже для себя, вцепившись в жесткую, ледяную шерсть, надрывно и глухо разрыдался.

Действие 4

Утешение

И поверь, что твоя доброта заставила меня полюбить тебя сильнее, чем если бы я заслуживал твоей любви.

Э. Бронте

Отца снова не было дома. Вик подозревал, что он завел себе в городе любовницу, и из больницы поехал к ней, а не домой. Ему было плевать. Он старался не выходить из дома, чтобы его не ограбили и не сожгли без присмотра. Те немногие вещи, которыми он дорожил, Вик завернул в несколько слоев целлофана и закопал за дровяным сараем.

Боцмана он похоронил за собачьей будкой.

После этого закрылся в комнате, лег на кровать и впал в оцепенение. Мартин пытался тормозить его, но быстро сдался. Вик вообще не реагировал ни на какие слова. Казалось, если дом все же загорится, он не встанет с постели.

Сначала он просто лежал, каждую минуту думая о том, что вот-вот встанет. Но ему что-то не давало. То всколыхнувшееся чувство вины — он видел седую шерсть на морде Боцмана и думал, как же мало хорошего видел в жизни этот пес. Как мало он, Вик, для него сделал. И как отплатил ему за преданность.

Иногда приходил страх. Беспомощный, позабытый, словно что-то снова таилось в темноте коридора, только это было больше не inferнальное существо. И не человек.

Безысходность, пугавшая его панически, словно стены склепа замурованного заживо.

А еще приходил стыд. Он чувствовал себя эгоистом, который лишь требовал чужой любви и удивительно мало давал взамен. Сколько дал Рише он, а сколько — Мартин? Сколько он сам дал Мартину, достаточно ли, чтобы наполнить смыслом его заточение в полутемной комнате?

Вик хорошо знал о вечерах, которые Мартин проводит на чердаке. Он несколько раз просыпался, но ничего ему не говорил. Чувствовал горечь крепкого кофе без сахара, который он пил, вглядывался в слова книг, которые он читал, и проваливался обратно в сон, не решаясь нарушить его одиночество.

А потом, внезапно, все это перестало иметь хоть какое-то значение. Все это время он слушал, что говорит ему Мартин, но не отвечал ему.

Вик чувствовал, что Мартин тревожится, а потом — злится. Чувствовал, как он медленно приближается к отчаянию. Вик хотел ответить ему, каждый раз, но что-то сжимало горло ледяными тисками. В один момент он начал наблюдать за другом с каким-то отрешенным интересом, с каким добрые в общем-то дети смотрят, как другие забивают щенка.

Мартин, чувствуя перемены, изо всех сил старался помочь, не замечая, что Вик просто садистки над ним издевается.

Начались дожди. Середина октября начинала оплакивать ушедшее лето. Вик ничему не удивлялся — так и должно быть.

У него в этом мире нет никакой власти. Несчастья происходят вне зависимости от того, борется он с ними, или нет.

За краткий миг, когда он почувствовал свою силу, расплачиваться снова пришлось другим. На этот раз это стоило кому-то жизни. Осознание собственного ничтожества и беспомощности давило на грудь, будто могильная плита.

Когда Вик засыпал, Мартин с трудом занимал сознание. Он кормил свиней в сарае и кур в курятнике. Мысль о том, что еще и эти животные пострадают из-за конфликтов людей, вызывала у него отвращение. Но когда он выпивал хотя бы стакан воды, его пальцы неизменно словно сжимало судорогой, а потом мир качался перед глазами. Спустя секунду Вик отупело смотрел на стакан в своих руках, ставил его на стол, и, укоризненно вдохнув, возвращался в кровать. Если Мартин этого не делал раньше, Вик даже не снимал ботинки. Такой контраст с прежней болезненной чистоплотностью доводил Мартина до отчаяния.

«Ты себя голодом заморить решил?!»

«Вик, Риша волнуется наверное...»

«Вик, да в конце концов!»

Он не видел в разговорах. Он ни в чем не видел больше смысла.

Единственный раз он встал с кровати, чтобы плотно задернуть шторы. Ему хотелось остаться в темноте. В темноте было спокойно и тихо.

Шорох дождя и темнота стерли границы времени. Где кончался день, где наступала ночь? Где отступала жажда, где пропадала голодная боль, где сознание начинало мутиться легкой дымкой, где наступало забвение?

В ту ночь Вик чувствовал, что ему что-то мешает. Что-то не так было в его отрешенности, что-то мешало ему погрузиться на дно меланхолического забвения. Что-то горчило на языке и тянуло тоской в груди.

Чужое бессилие и панический страх перед бессилием, так похожие на его собственные. И Виду вдруг стало стыдно. Всего на секунду — но оцепенение дало трещину.

— Мартин?

«Да», — раздался обрадованный голос.

Мартин к тому времени уже серьезно собирался заставить уступить ему силой, выпить воды и поесть. Но ему не пришлось. Вик говорил хрипло, словно отвыкнув от того, как слова царапают горло.

— Давай поменяемся?..

«Если хочешь...» — Мартин встал с кресла и подошел к проему.

— Нет. Не так. Совсем. Я буду у тебя, в темноте. А ты иди сюда, к свету, и больше... больше не оглядывайся.

Мартин отшатнулся от проема. Перед глазами будто взорвался целый фонтан разноцветных искр, а потом он почувствовал запах.

Пахло йодом, солью, мокрой тканью и деревом. Пахло свободой. В этом запахе угадывались ноты мяты и жасмина.

Он закрыл глаза ладонью и глубоко вздохнул, позволяя неведомому ему морскому ветру наполнить легкие.

Он сам. Он сможет выбирать свою дорогу. Дышать. Увидеть море, и не расстаться с ним никогда. У него будет семья. Небо над головой и земля под ногами. И они больше никогда не будут помещаться в уступленные минуты и часы.

Он будет счастлив.

«Я этого не сделаю».

— Ты ведь хочешь! Зачем?! — Вик рывком сел на кровати, слепо пошарив перед собой рукой.

Перед глазами плыли разноцветные круги. И без того худой, Вик стал напоминать ожившего мертвеца. Отросшие волосы липли к лицу, под глазами залегли глубокие тени, а скулы выступали так сильно, что, казалось, даже не были обтянуты кожей. Посеревшие губы трескались и кровоточили.

«Вик, тебе больно, и ты в отчаянии. То, о чем ты меня просишь... даже если это можно сделать... Это не то решение, которое можно принимать в таком состоянии», — осторожно ответил Мартин.

— Да будь ты хоть раз человеком! Как все, настоящим! Подумай о себе, Мартин, ну же! Поедешь к морю! Поступишь во флот, в медицинский университет! Будешь любить какую-нибудь красивую девушку, которая будет любить тебя! Мартин, прошу тебя... — страстно шептал он, судорожно сжимая края одеяла.

«Что с тобой? Что с тобой на самом деле, Вик?»

— Мне страшно. Ты не знаешь... да, конечно, ты не знаешь. Сядь на порог и закрой глаза, я попробую тебе показать.

Мартин сел в проеме и закрыл глаза ладонью. Сначала перед его взглядом вспыхивали неясные белоснежные сполохи. Но с каждой секундой они все больше и больше принимали очертания и формы, и под конец Мартин не смог сдержать вырвавшегося ругательства.

Перед ним была комната, в которой не было ни одной двери — только огромное окно в темной деревянной раме.

Снаружи на стекле и на раме виднелись несколько длинных царапин, словно кто-то огромный и когтистый скребся, пытаясь проникнуть внутрь.

Стены комнаты еще сохраняли белый цвет. Сначала Мартину показалось, что Вик что-то нарисовал, вроде причудливой паутины тонкого узора. Но, приглядевшись, он понял, что все стены покрыты сетью трещин. Их перечеркивали несколько почерневших потеков и

отпечаток окровавленной детской ладони.

Вик не стал, а может, и не мог ничего себе создавать. Комната была пуста, и каждый ее изъян был виден четко на беспощадном белом свету.

— Видишь, Мартин? Я себя теряю. Мой мир рассыпается, и я ничего не могу с этим сделать. Мне снятся сны, а может, это видения. Мне хочется... перестать чувствовать. Не любить. Быть равнодушным к чужой боли. Мне снятся белые цветы, падающие в серую воду, снится женщина с изрезанным лицом. Знаю, что я ее убил, и знаю, что мне... это понравилось. Мне страшно. Сделай так, чтобы этого не случилось.

«Этого не случится. Знаешь, почему? Потому что человек, кем бы он ни был, всегда несет ответственность за свой выбор. Только ты выбираешь, быть тебе человеком или нет. Никто не заставит тебя стать жестоким. А теперь вставай с кровати и иди воздухом подыши — немудрено озвереть, лежа скорчившись в темноте. Я-то точно знаю».

— Мартин, ты...

«Я не стану этого делать».

— Я...

«Тебя никто не заставит, ясно?! Никто и никогда. Ты будешь иметь возможность выбирать до самой своей смерти. И уж если решишь изрезать кому-нибудь лицо — это будет твой выбор».

— Мартин, если я... сделаю неправильный выбор...ты...

«Ты его не сделаешь. Я в это не верю».

Мартин не лгал ему, но сон, который он видел когда-то в детстве не оставлял его все эти годы. Стерлось в памяти прозвище, которым к нему обращалась девушка. Истлел ее голос, и даже интонации — он помнил только, что она была в отчаянии. Остался лишь яркий отпечаток, словно шрам от удара плетью. Беспомощность перед чужой болью и решетки, затянувшие проем.

Решетки. Трещины на стенах. Царапины на окнах.

«Но если все же... если ты все же его сделаешь — учти, что ничего уже не будет по-прежнему. Потворство злу, помнишь?»

Вик прикрыл глаза. Он уже достаточно понял, как много значит чья-то беззаветная вера. И как она способна стать светом во тьме. Не успев ответить, он провалился в сон — черный, глубокий и пустой. Обычный сон, не похожий на зябкое забытие.

Он проснулся от того, что кто-то касался его лба прохладной ладонью.

— Мартин?..

— Это я, — раздался голос.

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что голос не принадлежал Мартину. Вик рывком сел на постели, поплатившись за это жестоким приступом головокружения.

— Что ты здесь делаешь, Риш?

— В окно влезла, — пожала плечами она, садясь на край кровати. — Вик, что происходит? Ты пропал, я за тебя волновалась... Мари пыталась с отцом твоим поговорить, а потом сказала, что он несколько дней назад уехал в город, весь в крови, вроде на него напала собака... Вик, ты отвратительно выглядишь.

— Спасибо, я рад.

Новость о том, что за него с чего-то решила поволноваться Мари совсем не обрадовала, но Вик не удержался от ехидной, злой фантазии — эта манерная блондинка в бархате стоит посреди их разгромленной кухни и, морща нос, отчитывает его отца, называя «котеночком».

— Ты в зеркало давно на себя смотрел? Вик, ты похож на труп. Когда ел в последний раз?..

«Мартин, мне дурно... как попросить ее уйти?»

«Никак. Заботливая женщина — это как стихия — она неотвратима, неумолима и безжалостна», — слукавил Мартин.

Он мог наврать Рише и заставить ее уйти. Но делать этого он, конечно же, не стал.

Риша с неожиданной для хрупкой девушки силой вцепилась в его плечи.

— А ну вставай!

К удивлению Мартина, Вик послушался ее безропотно. Только сжал ее запястья, словно тонул.

— Идем. Вик, ты вообще думаешь головой? Ты на что похож?!

В голосе Риши звенело искреннее возмущение. В отличие от Мартина, которого в такой ситуации было легко оттолкнуть с дороги, избавиться от Риши не представлялось возможным — худая, ростом едва ли достигающая его плеча, она внезапно оказалась страшнее реального стихийного бедствия.

— У тебя дом ледяной! Ты что, не следишь за котлом?! Вик, произошла трагедия?! Я проспала конец света?!

— Нет, но...

Он стоял, шатаясь, и смотрел, как Риша копается в его шкафу.

— Надевай, — сунула она ему в руки самый толстый из найденных свитеров. — Ты что, холода не чувствуешь?!

— Нет...

— Оно и видно.

— Подожди... подожди меня на кухне, ладно? Я сейчас.

Он стоял посреди комнаты, шатаясь, с удивлением глядя на окружающие его предметы. Он не узнавал свой шкаф, стол, кровать и стены. Не узнавал шторы на окнах. Собственные руки. Отражение в незнакомом ему зеркале тоже было незнакомо.

«Слушай, Вик, я, конечно, не настаиваю, но...»

— Да, я сейчас.

Зашел в ванную и долго, остервенело отмывался ледяной водой. Надел чистую рубашку и свитер.

«Простынешь...»

— Плевать. Мартин, прости меня.

«За что?»

— Я специально. Я специально тебе не отвечал. Не знаю зачем.

Мартин молча смотрел на него из проема. Вик стоял у зеркала, и чувствовал, как по его лицу стекает ледяная вода, срываясь по капле с волос.

«Тебе... нравилось?» — голос Мартина был непривычно холодным.

— Нет. Я вообще ничего не чувствовал. Я и сейчас не до конца чувствую. Но знаю, что поступил подло. Мартин, не бросай меня, умоляю...

Мартин молчал. Вик видел его в отражении — застывшее лицо, неожиданно колочий внимательный взгляд.

— Прости меня... Пожалуйста... Мне нужна помощь.

«Я помогу, — наконец ответил он. — Мы справимся. Ты справишься. У тебя нет выбора», — усмехнулся Мартин, закрыв глаза.

А когда открыл — взгляд стал прежним.

Вик вздохнул и вытер волосы полотенцем. Капли больше не стекали по лицу.

Он поверил Мартину. Он всегда верил.

Потом он спустился в котельную. Переход на газовое отопление сделал его отца еще более невнимательным к быту, зато в доме теперь почти всегда было тепло. Вику осталось только отрегулировать настройки — баллон был в порядке.

После этого он поднялся на кухню. Риша успела убрать со стола, открыть окна, выгнав в осеннюю сырость затхлый воздух и запах спирта из забытого отцом стакана, а затем закрыть их, не позволив сырости проникнуть в дом. И, кажется, она что-то готовила.

— Я налила тебе чай... весь тот кошмар, что был в холодильнике, я выбросила... Надеюсь, это были не твои питомцы, ради которых ты нас оставил, — неловко улыбнулась она.

— Спасибо, — рассеянно сказал он, сжимая пальцы вокруг горячего керамического бока чашки.

— Вик, что с тобой случилось? Ты болен? — спросила она, садясь рядом и касаясь его запястья кончиками пальцев.

— Да, можно и так сказать, — усмехнулся он. — Прости, я вообще-то просто страшный эгоист и истерик.

— Неправда. Ты самый сдержанный и мудрый человек из всех, кого я знаю. Просто у нас всех сейчас не лучшее время, — неловко улыбнулась она, с непривычным стеснением сжимая его пальцы.

— А когда настанет лучшее?..

— Когда мы повзрослеем, — серьезно ответила она, забирая у него руку.

Она подошла к плите, вытщила оттуда форму и накрыла ее полотенцем. Приоткрыла кастрюлю на плите.

— Я не знала, что у вас есть, взяла с собой кое-что... Я тебе мед оставила и...и...

Риша вдруг будто испугалась. Того, что стоит на его кухне, самовольно пробравшись в дом. Того, что приготовила еду, не спросив разрешения, и что влезла ему в душу, когда ее никто не просил. Растерявшись, она замолчала, опустила руки и с какой-то беспомощной надеждой заглянула ему в глаза.

На кухне пахло свежим хлебом. В этом было что-то странное, почти неправильное. На

этой кухне, наверное, вовсе так никогда не пахло. Мартин готовил, но он никогда ничего не пек, и вообще неважно обращался с тестом. Может когда-то его мать...

Вик не помнил. Она встал из-за стола, подошел к Рише вплотную. Приподнял ее лицо, коснувшись указательным пальцем ее подбородка. И несколько бесконечных секунд смотрел ей в глаза. Она замерла, словно в этот момент ждала от него чего-то плохого.

Он положил руки ей на плечи и обнял, прижав к себе.

Риша бормотала что-то успокаивающее, глядя его по волосам и по спине.

— Все будет хорошо...

— Не бросай меня, я схожу с ума, — прошептал он.

Свет лампы и запах хлеба гнали страхи в ночь, словно диких зверей. Мартин стоял между ним и безумием, сам им и являясь. И еще эта девушка, живая, до которой можно дотронуться. Настоящая. С волосами, пахнувшими дождем.

— Не брошу.

А призраки отступали. Меланхолия, все страхи, вся беспомощность — ничего не имело значения. Риша, совсем маленькая, тихая и беззащитная, полная страхов и стеснительности девушка, пришла к нему сегодня, чтобы теплыми пальцами вытащить из сердца темноту.

И пока они были вместе, темнота больше ему не угрожала.

Он знал это. Откуда-то он точно это знал.

Действие 5

Золотая вспышка

*Смеется хаос, зовет безокий:
Умрешь в оковах — порви, порви!*

3. Гиптиус

Когда листья уже облетели, но снег еще не выпал, и ветер выл в обнаженных черных полях, Мари впервые повезла учеников в город, в Театр Современной Драмы, где им предстояло выступать. Здание из черного стекла угрюмо нависло над дорогой, все в масляных пятнах осеннего солнца. В тот день шла «Чайка», и на афишах в углу белела пометка «18+». Когда Рита спросила, пустят ли их в зал, Мари пожала плечами и сказала что-то вроде «Да и насрать, котяточки».

Ни Вику, ни Мартину спектакль не понравился. Вика раздражал академический надрыг и театральная тема, которой ему хватало и без «Чайки», а Мартина — то, как Риша и Мари следили за молоденькой черноволосой Ниной. Риша смотрела с нарастающей тревогой, под конец — почти с ужасом, а когда Нина прошептала Треплеву «Меня надо убить» — тихо всхлипнула и закрыла лицо рукавами. Мари же смотрела на сцену с такой ненавистью, что Мартин сначала решил, что роль Нины должна была достаться ей, к тому же она неслышно повторяла все ее реплики. Но чем тяжелее становился ее взгляд и ехиднее — улыбка, тем больше он убеждался, что Мари вообще не видит девушку, которая играет Нину. Не знает, как ее зовут и не сможет описать ее лицо. Мари смотрит историю, верит ей — и улыбается. Это было гораздо хуже.

После Театра Современной Драмы они почему-то отправились не на вокзал, а на другой конец города. Мари уверенно вела их серыми дворами. Она шла, словно ведомая каким-то наитием, не обходя лужи и газоны. Под конец черные полы ее пальто были густо забрызганы грязью, но казалось, что она этого вовсе не заметила. Наконец они остановились у черной двери, облепленной обрывками афиш. Мари долго стучала в дверь, звонила кому-то, курила и звонила снова, а Вик, чувствуя себя идиотом стоял, обнимая Ришу в неловкой попытке согреть, сам мерз и думал, что ни за что не свяжет жизнь с искусством. Когда у Мари кончились сигареты, она жестом попросила Риту поделиться и продолжила ласково мурлыча в трубку грязные ругательства требовать, чтобы ее с учениками пропустили на спектакль.

Наконец, дверь открылась. Вик ожидал увидеть что угодно — притон, бордель, перформанс с трупами животных. Риша даже закрыла глаза, спускаясь по частым каменным ступеням, и не открывала, пока они не вошли в зал.

Ни притона, ни трупов животных в зале не было — небольшое помещение, целиком затянутое черной тканью освещали белые точечные светильники по периметру потолка. На полу сидели люди — человек двадцать, все трезвые и прилично одетые. Ни сцены, ни оборудования. Мари жестом показала им молча сесть у стены и молчать. Сам села в центре зала и замерла, словно собиралась молиться.

Позже она сказала, что они посмотрели «В ожидании Годо». Этот спектакль был совсем другим. Актеры ходили по залу между зрителей. Владимир почти все время просидел рядом

с Мари, глядя сквозь нее. Если требовалось — актеры могли опереться о чью-то голову, развернуть зрителя в нужную сторону, а Эстрагон стянул с Риши шарф. «Это веревка», — сообщил он.

«Это опасно».

В конце актеры договорились куда-то идти, но замерли в тех позах, в которых застали их последние слова. Несколько минут все сидели в полной тишине, а потом Мари вскочила, махнула им рукой, и выбежала на улицу. Вик слышал, как часто стучат по ступеням ее каблук. Когда они вышли, Мари пудрила лицо, комкая в руках влажную салфетку в черных разводах туши.

Репетиции «Дождей» начались к зиме, вскоре после того, как Вику исполнилось пятнадцать.

Как они с Мартином и опасались, пьеса обретала над ними власть. У нее была душа, характер, и характер был, надо говорить, прескверный. Что говорить, если бы «Дожди» вдруг превратились в человека — у них появилась бы еще одна Мари.

Ритм «Дождей» был выверен до доли секунды. Для Мари имела значение каждая деталь. Вик, с чьего монолога начинался спектакль, тихо ненавидя себя, Мари, пьесу, и совсем немного — Ришу, которая когда-то не могла понюхать что-то менее экзотичное, чем театральный занавес, учился читать монолог с секундомером. Он должен был длиться ровно сорок четыре секунды.

Риша училась ходить по сцене так, чтобы стук ее каблуков точно повторял стук черной трости Мари. Вик, чертыхаясь, учился шнуровать и расшнуровывать корсет, который Риша должна была носить на репетициях. Мари шипела и прикладывала трость к ее спине, так, что серебряный кот утыкался Рише в затылок. «Ос-с-санка, — говорила Мари, — не можешь держать спину ровно — лучше вообще сюда не выходи!»

В конце концов Риша стала втыкать в воротник иголку, и за это Вик тоже не был Мари благодарен.

Потом Мари подарила Рише новые туфли — на высоком, почти с ладонь, каблуке. Вик мог поклясться, что видел, как она садистски ухмылялась, вручая обувь. Но он не ожидал, что Мари станет так терпеливо учить Ришу на них ходить, даже придерживать под руку на первых порах. Зато потом она преградила ему дорогу тростью, когда Риша чуть не свалилась со сцены. «Если хочет научиться — пусть падает».

По вечерам Мартин учил Вика танцевать. Через несколько недель Вик стал задерживаться в зале и учиться танцевать уже вдвоем с Ришей, сказав ей, что в тот раз это было некое наитие. «Некое наитие», посмеиваясь, подсказывал Вику, как не запутаться.

Вик, отряхнувшись от того мутного забытья, что властвовало над ним два с половиной месяца назад, стал необычайно для себя весел и оживлен. Он уже осознанно попросил у Мартина прощения, списав свое поведение на нервный срыв. Его и правда мучила совесть, искреннее раскаяние, ничего не имеющее общего с той царапающей болью, что донимала его раньше. Чтобы хоть немного загладить вину, он посмотрел в библиотеке карту местности, где они жили, и однажды утром, сев на электричку выехал из деревни, проехал мимо города, и остановился от него в нескольких десятках километров, у неприметной пустынной станции. Он не стал брать с собой Ришу, а в термос налил кофе — крепкий и без сахара.

Потом долго пробирался через осенний лес, вызолоченный не опавшими листьями и солнцем, пока наконец не вышел к небольшому причалу.

Не было поблизости ни моря, ни даже водохранилища. От моря, которого оба никогда не видели, их отделяли тысячи километров. Но была река, огромная, разлившаяся до самого горизонта стынущую серую воду. Река, на ленивых волнах которых покачивались опавшие листья и солнечные блики.

Мартин вырос, но сохранил способность фантазировать. Для него эта ледяная река, эти несколько кораблей, пришвартованных у причала и крики чаек, которые, может, как и он, никогда не видели моря, были чем-то гораздо большим.

Спустя много лет один из них будет вспоминать этот день, сидя на полу полутемной комнаты, привалившись спиной к подлокотнику кресла. Он будет рассказывать об этом девушке, сидящей в кресле, и слушать, как карандаш оставляет следы на белоснежном листе. С удивлением он осознает, что воспоминания не отдают болью — только тоской. На готовом рисунке — длинноволосый мужчина в старом пиджаке, сидящий на берегу спиной к зрителю и провожающий взглядом уходящее в вечер белое пятно кэта. Мальчик-подросток стоял вполоборота, глядя на мужчину полными тоски глазами.

Но осенний причал, на котором они провели несколько часов, глядя на редкие проплывающие мимо лодки и гаснущее солнце, вечер, в который они говорили обо всем, что лежало на сердце и путь домой на последней электричке остались в прошлом. Где-то далеко в будущем ждала девушка, рисующая этот ушедший в прошлое вечер.

А в настоящем Риша училась выстукивать каблуками по сцене особый ритм. Мари бесконечно стучала тростью ей вслед, и она повторяла. Раз за разом.

А потом выходил Вик, которому не приходилось следить за ритмом своих шагов. У него хватало других проблем.

— Виконт, дорогуша, голову вот так, вполоборота... Хороший, ты не голубь, ты циничный подонок! Ну же, еще разок! А теперь улыбнись ей. Котенок, ради всего святого, у тебя должна быть хо-лод-ная улыбка! Смотри на нее так, будто хочешь свернуть ей шею. Офелия, лапушка, сделай серьезное лицо!

Мари сыпала невозможно сахарными прозвищами. «Дорогой», «милая», «милочка», «лапушка», «дорогуша», и совсем уж невыносимые «котяточки» срывались с ее губ так же легко, как грязная брань. Мари всегда была недовольна на репетиции и всегда хвалила их после. Она целовала Вика и Матвея в щеку, и от чего Вик каждый раз вздрагивал, будто ему на лицо село насекомое, обнимала девушек. Она заплетала Рише какие-то невообразимые косы, оставляя в них черные и сиреневые ленты. Вик, привыкший к более растрепанному облику подруги, не узнавал ее. Какая-то непринужденная легкость покидала ее, сменяясь расчетливо подчеркнутой женской красотой.

Мари подарила Рише пучок шпилек и набор косметики. Лицо Риши от репетиции к репетиции неуловимо изменялось, и Вик не мог понять, что же в подчеркнутой бледности кожи, в серых тенях, делающих глаза еще более голубыми или в пепельно-розовой помаде на губах ему так не нравится.

«Мари делает из нее жертву», — наконец понял Мартин.

Вик, подумав согласился. У Риши стал еще более беспомощный вид, но теперь в нем присутствовала какая-то царапающая виктимная сексуальность. Учитывая репутацию

подруги и ее проблемы, Вик бы предпочел, чтобы подобные изменения произошли гораздо позже. Но его мнение, как ему казалось, Ришу не интересовало.

— И если я — Бог, на земле никто не будет святым! Привкус горелых строк зиме добавляет дым! — проникновенно вещал он полу, свесившись с края сцены.

На моменте чтения стихотворения Вик неизменно чувствовал себя идиотом. Ему полагалось с ледяным презрением разглядывать находящееся внизу — это было легко, он просто представлял отца. А потом, вцепившись в край сцены одной рукой, другой он должен был каким-то там особым образом гладить что-то в воздухе, все больше сжимая пальцы. В конце полагалось разжать кулак, и, по замыслу Мари сначала с его ладони, а потом с потолка должен был падать искусственный снег. Мартин только закатывал глаза, Вик ворчал — ему казалось, что было бы вполне достаточно сделать «Наркотики или жизнь» менее пафосными. Разворачивать же полноценный спектакль в деревне ему казалось ужасной глупостью. В конце концов он просто разочаровался в Мари окончательно.

— Виконт, котенок, у тебя сложная роль, ты играешь человека, которого терзают противоречия... У твоего персонажа практически раздвоение личности! Давай, милый, покажи нам Эдварда Хайда!

«Мой „Эдвард Хайд“, если я его покажу, расскажет вам сказочку и напоит чаем с травками», — ухмыльнулся про себя Вик.

«Издеваемся, значит, да?» — проворчал Мартин, даже не поворачиваясь к проему.

Когда-то они уже прочитали «Странную историю», на все лады пошутив над сюжетом после того, как Мартин, скептически разглядывая иллюстрацию, на которой был изображен перекошенный от злобы коротышка, забивающий тростью человека, произнес: «Судя по всему это — я».

Вик честно пытался изображать требуемые от него «ледяные улыбки» и «жестокое подонка», но получалось не очень. Одно дело — угрожать кому-то, когда и правда приходится вытаскивать всю черноту из души, словно поднимая шерсть на загривке и совсем другое — раз за разом это проигрывать.

Но он мужественно терпел. И дело было даже не в том, что учителя перестали замечать, даже если он пропускал школу неделями. Учеба устраивала его куда больше, чем кривляния в студии, к тому же Мартин заинтересовался химией и даже делал определенные успехи. Вика и одноклассников он развлекал простыми фокусами, вроде высокой колбы, в которой оживали разноцветные узоры, затухающие за несколько минут, а дома, уже безо всяких колб он исписывал тетради длинными формулами и схемами. Пытался что-то объяснить Вику, но он не понял даже, чему нужно так радоваться, но радовался восторгу Мартина. В общем, в учебе Вик находил много приятного, гораздо больше, чем в «высоком искусстве». Но и тут его мнение никого не интересовало.

— Лапушка Китти, давай-ка танец еще раз, и постарайся не врезаться в Тору, вы должны как бы отталкиваться друг от друга!..

Вик проводил времени в зале, кажется, больше, чем в библиотеке, в классе и дома. Риша так глубоко увязла в этой пьесе, что ее совершенно перестало интересовать все остальное. Может быть, Вик бы даже оставил ее там одну, и смог бы не ревновать к новому увлечению, но его участие требовалось постоянно. Поэтому в перерывах между репетициями своих сцен

он сидел в углу на свернутом в рулон ковре и решал две пары домашних работ — свои и подруги, чтобы ее родители не запретили ей ходить в студию. На обедах у Риши Вик вдохновенно врал, как они гуляют в лесу, учат уроки и занимаются прочими милыми вещами, которыми, по мнению родителей полагается заниматься в их возрасте.

Персонаж Вика предпочитал строгий стиль, поэтому костюм был для него привычен — белая рубашка с нашитыми острыми манжетами и высоким воротником, старомодный черный жилет, красный шейный платок и черные брюки. У Риши было два платья — простое серое и призрачное белое. Когда Вик увидел итоговый вариант костюма призрака, он долго не мог отделаться от тревожного, липкого чувства. Ему хотелось сорвать с нее это платье, сжечь его и больше никогда не вспоминать то, какой она предстала перед ним в тот миг — в грязно-белом кружеве, с окровавленными бинтами на запястьях.

— И если ты Бог, то я не хочу быть святой! Из всех дорог моя — идти с тобой! — протягивала к нему руки Риша.

Играть у нее, что было особенно противно, правда получалось хорошо. Звенящее в голосе отчаяние каждый раз заставляло его меняться в лице и начинать сцену заново.

Жертва. Образ, прилипший к Рише намертво, уже никуда не исчезал, когда она выходила из зала. Отчаяние, с которым она отыгрывала свою роль поселило в ее глазах дымку тоскливой обреченности. Вик смотрел на нее и все больше и больше злился, словно что-то важное, теплое и дорогое его сердцу утекало сквозь пальцы.

К тому же ему было страшно. Риша казалась ему очень красивой, теперь он мог это с уверенностью сказать. Он любил ее огромные, голубые глаза, тихий голос, слабую улыбку и теплые, ласковые пальцы. Она казалась ему похожей на котенка, выброшенного под дождь. Вик не мог отделаться от этого сравнения уже много лет. И этот котенок пушистым клубком пригрелся в его руках, чудесным образом согрел и ладони, и сердце. Но он с детства знал, что ее хрупкая беззащитность привлекает не только его.

Его страхам было суждено сбыться зимой, незадолго до Нового года.

...

Вик рассчитывал больше никогда не оказаться в кабинете директора, особенно по такому поводу. Но он стоял, холодно улыбаясь, и не опускал глаза под тяжелым взглядом Якова Федоровича. В гробовой тишине было слышно, как редкие тяжелые капли срывались с разбитого носа, оставляя пятна на темно-зеленом ковре, на который он в этот раз встал из принципа. Полотенце со льдом он держал зажатым в руке.

«Хочешь я договорюсь?..» — осторожно предложил Мартин.

«Нет».

— Герой, — наконец нарушил молчание Яков Федорович. — Боец. Гордость, мать твою, школы.

Вик молчал, следя глазами за тем, как директор ходит, заложив руки за спину, от одного конца стола к другому. Отвечать от не собирался.

— А ну прекрати ухмыляться! — внезапно рявкнул Яков Федорович.

Вик, не меняя выражения лица, указательным пальцем провел по губам, начертив собственной кровью улыбку на белом, словно загримированном лице.

— Вот так значит. Знал бы — я бы тебя сразу в пятый класс определил, уже бы

избавились от такого подарка. Скажи на милость, что ты устроил во дворе?

— Вас расстраивает вмятина в заборе? Я ее починю, — хрипло ответил он.

— Тебе нравится прикидываться дураком?

— А вам нравится задавать мне вопросы, на которые нам обоим точно известен ответ?

— Ты сломал человеку нос.

— Я сломал человеку нос, — легко согласился Вик.

— И ты этим гордишься?

— Я этим не горжусь. Я бы может гордился, если бы это была драка с целью самоутвердиться. Или если бы у меня был выбор, ввязываться в нее или нет.

— А мы, значит, благородные, рыцари без страха и упрека? — как-то устало спросил его мужчина.

— Мы? Забавно. Да, Мы благородные, — усмехнулся Вик.

— Послушай, с этой девочкой постоянные конфликты. Я понятия не имею, что вы там друг с другом делаете, но по версии твоего... менее удачливого соперника он неоднократно, как и его друзья имел с ней какие-то связи и в этот раз все происходило...

...Риша стояла в углу, сжавшись у него за спиной в комок. Она вцепилась в его рубашку, словно пытаясь удержать. Он не чувствовал ее рук. Не видел лица стоявшего перед ним человека. Он видел пуговицу, лежащую в пыли, ярко-синюю пуговицу, такую же, как десяток других на ее платье... Пуговицы не хватало на разорванном вороте.

— Я очень надеюсь, что то, что он сказал вам о неоднократных связях — пустая бравада. То, что вы, взрослый человек, — последние слова он выплюнул с таким презрением, что, казалось, ими можно прожечь дырку в полу, — повторяете сплетни за своими учениками, тем более о несовершеннолетней девочке, делает вас соучастником всего, что происходит здесь с вашего, выходит, ведома.

— Итак, ты и правда избил человека... за оторванную с платья пуговицу? Ты не думал, что это могло быть случайностью? И что ничего такого, о чем ты подумал там не происходило?

— А вы живете в Мире-Где-Все-Правильно, а? — почти с жалостью спросил его Вик. — Если бы я не попадал в такие конфликты раз в две недели вот уже как минимум год, я бы может и подумал, что это случайность.

— Но раньше ты никого не калечил, — все с той же усталостью отметил директор.

— Раньше никто своими грязными руками к ней не притрагивался, — в тон ему ответил Вик, все-таки прижимая к лицу полотенце. — Кстати, если это хоть что-то меняет, свой нос я тоже не ощущаю целым.

— Это все бы меняло, если бы не четыре пальца на левой руке этого мальчика. Не знаю, что ты там заставлял его говорить, меня больше интересуют переломы. У нас давно не было таких... драк. И я бы очень хотел, чтобы не было и впредь. Скажи мне, какие отношения у тебя с отцом?

— Мой отец — очень занятой, но властный и деспотичный человек. Он не сможет прийти к вам на беседу, но даже если вы напишете ему письмо, боюсь, это закончится для меня крайне... плачевно, — серьезно ответил Вик.

— Вот как?

— Именно. Впервые он меня избил, когда мне было шесть лет. Знаете, я это, наверное, заслужил. И в каком-то роде я ему благодарен за это. У нас дома почти армейский порядок. Будьте уверены, что он этого так не оставит, впрочем, я готов понести полную

ответственность за свой поступок.

«Только не бросай меня в терновый куст?» — усмехнулся Мартин.

«Сомневаюсь, что старый боров еще не разучился читать».

— Ты можешь идти.

Вик поклонился, отведя назад руку.

— Чему вас только учат в ваших театрах, — горько произнес Яков Федорович уже ему в спину.

...

В актовом зале было темно и пусто. Все давно разошлись, Мари оставила Вику ключ, чтобы он запер двери. Он каждый вечер что-то врал ей о репетициях. Она понимающе смотрела и каждый вечер оставляла ключи.

На самом деле Вику было глубоко плевать на репетиции и мотивы у него были самые что ни на есть эгоистические.

Мари была небрежна и неосмотрительна, будто отказываясь осознавать, что она находится в деревенской школе, где среди всего прочего процветало воровство, непосредственное и наивное, бывшее совершенно естественной частью жизни большинства учеников и даже некоторых учителей.

Вик не брал чужих вещей никогда, считая, что это ниже его достоинства, к тому же к предметам как к таковым он всегда был крайне равнодушен. Были те, что имели для него сакральное значение — корабли Мартина, его тетрадь, шарф и свитер, подаренные Ришей. К чужому же имуществу он относился с долей брезгливости.

Ришу, воспитанную в строгости, сама мысль о воровстве пугала, как нечто кошунственное.

Но, насколько Вику было известно, таких правильных было всего несколько человек, остальные не смущаясь тащили все, что не приколочено.

Стол Мари за кулисами был завален косметикой, шпильками, дисками с музыкой, испачканными палитрами, на которых она смешивала грим, кистями и прочим театральным реквизитом. Посреди всего этого торчал воткнутый в стол нож для резки картона, которым они разрезали декорации. Все это постоянно исчезало. Мари ругалась, даже пыталась устраивать обыски, потом плакала, но потом стол снова зарастал хламом. Единственным, что никогда не пропадало с ее стола, были диски и кассеты с музыкой, потому что за ними следил Вик.

Оставшись одни, они с Ришей запирали двери, выключали свет и включали музыку. И мир переставал существовать.

Ничего не имело значения. В тот вечер они лежали рядом на сцене, ощущая, что от гулкой пустоты внутри их отделяют только тонкие доски. И чувствовали себя удивительно счастливыми. Сборник французского шансона тихо мурлыкал под аккордеон слова, которые еще ни для кого, ничего не значили.

— Ты знаешь, Мари повезет спектакль в город. Будем выступать в ее университете, а потом — в «Театре Современной Драмы», — сообщила ему Риша.

От ее волос пахло лаком. Она расплела очередную косу, чтобы не уколоться шпильками

и положила голову Вику на плечо. Это имело для него куда больше смысла, чем все выступления в любом театре.

— Здорово. Будешь актрисой, как хотела. Мари тебя устроит в училище, и никто тебя оттуда не прогонит, — улыбнулся он, чувствуя, как она рисует кресты у него на груди кончиком указательного пальца.

— А ты?..

— Пойду работать, — пожал плечами он.

Собственное приближающееся будущее его мало волновало. Он смутно представлял, чем бы хотел заниматься сам, но точно знал, чего он точно хочет избежать. Когда он закончит девятый класс, он соберет вещи и уедет в город.

Поступит там в училище, чтобы ему там дали общежитие, найдет любую работу, чтобы за нее платили деньги, и пускай отец сколько угодно пьет и устраивает свои дебоши. К тому же он не собирался бросать Ришу.

— А учиться?..

— Я нашел медицинское училище, пойду туда.

Мартин не слышал этих слов. Он вышел из комнаты и рисовал снаружи веранду. Ему требовалось место, где он может находиться, в те моменты, когда Вику нужно побыть одному, и он был точно уверен, что сейчас именно тот момент. Вик хотел сделать ему сюрприз — пускай, раз он не захотел делить время и отказался занимать его место, у Мартина будет хоть какой-то якорь в реальности.

— То есть... мы не расстанемся?.. — тихо высказала Риша свой потаенный страх.

— Нет, конечно, ты что, думала, что после того, как я хватал тебя за руки и просил меня не бросать, ты сможешь от меня избавиться? — усмехнулся он.

Этого момента он не стыдился, но предпочитал над ним иронизировать. Все-таки это была слабость, очередная слабость, которых он старался себе не позволять.

Правда, он опасался, что Риша, вырвавшись от деспотичного отца и попав в коллектив таких же как она, творческих и увлеченных театром молодых людей, просто забудет о нем. Впрочем, он не собирался ей мешать. Что ему, пристегнуть Ришу к батарее, чтобы всегда была с ним?

Где-то снаружи, в темноте, Мартин рисовал очертания беседки. Из происходящего снаружи он ничего не видел и не слышал, и был занят своими мыслями, далекими от страхов, смятений и мук выбора. Он просто чертил мелом очередную балку и старался целиком сосредоточиться на контурах, чтобы не думать о том, насколько нормально то, чем он занимается, и чего ему будет стоить создание этой беседки.

Он не слышал первых нот вальса «Под небом Парижа».

Вик внезапно вскочил на ноги и протянул Рише руку.

— Потанцуй со мной, солнце мое?

— В темноте?..

— Почему нет? Я поведу.

Мартин отвлекся от чертежа. Какой-то звук раздался в глубине окружавшей его

темноты. Быстрый и гулкий. Один. Второй.

Звук становился чаще. Мартин отложил мел, сел на землю спиной к дому и стал смотреть.

Вик вел Ришу по залу, сквозь рубашку чувствуя, как ее ладонь обжигает плечо.

— Ты меня не оставишь?..

— Я никогда тебя не оставлю.

Чаще. И чаще. Мартин молчал, сжав кусок мела в пальцах. Что-то щемящее, тянущее будто обещание чего-то хорошего, а может быть и чего-то невообразимо страшного, нарастало в груди.

Вик давно остановился. Вальс никак не кончался, кружа по пустому залу, посреди которого двое стояли, глядя друг другу в глаза и не слыша его нот.

Нет страха.

Нет боли.

Нет мира, которому нужно противостоять.

Нет безответных вопросов, нет жестокости, нет никакого зла.

Потому что ничто не имеет значения, кроме сердца, бьющегося под кончиками пальцев. Кроме светло-серых глаз, кажущихся белыми, как снег, полных обжигающего тепла. Кроме пепельно-серых волос, рассыпавшихся по плечам.

Мартин смотрел, как в темноте, в нарастающем и учащающемся стуке рождается какое-то движение. Словно молнии — грозовые тучи, его вечную, клубящуюся тьму пронизывали золотые, светящиеся нити, дрожащие в такт истерическому биению сердца. Он не говорил ни слова, боясь спугнуть видение. Но в глубине души он знал, что даже если он сейчас заговорит, даже зайдя в дом — это ничего не изменит. Потому что золотые вспышки в темноте необратимы, как стихия.

Как пальцы, запутавшиеся в мягких волосах, сверху еще жестких от лака. Как оказавшееся слишком близко знакомое, ставшее чужим лицо.

Золотые нити, рассеянные вокруг, собирались в одну точку, пульсирующую обрывками-лучами.

Если бы Мартин смотрел на эту сцену со стороны, он бы сказал, что в глазах обоих читается чувство, похожее на отчаяние. Они уже не стояли, опустившись на колени и не выпуская друг друга из объятий. Потому что нет ничего вокруг, зала, музыки, стен нет, и всего мира не существует. Только бесконечная темнота и тишина, среди которых реальны только они вдвоем. Даже Мартин, неотступно следовавший за Виком все эти годы, перестал существовать.

Не могло быть иначе.

Мел в руках Мартина превратился в белоснежную, седую пыль.

Мартин смотрел, и золото наполняло его серые глаза, словно солнце, пробившееся сквозь тучи. Он знал, что происходит. И знал, чем это закончится.

Мартин знал, что случилось, подставляя лицо свету, запутавшемуся в его волосах и

осевшего искрящейся пыльцой на зеленом сюртуке.

Знал все, даже те слова, которые они не сказали друг другу, оставив их таять на губах.

Знал, что они смешали эти слова с поцелуем, единственным, но самым важным, и каждый получил те, что ему предназначались.

Действие 6

О признаниях и шмелях

Таким образом все наталкивало на единственно возможный вывод:

Я постепенно утрачивал связь с моим первым и лучшим «Я» и мало по-малому начинал полностью сливаться со второй и худшей частью моего существа.

Р. Л. Стивенсон

До этого дня жизнь Вика наполнялась вещами простыми и понятными. Он видел привычные образы, которые имели привычное значение. Был отец — сгорбленная над бутылкой спина, нечто безликое, опасное и неприятное. Был Мартин — смутный образ в зеркале, вечная раскаленная искорка в темноте. Была Вера — серая рубашка, сигарета в коротких пальцах. Мари — черный бархат и приторная ложь. Звездное небо, бескрайние поля, окружающие деревню, и ветренными летними днями напоминающие море. Были запахи, очертания, ощущения предметов под кончиками пальцев, ветер на лице, собственное отражение в зеркале. Были вкусы воды, еды, ощущение холода и тепла.

Всех этих чувств не стало в один момент.

Потому что была Риша — его подруга, искренняя, доверчивая и беззащитная. И был тот самый первый поцелуй, после которого все остальное потеряло значение. Губы у нее были мягкими и горячими. Пальцы — ледяными. А по лицу ее текли слезы, соленые, обжигающие кожу. Вот это и заменило ему весь остальной мир. Абсолютно весь.

«Почему ты плачешь?»

«Потому что я люблю тебя...»

«И я тебя люблю».

Он был готов дать пожизненный обет молчания в тот момент. Потому что никто, никогда не произнесет слов, которые будут иметь столько же значения.

— Мартин, ты видел, какие у нее глаза? — спрашивал он, не в силах найти правильных слов, и отчаянно боясь, что он ответит: «голубые».

«Видел», — вздыхал Мартин, которому слов было не нужно.

Теперь он проводил много времени в своей достроенной беседке. Когда золотая вспышка, на которую он заморожено смотрел, рассеялась, от нее остались пронизавшие тьму нити света. В клубящемся мраке, словно светящиеся волоски, тлели тонкие лучи.

Розы Мартина не пахли и никогда не видели солнца. Он повесил снаружи несколько желтых фонарей, и теперь четко видел неподвижные лепестки. Но когда он касался цветка, то ощущал под пальцами прохладный бархат. Они были как он — живыми, хоть и не настоящими.

Мартин читал, сидя в глубоком кресле и закинув ноги на перила. Он не хотел слушать, что Вик с Ришей говорят друг другу, и уж точно не собирался смотреть, что они делают, когда не говорят. Радость за друга разбавлялась болезненно-тянущей тоской. Все чаще он думал о том, что нужно взять фонарь и уйти в темноту.

Впрочем, он твердо решил ждать, пока Вик закончит школу и уедет в город. В жизни

Вика оставалось все меньше места для Мартина, и это было естественно. Но темнота все же пугала его. Он смог справиться с детским ужасом, который вызывал мрак за порогом. Мартин научился представлять себе, что это море. Ночное море, в котором нет маяков. Он сидит на берегу, смотрит на черные волны, и чувствует себя счастливым. Он старался думать именно так. Но настойчивому шепоту, зовущему «Утони в этом море!» он не был готов сдаться.

Вик тоже чувствовал, что нечто, похожее на морские волны пришло в его жизнь. Только он в этих волнах тонул, совершенно потеряв ориентиры, ошеломленный, опустошенный, но совершенно точно счастливый. Он начал совершать поступки, совершенно ему до этого не свойственные. Даже отец перестал казаться ему таким омерзительным. Скорее он стал комичным — некая гротескная фигура, кукла с определенным набором действий и реплик. Разве с куклами нужно враждовать?

Во дворе поселились новые псы — два огромных рыжих кобеля, Первый и Второй. У Первого не было левого уха, а у Второго вся морда была исчеркана розоватыми шрамами. Вик старался не смотреть на этих собак, не общаться с ними и уж точно не давать им имен. Тень они так и не нашли. Вик очень надеялся, что она не погибла в лесу и ее не застрелили в деревне.

Между тем «Дождям» было безразлично, сколько всего изменилось, пока шли репетиции. Эта пьеса обладала женской душой, и женщина эта была капризна, своенравна и требовала своих актеров целиком.

Вик так долго тренировался усмехаться перед зеркалом, что требуемая ледяная улыбка стала получаться у него без малейших усилий. Но почувствовать своего персонажа он никак не мог, да и не особенно стремился. Виконт раздражал его — чужой, холодный и колючий образ, который ему никак не удавалось на себя примерить.

Та репетиция длилась пятый час. Риша была единственной, кто еще старался выполнять требования Мари. Она стояла неподвижно на краю сцены, широко раскинув руки. Несмотря на фиолетовый пушистый свитер и разлохмаченную косу, она выглядела Офелией — изящной, нежной и отрешенной. Вик же чувствовал, что еще раз он скажет Рише что-нибудь про свою божественность и ее ничтожность — и ему будет проще застрелиться.

«Ну хочешь я тебя подменю?» — меланхолично предложил ему Мартин.

«Ты меня опять спасаешь», — с облегчением отозвался Вик.

— А знаешь, милая моя Офелия, — проникновенно произнес Мартин, касаясь волос замершей Риши. — Нам дана жизнь, такая унизительно короткая. Такая унизительно серая. Такая унизительно... одна. Скажи мне, милая, на что ты хочешь ее потратить?

— Слишком мягко, дорогуша, ты же всю репетицию выдерживал жесткость, куда она делась? — поправила его Мари.

— Скажи мне, милая, — с нажимом повторил Мартин, вкладывая в голос как можно больше бархатного презрения, — на что ты хочешь ее потратить?

«Пот-ра-тить». Будто камень упал в воду. Мари любила такие интонации. «Пот-ра-тить». «Влюб-лен». «Не-так-ли». Мягкое убийство слов.

— Я хочу помогать людям, — ответила Риша, не меняя позы.

Сцена происходила на краю крыши, откуда девушка хотела сброситься. И Вик, и Мартин эту сцену одинаково ненавидели, и было за что.

— Представь себе, — вдохновенно вещала Риша, — что какой-то человек потерялся в темноте. И нет для него никакого выхода, вот ни лучика света ни осталось. Кто ему поможет?

— Пускай помогает себе сам, — усмехнулся Мартин, садясь на край сцены.

Это было кстати, потому что перед этим Вик полчаса учился делать достаточно ироничный поклон, и у него болели спина и правое плечо.

— Но он не может! Он там совсем один, во тьме, из которой нет выхода!..

— Так пусть он там сидит и светит себе сам. Тебе, Офелия, нечего делать, только блуждать в темноте, натываясь на углы, и искать, кого бы вывести к свету? Послушай, что я тебе скажу про свет. Свет — в нас самих, нужно только иметь силы его зажечь. И я... Мой свет будет гореть ярче, чем у других, ведь я не беру его в плен ни стеклянных подсвечников, ни даже... — тут он замолчал, усмехаясь и отсчитывая про себя шесть секунд, которые должна была длиться пауза, — ни даже тепла любящих рук.

— Что ярче горит — быстрее сгорает, Виконт, — горько произнесла Риша.

Мартин встал, приблизился к ней и сжал ее подбородок большим и указательным пальцами. Он старался сделать это как можно мягче, но жест все равно получился отрепетированным — резким и злым.

— А мне наплевать. Не хочу тлеть, слышишь? Не хочу никого вести к свету. Я сам себе свет. Я сам себе Бог. И буду делать, что захочу. А ты... ты прыгай, если хочешь. А если нет — попробуй, дорогая, выведи меня из тьмы.

Мартин убрал руку от ее лица, и снова сел на край сцены. Риша смотрела на него полными отчаяния глазами, и этот взгляд обжигал его через рубашку так, словно она не просто вживалась в образ, а правда в чем-то винила его.

— Я выведу. Я обязательно выведу! — прошептала она, садясь рядом.

По сценарию в этот момент выключался свет. Мартин провел ладонью по лицу, словно снимая липкую пленку, и с облегчением вернул лицу обычное выражение.

— Уже гораздо лучше, лапушка, — сказала ему Мари, которая сидела на полу перед сценой и смотрела на них снизу вверх. — Ты, конечно, немного охрип, но это ничего. Давайте-ка еще второй акт, с суда над Эспуар, и можно будет...

— А давайте мы все-таки на этом закончим, Ира вам в жизни не признается, но она очень устала, — проникновенно сообщил Мари Мартин.

— Глупости, она выглядит вполне... — Мари осеклась и замолчала.

Риша спала, положив голову ему на плечо. Исчезла меланхоличная маска, которую она носила всю репетицию, и лицо во сне у нее было растерянным и беспомощным.

Мари, фыркнув, развернулась и вышла из зала не попрощавшись. Остальные разошлись еще час назад. Мартин не стал менять позы, только осторожно сжал плечи Риши, заставляя ее лечь. Она, не просыпаясь, положила голову ему на колени.

«Вик, это тебе. Вик? Вик, ты меня слышишь?.. Ну что за дети», — тяжело вздохнул прс

себя Мартин.

Вик не отзывался. Он тоже спал. За окном выла непроглядная чернота пурги. Мартин сидел на краю сцены, рассеянно гладил по спутанным волосам девушку, обнявшую во сне его колени, и думал о том, что он вообще-то вор. Что Вик бы сейчас спал, уткнувшись ей в плечо, в мягкий, пушистый свитер дурацкого фиолетового цвета. Они лежали бы на краю сцены, как на краю пропасти. Вик ближе к краю, вытянувшись и обняв Ришу.

Может быть их бы нашел кто-то. Мари, вернувшаяся за забытой сумкой. Рита, которая часто репетировала в пустом зале роль Офелии, думая, что никто не знает. Но она читала так громко, и так зло, что это было трудно хранить в секрете. Ее Офелия была совсем непохожа на Ришину, но Мартину неожиданно понравилось ее прочтение. Рита воплощала ее другой — не нежной, всепрощающей и мягкой, а истеричной, злой и жестокой. Ее Офелии подходило бы слово «стерва». Мартин представлял ее с длинными, завитыми светлыми волосами, в тяжелом макияже — белое, густо напудренное лицо, губы в плотной красной помаде и очерченные черным глаза. Эта женщина носила бы шпильки и бархатные пиджаки, и подходила бы Виконту куда больше мечтательной и влюбленной Офелии. Была бы его тенью. Рита нашла свой образ, в котором ей было настолько комфортно, что она, даже не имея особого таланта, могла бы убедительно воплотить его на сцене. Но Мари не нужна была тень Виконта, не нужна была еще одна маркиза де Мертей на сцене, она хотела видеть жертву. Идеальную жертву, девушку в фиолетовом свитере.

А может быть, никто бы их не нашел. Может, они бы так и проспали до глубокой ночи. Проснулись бы напуганные, вскочили бы на ноги. Риша бы побледнела, Вик бы судорожно искал решение. Ему-то можно было не появляться дома, а вот Ришу ждал строгий отец.

«Я скажу ему как есть», — сказал бы Вик.

«Не надо, он меня убьет... Давай что-нибудь сохрем?..»

И они придумывали бы убедительную ложь. Хорошую, похожую на правду. Заблудились в темноте, в метели. Делали вместе домашнее задание и совсем забыли о времени. И все слова были бы не теми, не способными исправить ситуацию.

Мартин не позволит случиться ничему подобному. И все же он украл у них этот сон на краю сцены, трогательную нечаянную близость, и не случившуюся беду, страшную, но такую обычную.

Он посмотрел на часы, висящие на противоположной стене. У них было около получаса, а потом придется будить Ришу. Она разлюбила это детское прозвище, и всем представлялась Ириной или Риной. Но ни Вик, ни Мартин не могли избавиться от привычки звать ее так, как она представилась когда-то в зимнем лесу.

— А у тебя совсем другие руки, — раздался тихий голос.

— Не спишь?

— Нет, я... — она, слабо улыбнувшись привстала и обняла его за шею.

Мартин обнял ее в ответ, и про себя взмолился, чтобы она не попыталась его поцеловать.

«Вик, проснись черт возьми!»

Вик молчал, зато Риша легко коснулась губами его щеки. Поцелуй оставил на коже обжигающий след.

— Знаешь, ты бываешь... странным.

— Все мы иногда ведем себя странно, — осторожно ответил Мартин, прижимая ее к себе так, чтобы она оставалась в безопасной для него позе.

— Ты... знаешь, Вик, раньше я совсем не замечала. В детстве. А потом, когда ты тогда меня спас... Когда ты меня утешал, я заметила... Ты же знаешь, что у тебя темнеют глаза?

— Да, это такая... особенность. Иногда они бывают серыми, иногда светлеют, я не знаю, с чем это связано.

«Вик, успеешь отоспаться, сказать где?!»

— Ты врешь, — тихо сказала Риша, становясь перед ним на колени.

— Нет, я...

— Я всегда знаю, когда ты врешь. Я давно смотрю за тобой. Замечаю. Ты бываешь отрешенным. У тебя иногда меняются жесты, интонации, выражение лица.

«Вик! Просыпайся немедленно, ради всего святого, избавь меня от этих двусмысленных ситуаций!»

«Прости!» — к невероятному облегчению Мартина отозвался Вик.

— Вот! Они посветлели! — Риша стряхнула с себя остатки сна, и лицо у нее было странно оживленным.

— Я не знаю, почему так...

— И голос! Вик, как это у тебя получается?

Он молчал. Он внимательно смотрел в ее глаза, и мысли, еще несколько секунд бывшие ясными, мутила знакомая дымка. У нее теплые пальцы. И свитер среди зимы пахнет лавандой. И она так близко, что он видит каждую ниточку на этом свитере.

Он касался ее губ так нежно, как только умел. Через секунду он забывал себя, теряясь в поцелуе.

— Я люблю тебя, — тихо сказал он, чувствуя, как другие слова рвутся наружу, обретают над ним власть.

Он чувствовал, что не сможет их остановить.

— И я тебя люблю.

«Люб-лю». Интонации Мари. Камень, падающий в воду. Короткий всплеск, круги, расходящиеся по серой ряби.

— Скажи, что мне сделать, чтобы ты меня разлюбила?

— Я не знаю... не представляю себе, что бы ты мог такого... Ты? Сделать подлость, проявить жестокость? Ты этого не сделаешь, и я не уверена, что даже после этого...

— А если бы я сказал тебе, что я болен? Что со мной происходит нечто странное, непонятное другим?

«Вик, прошу тебя, не надо!»

— О чем ты говоришь?..

— Ты мне веришь? — спросил он, сжимая ее запястья.

— Да, конечно... Вик, ты меня пугаешь.

«Не делай этого, ты потом пожалеешь, Вик! Не веди себя как влюбленный дурак, давай хотя бы обсудим!»

В голосе Мартина звучала паника. Он не был готов к такому повороту, но сделать ничего не мог.

«Мартин, ты можешь... ты можешь иметь друзей, понимаешь? Я хочу, чтобы ты был живым! Ты отказался делиться, так дай мне... Она от меня никогда не отвернется...»

«Вик, ты понимаешь, что если она сейчас испугается — тебе будет больно, а я буду чувствовать себя виноватым?» — решил на шантаж Мартин.

— Его зовут Мартин, — выпалил Вик слова, так давно царапавшие его горло.

«Чудно, Вик. Замечательно. Ты молодец».

«Его зовут Мартин!» Он живой. Если он не хочет брать эту жизнь — Вик насильно ему ее даст. Потому что для него в этом мире случилось слишком много хорошего, а для Мартина — только то, что Вик сам смог ему дать. Но теперь все будет по-другому. Не может быть иначе.

— Кого... его?

— Моего друга.

«Ну вот и все», — обреченно подумал Мартин.

Он внезапно понял, что очень устал. Это было странное чувство. Кажется, ему тоже хотелось спать. Выйти в беседку, сесть в кресло и отпустить сознание. Не видеть, не слышать. Спать.

А Вик мучительно подбирал слова. Он внезапно понял, что не может найти правильных. «Моего друга»...

Воображаемого друга? Мое «Второе Я»?

— Он очень много для меня сделал... Он меня можно сказать вырастил...

— Почему ты никогда о нем не рассказывал?

«Да, Вик, почему?»

— Потому что... Потому что он...

«Скажи ей, что я умер, пока не поздно».

Вик прикрыл глаза. «Потому что я безумен». «Потому что Мартин — голос, который я слышу в голове с раннего детства». Мартин — смутный образ в зеркале. Касание руки в пустой комнате. Глаза, серые, как море в шторм. Призрак корабля, дрожащий на ладонях.

Белый мотылек, бьющийся вокруг лампы.

Все эти образы, такие привычные, такие естественные, неожиданно сгустились, собираясь в слова, которые должны быть произнесены.

И изменились в один миг.

Риша молчала. В ее глазах не было раздражения или любопытства, она просто держала его за руку и ждала, что он скажет.

У нее голубые глаза, самые голубые из всех, что он видел.

— Что с ним случилось, Вик?

— Он... всегда... был со мной... И сейчас... я слышу его голос...

Он говорил и чувствовал, как ненавидит себя за эти двусмысленности, которыми он пытается оттянуть момент, когда ему придется говорить правду. Момент, еще пару минут назад казавшийся ему желанным.

Мартин сидел в проеме и молчал, бессильно опустив голову на скрещенные руки. Куда-то делся страх разоблачения, наступивший призрак вины и раздражение. Все слова Вика горчили, как полынь. Он сам хотел оставаться в тени. И все же... его существования Вик стыдится. Поэтому и не может признаться. Он не знал об этом, пока не попытался. И не почувствовал, что его тайна и в самом деле может быть раскрыта.

Никогда еще до этого Мартин так отчетливо не ощущал себя ошибкой. Болезнью. Изъяном сознания.

— Он... умер, да? — тихо спросила Риша, касаясь кончиками пальцев его лица.

— Нет, он, он... Никогда меня не покинет.

«Мартин, я не могу».

«И не нужно».

«Я должен. Так нельзя».

«Не нужно».

— Риш, обещай, что дослушаешь до конца.

— Я... конечно.

— Он сказал мне, что в темноте живут светлячки, — сказал он, и почувствовал, как история, которая оказывается давно уже подобрала себе слова, в которых она хотела явиться на свет, оживает и распрямляется.

Риша слушала его внимательно и молча. Она не отстранилась, на ее лице не промелькнуло и тени недоверия. Она смотрела на него и каждое слово обретало собственную жизнь.

Когда он замолчал, в зале повисло тягучее молчание. Только метель выла за окном и билась в стекла. Риша не отводила от него глаз, и Вик не мог прочесть в этих глазах ни одной эмоции.

— Ты дашь нам поговорить? — наконец спросила она.

«Мартин, ты...»

«А у меня теперь есть выбор?»

— Здравствуй, — тихо сказал Мартин, не отводя от нее взгляда.

— У тебя и правда изменились глаза. И голос...

— Он тебе не врал. К счастью, или к сожалению, я и правда здесь.

— Кто ты?

— Если бы я сам знал. Меня зовут Мартин, это имя мне дал Вик, и другого у меня нет. Я знаю, как выгляжу, какие у меня убеждения и чего я хотел бы, сложились все иначе.

— То есть ты человек?

— А ты веришь, что говоришь с кем-то другим? — устало спросил Мартин, садясь на краю сцены так же, как сидел до этого в проеме.

— Конечно, — слегка удивленно ответила Риша. — Если ты... если он говорит, что ты — Мартин, значит так оно и есть. Вик никогда не врет.

— Ты сама знаешь, что это не так, — слабо улыбнулся ей Мартин.

— Почему вы раньше ничего не сказали?

— Ты понимаешь, как это выглядит?

— Что? Мне казалось, это нормально... когда я была маленькая, я видела девочку, ее звали Верой. Так вообще-то звали мою куклу, но потом кукла потерялась, а Вера осталась... Она была похожа на меня, только взрослая. У нее было такое черное пальто, я помню. И она со мной говорила. А еще она рисовала в моих тетрадях, тоже рисовала корабли, какие-то пейзажи и птиц. Утром листы всегда были чистыми. Я перестала ее видеть, когда родители разрешили оставить Власа. Я спрашивала потом у Ниса, он самый спокойный... он сказал, что тоже слышал голоса...

— Нет, Риш, ты не понимаешь. Я не воображаемый друг, я не игра детского воображения. Я нечто... иное.

— Я понимаю. Слушай, Мартин, а раньше мы с тобой говорили?

— Да, — признался он. — Я рассказывал тебе сказки.

— Ты здорово рассказываешь, — улыбнулась она.

— Риша, ты понимаешь, что Вик только что сказал тебе, что он безумен и у него в голове есть еще один человек? — Мартин не мог понять причин спокойствия девушки, и оно пугало его больше, чем напугало бы отторжение.

— Да, ну так что же? Слушай, если ему хочется — пусть будет Мартин. Если он тебя любит — что же, прекрасно. Совершенно неважно, один у него разум, или десять, две у него руки или одна, прямой у него нос, или сломан в пяти местах — уже ничего не заставит меня от него отказаться. Может, это шутка. И он смеется надо мной. А может, он правда сумасшедший. Да и наплевать на это, Мартин, — в ее голосе звенела какая-то странная веселость. — Ты говоришь со мной — и это главное. Значит, ты сам знаешь, как надо. Давай сделаем вид, что тебя нет. Ты же сам понимаешь, что это ненормально. Не говори со мной, не показывайся мне на глаза — и мне незачем будет помнить о том, что Вик... болен. А со временем он и сам забудет, ну, я ведь хорошо придумала, не-так-ли?

«Мартин, я...»

Он молчал. Риша смотрела на него все теми же пустыми глазами небесного цвета, и слова, которые она произносила, ядовитые, болезненные, бились о стекло в такт с метелью.

Риша.

Девочка, которую он берег, как и Вика. Он утешал ее, защищал, как умел. Он любил ее, как свою младшую сестру.

«Мартин, я не... я не хотел, я...»

Он молча прикрыл глаза рукой, возвращая Вику его жизнь. Жизнь, в которой ему, Мартину, почти не осталось места.

— Риша, за что ты так? — ошеломленно прошептал он, спускаясь со сцены.

Риша осталась стоять, и глаза у нее были такими же пустыми. В них все еще не теплилось ни одной эмоции.

— Разве нужно по-другому? — слегка удивленно спросила она. — Вик, я люблю тебя,

слышишь? Тебя. Тебе не нужны твои воображаемые друзья, чтобы быть лучше, ты больше не будешь одиноким. У тебя есть я, настоящая. А голоса... Они сделали, что должны были. Не волнуйся. Я уверена, в городе мы со временем найдем способ тебя вылечить.

— Риша, ты не понимаешь, я ничего не хочу лечить, это не болезнь, это мой друг, мой брат! Он мне жизнь спасал не один раз, я бы без него умер с голода, сошел бы с ума или того хуже — вырос бы как папаша! Да если бы не Мартин, я бы даже в лес не пошел в тот день и не встретил бы тебя!

— Отлично, спасибо, Мартин, — с иронией произнесла она. — Мне обязательно его любить?

— Нет, но...

— В таком случае, я бы хотела, чтобы он больше не появлялся рядом со мной. Пускай хотя бы когда мы вместе у тебя будет одна душа, хорошо? И ты увидишь, что так лучше. Ты прекрасный человек, Вик. Лучший из всех, кого я знала. И тебе больше никто не нужен, — горячо шептала она, глядя его по лицу и мешая свой шепот с короткими, обжигающими поцелуями, еще недавно такими желанными, а теперь почему-то колючими, как касания губ Мари.

Мартин не слышал этих слов. Он сидел в кресле в своей беседке, и по его ладони полз светящийся в темноте полосатый шмель. Он сорвался с кончиков его пальцев и полетел к розам, растущим снаружи.

— Что ты там найдешь, дружок? Это не настоящие цветы. И ты тоже ненастоящий. Как и я, — горько произнес он, глядя, как насекомое скрывается в лепестках.

Но шмель ровно гудел, перелетая с цветка на цветок. Он был занят, и ему не было никакого дела до того, что он не должен этого делать.

Ведь шмелю об этом никто не сказал.

Действие 7

Бумажные крылья

От её взгляда, которым глядела на меня, казалось, моя собственная душа, рушилась всякая реальность, в том числе и реальность моего чувственного влечения к ней.

Г. Гессе

Вик лежал на неразобранной постели, уставившись в потолок и вертел в пальцах монетку. Он неожиданно поймал себя на этом жесте, и с удивлением понял, что на самом деле ему хотелось закурить. Он знал, где у отца лежат сигареты, но раньше как-то не задумывался о том, чтобы успокаиваться таким образом.

— Мартин, ты слышишь?

«Да», — ответил он, не оборачиваясь.

Вик видел в полутьме только абрис его профиля.

— Прости меня. Я не знал.

«Тебе... не нужно извиняться. Нужно было признаться раньше».

— Нет. Не нужно было вообще говорить. Я и правда влюбленный дурак.

Мартин провел ладонью по лицу, стряхивая все слова, которые хотел сказать Вику. И сказал совсем другие. Правдивые и злые.

«Нет. Ты прав, не нужно скрывать такое... и так долго. Я слишком долго верил в то, что я человек, и совсем забыл, кто я на самом деле».

— Мартин, что ты говоришь?!

«Болезнь, Вик. Безумие. Я думал, это произойдет позже, но теперь мне кажется, так правильнее... Я думаю, мне нужно тебя покинуть».

Мартин говорил это, и надеялся, что друг поймет его и не посчитает это истеричной выходкой отвергнутого человека. Он давно обдумал это решение, и искренне считал его правильным.

— Покинуть?! Вот значит как?!

Злость, та самая, черная и липкая, ледяная, тщательно подавляемая, сыто растекалась в крови. Вику казалось, что если он сейчас посмотрит на свои вены, то они будут черными под тонкой, белой кожей.

— Так ты так просто меня бросишь?! Уйдешь в свою темноту, растворишься и оставишь меня барахтаться в этом дерьме одного?!

«Вик, прекрати, — поморщился Мартин. — Зачем я тебе теперь? Я мешаю тебе жить. У тебя теперь есть настоящие друзья, а не голос в голове. Ты ведь сам это почувствовал, верно? Ты же не сразу смог признаться».

— Знаешь что, Мартин, если тебе так хочется — проваливай куда тебе угодно, — прошипел он, рывком садясь на кровати. — Но позволь мне самому решать, кто мне нужен, а кто нет. Я поговорю с ней, все ей объясню, расскажу, что ты для нее сделал, и она...

«Не смей, слышишь! Оставь мне хоть каплю самоуважения. Мне не нужно такого признания».

— Но тебе плохо.

«Да, мне, черт возьми, не очень приятно, не стану отрицать. Я любил ее и буду любить. И то, что она посчитала меня изъясном твоего сознания... но это не имеет значения. Она имела на это право, такое же, как имеешь ты. Она вовсе не обязана меня любить или принимать».

— Я тоже не обязан любить ее и принимать.

«Вот поэтому я и хочу уйти! Черт возьми, Вик, ты понимаешь, в каком я положении оказался?»

— Да, я... я что-нибудь придумаю... не уходи, Мартин. Ты же обещал, — тихо попросил его Вик, чувствуя, как на месте злости остается морозная беспомощность.

Что он мог ответить? Настаивать? Уйти тихо и не прощаясь?

Вик будет жить без него. Он давно не ребенок, которого нужно кормить и наставлять, но Мартин оставался рядом и не для этого. И если когда-то он схватился за мысль о гусяном пухе, как за единственный ориентир, то теперь вдруг оказалось, что ему хотелось чего-то большего. Риша сумела вытащить это на свет, сунула Мартину под нос, заставила смотреть.

Он вдруг подумал, что Рише пошли бы светлые волосы.

Что он мог ответить?

«Не уйду», — вздохнул Мартин, откидываясь в кресле.

— Мартин, что мне делать? Посоветуй мне, ты ведь всегда умел... делать так, чтобы все было правильно.

«А что ты должен делать, Вик? Люби ее, как любил до этого».

— Я не могу, Мартин... Это неправильно...

«Но ведь ты любишь ее. Ты сам это знаешь. И никуда эта любовь от ее слов не делась», — тихо сказал он, вставая с кресла и подходя к проему.

— Люблю. Давно, и теперь я это лишь отчетливее чувствую... Когда понял, как именно и как сильно я ее люблю.

Мартин прикрыл глаза. На лице он чувствовал знакомое тепло, сухое и ровное, словно от прогретого солнцем дерева.

Вик не врал ни ему, ни самому себе — он любил Ришу, по-настоящему, тепло и нежно, как только и умеют любить в первый раз люди с добрым сердцем.

— И этим предаю тебя, — повеяло из проема холодом.

«Не говори глупостей. Тебе не нужно выбирать между нами, тебе не нужно ни от кого отказываться».

Мартин верил в то, что говорил. И все же он почувствовал, что только что совершил

ошибку. Чувство это тянуло тоской и холодом где-то у сердца и кололо кончики пальцев. Но вместо того, чтобы отказаться от своих слов, вместо того, чтобы попытаться исправить эту мнимую ошибку, он протянул руку к проему и, прикрыв глаза, сжал пальцы вокруг запястья Вика, не то поддерживая его, не то останавливая его от какого-то шага.

...

Вик лежал без сна всю ночь, глядя пустыми глазами в потолок. Ему казалось, что утро никогда не настанет, не взойдет солнце и не вызолотит снег. Всегда будет тихая, зимняя ночь, и небо, расшитое бисером звезд.

Но утро настало. И Риша ждала его у забора. Она с улыбкой поцеловала его в щеку и привычно взяла его за руку.

Она снимала одну перчатку, чтобы это сделать, и даже на холоде ее пальцы были обжигающе-теплыми. И от этого солнце светило ярче.

Дни потянулись один за другим, словно капли, собирающиеся осенью на стеклах. Мартин почти все время проводил в беседке, перечитывая одну книгу за другой. Вик почти перестал читать сам, предоставляя другу выбор литературы, и полки Мартина стали пополняться новыми томами. Он читал стихи, за ними — медицинские справочники. За медицинскими справочниками следовали любовные романы из библиотеки Веры, а за ними — антиутопии Берджесса и Оруэлла. Мартин читал, не погружаясь в сюжет и не особо вникая в него. Что-то надломилось в нем, оставило трещину в сознании. И эта трещина не давала ему покоя. Только справочники по медицине и химии он продолжал изучать с прежним вниманием. Ящик стола Вика полнился тетрадами, исписанными твердым, каллиграфическим почерком.

Вик видел отрешенность Мартина, но понятия не имел, что с ней делать.

Между тем, оставалось несколько месяцев до окончания школы. Скоро Вика предстояло собрать немногочисленные вещи, навсегда попрощаться с отцом и уехать из деревни. Теперь дважды в неделю Вик рано утром садился на электричку и отправлялся в город. Там он записался на бесплатные подготовительные курсы в медицинское училище, выбрав направление «Фельдшер скорой помощи». Туда он ходил по вечерам, а до вечера работал. Работы он не боялся никакой и одинаково усердно помогал рабочим на стройке и расклеивал листовки — в зависимости от того, кто был готов платить деньги случайному помощнику.

Как-то раз он помогал пожилой женщине в маленьком магазинчике. Она торговала свечами, мылом и самодельными открытками. Иногда к ней заходили туристы, иногда у нее брали подарки на праздники, но большую часть времени магазин пустовал. Ей нечем было заплатить Вика, и он, не найдя в тот день другой работы, согласился, чтобы она поделилась с ним выручкой.

Сначала он перемыл окна и витрины в ее магазине. Огромную трещину на витрине он закрасил белой краской, превратив ее в изгиб морозного узора. Затем встал за прилавок и стал ждать клиентов.

Первому клиенту он представился сыном хозяйки. Показывая свечи, в которых ничего не понимал, Вик вдохновенно врал, как помогает маме, как она любит это неприбыльное дело, и как он мечтает работать на скорой, чтобы спасти людей. Мартин, слушая это ворчал,

что у него сейчас слипнутся от меда уши, а хозяйка, наблюдавшая за этим спектаклем, явно была в бешенстве. Вик же, хорошо зная, что людям нравится белокурый мальчик, плетущий в воздухе приторную ложь, всюю этим пользовался. В тот день он заработал в магазине впятеро меньше, чем заработал бы черной работой, зато обнаружил в себе способность к торговле и получил приглашение приходить еще.

Все заработанные деньги он надежно прятал за тем самым дровяным сараем, где когда-то ночевал. Он знал, что отец роется в его вещах — иногда они оказывались сложенными не так, как он складывал, а несколько раз и вовсе валялись на полу.

Каждый раз, обнаружив это, Вик перестирывал все вещи, до единой — ему казалось, что на них налипли прикосновения отца, и это было непр-р-равильно.

Денег было мало, но он понимал, что подростку за два дня в неделю много не заработать. Иногда он оставался до ночи, мыл полы и убирал столы в кафе. Тогда он получал немного больше, но если ему не удавалось поймать попутку, ночевать приходилось на вокзале.

В ту ночь именно там он и остался. В рюкзаке у него была пачка печенья и книга для Мартина. Женщина в круглосуточной палатке бесплатно наливала ему чай и кофе, а он иногда подменял ее, просто чтобы не скучать.

Он устроился на скамейке недалеко от женщины в темно-зеленой куртке. У ее ног стоял большой рюкзак, переполненный так, что женщине пришлось несколько раз обмотать его веревкой. Она курила, стряхивая пепел на пол.

«Мартин, посидишь? Я ужасно устал».

«Да, конечно. Спасибо за книгу, хотя Верины любовные романы — это какой-то кошмар».

«Схватил из списанного первое попавшееся, в следующий раз буду тщательнее выбирать», — зевнув, пообещал Вик.

Мартин прочитал первые две страницы и впал в глубокую тоску. Если иногда у Веры попадались романы с неплохими описаниями или интересными персонажами, то этот явно был не из таких. Герои находились в кровати с первых страниц, и, кажется, не собирались покидать ее ближайшие страниц двадцать.

— Мальчик, ты правда читаешь эту муть? — хрипло спросила его женщина.

— К моему большому сожалению, — тактично ответил ей Мартин.

— Слушай, мне муж с собой дал какую-то дрянь, он меня все пытается культурно просвещать. Что это там такое... Мопассан, сказал, что мне понравится. А я старых французов терпеть не могу.

— Хотите поменяться? — догадался Мартин, с облегчением закрывая книгу.

— Если ты не против, — ответила она, протягивая ему голубой томик в мягком переплете.

Мартин в ответ протянул ей книгу, на обложке которой полуголая девица таяла в объятиях мужчины, чей наряд авторы вовсе ограничили набедренной повязкой.

— А ты что здесь делаешь, ночью? — спросила его женщина, закуривая очередную сигарету. — Тут между прочим говорят того, маньяк ходит.

— Какой маньяк? — равнодушно спросил Мартин.

— Да хрен его знает, каких-то баб в речке топит. Хочешь?

— Нет, не курю. Жду утреннюю электричку, помогал знакомой в магазине и пропустил последнюю, — он решил все же ответить на вопрос. — А вы? Обычно с такими рюкзаками ездят летом или осенью. Не боитесь маньяка?

— Да вот видишь, тут недалеко источники, может знаешь? А маньяка я не боюсь. Нахрен ему старая кошелка.

Мартин рассеянно кивнул. Он слышал о том, что в нескольких сотнях километрах от его деревни находились какие-то незамерзающие источники, считавшиеся целебными. Впрочем, ему дела не было — путь к ним через деревню не проходил, и никакой пользы они не приносили.

— Ну так вот, у нас в городе человек хочет открыть туда туры. Заказал нашей фирме, значит, анализ тамошней грязи. Я говорю — зачем оплачивать поездку? Заплатите торгашу, рекламщику — они вам даже грязь с дороги целебной сделают, только денег не забывай давать. А он, видишь ли, принципиальный. Знакомый мой, всю жизнь такой баран, — тяжело вздохнула она.

— А ваш муж остался дома?

— Да нет, у него на зиму другая работа, он вахтами ездит... впрочем, тебе не интересно будет, чем там можно в лесу зимой заниматься.

— У вас, наверное, нет детей?

Мартин растерял часть своей тактичности. Женщину эту он видел в первый и в последний раз в жизни, и она была чем-то ему неприятна. Но он никак не мог понять чем.

Женщина была высокой и худой. И ее лицо казалось Мартину красивым — у нее был тонкий, длинный нос, огромные серые глаза и красиво очерченные полные губы. Густые, темно-русые вьющиеся волосы были завязаны в небрежный узел на затылке, но несколько прядей выбивались из прически, подчеркивая мягкий овал лица. Но что-то его раздражало в этой женщине, царапало, и он никак не мог отделаться от чувства легкой гадливости.

— Есть, отчего же. Дочка, твоего возраста, дома ждет.

— Одна?

— С бабушкой, с матерью моей, значит, сидит.

— Моей сестре сейчас тринадцать, — улыбнулся Мартин.

Лера давно не писала ему. Но Вик не испытывал по этому поводу особого огорчения — она давно отдалилась. Несколько раз посылала свои фотографии, но он никак не мог увязать ту, что видел на снимках со своими воспоминаниями о сестре. Они писали друг другу дежурные отчеты о жизни, и Вик испытывал легкую горечь по потерянной детской близости. И все же воспоминания были светлыми, и в конце каждого письма Лера, может быть по привычке, а может и искренне, писала «Жду».

— А сестра тебя дома ждет?

— Нет, нас разлучили в детстве. Она живет в городе на Севере, далеко отсюда.

— В каком городе? — оживилась женщина.

Мартин ответил. Название города давно перестало ассоциироваться у него со словом «дом». К тому же Вик не собирался туда возвращаться ближайшие годы, и это слово оставалось для обоих пустым звуком.

— Так я же там живу! Бывают же совпадения! — улыбнулась женщина, придвигаясь поближе. — Ну-ка погоди.

Она встала и уверенным шагом пошла к палатке. Спустя пару минут она вернулась с двумя большими стаканами кофе и, заговорщически подмигнув, достала из бокового кармана рюкзака фляжку коньяка.

— Давай, за встречу, — сказала она, плеская коньяк ему в кофе.

Мартин, испытывавший, как и Вик, к спиртному инстинктивное отвращение, свойственное детям алкоголиков, из вежливости сделал небольшой глоток и отставил стакан в сторону.

— Расскажите про свою дочь, — попросил Мартин, ощутив, как в душе рождается сочувствие к девочке, о которой покинувшая ее мать говорит с таким равнодушием.

— Да что про нее рассказывать, — пожала плечами женщина. — Все по каким-то секциям шатается. Я ей говорю — ну ты выбери что-нибудь одно. А она смотрит на меня, как собака побитая и молчит. Вот сейчас на танцы ходит и на гитаре учится играть. До этого в театральное ходила и из бисера плела... Рисует вроде неплохо, и в художке ее хвалят, она туда с детства ходит. Но все чего-то ищет...

— Может быть она ищет мать? — спросил Мартин, которому женщина стала окончательно противна.

— Может быть, — с готовностью согласилась она. — А ей лучше будет, если я рядом сяду и буду до ее старости пылинки с нее сдувать? Мы с мужем достаточно зарабатываем, чтобы она могла ходить на свои танцы и пачкать дорогие холсты дорогими красками — этого, я считаю, достаточно. Ребенок здоров, одет, накормлен и занимается саморазвитием. Вот твои родители кто, мальчик?

— Мой папа — деревенский алкоголик, — усмехнулся Мартин.

— Вот видишь. А моя дочка на вокзале не ночует. Разве я плохая мать? — спросила женщина, отхлебывая прямо из фляжки.

— Что вы, конечно нет, — с чувством ответил Мартин.

Потом, подумав, вырвал титульный лист из книги, которую отдала женщина. Достал из рюкзака черную ручку, написал на листе несколько слов, а затем стал медленно складывать его.

— Знаете, у меня была подруга. Однажды она сильно заболела. И я сделал для нее подвеску, на ней было много-много бумажных журавлей. Они ее успокаивали. Я прикрепил подвеску у ее кровати, и она начала выздоравливать. Я мало что мог для нее сделать. Я, по правде говоря, вообще мало что могу. Но если вы отдадите вот это дочери — я буду вам очень благодарен.

Он протянул женщине бумажного журавля. На его крыльях мелкими буквами было написано: «У тебя все будет хорошо».

— Это просто пожелания. Говорят случайные встречи не случайны.

— Я передам, — кивнула она. — А ты поедешь к сестре — заходи в гости. Вот, сейчас...

Она долго рылась в рюкзаке, а потом достала оттуда мятый лист бумаги, изрисованный спиралями и кругами. Кажется, женщина чертила их, пока разговаривала по телефону.

Почерк, которым она написала адрес, был неразборчивым, и с трудом прочитанное название улицы Мартину ничего не говорило. Он вежливо улыбнулся ей, и опустил глаза к книге.

Но слова никак не желали складываться в историю. Женщина молча курила, читая любовный роман, который отдал ей Мартин, и глаза ее оживленно блеснули.

Мартин почему-то надеялся, что его бесполезный подарок дойдет до девочки, имя которой женщина ему не сообщила. И что пожелание на его крыльях когда-нибудь обязательно сбудется.

Действие 8

Вишневый дым

*С патетикой и убийствами надо теперь покончить!
Образумьтесь наконец!*

Г. Гессе

Каблуки стучали по сцене зло и четко, словно отбивая ритм марша.

— А что, дорогой Виконт, — тряхнула черными кудрями Рита, — может быть я получше буду?! А может не надо тебе никакой надежды, никакого света, может быть Офелия всегда нужна была только чтобы утонуть?! Посмотри на меня, разве я не красива, разве я не жива?!

Вик, сидя на краю сцены, старательно мерил ее ледяными презрительными взглядами. Риша стояла в углу сцены неподвижно, протягивая к нему руки. Сейчас на ней была просторная серая рубашка вместо призрачного платья, но с ее запястий свисали окровавленные бинты. На этой детали настаивала Мари.

Но Вик смотрел не на Ришу, он разглядывал Риту, мерившую шагами сцену. Она удивительно преобразилась. Если раньше она не стремилась раскрывать свой потенциал, считая, что и так делает достаточно, то теперь она нашла единственный образ, который ей удавался, и упорно держалась его. В конце концов даже Мари, которой не нужна была на сцене истеричная стерва на второстепенной роли, смирилась и позволила добавлять остроты сюжету.

— Столько слов о Пути, о Темноте и Огне! Как ты там сказал? «Ярче горит, быстрее сгорает»? Сгорать-то ты сгораешь, вот только загореться никак не можешь!

— А ты, Китти? Расскажи мне, в чем смысл твоей жизни? Помогать людям, выводить их из темноты?

— Пускай там и остаются! — презрительно фыркнула она. — Я тоже буду ярко гореть, ясно тебе?

— Такие как ты, Китти, лучше всего горят на кострах.

Мари раздраженно постучала тростью по спинке стула перед собой.

Рита фыркнула и легла на край сцены рядом с Виком, положив голову ему на колени.

— Забудь ты свою Офелию, Виконт. Хочешь я... покажу тебе, что по-настоящему обжигает? — прошептала она, касаясь алого платка на его шее.

Здесь должны были следовать несколько секунд темноты и нарастающий, пульсирующий красный свет. Так как Мари регулярно делала фотографии их репетиций, а никто из школьного руководства, включая Маргариту Николаевну, ни на одну из репетиций не пришел, Вик сделал вывод, что они могут ставить решительно что угодно, и никто им слова не скажет.

В зале было душно. Вик чувствовал, как тяжелой пульсацией в затылке нарастает головная боль.

— Лапушки мои, давайте что ли больше чувственности в сцену? Китти молодец, злая, а ты, Виконт, что опять за байроновский герой? Сколько можно этой тоски и меланхолии? Готова спорить, тебе нравится Бодлер, а когда подрастешь — будешь таскаться по улицам в черном пальто и строить загадочные гримасы! Но сейчас, котенок, пожалуйста, покажи мне жестокость и цинизм! — голос Мари казался особенно резким.

Высоким. Царапающим.

— А в этой сцене нужны вообще жестокость и цинизм? Слушайте, Мертей, вы вообще подростка-наркомана с замашками показываете или маньяка-социопата?! — не выдержал Вик.

Его все раздражало. Раздражала Мари со своей пьесой, раздражала Рита, которая слишком легко призывно изгибалась у него на коленях, и раздражала Риша со своими больными, страдающими глазами заламывающая руки в углу.

— Вижу, кто-то не в духе, — миролюбиво ответила Мари.

«Вик, что с тобой?» — тихо спросил Мартин.

«Мне плохо».

«Так идем отсюда».

Вик оглядел зал. Матвей сидел на первом ряду с совершенно отсутствующим выражением лица. Несколько девушек решали общие задания на завтра. Рита все никак не поднимала головы с его колен, а Риша никак не сгоняла с лица страдающего выражения. Мари выглядела недовольной, и это хоть немного радовало.

Алый платок душил. Окровавленные бинты у Риши на запястьях вызывали рябь в глазах, а дешевые духи, которыми пользовалась Рита — тошноту. Он опустил глаза, чтобы попросить Риту встать, и на секунду замер. Она смотрела на него, и в глазах ее он ясно видел понимание.

— Рит?

Она медленно встала, оставив на брюках несколько волос. Он брезгливо стряхнул их и, спрыгнув со сцены, быстрым шагом направился к дверям.

— Вик, куда ты? — растерянно спросила Риша.

В ее голосе все еще звучала отыгрываемая тоска. Вик с трудом удержался от того, чтобы не плюнуть на пол.

— Воздухом подышу, — как можно миролюбивее ответил он, захлопнув за собой дверь раньше, чем ему успели сказать что-нибудь еще.

На улице было темно. Зима в этом году была теплой, снега выпало мало, и почти весь он растекался серой кашей под ногами. Вику хотелось подойти к сугробу и окунуть в него голову, остудив бьющиеся мысли. Но единственное, что напоминало сугроб, было кучей мусора, припорошенной снегом. А идти к лесу он не хотел. Хотел стоять на крыльце,

запрокинув голову, и смотреть в черное небо.

«Вик, тебе может нужно меньше работать и больше спать?»

«Нет, Мартин. Мне нужно больше работать, чтобы выбраться отсюда и никогда не возвращаться. Ты ведь мне поможешь, правда?»

«Конечно. Скажи, что происходит? Ты ведь не просто устаешь. И в город ты так рвешься не из-за денег. Ты бежишь».

«Ты сам знаешь, Мартин, от чего я бегу. От правды».

«И от какой же правды ты бежишь?» — тихо спросил Мартин.

«Правда в том, что Риша больше не...»

— А, вот ты где! — раздался у него за спиной голос.

— Я вообще-то хотел побыть один, — сообщил Вик, не оборачиваясь.

— Я в курсе, — ответила Рита, садясь на перила рядом с ним.

Ее ярко-розовая куртка в темноте казалась тусклой, полинявшей. Она сидела, зацепившись каблуками за перекладину, и раскуривала сигарету.

— Будешь?

— Не курю.

— Я в курсе, — повторила она, сунув ему в руки сигарету со следами красной помады на фильтре.

Он машинально взял ее, не отводя взгляда от лица Риты. В воздухе расплзался навязчивый, сладкий запах ванили.

— У тебя паршивые духи. И не говори, что ты в курсе.

— Хочешь, я разденусь, и они не будут мешать?

«Мартин, ты слышал это сейчас?»

«Я думаю она просто так... пытается тебя дезориентировать», — тактично предположил Мартин.

— Нет уж, обойдусь.

Рита, пожав плечами, будто она и правда рассматривала возможность раздеться прямо на улице, закурила вторую сигарету.

— А вы трогательная парочка, — сказала она, затягиваясь. — Такие... все время под ручку ходите. И не надоела тебе эта моль за столько лет. Что все в ней находят?

Облако вишневого дыма она выдохнула прямо ему в лицо.

— Она удивительная девушка. Необычная, — прикрыв глаза, с улыбкой сказал Вик.

— А я — нет?

Вик не знал, что ему ответить. Рита была заурядной. Полной пустых амбиций, вульгарно накрашенная и безвкусно одетая деревенская школьница с дурацким прозвищем «Китти».

— Каждый человек удивителен, — тактично соврал он.

Сигарета тлела в его руках, и он изредка стряхивал пепел в мокрый снег.

— Тогда почему она, а не я? — с горечью в голосе спросила Рита, снова щелкая зажигалкой.

— Я... Рит, мы с Ришей знакомы с детства и я... — опешив, попытался собрать разбегающиеся мысли Вик.

— Да нахрен ты мне сдался! Почему ей досталась эта роль? Я не понимаю, она же совершенная пустышка, мямля... и жертва. Только и умеет, что смотреть на всех, как корова перед убоем!

— Слушай, если у тебя выиграла ревность — не лучше ли пожаловаться какой-нибудь из своих куриц-подружек, а не ее другу?! — огрызнулся Вик, щелчком отправив сигарету, к которой он так и не притронулся, под ноги Рите.

— А может лучше кому-нибудь из своих дружков? — проникновенно спросила его Рита.

— А может мне лучше сломать тебе шею, столкнуть с перил и сказать потом, что ты сама упала? — в тон ей ответил Вик, всерьез рассматривая такую возможность.

Она вызывала у него все больше раздражения, а ваниль в ее духах душила все сильнее.

«Вик, не увлекайся», — предостерег Мартин.

«Может ты с ней поговоришь? Я не понимаю, чего она хочет».

«Она хочет с тобой подружиться», — неожиданно ответил Мартин.

«С чего ты взял?!»

«А ты сам не видишь?»

Вик только мысленно пожал плечами, уступая Мартину место. Он не смог отказать себе в удовольствии прикрыв глаза, вдохнуть сырой холодный воздух. Дешевая ваниль, так раздражавшая Вика, и ветер, и снег — это было жизнью, которая по-прежнему была для него желанна.

— Скажи, зачем ты сюда пришла?

— А ты умеешь по заказу говорить таким голосом, будто ты мой любящий папаша?

Мартин улыбнулся, пожав плечами. Перед ним была озлобленная девочка, в чьих руках плясала рыжая точка сигареты.

Рита нуждалась в утешении. И, видимо, не придумала ничего лучше, чем искать его у друга соперницы, который со стороны казался понимающим и нежным. Пусть и разбившим не один нос и сломавшим человеку четыре пальца. Мартин еще понятия не имел, какую репутацию этот поступок создал Вику среди женской половины школы, включавшую и учителей. Если бы он знал о ней — не удивился бы, что Рита пошла именно к нему.

— Хочешь поговорить?

— Хочу. Только не здесь. Тут холодно и мерзко.

С этими словами она соскочила с перил, лязгнув каблуками по замерзшему крыльцу, схватила его за рукав и потянула куда-то в сторону.

Недалеко от школы располагался небольшой подвал, где хранился спортивный и хозяйственный инвентарь. Подвал был опечатан и закрыт на ключ, но Рита, привычным жестом отцепив тонкую полоску бумаги, ткнула пальцем в дверь чуть повыше замка:

— Толкни плечом, у меня сил не хватит.

Мартин, поколебавшись несколько секунд, толкнул дверь и, первым ступив на промерзшую металлическую лестницу, подал Рите руку.

— Какие мы вежливые, — проворчала она, обхватив его запястье.

Она спускалась медленно, звонко стуча каблуками и тяжело опираясь на его руку.

Оказавшись в подвале, Рита на ощупь двинулась вдоль стены. Скоро раздался запах, который отозвался в душе Мартина целым фонтаном золотистых искорок. Пахло керосином.

И правда, Рита держала в руках зажженную керосиновую лампу. Мягкий желтый свет освещал небольшое пространство вокруг и смягчал черты ее лица. Она сделала несколько шагов к стене. Что-то хрустело под ее каблуками, но она не смотрела под ноги. Сорвала со стены флаг, несколько раз встряхнула, подняв облако пыли, и положила на сложенные стопкой в углу старые маты.

— Присаживайся, — буркнула она, отходя к противоположной стене.

Мартин не стал предлагать ей помощь. В темноте он видел хорошо, и ему было достаточно удаляющегося огонька, чтобы разглядеть, что Рита движется уверенно и ломать ноги не собирается. Он расстегнул куртку — в подвале было неожиданно тепло.

Рита вернулась с бутылкой и двумя пластиковыми стаканами в руках. Из сумки она достала бутылку с водой и бумажный сверток.

«Мартин, какого черта она делает?» — с неприязнью спросил Вик.

«Она собирается нас напоить», — улыбнулся в ответ Мартин, глядя, как она разливает по стаканам спирт и разбавляет его водой из пластиковой бутылки.

— Рита, ты же не считаешь, что я стану это пить? — мягко спросил он, отодвигая кончиками пальцев протянутый стакан.

— Ну и хер на тебя, — пожала плечами она, разворачивая сверток.

В нем обнаружился знакомый Мартину травяной порошок и несколько полосок полупрозрачной бумаги.

— Непривычно после проповедей твоего персонажа, — отметил Мартин, глядя, как она раскуривает самокрутку.

— Ты что, нотации мне читать собрался? — с неприязнью отозвалась она.

— Что ты, и не думал, — миролюбиво сказал Мартин, наблюдая за рыжим огоньком в темноте.

Он незаметно смочил конец своего шарфа водой из бутылки.

«Ты что делаешь?»

«Если долго этим дышать — сам не заметишь, как будешь сидеть и глупо хихикать над

каждым ее словом».

«Отвратительно».

— О чем ты хотела поговорить?

— Я... я хотела...

Она прикрыла глаза. Ее губы задрожали, будто она собиралась заплакать. Внезапно Рита резким движением подалась к опешившему Мартину, обняла его за шею и разрыдалась, прижавшись лицом к его плечу.

«Вот за такие выходы ей и не дали главную роль», — меланхолично сказал он Вику, глядя ее по спине.

«Да, я заметил. И что она закрыла глаза, чтобы не показывать взгляд».

— Мне так одиноко... Мне так плохо... — шептала между тем Рита, пытаясь его поцеловать.

Мартин, чуть отстранившись, досчитал про себя до пяти.

— Рита, не стоит.

— Я тебе не нравлюсь?..

— Давай опустим остальную часть. Ты красивая, замечательная и талантливая. Я люблю Ришу, ты ко мне равнодушна. Так что давай правда просто поговорим.

— Ладно, убедил, — сказала она совершенно ясным голосом, отодвигаясь от него и отхлебывая из стакана. — Вы меня бесите. Оба. И Мари меня бесит. Ты понимаешь, что вы разметали мою жизнь просто своим появлением, и считаете, что так и надо?

В ее голосе звучало что-то похожее на ненависть. Но Мартин явственно слышал, что ненависть она изображает, а на самом деле испытывает обычную обиду. Ему было жаль ее. В отличие от Вика, он Риту никогда не презирал.

— Зачем тебе театр? — спросил он, переливая в ее стакан то, что она намешала. Ополоснул, выплеснув воду прямо на пол и налил чистой воды.

— Я там чувствовала себя на своем месте. Мне нравилось. Маргарита Ивановна говорила, что у меня талант...

— А в других местах ты не чувствовала себя талантливой? Тебе было неуютно с другими?

— Нет, у меня были друзья, они мной восхищаются... и родители меня любят... К чему ты клонишь?

— Для Риши театр — мечта. У тебя останется все, что есть у тебя сейчас — красота, дружба и любовь родителей. А она находит в этом... отдушину. И ты прекрасно это знаешь.

— У нее есть ты, — выплюнула Рита и не поморщившись допила жидкость в стакане.

— Ну и что же?

— Ты... ты... слушай, ты не знаешь, что про вас говорят по школе? Да по всей деревне! Все знают, что вы вместе много лет. Кто-то говорит, что ты ее трахаешь так, что она от тебя

не уходит, несмотря на свою... наследственность, а кто-то — что она так отсасывает, что ты ее не бросаешь, несмотря на ее наследственность...

— Так, хватит, — отрезал Мартин, вставая.

Мартин чувствовал, как глубоко внутри нарастает бешенство. Он отличал собственное безгливое раздражение от эмоций Вика, которые нарастали в висках режущей болью.

«Вик, скажи, если хочешь, чтобы я ушел, но не надо рваться молча — мне больно», — попросил Мартин.

«Прости, я не хотел. Давай уходить отсюда. Можно я останусь на своем месте, боюсь не сдержаться».

«Конечно».

— Ты что, обиделся? — изумилась Рита, хватая его за полы куртки.

— Нет, Рита, но мне неприятен этот разговор, а ты пьянеешь на глазах и, видимо, не следишь за языком.

Она смотрела на него совершенно дурными глазами. В них не было осмысленности, только лихорадочное оживление и липкая томность.

— Да, ты прав, я совсем не слежу за языком, — прошептала она, вставая и делая шаг ему навстречу.

Она подошла вплотную и положила одну руку ему на плечо. Второй вцепилась в пряжку его ремня. Самокрутка догорала у нее во рту, грозя обжечь губы, но Риту это, кажется, не волновало. Выплюнув сигарету, она провела по губам кончиком языка, растерев помаду.

«Это сейчас что, сексуальное насилие?» — с интересом спросил Вик, наблюдая, как она трясущимися пальцами пытается расстегнуть его ремень.

«Скорее неудачное пьяное совращение», — усмехнулся Мартин, подхватывая падающую девушку.

— Твою мать, Вик, она отключилась, — тоскливо сказал он, поднимая ее на руки.

Рита безвольно повисла в его объятиях. Она оказалась намного тяжелее, чем Риша, которую он поднимал легко и однажды почти донес ее на руках из леса к дому, когда она подвернула лодыжку на прогулке. Впрочем, Вик давно заметил еще одну странную особенность — Мартин был сильнее его физически, хотя это казалось ему нелогичным и невозможным.

Мартин, читавший в зарубежных медицинских журналах заметки о подобных расстройствах, сказал, что это допустимо. Впрочем, та заметка была старая, короткая и написана по-английски, так что Вик допускал неточность перевода Мартина. Но сейчас это не имело значения, значение имело то, что даже Мартин с трудом дотащил Риту до угла, где они сидели несколько минут назад, и теперь в растерянности смотрел на ее бесчувственное тело.

— Вот сейчас она не притворяется. Вик, что будем делать с этой юной пьяню? Бросить ее в холодном подвале, боюсь, будет нехорошо.

«Я бы бросил», — с отвращением выплюнул он, причем, уже без былой агрессии.

— Она маленькая, пьяная и глупая. И тяжелая. Впрочем, люди без сознания всегда

тяжелее... Может, позовем сторожа, и он поможет ее перетащить в тепло, а оттуда пускай забирают домой?

«Давай», — согласился Вик, который не видел особого смысла притворяться джентльменом и беречь репутацию Риты больше, чем это сделала она сама.

Впрочем, Мартин все-таки спрятал бутылки и сверток с травой.

Но, когда он поднялся по лестнице, выяснилось, что дверь открыть не получается. Мартин покопался в замке и пару раз ударил в дверь плечом, но она не сдвинулась с места. Рита наверняка знала какую-нибудь комбинацию, вроде «здесь приподнять, сюда нажать», но сейчас помощи от нее явно было не дожидаться.

«А ситуация тебе не кажется несколько... компрометирующей? Если она потом скажет Рише, что мы неизвестно чем занимались несколько часов в подвале... Может, это и есть план?»

— Риша же умная девочка и знает, что ты ее любишь, — уверенно ответил Мартин.

Вик его убежденности не разделял. После того, как она отказалась слушать про Мартина и запретила ему говорить, он никак не мог вернуть прежнего доверия. Он все время ждал от нее подвоха, и это немало отравляло его жизнь.

Мартин сел рядом с Ритой, повесил лампу на краешек торчащего из кучи хлама обломка какого-то снаряда, достал из сумки сборник Лавкрафта и пролистнул несколько уже прочитанных страниц.

«Мартин, почитай мне? Как раньше...» — попросил его Вик.

Мартин вытянул перед собой раскрытую ладонь. С нее сорвалось несколько искр, тут же погасших в полумраке.

— А ты уже не веришь в чудеса, верно? — усмехнулся он.

«Не верю. Но ты все равно читай», — вздохнул Вик.

— Я, Бэзил Элтон, смотритель маяка на северном мысе, где служил и мой отец, и отец моего отца,^[6] — сообщил Мартин, прикрывая глаза.

Когда он открыл их, ничто уже не имело значения. Он больше не был Мартином, человеком, никогда не видевшим моря. Он был Бэзилом Элтоном, потомственным смотрителем маяка. И у него была своя история о любви к парусам.

Мартин читал, водя глазами по строчкам, расплывающимся в неверном свете лампы. Рассказ отзывался в душе тяжелой от соли морской водой, пронизанной солнечным светом. Последние слова — болезненной, тянущей тоской. Белый Корабль с юга не приплывал никогда более.

Впрочем, это был справедливый конец истории. Вик молчал. Рита спала, завернувшись в угол пыльного флага. Мартин прикрыл глаза, ловя уходящие образы парусов и не заметил, как уснул сам, уронив раскрытую книгу себе на колени.

Он проснулся от глухого стога, раздавшегося рядом.

— С-с-сука... — просипела Рита, слепо шаря рукой рядом с собой.

Мартин сунул ей бутылку с водой, с трудом вставая на ноги. Все-таки в подвале было холодно.

— Ты что сделал?! — с отвращением спросила она.

— Я?! Ты залпом выпила два стакана разбавленного спирта, скурила косяк и рухнула мне на руки. Я хотел тебя вытащить, но не смог открыть дверь.

— Конечно ты не смог, для этого нужна отмычка и рычаг! Но я спрашивала... ты что... и ничего? — с удивлением спросила она, ощупывая узел на поясе куртки и пряжку своего ремня.

— Ты спрашиваешь, не насильовал ли я тебя, пока ты спала?! — выдохнул Мартин.

Эти были куда более тяжелым оскорблением, чем все, что она из пьяной ревности говорила ранее.

— При чем здесь... насилуют не так... — неуверенно произнесла она, все еще сжимая в руках неоткрытую бутылку.

— А это называется как-то по-другому?

Рита оторвалась от только что открытой бутылки и уставилась на него широко открытыми глазами, в которых он заметил целый калейдоскоп эмоций. Сначала пришло рефлексорное презрение. Потом — непонимание. А за коротким осознанием мелькнула едва заметная благодарность.

— Да, это называется секс, — привычно съерничала она, возвращаясь к бутылке.

«Доброе утро. Что за тоска, Мартин? Что тебе сказала эта... прекрасная леди?» — скептически спросил Вик, глядя, как Рита умывается остатками воды, размазывая по лицу черные тени и тушь.

«Она предположила, что один из нас надругался над ней, пока она спала, и очень удивилась, когда узнала, что это не так».

«Тебя так угнетают такие подозрения?» — удивился Вик, знавший, что его друг не склонен близко к сердцу принимать неосторожные слова.

«Меня угнетает что это для нее нормально. Хотя не скрою, что это для меня... тяжелое обвинение. Ладно, нужно выбираться отсюда, и так слишком... душевно посидели», — ответил Мартин, подбирая книгу и засовывая ее в сумку.

Рита молча достала кусок изогнутой проволоки из кармана, а Мартину в руки дала доску, которую следовало просунуть под дверь, приподнимая ее, пока она будет справляться с замком. Когда дверь поддалась, она порывисто обняла Мартина и быстро поцеловала в щеку, оставив на коже след помады и перегара. Затем вышла из подвала и нетвердой походкой отправилась прочь.

Мартин с тоской оглядывался по сторонам. В синем небе занимался рассвет. Они провели в подвале всю ночь. Рита шла, спотыкаясь на высоких каблуках и чертыхалась каждый раз, когда теряла равновесие.

«Я так понимаю, несмотря на ее инсинуации, ты хочешь ей помочь?» — проворчал Вик, глядя, как Мартин, догнав Риту, берет ее под руку.

Она подняла на него глаза, потом, кивнув, взяла его за руку.

— Прости, я себя вела как дура.

— Именно так, — легко согласился Мартин.

— Вообще я правда хотела поговорить. О другом, но я думаю, скажу, что меня на самом деле...не как собиралась... Правда сейчас я... в общем... скажи, Риша меня ненавидит, да? Она поэтому пришла в этот чертов театр и забрала мою роль?

— Насколько я знаю — нет, — ответил Мартин, перебрав в уме все стычки Риты с Ришей и не найдя ни одной, которая могла бы вызвать такое радикальное чувство, как ненависть.

— Ты помнишь мальчика, которого посадили в тюрьму за ограбление твоего дома? Савелия?

— Да, конечно. Такое не забывается, — усмехнулся Мартин.

— И ты знаешь, в каких отношениях он был с твоей подругой?

— Да, я знаю, — помрачнев, ответил он.

— А знаешь, почему он метался по деревне, избивал детишек, воровал и торговал наркотой из города?

— У него убили брата, он озлобился.

— Да, около девяти лет назад. И ты знаешь, за что он так ненавидел твою подругу?

— Он... из-за репутации ее матери он считал, что может позволить себе... — Мартин с трудом подбирал слова.

— Да очнись ты, Вик! Не слышишь, что я тебе говорю?! Мы в деревне живем, в чертовой деревне, ты хорошо это понимаешь?! — Рита внезапно остановилась и схватила его за руки.

— Да, я... я все еще...

— Лешу, Савиного брата, покалечил сторож. Леша никому не сказал, пытался отлежаться, и в больнице помер, потому что запустил... А взбеленился старикашка потому что Леша надрался и напал на девочку! Вот Леша и не мог признаться...

— Вот как.

— Я никогда не отвечала за этого дурака! Это позор семьи, ясно тебе, оба сына! Папа после ареста Савы совсем разболелся, он ходит с тростью, едва может работать, на меня смотрит с таким презрением, как будто я тоже виновата!

Рита почти кричала, судорожно вцепившись в его руки. По лицу ее, смешиваясь с несмытой косметикой, текли частые слезы.

— Постой, успокойся... — тихо сказал Мартин, попытавшись взять ее за руку.

— Да не надо мне твоей жалости! Подавись ей, поняла?! Твоя эта... обожаемая подруга! — с ненавистью выплюнула она. — Каждый день, каждый хренов день она корчит из себя самоубийцу на сцене, размахивает своими окровавленными бинтами и руки тянет ко всем по очереди, как будто мы ее не спасли! Черт возьми, сначала меня и правда бесило только то, что ей досталась главная роль, но сейчас... Я хочу эту роль, ясно?! Чтобы только не видеть, как она... Если она когда-нибудь и правда решит засунуть свою тупую башку в петлю — отец решит, что я в этом виновата, понял? Я тебе врала вчера! Никто меня в семье не любит! Все думают, что если у меня оба брата такие, то и я не лучше!

Она дрожала, и кажется, собиралась упасть. Мартин смотрел на нее потемневшими глазами, и наконец-то вся история начинала складываться в ясную картину.

«Мартин...» — ошеломленно прошептал Вик.

Мартин молча смотрел Рите в глаза, потом грубо, рывком притянул ее к себе и обнял. Вот за что Риша должна ее ненавидеть. Вот за что Рита так ненавидит Мари. Во.

почему ему никто не рассказывал об этой истории больше общих подробностей.

Вот что Ришин брат был на самом деле «должен» тем людям. Не деньги, как тогда подумал Мартин. А может, деньги тоже, но это было не главное. Он задолжал чужую жизнь.

Мартин вспомнил удивление Риты, когда она проснулась и почувствовал, как в душе поднимается темная и густая горечь. Вот почему Риша ему врал. Потому что это удивительно, ненормально, вести себя по-человечески. Это удивительно — сострадать.

Рита скоро перестала дрожать. Сильный запах перегара мешался со сладковатым запахом травы, не выветрившейся ванилью и пропитавшим пальто куртку и волосы дымом дешевых сигарет с вишней.

— Прости, — сказала она, отстраняясь. — В общем, скажи ей, что если она меня ненавидит — это ее дело, но мне правда жаль. Я не хотела, чтобы было... так. Чтоб у вас... все хорошо было, ладно?.. И не надо меня провожать.

Рита уже гораздо увереннее пошла к школьной ограде, и Мартин заметил, что скрип ее каблуков на снегу складывается в маршевый ритм. Он стоял неподвижно, и чувствовал, как в воздухе тает след ванильных духов.

А солнце всходило, обливая улицу безжалостным светом. Нужно было уходить, скоро начнутся занятия, а ему совсем не хотелось с кем-то встречаться.

Но почему-то Мартин не мог сдвинуться с места. Он стоял, глядя пустыми глазами на снег у себя под ногами, и ни одной мысли в этот момент не было у него в голове, только звенящая, белоснежная пустота.

Действие 9

Теплая ткань

Теперь ты отбросил очки твоей личности, так взгляни же разок в настоящее зеркало!

Это доставит тебе удовольствие.

Г. Гессе

Вик читал, закинув ноги на подлокотник. Рядом привычно курила очередную сигарету и читала очередной любовный роман Вера. В библиотеке было тихо, только иногда раздавалось легкое шипение гаснущего уголька. Мартин дремал в кресле, предоставив Вику знакомиться с творчеством Верлена в одиночестве.

Вик смотрел на переплетение строчек, пытаясь отдаться узору слов и ритмов, но у него никак не выходило это сделать.

— Вера, почему люди кругом такие беспросветные уроды? — наконец не выдержал он и захлопнул книгу.

— Как ты думаешь, почему я провожу молодость в школьной библиотеке? — не поднимая глаза от книги, ответила она.

— Хочешь сказать — почему ты провела молодость в школьной библиотеке? — не сдержался Вик.

— Но иногда эти, с той стороны, проникают сюда, трогают руками мои книги и хамят. Нет в мире никакого совершенства, — тяжело вздохнула Вера.

Вик все чаще думал о том, что ему тоже стоит закрыться где-нибудь с креслом и книгами, и желательно дверь досками заколотить. Самые здравомыслящие люди, которых он знал, поступали именно так.

— Ты пойдешь на генеральный прогон?

— «Дождей»? Это где ты будешь по сцене ходить и руки заламывать, а рядом с тобой эта девочка будет ходить и руки заламывать, а вокруг тебя...

— Будет несколько статистов, и они будут руки заламывать, да, именно туда.

— Что-то не очень хочется.

— Мне тоже, — признался он.

Прогон должен был состояться через несколько дней. Сроки поджимали, Риша прекрасно воплощала Офелию, но не всегда справлялась с истеричной воодушевленностью Эспуар. Рита и Матвей были единственными, кто научился безукоризненно выполнять вальсовые фигуры, остальные сбивались сами и сбивали остальных. Вик, видя в какое отчаяние это приводит Ришу попросил Мартина поговорить с Мари. Но ни егс дипломатичность, ни обаяние, ни убедительные доводы цели не достигли — она отказывалась упрощать узор танца и облегчать своим подопечным жизнь.

Между тем напряжение нарастало день ото дня.

Рита хорошо танцевала и вкладывала душу в свою роль, но во время последней репетиции внезапно оттолкнула Вика, который должен был взять ее за руку, крикнула: «Да пошли вы все!» и выбежала из зала. Вик меланхолично потер плечо, куда пришелся довольно

болезненный толчок, и меланхолично сказал: «Нисколько ее не осуждаю».

Девушка, которая так упорно звала себя «Свора», что даже тетради подписывала этим именем, в середине репетиции внезапно села на пол и разразилась истерическим смехом.

Матвей во время репетиции финального суда над Эспуар запутался в плаще и упал со сцены вместе со стоящей рядом Летой. У девушки на лице остался кровоподтек. Она не вернулась на следующую репетицию, и через два дня тоже. Мари нервничала все сильнее. Скоро должна была состояться премьера в ее университете. Вик смотрел на все это и все больше ненавидел красный занавес, когда-то так вдохновивший Ришу.

Вера вдруг отложила книгу и внимательно посмотрела на него. Глаза у нее были усталые.

— Ты нервничаешь, да? Твой папа... знает, что скоро прогон?

— Мы с отцом разговариваем раз в месяц. Обычно он требует у меня денег, когда у него кончаются. Потом пытается меня догнать и избить, падает... чаще всего случайно, а потом показывает синяки каждому, кого встретит, и рассказывает, что я его избиваю и краду у него деньги, — равнодушно сказал Вик.

— Не повезло тебе, приятель, впрочем, тебе повезло больше, чем некоторым. Тебе нравится эта... режиссер?

— Мари? Нет, Мари мне не нравится. Мне не нравится театр, я ненавижу свою роль, терпеть не могу эти репетиции до позднего вечера и вообще в гробу я видал такое искусство.

— Зачем же ты туда ходишь?

— Риша так хочет. Она болеет этим... балаганом.

Вик подошел к стеллажу и начал разглядывать корешки книг. «Запретная любовь». «Любовь на троих». «Лодка любви, корабль скорби». Он хотел спросить, найдется ли томик «Любовная любовь для любящих влюбленных», но вдруг он почувствовал чью-то руку на своем плече.

Он не заметил, что они с Верой стали одного роста. От нее пахло сигаретами и стиральным порошком.

— Знаешь что, я схожу.

— Мне не надо жалости, — на всякий случай сообщил Вик.

— А я схожу не из жалости. Ты так долго отравлял мое одинокое существование, что я обязана посмотреть, как ты позоришься, — невозмутимо ответила она.

А глаза у нее все еще были усталые, в сеточке намечающихся морщин. Вик поймал себя на внезапном, неуместном желании — ему хотелось обнять Веру, прижаться щекой к ее серой, шерстяной рубашке и сказать что-нибудь глупое. Например: «Спасибо». Ему вдруг показалось, что рубашка будет теплой и мягкой. Ему показалось, что Вера его поймет. Но он сдержался. Только улыбнулся, едва заметно коснувшись ее рукава.

Ткань и правда была мягкой и теплой.

...

Риша сидела на полу в своей комнате и сосредоточенно разглядывала себя в зеркале. Вик лежал на ее кровати поверх темно-серого покрывала и разглядывал бумажных журавлей, которых когда-то подарил ей Мартин.

— У меня ничего не получится, — прошептала Риша, прижимая к щекам кончики пальцев.

— Риш, Мари только про тебя в своих отчетах и пишет. Говорит, что ты ее муза, ее Офелия, она тебя чуть ли не золотым самородком в навозной куче назвала в одной из статей...

— Она сказала «неожиданное сияние, замеченное в совсем неподходящем месте»!

— Вот-вот, и я о том же. Мари же упорно считает нас всех за деревенских дураков, которые не понимают ее возвышенных метафор. Успокойся, все будет хорошо.

Этот разговор шел по кругу десятый раз. Риша успела поплакать, разбить чашку, порвать свою копию пьесы и в конце концов просто села на пол и безразличным взглядом уставилась в глаза своему отражению. Вик, который обнимал ее, утешал, обещал привезти из города новую чашку и вручную переписать для нее пьесу, в конце концов понял, что пока лучше просто оставить подругу в покое. Мартин начал советовать сделать это сразу после чашки, видя нарастающую истерику, только усугубляющуюся утешениями.

Вик встал с кровати и сел позади Риши, обняв ее за плечи. Она положила голову ему на плечо, оторвав, наконец, тоскливый взгляд от зеркала.

— Папа хочет на прогон, — тихо сказала она.

— Значит, пускай приходит.

— Вик, он меня убьет. И тебя тоже.

— За что?

— За то, что я... подтверждаю репутацию своей матери. С самого раннего детства мне говорят, что... что я... Вик, ты не представляешь себе, что это такое... Я никогда, нигде не чувствовала себя в безопасности... Меня могли зажать в углу, ударить, прикоснуться... Я никогда...

— Ты знаешь, они тебя не тронут. Никто тебя не тронет, пока я рядом, — прошептал Вик.

Он чувствовал, что и Мартину ее жаль. И эти чувства, привычно сплетаясь воедино, неожиданно зазвенели, потянулись холодом.

Но сейчас Вик не мог о нем думать.

— Вик, отец увидит, что мы танцуем... Что ты меня обнимаешь, что... Увидит это платье...

— Ну и что? Риш, я не срываю с тебя «это платье», мы просто танцуем. У нас история... про любовь. Про победу Надежды, как угодно Мари, Эспуар, над Смертью.

— Ты ничего не понимаешь! Тора, Февраль, Лета, Свора, Виконт, Офелия, Китти и маркиза де Мертей над ними! Виконт стоит за гордыню, Офелия — за уныние, Китти — за похоть, Февраль означает лень, Свора — гнев, Тора — чревоугодие, а Лета — алчность! И Дьявол в женской ипостаси, Мертей...

— У Мари два солиста, остальные произносят пару реплик за весь спектакль. Ну, Рита еще что-то истерит, — усомнился в ее прочтении пьесы Вик.

— Потому что она считает эти грехи самыми тяжелыми...

— От гнева ты скорее проломишь кому-нибудь голову, а от похоти разложишь кого-нибудь на полу.

— От гордыни ты решишь, что имеешь на это право, а от уныния не сможешь противостоять! Мари мне сама сказала!

«Я сейчас впаду в грех уныния от ее метафор», — проворчал Мартин.

Вик молчал. Ему было наплевать, что за смысл вкладывала Мари в спектакль и какие грехи считала главными. Ему было даже наплевать, что подумает Ришин отец. Он слишком устал от страха перед будущим, от грязных тайн и постоянных сомнений.

— Хочешь, я спущусь к твоему отцу, скажу, что между нами никогда не было ничего... компрометирующего? Могу встать в красивую позу, как Мари учила, и начесать, что мы до свадьбы даже целоваться не будем.

Риша немного отстранилась.

— Компрометирующего?.. Вик, ты всегда называешь вещи такими...неподходящими словами? — выдохнула она ему в шею.

Он прижимал ее к себе, и гладил по спине, чувствуя, как теплая кожа обжигает ладони сквозь тонкую рубашку. Первые несколько секунд он чувствовал ее пальцы, запутавшиеся в своих волосах, отдавал себе отчет в том, что они делают, и что происходит вокруг. Но потом теплая вода затопила сознание и погасила все чувства.

Пробежавший по груди холодок вернул его в сознание. Он отстранился и легко сжал ее запястья. Он удивленно смотрел на нее, и не мог понять, что сейчас произошло. И он совсем, совсем не был против, только вот он был почти уверен, что стеснительная подруга не от нахлынувших чувств бросилась срывать с него одежду.

— Риш, это ведь сейчас порыв страсти, правда?

— Вик, нам обоим... нам обоим конец. После прогона...

— Ты говоришь так, как будто твой отец возьмет ружье, поставит нас к стенке и расстреляет.

— Он... запретит мне ходить в студию... запретит нам с тобой общаться... а я хочу успеть...

— Риша, ты совсем с ума сошла?!

Он вскочил с пола и начал застегивать рубашку, чуть не оторвав половину пуговиц. Риша осталась сидеть на полу. В глазах ее явственно читалась обреченность.

— Ты готовишься к этому прогону, как к смерти! Мы там танцуем. Читаем дурацкие стихи. Потом мы немного пообнимаемся и пойдем на поклон. Я хочу тебя, но делать это потому, что завтра конец света... Риша, почему ты плачешь?!

«Мартин, почему она плачет?! Мартин, мне страшно, женщины, по-моему, вообще люди, это какие-то инопланетяне, посланные уничтожить здравый смысл на Земле!»

«У меня два варианта — или она это все придумала, чтобы вроде как был повод

заняться сексом, а теперь расстроилась, что не получилось, или она сейчас скажет, что вся деревня была права».

— Они были правы! всю мою жизнь... они были правы!.. Прости меня...

«Мартин, что происходит?!»

«Она решила, что она... не очень честная женщина и грязно тебя домогалась».

Мартин, предчувствовавший продолжение концерта, не стал уходить в беседку и остался наблюдать. Сейчас он сидел в проеме и флегматично смотрел на происходящее, испытывая лишь легкое раздражение. Раздражение вызывал страх подружки перед отцом — Мартин не мог понять, как и зачем надо было так запугать ребенка, чтобы девочка боялась показать свой спектакль папе.

Но гораздо больше ему было смешно. Ситуация все же была донельзя глупой.

Вик про себя досчитал до пяти и опустил на колени перед рыдающей Ришей.

— Риш. Риша. Девочка, мое солнце, — прошептал он, вытирая ее слезы кончиками пальцев.

Это был первый раз, когда он был благодарен Мари за уроки притворства. Потому что внезапно осознал, что ему тоже смешно.

— Мне страшно, Вик... мне так... страшно...

— Все будет хорошо. У нас все будет хорошо. Ничего страшного не случится. Я же тебе обещал. Ты веришь мне?

— Верю... я всегда тебе верю... даже когда ты мне врешь...

Вик ушел от нее поздно вечером... Он весь вечер баюкал Ришу, как ребенка, пока она, нарыдавшись, наконец не уснула. После он еще немного посидел у кровати, чтобы убедиться, что она спит, поправил одеяло и ушел, тихо закрыв за собой дверь. Выйдя из деревни, он обессиленно привалился к дереву, и, тяжело дыша, протер снегом пылающее лицо.

Сегодня он почувствовал разницу между обычными прикосновениями и теми, что влекут за собой особую связь. И он не собирался лгать себе или Мартину — эти прикосновения горели под одеждой, словно ожоги. Они имели власть над разумом — раскаленную, тяжелую. Хотелось подчиниться. Никогда прежде он не испытывал ничего подобного.

— Мартин, я...

«Если бы ты этого не хотел — вот это было бы странно», — тактично ответил он.

— Но я ведь все сделал правильно?

«Не думаю, что случилась бы какая-то беда, но думаю обстоятельства правда были не самыми подходящими».

— У меня было целых две возможности расстаться с девственностью за последний месяц. Кажется, я должен себя беречь для шелковых простыней и лепестков роз.

«Хватит просто девушки с ясным рассудком», — усмехнулся Мартин.

Тревога и возбуждение отступали. Воротник был мокрым от растаявшего снега. Ветер слизывал с рубашки запах духов.

Вик вытер лицо рукавом и повернулся к дороге.

И все же он чувствовал, что принесет с собой в дом не только покалывание схлынувшего возбуждения и растаявший снег на одежде.

Его начал преследовать холодок тревоги. Предстоящий прогон перестал казаться ему просто еще одной длинной репетицией.

Не отступил холодок и дома. Тишина, тепло и уют желтого полумрака не помогли его прогнать.

«Вик? Это просто спектакль», — тихо сказал Мартин.

Вик кивнул. Подошел к шкафу, открыл дверцу и посмотрел в зеркало. Мартин стоял рядом, и внимательно на него смотрел. Второй раз за день Вик почувствовал, что ему хочется обнять находящегося рядом человека. Мартина он видел в длинном, темно-зеленом шерстяном сюртуке и белой рубашке.

— Мартин?.. А можно... странный вопрос?

«Конечно...»

— Какой наощупь твой сюртук?

Мартин озадаченно погладил обшлаг. Несколько секунд он со странным, очень серьезным выражением лица, проводил пальцами по лацканам и подолу. А потом вдруг улыбнулся.

«Теплый. И мягкий», — ответил он.

Действие 10

Генеральный прогон

*Что осталось от красоты и дерьма,
От мечты и реальности?
Китч!*

Михаэль Кунце

Накануне прогона Вик никак не мог уснуть. В комнате было душно и холодно. Подушка казалась то слишком твердой, то слишком мягкой, одеяло слишком тяжелым, а воздух входил в легкие со странным свистом.

— Мартин, ты спишь? — тихо позвал он.

«Уснешь с тобой».

— У меня ощущение, что завтра правда конец света, и я с этим смирился, — признался Вик.

«Ты просто нервничаешь. Наверное, из-за Риши даже больше», — заметил Мартин.

— Пожалуй. Как думаешь, ее отец правда придет в такую ярость?

«Он ее любит. И он все-таки взрослый человек...»

— Думаешь, он поймет?

«Нет», — честно признался Мартин.

Вик тяжело вздохнул и отбросил одеяло. Уснуть никакой надежды все равно не было.

— Предлагаю пить кофе и читать... что мне там Вера отдала. А как рассветет — пойдем к Мари, как ты хотел, она вроде. Лучше в школе ее подождем, — предложил Вик.

«Идея хороша», — улыбнулся ему Мартин.

Вик наощупь нашел рубашку на стуле.

— Мартин, куда я положил чертовы брюки?..

«Ты вчера сложил их и убрал в комод к белью».

— Зачем?..

«Вик, если бы я знал мотивы всех твоих поступков. Вот причину я знаю — ты репетировал. Как раз складывая брюки ты говорил, что ты — Бог».

— Поэтому я положил штаны к носкам?!

«Богам можно все», — фаталистично отозвался Мартин.

— Чтобы я без тебя делал, — проворчал Вик, выдвигая ящик.

В следующее мгновение перед ним предстал отчетливый образ — он, в белоснежной рубашке, с кроваво-алым платком, повязанным вокруг шеи, стоит на краю сцены без штанов.

— Очень смешно, Мартин, очень.

Вик, чертыхаясь, достал брюки из комода. Критически осмотрел их, и после недолгих раздумий решил не переглаживать, а надеть так. Небольшую часть заработанных денег он потратил, чтобы купить в секонд-хенде в городе приличную одежду, которая была бы ему по размеру и которую никогда не носил бы его отец. Теперь он тщательно следил за тем, чтобы на брюках всегда была видна четкая стрелка, что в деревне смотрелось немного странно. К тому же брюки все равно мялись снизу — он носил тяжелые ботинки с высоким голенищем и частой шнуровкой. Ходить по местным дорогам в другой обуви справедливо представлялось ему глупостью.

Одевшись, он тихо прошел на кухню. Там он тоже не стал включать свет, нашел кофе, банку с которым всегда прятал на самой высокой полке за крупами и мукой. Если пережить то, что отец рассыплет по полу гречку или макароны можно было легко, то без кофе, который он, к тому же покупал за свои деньги, ему приходилось плохо.

Ожидая, пока прогреется старая медная джезва, Вик убрал со стола объедки, оставленные отцом. Он ссыпал все в пакет и отставил в угол — позже он отнесет их собакам. Несмотря на свой зарок не привязываться, Вик не мог смотреть, как отец морит их голодом, поэтому продолжал кормить и этих животных.

Иногда по утрам он находил на снегу у калитки собачьи следы. Он втайне надеялся, что это Тень приходит к его забору, и что с собакой все хорошо.

Вскоре джезва прогрелась, и запах масла, чеснока, перегара и испаряющегося алкоголя сменил теплый запах варящегося кофе.

Вик придвинул кресло, стоящее в самом углу кухни к столу. Он никогда не садился в кресло отца, испытывая непреодолимое отвращение к засаленной ткани его обивки. Свое кресло, менее удобное, но хотя бы чистое, он нашел разобранным на чердаке. Собрав его на кухне, Вик стал каждый раз убирать его в угол и ставить сверху коробку с газетами.

— Вот скажи мне, Мартин, почему Мари не могла написать нормальную пьесу? Это же полная чушь — бегать по сцене и развешивать высокопарные сентенции о божественности, при том, что всем ясно, что мальчик — просто напыщенный идиот, который, к тому же скоро умрет?

«Ну, если бы человек и правда жрал столько наркотиков, сколько прописала твоему персонажу Мари, он и правда вряд ли дожил бы до тридцати лет, — проворчал Мартин. — А Мари... мне кажется, она хочет что-то сказать, но почему-то не может. Я даже не верю, что она действительно такая... ну ты знаешь. Котята, мундштуки, заламывания рук. Она тоже... играет».

Вик убрал джезву с конфорки за несколько секунд до закипания. Поставив ее на доску рядом с белой кружкой без рисунка, он вернулся в кресло.

«Я думаю то, о чем мечтает Риша сильно отличается от школьной постановки», — продолжил Мартин, задумчиво глядя в камин.

— У нее, наверное, правда есть талант. Но в этой роли он не раскроется — она ведь играет саму себя, — отметил Вик, наливая кофе.

«Но она играет еще и Эспуар», — заметил Мартин.

— Ах, Эспуар. «Ложная надежда»... Знаешь, Мартин, я, наверное, плохой друг. Но я хочу, чтобы спектакль провалился.

«Я думаю, что Мари прописала Рише такую роль, чтобы ей не пришлось вживаться в чужой образ, — нашелся Мартин. — Риша ведь не училась, а Мари хочет, чтобы она играла уверенно».

— А я, значит, наркоман и социопат?

На это Мартину было нечего ответить.

Утро прошло тихо. Он уступил место Мартину, и до рассвета они просидели почти неподвижно, уставившись в одну книгу. Каждый был занят своими мыслями, и оба не смогли бы ответить, о чем был роман.

— Пора идти, — наконец сказал Мартин, закрывая книгу.

...

Мартину не пришлось долго искать Мари — ее хриплый, полный злого веселья голос разлетался по этажу, будто не было стен, которые могли бы его сдержать.

— Скорей сюда, Милорд, на улице темно!

Укрытый ночью порт снегами занесло!^[7]

Школьный коридор был погружен в синий утренний полумрак. Несколько плафонов под потолком не могли разогнать его, только оттеняли тусклым желтым светом.

«Мартин, ты чего замер?»

Мартин вдруг подумал, что ему не хочется идти и о чем-то говорить с этой женщиной. И — совсем неожиданно для себя — понял, что дело не в обычной неприязни.

Ему хотелось, чтобы Мари продолжала петь.

— ... Как счастливы вы с ней! Как ярок ваш платок! Есть много разных дней — всему приходит срок!

«Милорд, — фыркнул Вик. — Представляешь, девчонка его любит, он с ней пьет и пляшет, а имени своего не назвал».

«Может, у него нет имени», — усмехнулся Мартин.

Медленно, почему-то стараясь не шуметь, подошел к желтой деревянной двери, из-за которой доносилось пение. Привалился к косяку и закрыл глаза.

— Танцуйте же со мной! Есть только этот день! И может на другой я снова стану «тень»!..

Мари не пыталась подражать Эдит Пиаф, и пела она не по-французски. В ее песне звенели совсем другие ноты — Мари рассказывала свою историю, только он никак не мог понять, какую. Под конец из песни исчезло истеричное веселье, а голос за дверью все задрожал и ослабел.

«Может, она там вешается? — предположил Вик. — И говорить с ней не придется».

«Вряд ли, но ей, кажется, правда нехорошо», — поморщился Мартин.

Ему не нравилась Мари, но от цинизма Вика почему-то стало не по себе.

— Танцуйте же со мной! Браво, Милорд! Браво!..

Он постучал, не дождавшись, пока стихнет последний аккорд.

— Кто?! — хрипло огрызнулась Мари.

Музыка смолкла с резким щелчком.

— Это Виктор, хочу с вами поговорить, — миролюбиво ответил Мартин.

За дверью было тихо. Он стоял, пытаясь различить шорох или шаги, но из кабинета не доносилось ни звука. Свет Мари не включала, и под порогом виднелась узкая полоска темноты.

Мартин представил, как Мари стоит, беспомощно опустив руки, и смотрит на дверь. И темнота налипает на бархат ее рукавов и перчаток.

Наконец скрипнул замок.

Она стояла на пороге, склонив голову к плечу.

Не было ни бархатных рукавов, ни перчаток. Мари стояла на холодном полу босиком, кутаясь в вязаную тельняшку-бретонку, а ее перчатки были белыми. Волосы подвязаны алым платком, таким же, как носил на репетициях Вик.

— Ну? — мрачно спросила она.

А еще от нее пахло вишневого настоя. Такую Ришина мать разливала по бутылкам каждую осень и убирала в буфет.

Почти черной, густой, липкой настоя, которой Мари успела изрядно нализаться.

— Вы хорошо поете, — улыбнулся Мартин, пытаясь сгладить неловкость.

Мари смотрела тяжелым зеленым взглядом. Не брала протянутую им роль. Не звала «котенком», не благодарила за комплимент.

— Не всем нравится, — мрачно сказала она, все же отходя в сторону. — Но «Аккордеонист» не приносит удачи, а скоро прослушивание.

В кабинете было темно. Парты и стулья стояли вдоль стен. У порога стояла пара бутылок без этикеток.

— Мне мамаша ее на днях принесла, — неожиданно сказала Мари. — Иры. Сказала, что за дочку очень рада. Сказала, чтобы я ее забрала и в колледж устроила. Думает, это за бутылку делается, — она презрительно поморщилась и села на край парты. — Ну, а ты зачем пришел?

— Я хотел поговорить о прогоне, — спокойно ответил Мартин, снимая стул.

Сел у двери, так, чтобы Мари смотрела на него сверху вниз — пусть чувствует себя главной, ему так проще.

— И что? Ты нервничаешь? Могу поделиться. — Она наклонилась и подняла с пола третью бутылку — наполовину полную.

— Нет.

— Вот от этого все твои проблемы, — хрипло сказала Мари. — Не любишь иллюзии? Хочешь, чтобы все было честно, а?

Мартин пожал плечами. Вик ушел, оставив его одного — видно решил не мешать разговору нарастающим раздражением. Мартин был ему за это благодарен, и вместе с тем оставшись один на один с Мари, внезапно отбросившей все ужимки, чувствовал легкую тревогу.

— Да, я хочу, чтобы все было честно, — наконец ответил он, только чтобы прервать затянувшееся молчание.

— Молодец, — ехидно оскалилась Мари. — Я тоже хотела, ясно? Я в театр пришла говорить правду. И что с того?

— Я не о честности хочу поговорить, а...

— А я о честности, — перебила она, слизывая черную каплю с горлышка бутылки. —

Твоя подружка тут вчера уже рыдала, спрашивала, что будет, если слова забудет или зрителей испугается.

— И что вы ей сказали?

— Правду, — Мари подалась вперед, будто собиралась кланяться, замерла, раскинув руки и заговорила, странно присвистывая на некоторых словах: — Правду с-с-сказала, хороший. У меня было настроение... быть хорошей. Делать пра-виль-ны-е, как ты говоришь, вещи. И я ей сказала, что она будет очень счастливой. Что у нее будет молодос-с-сть и с-с-славный мальчик, который будет ее любить. Сказала, чтобы она шла торговать тряпками, водить трамвай или учить детей в школе. Что человек, который по-нас-с-стоящему умеет играть с людьми и в людей... — она мечтательно улыбнулась и закрыла глаза. — Не может быть счастлив. И что ты думаешь? Она обрадовалась? Сказала мне «спасибо»? Скажи-ка может она прибежала к тебе, бросилась на шею и сказала, что хочет водить трамвай?!

Последние слова она почти выкрикнула Мартину в лицо.

— Нет, — спокойно ответил он, вспомнив вчерашнюю истерику. Риша сделала очень странные выводы из слов Мари.

— Дура, — расстроено вздохнула она. — Ну, я пыталась. А ты умный, — Мари наконец достала мундштук и дрожащими руками попыталась вставить в него сигарету, — ты ведь и собираешься что-то такое делать, а? Не хочешь, — она неопределенно взмахнула рукой, чуть не выронив сигарету, — игр-р-рать?

— Не хочу.

Мартин забрал мундштук, одним движением вставил в него сигарету и отдал Мари. В ее глазах отразился такой ужас, будто он протягивал ей огромное насекомое, а потом ее губы дрогнули, и лицо сделалось беспомощным и жалким.

— Как счастливы вы с ней, как ярк ваш платок... — пробормотала она. — Тебе правда нравится, как я пою?

— Правда, — честно ответил Мартин. — Вы рассказывали другую историю, верно?

Она зябко повела плечами. Тельняшка съехала набок, и из-за ворота показался черный шелк блузки.

— Что тебе мои истории, — тихо сказала она. — Говори о чем хотел... хороший.

Мартин почувствовал, как слова застряли в горле. Это были не те слова. Ему полагалось сказать что-то другое и этим всех спасти.

Но он не мог найти «те слова». Не знал, от чего нужно спасать и спасаться. Знал, от чего точно не нужно — от человека, который бросился на помощь, только увидев дым над его домом, и который, несмотря ни на что, вовсе не казался Мартину злодеем.

Но Риша так боялась отца, и Вик так остро чувствовал этот страх, а от него, Мартина требовалось всего лишь устроить так, чтобы он один раз не пришел в школу.

Это была не та беда. Не те слова.

Мари ни разу не назвала его «котенком».

Смотрела на него с разгорающимся предвкушением, почти с надеждой. Он вдруг подумал, что впервые видит ее без косметики, и она кажется моложе, и одновременно — старше, потому что пудра и черные тени больше не прячут следов усталости.

— Я пришел поговорить об отце Иры, — сказал он.

И надежда во взгляде Мари погасла.

— Вот как.

— Послушайте, он консервативный человек, не разделяющий увлечений дочери и

может...

Она не слушала. Часто прикладывалась к мундштуку, а потом раздраженно вытаскивала сигарету и спрятала его в карман. Дым скрывал ее лицо, но Мартин видел, как блестят ее глаза.

— Он запретит ей заниматься, — не выдержал он. — Запрет ее дома и не выпустит до самых экзаменов. Она постоянно рассказывает, что он ее избивает, вчера она больше всего боялась, что он увидит ее платье и вашу... — Мартин провел рукой, по привычке попытавшись изобразить слово, которое никак не приходило. — Пьесу. Услышит, что мы говорим друг другу на сцене...

— А почему в жизни не говорите? — перебила его Мари.

— Что?..

— Почему вы, ребяташки, до сих пор не сподобились... а, впрочем, неважно. Не хочу начинать этот разговор заново... Говоришь, папа против театра?..

— Да.

— Я что-то очень, очень... пьяная, — жалобно сказала Мари. — Повтори-ка еще раз, что я должна сделать в честь того, что папа у Иры злой?

— Вы должны сказать, что это закрытый прогон, — ответил Мартин. Он никак не мог понять, издевается она или нет. — Сделать так, чтобы он не пришел...

— А он собирается?

— Да. Если он не придет, и если вы скажете, что репетиции тоже нельзя посещать, то в следующий раз спектакль сможет увидеть уже в городе, когда вам это не будет грозить сорванным выступлением.

— Ира сказала, — прошептала Мари, — что живет, чтобы играть. Сказала, что в ее жизни было мало красивого, нас-с-стоящего, — она зло усмехнулась. — Что она только в искусстве видит смысл жизни.

Теперь Мартин искренне порадовался, что Вик не слушает этот разговор. Впрочем, винить Ришу в неосторожных словах он бы не стал — она явно не имела ввиду того, на что намекала Мари.

— И я ей сказала — хорошо! Хочешь чем-то жертвовать — жертвуй, кто я такая, чтобы тебе мешать!

Она вдруг всхлипнула и подалась вперед. Схватила Мартина за запястья, и он почувствовал, какие горячие у нее руки под тонкими перчатками.

— Слушай меня, мальчик, — выдохнула она. — Слушай! Это не правда, что жизнь не дает нам шансов. Мне вот дала, и Ире теперь дает. Но если мы этим шансом не воспользуемся — верь-верь-верь мне, я-то знаю, о чем говорю... судьба не прощает тех, кто не принимает ее подарков. Я позвоню. Я поговорю с Ириным отцом, а теперь иди, иди отсюда быстрее, пока я не протрезвела и не передумала!

Когда Мартин уже выходил из кабинета, а Мари набирала номер, до него донеслось горькое:

— Так жаль, котенок. А ведь ты мне никогда не нравился.

...

Риша пришла за полтора часа до прогона. У нее было почти серое лицо и глубокие тени под глазами — кажется, она тоже не спала этой ночью. Вик, ведомый каким-то дурным всплеснувшимся ощущением эйфории, схватил ее за руки — совсем как Мари хватала Мартина пару часов назад.

— Риша, Мартин поговорил с Мари. Риш, твоего отца не будет на прогоне!

— Мартин... Поговорил?.. — повторила она.

— Да, с Мари. Риш, все в порядке, у нас все будет хорошо! Идем, я тебе помогу корсет застегнуть, скоро начнем.

Она молча обняла его, уткнувшись носом в плечо, и затихла. Поверх ее головы он встретился взглядом с неслышно подошедшей Ритой. Выражения ее лица он тоже не мог понять. Когда Риша зашла в подсобку, Вик почувствовал, как кто-то сжал его запястье узкой, горячей ладонью.

— Кто такой Мартин?! — обвиняюще спросила его Рита.

— Мартин... мой... друг, — ошалело выдавил из себя Вик, попытавшись забрать руку.

— И он что, поговорил с Мари, чтобы Ирин отец не приходил на прогон?!

Ее голос звенел, словно от с трудом скрываемой ненависти. Мартин наблюдал за ней с отвлеченным интересом, Вика же эта разъяренная фурия немного пугала. Ему казалось, что она вот-вот выцарапает ему глаза.

— Да, поговорил. Рита, ты что хочешь от меня вообще?!

— Передай своему... Мартину, — прошипела Рита, порывисто обнимая Вика и касаясь губами его щеки.

«Мартин, а это какого хрена было?!» — ошеломленно спросил Вик, глядя в спину уходящей Рите.

«Не знаю... Считается ли это за поцелуй с девушкой или пока еще нет?»

«Я тебе его передам», — пообещал Вик, делая вид, что снимает что-то с щеки, а потом бросает в зеркало на стене подсобки.

А потом он привычно, отточенными движениями зашнуровал Рише корсет. Потом помог Рите и Лете. Завязал свой платок на шее особым узлом, который Мари считала единственно правильным. Напугал Тору, гаркнув со сцены: «И если я — Бог!», потом извинился, и трагически прошептал, что никто тогда не будет святым, и даже почти поверил, что его это хоть сколько-то тревожит. Риша нервно мерила шагами сцену, и, как молитву, монотонно повторяла весь текст своей роли.

Ближе к полудню начали собираться зрители. Вик увидел несколько незнакомых ему взрослых — видимо, это были родители выступающих. Он заметил среди них жилистого, невысокого мужчину, черноволосого и смуглого, с колючим взглядом темных глаз.

— Это твой папа? — спросил он у Риты, которая вовсе не смотрела в зал, стоя за кулисами.

Она распустила волосы. Спину ее целиком укрыли черные, глянцево-лаковые локоны, словно залитые лаком. Рита, не глядя в стоящее рядом зеркало, остервенело делала начес у корней маленькой расческой с частыми зубцами, все больше становясь похожей на ведьму. Не отвлекаясь от своего занятия, она кивнула. Потом достала из сумки пачку сигарет. Вик забрал у нее пачку, достал сигарету, и, взяв со стола зажигалку, прикурил и отдал Рите. Она ответила благодарным взглядом и целым облаком вишневого дыма, выпущенного ему в лицо.

В первом ряду Вик с удивлением заметил Веру. Он впервые видел ее в платье. Оно было черным, в крупных красных цветах, и слегка помятым, будто она давно не доставала его из

шкафа, и совсем забыла, что есть вещи, которые нужно гладить. Она улыбнулась, и что-то сказала ему одними губами.

«Я прочитал „удачи“», — сообщил Вик Мартину.

«Второе слово было что-то вроде „малявка“», — усмехнулся он.

Мари пришла позже остальных. Ее явно мучило похмелье, макияж казался неопрятным, а вместо бретонки Мартин разглядел шелковую блузку, в которой она была утром и накинутый на одно плечо пиджак. На Вика она не смотрела. Почти сразу она куда-то ушла и скоро вернулась с учителем математики. Подошла к Вере, что-то тихо сказала ей на ухо. Вера кивнула, и они втроем подтащили к окнам несколько кусков фанеры, стоящих до этого вдоль стен. По одному они закрывали окна, погружая зал в темноту. Риша, зажмурившись, продолжала читать свою роль. На ее белой пудре чертили тонкие, черные дорожки слезы.

— Риш, ну что ты? — тихо спросил ее Вик, обнимая ее за плечи.

— Я... Я не готова туда идти... я не могу... я всем соврала, я не Офелия...

— Ну конечно ты Офелия, солнышко. Посмотри на себя, ты напугана и так цепляешься за Виконта, будто без него потонешь, — раздался голос Мари.

— Но я точно... точно не Надежда...

— Я уверена, сегодня ты поймешь, как играть Надежду, настоящую и ложную. Поверь мне, у тебя просто откроется второе дыхание к середине пьесы, — ободряюще улыбнулась Рише Мари, целуя ее в щеку и оставляя на пудре еще и липкий след блеска.

Несколько минут стояла абсолютная тишина. В зале было темно, никто не произносил ни слова. Вик, отсчитав про себя минуты, обнял Ришу и неслышно поднялся на сцену.

— И если я — Бог, на Земле никто, никто, никогда не будет! Святым! — истерически выкрикнул он в темноту.

Мари зажигала привезенные из города белые прожектора, и сцену залил мертвый белый свет. К Вику, стоящему посреди сцены на коленях, подошла Рита. На ней был черный плащ с глубоким капюшоном и тяжело волочащимся подолом.

— Она выиграла свой суд. Скоро надежда вернется к нам, — ледяным тоном сообщила Рита, положив руку ему на плечо.

— А Офелия?! А я?! Я смогу когда-нибудь вернуться?!

— Ты назвал себя Виконтом. Ты назвал себя Богом. Ты никогда не вернешься, — сказала Рита, проигнорировав первую часть вопроса.

— Китти! Подожди, Китти, не бросай меня! Ты ведь... ты ведь человек?!

— Офелия когда-то сказала, что в этом мире слишком много Богов и слишком мало настоящих Людей, — презрительно бросила Рита, вырывая из его сжатых пальцев полу своего плаща.

Через три секунды Мари погасила свет. Еще через десять секунд ударили первые ноты вальса.

Спектакль шел, как полагалось. Никто не сбивался, никто не задерживался и не торопился, четко укладываясь в предписанный Мари ритм. Вик был надменно-холодным, Риша — трогательно незащитной, а Рита — истеричной и злой.

Впервые за все это время Вик почувствовал подлинную энергетику этой пьесы. Они словно марионетки Мари, с ломанными движениями и нарисованными лицами, дергались в темноте, отшатываясь от яркого света, беспомощно пытались убедить себя, что у них есть какая-то власть. Вик старался не смотреть в зал. Он просто не успевал, и даже когда он читал свои монологи, стоя лицом к зрителю, он не смотрел на лица, боясь сбиться с ритма.

— Я — себе и икона. И гимн, — сообщил он, завершив очередную сцену.

«Вик, посмотри в зал», — тихо сказал ему Мартин.

«Можно не сейчас?..»

«Вик, ты должен посмотреть в зал», — настойчиво повторил он.

Начинался суд над Эспуар. Мари поправляла на Рише ее белоснежный плащ. Вик, тихо выругавшись, выглянул из-за кулис.

Он увидел своих учителей. На большинстве лиц застыло выражение, похожее на безразличие. Родители смотрели скорее со страхом, отец Риты явно был зол.

А рядом с ним сидел единственный человек, чье лицо осталось непроницаемым.

— Мари, какого черта?! — прошипел он, оборачиваясь.

— Ей никогда не удавалась эта часть, — усмехнулась Мари, отталкивая его.

Риша поднималась на сцену. Белоснежный плащ тянулся за ней, будто пролитое молоко.

— Ты не сказала ему не приходить, ты сказала ему прийти позже, да?! Отвечай, гребаная сука!

Вик, увернувшись от Матвея, который пытался удержать его, бросился к Мари, и схватив ее за плечи, прижал к стене, с трудом удержавшись от того, чтобы не ударить ее головой о стену. Впервые ему захотелось сделать что-то по-настоящему жестокое. Мари только скалила в улыбке испачканные красной помадой зубы, и не пыталась вырваться.

— А ты будешь страстным любовником, ко-те-нок. Да, я сказала ему приходить позже. Ира не тянет этот спектакль, она еще маленькая и неопытная. Ее надо дергать за ее собственные струнки, тогда она зазвенит...

— Он ее убьет. Все было зря, все было насмарку. Он не позволит ей даже приблизиться к тебе и твоему театру!

— Он и так бы ей не позволил. Но сегодня он станет для нее настоящим препятствием. Я заберу ее в город, дам ей место в колледже, общежитие, стипендию — это не так трудно. Мне нужно только чтобы она достаточно сильно захотела сбежать.

— Он ее бьет, — выплюнул Вик ей в лицо, разжимая пальцы.

Он понял, что не сможет ударить Мари, даже сейчас. К тому же она единственный

человек, который еще может понять трагичность ситуации и все исправить.

— Это ты внушила этому мальчику, что он что-то значит в этом мире?! — раздалось начало обличительной речи Риты.

Мари стянула черную бархатную перчатку. Вик вспомнил, что никогда не видел ее без перчаток, и теперь понял, почему.

У нее была красивая рука, с узкой ладонью и длинными пальцами. Почти совершенной формы. И на этом совершенстве Вик видел неуместные, короткие, обкусанные до крови ногти и розово-белые разводы шрамов на ладонях и пальцах. Где-то они не отличались от кожи, а где-то имели рельеф, напоминая перекрученные белые веревки.

— У меня был любовник, злой и темпераментный, вот как ты. Я училась в колледже, вот как будет она. И я должна была играть Дездемону на выпускном экзамене. Он увидел мою белую рубашку из финала и начал кричать, что я не выйду на сцену, одетая, как шлюха. Я пыталась сказать ему, что это искусство. И что это символ невинности. Он не слушал. Кончилось тем, что он избил меня и потом, когда я уже ничего не могла сделать, поставил мне на руки раскаленный утюг. И ушел, забрав все телефоны и заперев меня снаружи. Я не сказала ему, что хотела бросить театр, получив диплом. Мне казалось, я не смогу.

Мари говорила это, и ни тени грусти не отражалось на ее лице. Она словно пересказывала сводку новостей.

— После этого закончила колледж, пошла в престижный университет, и мне там никто не посмел отказать. Ясно тебе? Злость — вот то, что двигает нас на этом пути. Ты злой, тебя можно было бы не мучить, но она... пусть отец ее сегодня изобьет. Пусть она возненавидит его, а после у нее будет то будущее, о котором она мечтала. Иначе — иначе не будет. Я не допущу, чтобы она приехала в колледж не тем человеком, которым я хочу ее видеть. Она не нужна никому такой, какая она сейчас. Она мне такой не нужна.

Вик стоял, опустив руки, и чувствовал, как в горле нарастает что-то шершавое, царапающее, похожее на кашель. Слезы? Смех? Или жажда?

Он закрыл глаза. В голове — знакомая, черная пустота. Нет Мартина. Нет Мари. Нет Риши. Только он, пустота и его гулко стучащее о ребра сердце.

Открыв глаза, он улыбнулся. Подошел его выход. Его герой был разбит. Уничтожен. Унижен. Он, наконец-то стал Виконтом, разочаровавшимся в своей власти над реальностью.

Не выйти на сцену значило бы подвести Ришу. Лишить ее того, что придало бы хоть какой-то смысл неизбежному.

Мартин что-то говорил ему. Вик не понимал ни слова. Он стоял на сцене, чувствуя себя крысой, уже пойманной за шею петлей алого платка.

— Но за миг до конца... Я. Хочу. Быть. Святым.

...

Они доиграли спектакль в тот день. Ришин отец подарил Мари букет цветов. Риша улыбалась улыбкой смертника, слушая поздравления. Вик стоял у нее за плечом, сжимая ее ставшие ледяными пальцы. Мари сказала Рише, что это было лучшее ее исполнение.

А потом все мирно разошлись, обменявшись лживыми улыбками и поздравлениями. Вик признался себе, что подсознательно ждал скандала. Ждал, что отец едва ли не за волосы поволочет Ришу из зала. Но ничего не произошло — они уходили нормальной семьей, и от

этого Вику было страшнее, чем от ясной и открытой агрессии.

Рита подошла к нему в подсобке, когда он переодевался. Она стояла в проходе, отсутствующим взглядом глядя на его обнаженную спину, а потом, фыркнув, сделала шаг к нему и захлопнула дверь.

Она слышала, что сказала Мари. Худшие страхи начали сбываться. Вик, не думая, притянул ее к себе и обнял, не заботясь о том, как это выглядит со стороны. От ее волос пахло дешевым лаком. Царапающий, тревожный запах мутил сознание и заставлял слова вырываться из груди хриплыми обрывками.

А может быть, запах был и вовсе ни при чем.

...

Вечером Вику удалось на несколько часов забыться тревожным сном. Он не спал больше суток, потом был прогон со всеми его последствиями, а потом он несколько часов бродил по заснеженному лесу, не то надеясь провалиться в болотный бочаг, не то рассчитывая встретить кого-нибудь, кому можно будет сломать шею, зверя или человека — не так важно.

Но сон не шел. Его будили кошмарные видения, храп отца, редкое повизгивание свиней в хлеву.

Сейчас его разбудил стук ветра в окно. Несколько частых ударов сменялись тишиной, а затем повторялись, чтобы снова затихнуть.

«Я думаю, нужно посмотреть. Открой форточку, я ее не заклеивал», — мрачно сказал Мартин.

Вик кивнул и подошел к окну. Форточка никак не поддавалась, снаружи выла метель, и, кажется, окно завалило снегом.

— Может быть...

«Нужно открыть. Возьми в столе металлическую рейку и используй, как рычаг».

Вик послушно подошел к столу. Стук повторился. Тревога Мартина начала передаваться и ему. Он нашел рейку и, наконец, смог открыть форточку и выглянуть на улицу.

— Какого хрена?! — с ужасом прохрипел он, отшатнувшись от окна.

Не удержав равновесия, он упал на спину, от шока даже не попытавшись сгруппироваться и смягчить падение. Не замечая боли, он сорвал с кровати одеяло и бросился к дверям.

«Вик, ботинки! А вдруг придется задержаться?!» — остановил его Мартин, бесцеремонно ударив кулаком о косяк снаружи проема, отчего Вика полоснуло по вискам стреляющей болью.

Он, кивнув, натянул ботинки и, не шнуруя их, выбежал из дома.

Ночь бросила ему в лицо порыв ледяного ветра и тысячи иголок снега. Ветер едва не сбил его с ног снова, но он не обратил внимания. Только порадовался, что лег спать в одежде. Оббежав дом, он оказался под своим окном. Перед ним расстился только заметенный снегом двор.

— Риша?!

Ему показалось, что его голос подхватил ветер и бросил ему в лицо пригоршней снега.

«Вон она».

Риша ничком лежала на земле, прижавшись к стене. Вик, глухо застонав, упал рядом с ней на колени. Бережно завернул ее в одеяло и поднял на руки. Она была без сознания, но ему показалось, что она ничего не весит.

«Твою мать».

— В ванную нести?

«Ни в коем случае, в комнату. А теперь пусти меня».

Вик без слов уступил Мартину место, позволив ему уложить Ришу на кровать и плотно запереть за собой дверь. Он смотрел, как Мартин расправляет одеяло. И когда Мартин закончил, Вик уже не мог чувствовать ни боли, ни отчаяния, только победивший, перевернувший сознание ужас.

— Прекрати. Все в порядке, — жестко приказал Мартин.

Он бережно осмотрел ее руки, стянул с нее ботинки и носки. Затем, вздохнув, начал снимать с нее длинную белую рубашку. Затем, вздохнув, осторожно стянул белье. Долго рассматривал оказавшиеся у него в руках тряпки, а потом, облегченно вздохнув, отбросил их в угол.

— Волдырей нет, видишь? Она быстро бежала. Может быть успела взять с собой какую-то одежду или покрывало, но потеряла по дороге, — сообщил он, отворачиваясь к комоду.

«Она... ее...»

— С ней все в порядке. Она просто замерзла. Волноваться нужно только о возможном воспалении легких.

«Мартин, ты себя слышишь?! Почему она по-твоему через всю деревню бежала в одной рубашке?!»

— Я ее осмотрел, крови нет, Вик. Вообще никаких следов насилия. Видимо, она сбежала из дома, — холодно сказал Мартин, выдвигая один за другим ящики комода. — Придет в себя — спросим, за каким чертом. Может, с отцом поругалась... в конце концов, она в ночной рубашке. Что по-твоему, он ее избивать или насиловать среди ночи ввалился? А теперь успокойся и не мешай мне, хорошо?

Он вернул белье, сложил в несколько раз самую мягкую рубашку, которую нашел, взял Ришу за ледяную руку и стал растирать рубашкой.

Мари, паршивая тварь Мари.

Но ведь она при нем звонила Ришиному отцу. Он мог поклясться, что она решила помочь. Так почему, почему же, проклятье, не помогла?!

Закончив, он расправил рубашку, надел ее на все еще не приходящую в сознание Ришу. Достал из комода шерстяные носки, подобрал с пола ее рубашку.

— Вик?

«Я в порядке», — глухо ответил он.

Первая волна паники и правда отступила. Произошедшее все же было страшным и абсурдным, но все ужасы, которые он успел придумать, отступили.

— Отлично. Я закончил ее одевать, сейчас я заварю чай, возьму аспирин, потому что у нас все равно ничего не осталось, и мы решим, что делать дальше, идет?

«Да...»

Мартин не проявлял никаких признаков беспокойства, но Вик видел, что ему пришлось держать себя за запястье, чтобы положить в чайник заварку.

Поднос он поднимал уже совершенно уверенно.

Риша скоро пришла в себя. Она смотрела непонимающим взглядом на комнату, где оказалась и на Вика, сидящего на краю кровати. Мартин сразу уступил ему место, как только увидел, что она очнулась. Сейчас он стоял на коленях в проеме, внимательно глядя вниз, совсем как Вик недавно смотрел со сцены.

Риша растерянно смотрела ему в глаза. Несколько раз она пыталась что-то сказать, но каждый раз закрывала рот, и в ее глазах все больше и больше росло отчаяние.

— Риша... — наконец тихо прошептал он, протягивая руку, чтобы погладить ее по голове.

Она отшатнулась, словно он собирался ее ударить. Сжала его запястье ослабевшими пальцами, словно пытаясь удержать. Вик видел, как начали дрожать ее губы.

— Вик... Мартин... мальчики... — наконец выдавила она, и прижавшись лицом к его ладони, зарыдала.

Действие 11

Нитки путаются, узлы затягиваются

*Невозможного хочу я: попрошу же я свою гордость идти всегда
вместе с моим умом.*

И если когда-нибудь мой ум покинет меня

— ах, как он любит улетать! —

пусть тогда гордость улетит вместе с моим безумием!

Нищие

Мартин проснулся первым.

Риша спала, прижавшись к нему под одеялом и часто вздрагивала во сне. Он прислушался — она дышала хрипло, присвистывая на выдохе. Все-таки простудилась. Чуда не произошло. Впрочем, Мартин давно уже не верил ни в какие чудеса.

Он лежал без сна, не решаясь выпустить Ришу из объятий. Ему казалось, что весь холод, терзавший ее, набросится снова, стоит ему отойти.

Рассвет он встретил, глядя в медленно сереющую стену. Риша спала все беспокойнее, под утро начала метаться во сне и что-то бормотать. Сомнений не оставалось, ее лихорадило, и, кажется, она бредила. О том, что у нее неприлично высокая температура, Мартин мог сказать совершенно точно, не прикасаясь к градуснику.

— Че-е-ерт... — тоскливо протянул он, все-таки вставая с постели.

Он не мог оставить ее у себя. В любой момент в его комнату мог вломиться отец, такое бывало не раз. Впрочем, если он сам скажется больным — скорее всего этого не произойдет, отец опасался заразы. Но была и другая причина — Ришин отец, неизвестно почему, не пошел искать дочь, в одной рубашке и зимних ботинках ночью выбежавшую из дома. Но утром он наверняка сделает это.

Мартин лихорадочно искал выход. Разумнее всего было бы вернуть ее отцу. Он все равно будет искать дочь. Он все равно ее найдет. Но ведь от него — а от кого еще? — Риша и бросилась в одной рубашке на мороз. Значит, между ними произошло что-то по-настоящему ужасное?

И все же что-то в этой истории не сходилось. Мартин отчетливо это ощущал, но никак не мог найти концы запутавшихся ниточек.

В такие моменты он особенно жалел о тех годах, что ему было не дано прожить. Даже взрослого сознания с чужой памятью было мало, чтобы разобраться в сплетениях и узлах — нужен был собственный опыт. Мартин, запертый в сознании потерянного подростка чувствовал себя стоящим на скользкой палубе корабля, попавшего в шторм — не устоять, не разглядеть ничего в качающемся черном мире.

И совета спросить не у кого. У Мартина было целых два часа, в которые он еще верил, что поступает правильно и может разобраться, что происходит. А еще — он это с горечью признавал — он целых два часа верил, что ему может помочь Мари. Злая, прожившая все

свои годы и, как казалось Мартину, заинтересованная в Рише Мари.

А теперь Мартин совсем перестал понимать, что ему делать — Риша не приходила в себя, оставить ее в таком состоянии было нельзя, а еще в любой момент она кашлем или бормотанием могла привлечь внимание его отца.

Впрочем, скоро вопрос решился сам собой.

Еще до рассвета Мартин услышал стук и залиvistый лай собак. Молясь про себя, чтобы ничего не произошло во время его отлучки, он укрыл Ришу одеялом, запер дверь снаружи и вышел из дома, готовясь к встрече с ее отцом.

Но на пороге стоял Ришин младший брат, Нис. Он почти не изменился за эти годы, только взгляд исподлобья стал угрюмее и настороженней.

— Она у тебя? — без предисловий спросил он.

— Да, — не стал отрицать очевидного Мартин.

— И чего с ней?

— Понятия не имею. Может, это простуда. А может, пневмония. Ей надо в больницу.

Мартин смотрел на мальчика, стараясь сохранять суровое выражение лица. На самом деле Нис выглядел потерянным и чем-то сильно расстроенным. Раньше Мартин, может, и проявил бы больше участия, но сейчас ему было откровенно наплевать.

— Папа сейчас в больнице.

— Вот как? Что с твоим отцом, Нис?

— Мама сказала — что-то с сердцем. Еще сказала «сука неблагодарная» и поехала с папой. Я пока у соседки жить буду, — угрюмо доложил он.

Мартин поморщился. Вик, к счастью, не слышал — он сидел с Ришей всю ночь, хотя Мартин сказал ему, что это уже не обязательно, и теперь спал достаточно крепко, чтобы предоставить другу самому разбираться.

— Просто прекрасно, Нис, замечательно. Как это произошло?

— Что? — хмуро спросил мальчик.

— Что случилось после спектакля?

— Не знаю, я спал. Папа вернулся без Иры, мы поужинали, потом вернулась Ира, и папа отправил ее спать.

— И все?

— А что?

Мартин бросил тоскливый взгляд на желтый прямоугольник окна. На улице было холодно, и становилось все холоднее. Смысла в расследованиях он не видел. Нужно было что-то решать, и у Мартина был только один вариант. Он знал, что Вик будет недоволен, но Мартин не видел другого выхода.

— Знаешь женщину, с которой мы занимаемся в студии? Знаешь, где она живет?

— В городе, — кивнул Нис. — Она у бабки Нюры полдома сняла, но туда почти не ездит, только иногда ночует, когда совсем пьяная. Бабка Нюра говорит, что у нее рожа бесстыжая, и что она песни воет, как кошка, которую десять котов...

— Хватит, — оборвал его Мартин. — Можно подумать, я не знаю, какая у нее рожа... сейчас она здесь? Или в городе?

— Здесь. Ее вчера учитель привел, который...

— Иди и разбуди ее. Приведи сюда, — поморщился Мартин. Раньше Нис не был таким разговорчивым.

— Что?..

— Иди к этой вашей... бабке Нюре, найди Мари и приведи сюда, — с нажимом сказал он. — Пока не уехала. Пусть постучит в калитку, как ты, передай, чтобы не заходила в дом.

— Пойдет она со мной!

— А ты скажи, что твоя сестра умирает, — проникновенно посоветовал он. — И сам об этом не забывай, пока будешь бежать.

— Я...

— А ну живо! — рявкнул Мартин.

Спустя секунду перед калиткой никого не было. Он мрачно смотрел в спину убегающему мальчику и думал, что Мари наверняка придется искать самому.

...

Мартин успел умыться, одеться, выпить кофе и подумать, что будет говорить Мари. Ничего толкового не придумал — что здесь можно было сказать. Он собирался второй раз совершить ту же ошибку и надеялся только на то, что она приведет к другим результатам.

Мартин знал, что Мари — не добрая женщина. Она выглядела и вела себя так, будто когда-то к ней пристала театральная роль злодейки, а потом так срослась с сущностью, что теперь уже и не отделить реноме от настоящего человека.

Пусть ей было выгодно поссорить Ришу с отцом. Но вряд ли она рассчитывала, что девчонка бросится на улицу в мороз и заболеет.

Мартин сидел на краю кровати и расчесывал Ришины волосы — влажные и спутанные. На ее бледном лице виднелись остатки грима — налипшая под глаза черная подводка, жирный грим на крыльях носа. Зубцы гребня металлически звякнули о запутавшуюся в волосах шпильку.

Но проблемой, конечно, были не волосы и не грим, а свист на вдохе и тяжелый хрип на выдохе. И то, что Риша так и не пришла в сознание.

В доме даже не было телефона, чтобы позвонить в город.

«Как она?» — хрипло спросил Вик.

— Зря проснулся, — мрачно ответил Мартин, распутывая очередной узелок. — Ничего хорошего я тебе не скажу.

«Что мы будем делать?»

— Я сказал Нису привести Мари, — просто признался он.

«Что ты сделал?!»

— Вик, не до личной неприязни сейчас и не до чьих-то там амбиций.

«Это все из-за нее», — процедил Вик, и Мартину показалось, что в темноте за порогом что-то полыхнуло красным.

Но ему было не до того, что происходит за порогом.

— Да. И пускай она это исправляет, как думаешь? Вячеслав Геннадьевич в больнице, у него сердце прихватило. Жена с ним поехала. Посмотри, — он провел ладонью над Ришиным лицом. — Мы ее не вылечим.

«Меня же ты лечил...»

— У меня не было выбора, а у тебя — подозрения на воспаление легких, — огрызнулся Мартин. — Мне тоже это не нравится, можешь предложить другой выход.

«А если... если она...» — Вик осекся. Он тоже не смог придумать, что такого ужасного

могла сделать Мари.

— «Если она» — пойдём и утопим её, — усмехнулся Мартин.

Во дворе залаяли собаки. За стеной раздался скрип кровати и раздражённое ворчание. На ходу надевая куртку, Мартин все же потратил лишние несколько секунд, чтобы запереть дверь снаружи.

Чёрный седан Мари остался на дороге — машина явно не проехала по сугробам. Сама Мари стояла у забора, нервно переступая с ноги на ногу. Колени под чёрным капроном колготок покраснели, в сапоги набился снег, а шпильки разъезжались так, что ей приходилось опираться на макушку нахохлившегося Ниса. Лицо у неё было злое и вместе с тем растерянное.

— Вы, дети, совсем охренели, — без приветствий прошипела она, опасливо косясь на затихших собак. — Я так и не поняла, кто там умирает, и кто кого собирается убивать, но надеюсь...

— Ира вчера прибежала ко мне среди ночи в одной ночной рубашке, — сказал Мартин, подходя к забору.

— Радовался бы, — фыркнула Мари. — Хотя я ей немного по-другому объясняла...

— Видимо, она поссорилась с отцом, как вы хотели, — перебил Мартин. — Значит, теперь-то она вам нужна, а?

— Да какого хрена ты тут стоишь и нотации мне читаешь, — тоскливо протянула она. — Пакуй давай свою подружку и тащи сюда, заодно поможешь мне машину толкнуть. Ненавижу эту сраную деревню, ненавижу все сраные деревни, — донеслось ему в спину горестное бормотание.

И в этот момент и Мартин, и Вик были с ней удивительно солидарны.

...

Вернувшись домой, Вик запер дверь в комнату, не раздеваясь упал на кровать и уснул. Ему было все равно, что будет происходить вокруг — пусть горит дом, в комнату ломится отец, пускай происходит все, что угодно. Ему было необходимо выспаться. Мартин, подумав, подвинул кресло ближе к камину, положил голову на подголовник, и тоже позволил себе забыться чёрным, пустым сном, в котором не было сновидений.

Но Вик и во сне не нашел покоя. Он слышал то приближающийся, то удаляющийся грохот колес поезда. Он даже видел его, этот поезд — огромную, ржавую змею, словно собранную из неподходящих друг к другу по размеру, цвету и текстуре кусков металла. В раскаленном воздухе отчетливо пахло свежей кровью.

— Мартин! — хрипел он, пытаясь закрыть уши, оборвав этот нарастающий грохот.

Мартин не отзывался. У его друга не было власти над этим кошмаром. Не было больше волшебных огоньков.

Когда Вик очнулся, стояла глубокая ночь. Он несколько секунд смотрел на часы, пытаясь понять, что с ними не так. Выходило, что он проспал либо несколько часов, либо больше суток.

Мартин еще спал. Вик принюхался — в комнате пахло как обычно, стиранной тканью, старым деревом и чем-то еще, сухим и теплым.

В доме было холодно. Это было обычное дело для зимы — отец не следил за отоплением. Часто топил небольшую печь, стоящую в углу на кухне, подвигал к ней кресло и сидел так весь день, наплевав на то, какая температура держится в остальном доме. Впрочем, Вик не возражал. Он купил в городе маленькую тепловую пушку и лишнее одеяло,

для тех случаев, когда у него не получалось самостоятельно включить отопление, и для тех часов, что едва работающему газовому котлу требовалось, чтобы прогреть дом.

Сейчас обогреватель работал, тонкое красное кольцо в темноте. Словно светящийся глаз.

Вик позволил себе редкое удовольствие — он не стал вставать с кровати сразу. Ему было тепло и удивительно спокойно. Разум, изможденный постоянным напряжением наконец-то нашел покой. И теперь, в ласковом тепле, в темной тишине дома, он, наконец, почувствовал, как в душе разжимается ржавая пружина.

Может, все еще будет хорошо.

Он прикрыл глаза. Спать не хотелось. Не хотелось думать. Хотелось просто лежать, полностью отдавшись чувству тепла и спокойствия, и с глупой улыбкой гладить одеяло.

Вик отчетливо ощущал хрупкость этого момента. Внезапно ниоткуда пришла странная мысль о том, что именно сейчас он хотел бы умереть.

«Доброе утро. Что за настроение?» — раздался сонный голос Мартина.

Вик моргнул, и ощущение покоя исчезло. Мир вокруг по-прежнему был жесток и несправедлив. И Риша по-прежнему была в опасности.

— Доброе утро. Я просто... задумался.

«Прости, не хотел мешать. Слушай, Вик, я думаю нам нужно в школу сходить. Показать, что ты не запил на радостях и поговорить с Мари».

— Ты прав, как обычно. И сегодня вечером поедем в город. Нужно попробовать найти нормальную работу, нам явно скоро понадобятся деньги.

«Хорошо. Выспался?»

— Да, даже не верится. Пошли, сварим твой ужасный кофе, который на манную кашу похож, и будем считать, что этот замечательный день начат, — неловко улыбнулся Вик.

«Мне кажется кто-то сейчас посмеялся над моим кофе, который можно считать гомеопатией, настолько мало там порошка?»

— Если это гомеопатия, то так, как ты хочешь, нужно кофе в чашку экскаватором засыпать, — проворчал Вик, застегивая рубашку.

Во дворе раздался петушиный крик.

...

Вик все же проспал больше суток. Сегодня был последний учебный день недели. Когда Вик занял свое место рядом с Матвеем, никто не обратил на него внимания, словно оно до сих пор пустовало. Только сам Матвей едва заметно кивнул.

День тянулся бесконечно долго. Учитель биологии тихо читала себе под нос. Вик заметил, что, дочитав параграф до конца, она просто начинала его заново.

На литературе все по очереди вставляли и рассказывали один и тот же отрывок «Незнакомки» Блока. Девушки старались читать с выражением. Мальчики, опустив глаза к подсказкам, читали монотонно и на одном дыхании. Вик внимательно следил за реакцией учителя, вернее за ее полным отсутствием. Отрывок он не учил. Мартин предложил прочитать за него, но тяга к экспериментам взяла верх.

— Заметался-пожар-голубой-позабылись-родимые-дали, — монотонно начал Вик, опустив глаза к пустой парте.

«Ты б еще помолился», — проворчал Мартин.

Учитель только едва заметно кивнул, дослушав до конца. Вик заметил, как он отметил что-то в журнале, и дал знак читать следующему ученику.

На математике учитель чертил на доске какой-то график. Вик понял, что не представляет себе, что это такое, и какой логике эти линии подчинятся. Параграф в учебнике содержал несколько формул и общих предложений. Едва Вик смирился с тем, что ему придется просить учителя остаться после занятий и объяснить пропущенную тему, как Матвей незаметно сунул ему несколько сложенных вчетверо тетрадных листов, исписанных крупным почерком. Вик заметил несколько формул, по линейке обведенных в красные рамки.

— Ты что, записывал за учителем темы, которые он объяснял? — шепотом спросил он.

Матвей только кивнул.

— Спасибо, — растроганно ответил Вик.

Наконец день закончился. Вик несколько раз подходил к актовому залу, но он был заперт. Не открыли его и в конце занятий. Это означало, что Мари в школе не появлялась.

«Как думаешь, в библиотеку пойти или тут посидеть?» — спросил Мартина Вик.

«Давай посидим, вдруг кто-то появится».

Вик кивнул и достал из сумки листы, которые дал ему Матвей.

Мир поблек и отошел на второй план. Вик целиком погрузился в прохладную логику формул, написанных на листке. Тайна начерченного на доске графика оказалась проще, чем ему сначала показалось.

— Ты! Сидит тут, сука, листочки разглядывает с дурацким лицом, охренеть можно! — раздалось над его ухом злобное шипение, разбившее транс.

— Рита? Здравствуй, — миролюбиво поздоровался он, пряча листки в карман. — Не знаешь, где Мари?

— Где Мари? Спит наверное, она же последние сутки прямо тут бухает.

Рита выглядела совершенно безумно. Черные волосы, едва ли не впервые на памяти Вика были не закручены в локоны, а собраны в высокий хвост. На лице почти не было косметики, только синяки под глазами она неуклюже пыталась замазать темным тональным кремом. Вик с интересом отметил, что она гораздо бледнее, чем обычно. Так Рита нравилась ему больше — выглядела живой.

— Ты чем-то расстроена?

— Ты спрашиваешь! Пошли, давай, поднимайся, я расшаркиваться не буду!

Вик, опешивший от таких оборотов, покорно позволил схватить себя за руку. Рита тянула его куда-то, грязно ругаясь под нос. Он заметил, что она, даже очень злая, даже сейчас, отбивает каблуками по полу ритм. Но что-то было не так.

До него дошло, когда Рита подошла к кладовке в конце коридора на третьем этаже. Она отбивала каблуками ритм Офелии.

Открыла дверь и жестом пригласила его войти.

Кладовка была завалена хламом почти под поток. Прежде чем закрыть дверь, Рита, не стесняясь сдернула с полки два ведра и, перевернув, поставила на пол.

— Садись. Здесь никто не ходит, и дверь хорошая, не слышно ничего.

Раздался щелчок. Дверь закрылась на ключ. Кладовка погрузилась в полную темноту.

Вик на ощупь нашел ближайшее ведро, и осторожно на него сел.

— Рит, почему мы с тобой вечно шепчемся по каким-то углам?

— Потому что, — бескомпромиссно ответила она, щелкая зажигалкой.

Вытащила из кармана огарок свечи и сигарету. Свечу поставила на пол, а сигарету зажала в губах. Поднесла зажигалку сначала к сигарете, потом к свече.

— Рассказывай. Отец все-таки убил эту малолетнюю дуру, да? Куда мне нести цветы?

— В больницу. Риша... заболела, мы с Мари отвезли ее в больницу.

Он не очень хотел вспоминать ту поездку. Мари привезла ее в больницу, долго мурлыкала с дежурным врачом, а Вик сидел в коридоре, обнимая проснувшуюся, но так и не пришедшую в себя Ришу, которая бормотала что-то про снег и окна. А потом ее забрали, а Мари сказала ехать домой. И что он может сколько угодно торчать в коридоре и даже ночевать на полу — он уже ничем не поможет, и к Рише его не пустят.

— Чем болела? Сломанным носом?

— Простудой. С чего ты вообще взяла, что отец ее бил? — уклончиво ответил Вик.

— Слушай, Вик, не держи меня за идиотку, ладно? Я привела ее домой, еле дотащила...

— Зачем ты тащила ее домой? Она что, боялась идти? — перебил ее Вик.

— Боялась, да, так боялась, что еле на ногах стояла! Вик, она что, ничего тебе не рассказала? У вас же доверие, любовь и поцелуйчики в щечку?!

— Что она должна была мне рассказать?

— Ой, ну надо же. На.

Рита достала еще одну сигарету из кармана. Прикоснулась губами к фильтру, поднесла свою, зажженную. Вик взял сигарету, и машинально затянулся, стараясь сделать хоть что-то, чтобы прогнать это давящую на горло тошноту.

Проволока и правда словно ослабла.

— В общем, дело было так. После премьеры отец Иру вывел из зала. Я слышала... слышала, он сказал ей, что она талантливая. Сказал, что это красивая история, но слишком откровенная, и что молоденькой девушке не стоит играть такие роли. Ира смотрела на него, так знаешь... с недоверием в общем. Потом подошла Мари. Начала ее хвалить. Ирин папа повторил, что пьеса слишком откровенная. Они начали спорить, но спокойно так, как будто для... ну для галочки, типа надо так. Потом он сказал, что-то такое... ну про то, что вы друг друга любите, поэтому красиво получилось.

— Рит, а ты не пытаешься меня обмануть? Риша была уверена, что ее отец в ярость придет.

Он ничего не понимал. Если никакого скандала из-за спектакля не было — то почему Риша оказалась у него под окнами ночью в одной рубашке?

— Ну и дура, — безжалостно ответила Рита.

Сигаретный дым обжигал горло и оставлял горько-вишневое послевкусие. Мартин слушал молча, Вик то и дело прикладывался к фильтру.

— В общем, они поговорили, и папа Иры просто развернулся и ушел. Я рядом стояла, ну и... знаешь, я хотела... ну подружиться, в общем. Ира в зал смотрела так, как будто оттуда сейчас мужик с топором выбежит. А я хотела... поговорить. Я вообще-то много лет хотела. А тут эта пьеса, такая, знаешь... как... эйфория, вот. И мы в общем пошли сюда.

— И поговорили? — с подозрением спросил Вик, чувствуя, что начинает что-то понимать.

— Да, она... попросила выпить, у меня с собой был... ну ты помнишь, фляжка... В общем, я не знала! Она залпом стакан хлопнула! Смотрела на меня с минуту, глаза дурные, а потом как начала говорить. Про брата моего. Про своего. Про мать, про отца. Вик, она с полчаса трындела, не затыкаясь! Ты знаешь, она явно нуждалась в этом... всю жизнь молчала и сорвалась. Может боялась, что ты ее осудишь, или будешь презирать, это, конечно, такая глупость... ты же не из тех, кто на стороне тех, кто мог бы, я знаю... ты же

тогда... не стал...

Рита явно нервничала. Она докуривала третью сигарету, и ее пальцы все ощутимее дрожали. Вик смотрел на нее, и пытался понять весь смысл слов, которые она произносила.

— И что было потом?

— Потом она отобрала у меня фляжку. Выпила еще и начала говорить про... про тебя. Какую-то чушь.

— Какую... чушь? — онемевшими губами прошептал Вик.

— Что-то про то, что ты болен. Что ты... что ты... слышишь какие-то голоса. А еще что у тебя есть вроде брат или друг с каким-то дурацким именем... И что он вроде ну... воображаемый.

Мартин смотрел в проем, не отрываясь. Вик не чувствовал ни одной его эмоции.

— А потом?

— А потом она замолчала. Сидела так знаешь... ну неподвижно вообще, а потом плакать начала. Говорила все время, что ее отец бьет, что он ее за пьесу эту... Хотя Вик, я тебе правду говорю — он так искренне говорил с Мари, и на Иру смотрел с такой... ну... теплотой, что ли. Слушай, а ты правда слышишь голоса?

— Правда. Сейчас вот твой, — мрачно ответил Вик.

Рита слабо улыбнулась.

— Ну вот. Потом она поплакала еще молча, я ее пыталась утешить и фляжку отобрать, чтобы ну... ну в общем видно было, что она пить не умеет совсем, и что ей уже хватит. У меня не получилось. Мы часа три тут сидели, я в туалет боялась отойти, она меня все время за руки хватала и плакала... а потом я отвела ее домой.

— Пьяную?!

— Вик, а что мне делать было? Я даже не знала, где ты живешь. То есть я знаю, но как к тебе идти, чтобы не заблудиться и коротким путем... К тому же мне вообще-то было ее тяжело тащить. У нее спрашивала — она хихикает как дура и говорит, что ты живешь в темноте, нормально? И Мари я не нашла. Ну мне пришлось вести, я же не могла ее в школе оставить. Хорошо еще я на крыльце нашу библиотекаршу встретила, эту, безумную. Она мне помогла ее тащить, и сказала, что с папой ее поговорит. Мы ее пока тащили, я ей рассказала, как оно было. Ну в общем она сказала, мол, не надо ничего врать, надо говорить, как есть. А что я ее папе скажу, что дочка выхватила у меня фляжку и накидалась? Ну я в общем попросила ее соврать. Сказать, что ее какой-то мальчик из города, с Мари приехавший, напоил, водки налил в сок, но мы ее вовремя забрали...

— Дура, — обреченно сказал Вик.

Он чувствовал себя полным идиотом. Он ведь увидел, что Ришу забирает отец, развернулся и ушел, даже не переодеваясь. Нужно было дождаться. Нужно было самому подойти к Вячеславу Геннадьевичу. Попросить Мартина поговорить, самому найти слова.

— А что мне делать было?! Я же не хотела, чтобы отец ее на месте убил, пусть лучше так, она же как бы и не виновата, и не знала, что пьет...

Вик молчал. Он понимал, что исправить уже ничего. Рита своей спасительной ложью, сама того не зная, сделала гораздо хуже.

«А когда спасительная ложь работала иначе?» — фаталистично спросил Мартин.

«Представляешь, что он себе напридумывал?» — спросил Вик, закрывая глаза.

«Я так понимаю, напридумывал — оставил дочку одну, ее кто-то напоил, еще тебе оправдываться придется, почему не проследил. А Риша, видно, перенервничала,

напридумывала себе ужасов, и среди ночи сбежала чтобы скандала избежать. Просто прекрасно. Дай-ка мне».

Вик, кивнув, уступил Мартину место.

Мартин взял Риту за руки и сжал их.

— Ну, а ты-то чего дрожишь? Все же хорошо.

— Я не знаю, Вик... Ты бываешь таким... взрослым... с таким голосом... будто... будто у тебя и правда есть друг с дурацким именем, в которого ты иногда превращаешься... Я люблю тебя. Таким, — прошептала она, подаваясь вперед.

Она коснулась его губ поцелуем легко, совсем не так, как тогда, в подвале. Этот поцелуй был быстрым. Удивительно нежным, а главное — Рита явно не рассчитывала на ответ. Это было тихое, обреченное признание.

Мартин молчал. Может быть впервые он не знал, что ему делать.

Это неожиданное проявление чувств застало его врасплох. Рита тоже нуждалась в том, чтобы ее выслушали. Она чувствовала, что совершила ошибку, и хотела, чтобы ей сказали, что она ни в чем не виновата.

А еще Мартин почувствовал в этом поцелуе еще один смысл, тоскливый и ледяной. Рита, из своего мира, пустого, вульгарного и казавшегося Мартину уродливым и больным, отчаянно тянулась к простым, теплым человеческим чувствам. И к единственному, может быть, человеку, у которого их видела.

Пусть эти чувства были и не к ней.

«Мартин... ты понимаешь, что она поцеловала тебя?»

«Да».

«Так почему не ответишь?» — вдруг спросил Вик.

«Я не могу. Это, что она говорит про любовь, это... Неоткуда взяться никакой любви. К тому же у тебя есть Риша. Это неправильно».

«Это у меня она есть. Брось, Мартин. Пожалуйста, я и так краду твою жизнь. Что плохого случится, если ты поцелуешь девушку, которая этого хочет, и которая давно тебе нравится?»

Рита смотрела на него растерянно и беспомощно, и на ее бледном лице плясали отблески догорающей свечи. Огонек в темноте.

Мартин притянул ее к себе, и привычным жестом прижал ее лицо к своему плечу. Он привык делать так с Ришей, когда пыталась его поцеловать.

От ее волос пахло дешевыми духами, которые так раздражали Вика. Мартину они вдруг показались удивительно теплыми и уютными. Настоящими. Неожиданно для самого себя он понял, что хочет этого. Что «быть человеком» — значит, поддаваться человеческим желаниям и совершать человеческие ошибки.

Думать было некогда. Он наклонился и поцеловал ее, стараясь не задумываться над тем, что делает.

У ее губ был привкус вишневых сигарет. Рита отвечала на его осторожный поцелуй нежно, без отрететированной вульгарности. Отстранившись, он еще раз легко коснулся уголка ее губ, словно запечатывая поцелуй или ставя точку.

— А я теперь поняла. Ты настоящий, — грустно сказала Рита.

Мартин невольно вздрогнул. Он знал, что она имела в виду совсем другое, но у ее слов было больше смысла, чем она в них вложила.

— Я ей не стану рассказывать, не волнуйся. Это мне... на память. Вик, ты злишься?

Она даже не помнила его «дурацкого» имени. И ей было незачем его помнить. Мартин печально улыбнулся.

— Нет. Я не злюсь, Рит. Спасибо тебе. За все.

Действие 12

Леди с серыми рукавами

Я не мешаю брату моему искать погибели, которая ему по вкусу.

Р. Л. Стивенсон

Вик пытался погладить белоснежную рубашку, разложив на столе, застеленном покрывалом. Движения выходили нервными и ему все время казалось, что он вот-вот ее прожжет.

— Мартин, что с этими женщинами вообще не так?! — раздраженно выдохнул он, отставив утюг.

Результат ему не нравился.

Вчера он съездил в больницу. Риша пришла в себя, и его даже впустили в палату. Она виновато улыбалась и ничего не объясняла, а потом смотрела на него с таким отчаянием, будто ждала, что он вот-вот скажет или сделает что-то ужасное. Что — Вик придумать не мог.

Она не отвечала на вопросы, не рассказывала о спектакле, но постоянно, взхлеб говорила о Мари. Она привезла ее в больницу, она ездит к ней почти каждый день. Она привезла цветы и собрание сочинений Михаила Чехова в одном томе — в книге желтые страницы и мелкие буквы, от них у Риши болят глаза, но она все равно читает. Вик слушал весь этот щебет и метался от ревности к раздражению — если бы не Мартин, Мари сидела бы дома вместе с собранием сочинений Михаила Чехова. И какого черта она вообще подсовывает больной девочке такие книги?

«А что с ними не так, Вик? Видишь ли, Рише слишком часто говорили что-то про ее мать и какую-то там репутацию. Тоже мне, высшее общество», — усмехнулся Мартин.

— Ну и что? Она что думала, что я начну руки заламывать о ее порочности, когда узнаю, что она — о ужас — выпила водки?! То есть Мари считает меня отморозком, а Риша — идиотом?!

«Она не может думать иначе, Вик. Ей с детства внушают эту ересь. Если бы у нее не было таких мыслей — она бы и не пила. Ну или пила бы, но как все нормальные люди, и хотя бы получила удовольствие, бегая в рубашке по сугробам».

Вик только тяжело вздохнул. Он весь вечер пытался придумать удобную ложь. Он был готов сказать, что сам пытался напоить Ришу, решив, что ей надо расслабиться. Или выставить себя совсем уж в неприглядном свете, заявив, что хотел так склонить ее к близости. Мартин идею не оценил, справедливо заметив, что в это вряд ли кто-то поверит.

«А парадная рубашка не слишком нарочито?» — с сомнением спросил Мартин, оглядывая Вика в зеркале.

Оставив идею самостоятельно подстричься, Вик просто зачесал волосы назад и привычно стянул в хвост. Но несмотря на это, в белой рубашке с отглаженным воротником и

сосредоточенным лицом, он выглядел выпускником консерватории перед экзаменом.

— Сюртуков не держим, — проворчал Вик, расстегивая верхние пуговицы на рубашке.

«Боюсь, мой вид порадовал бы Вячеслава Геннадьевича куда меньше», — фаталистично отозвался Мартин, выдергивая зеленую нитку из рукава.

Он не знал, вернулся ли Ришин отец из больницы, но должна была вернуться ее мать. В любом случае нужно было обсудить случившееся с кем-то из Ришиных родителей. И попытаться убедить их, что несмотря на неудачный прогон, на премьере ничего подобного не случится.

— Слушай, давно хотел спросить — что у тебя за вид, как будто тебя из викторианского склепа вытащили через день после похорон?

«Понятия не имею», — честно ответил Мартин, предпочитавший такими вопросами не задаваться.

Ранним утром деревня жила своей жизнью. Даже зимой людям хватало работы, чтобы не обращать внимания на происходящее вокруг. Вик в очередной раз порадовался, что его отец так халатно относится к ведению хозяйства. Пусть в детстве ему бывало нечего есть, а теперь приходилось мыть столы и продавать свечи, зато он был лишен ежедневной, изнуряющей, отупляющей работы. Впрочем, ему хватало дел.

Вик остановился перед знакомыми воротами. Ему вдруг показалось, что он стоит на пороге склепа. Почему-то ему представились алеющие на снегу пятна крови — брызгами, словно кто-то выбросил пригоршню алых бусин.

«Вик, Вячеслав Геннадьевич не самый приятный человек, но я сомневаюсь, что он кого-то загрыз», — спугнул морок Мартин.

— Да, конечно... что на меня нашло...

Во дворе никакого тела не было. Только огромный серый пес дремал на снегу, положив тяжелую голову на скрещенные лапы.

Набрав в грудь воздуха, Вик постучал в дверь. Подождал несколько секунд.

В доме стояла тишина. Не было слышно ни шагов, ни голосов. Вик постучал снова, громче и чаще, стараясь скрыть подступающую панику.

«Вик, да что с тобой?»

— Я не знаю... — с нарастающим ужасом прошептал он.

В этот самый момент дверь открылась.

На пороге стояла Ришина мать.

Раньше женщина казалась Вику очень высокой, но сейчас он был немногим ниже ее. На ней был черный, в подсолнухах, халат и безразмерная серая кофта. Выглядела она, как и большинство женщин, которые жили в деревне — просто, устало и старше своего возраста. Только лицо у нее было совсем другое. Тяжелые, угрюмые складки в уголках губ с возрастом стали видны отчетливее. Волосы, которые она больше не пыталась осветлять, были убраны в тугий узел на затылке. В пепельно-серых, как у дочери, волосах, широкими мазками серебрилась седина.

— Здравствуйте...

Он помнил, что Ришину мать зовут тяжелым именем Галина. Но ему приходилось вспоминать об этом до странного редко — женщина, чья судьба определила судьбу Риши, присутствовала в жизни своих детей и всей своей семьи лишь незримо. Она все время была занята какой-то работой. Редко разговаривала. Редко поднимала взгляд. Руки чаще всего держала сцепленными в замок или скрещивала на груди, как бы отгораживаясь от окружающего мира.

Руки у нее были грубые. С тонкими, длинными пальцами и узкими ладонями, но с несходящими красными пятнами и шелушащейся кожей.

«У Риши никогда не будет таких рук», — с неожиданной для себя злостью подумал Вик.

— Ну? — коротко бросила женщина, видимо уставшая смотреть на растерявшегося гостя. — Будешь заходить?

Вик коротко кивнул и зашел в дом.

— Я хотел поговорить о Рише...

— А ее еще не выписали, — со странным злорадством сообщила она. — И Славу.

Вик поморщился от резанувшей слух грубости.

— Иди давай на кухню, чего стоишь. В белой рубашке, надо же, — с тем же странным выражением протянула Галина. — Жениться пришел? Так меня тоже мог бы спросить.

— Нет, что вы, я... сейчас по другому поводу.

— Сейчас, вот как. По какому же?

Галина стояла к нему спиной и наливала чай из большого фарфорового чайника.

— Я хотел спросить, что случилось после спектакля...

Вик сел на край стула. Он чувствовал себя неожиданно глупо.

— Иру привела подруга, с ними была ваша библиотечка, — тускло ответила Галина. — Рассказали какую-то глупую историю про то, что Иру напоил мальчик из города. Я видела мальчиков из города, — усмехнулась она. — Ира вообще на ногах не стояла. Я так Славе и сказала — мальчик должен был ее привязать к стулу и с полчаса водку в нее заливать. Слава, конечно, злился... отправила ее спать, сказал «завтра поговорим».

Она поставила перед ним большую кружку чая, черного, с резким запахом бергамота. Села на соседний стул и закрыла глаза, будто посчитав, что ответила на все вопросы.

— А потом?

— Мы поругались, — спокойно ответила она. — Немного. Я сказала, что не нужно устраивать сцен, и что это всего лишь спектакль и всего лишь алкоголь. Слава... нервничал. Он за нее переживает. Ира, видимо, не спала. Подслушала разговор, и ничего умнее, чем броситься из дома, ей в пустую голову не пришло. Я только услышала, как дверь хлопнула. Слава побежал за ней, но не успел поймать — сердце прихватило. Я, конечно, осталась с ним и вызвала врача.

Ситуация могла бы быть комичной, но Вику было не смешно. Он слишком хорошо помнил, как сидел на заваленном хламом заднем сидении машины Мари, обнимая Ришу и поминутно проверяя, дышит она еще или нет.

— Вы приходили к Мари. — Вик решил сменить тему.

В этом конфликте Галина была явно не на стороне дочери.

— Приходила. Ира все равно уедет. Все равно будет поступать... пусть лучше эта женщина ей поможет.

— Мы об одной женщине говорим?! — не выдержал Виктор, но тут же осекся. Если Галина спросит, что с Мари не так — ему будет нечего ответить.

Но она неожиданно понимающе улыбнулась и кивнула:

— Об одной. Не считай себя умнее взрослых. Как ты думаешь, почему мой муж не хочет, чтобы Ира связывалась с искусством?

— Потому что он... опасается...

Вик давно не чувствовал себя таким растерянным. Он не мог сказать, что он женщины исходила угроза. Нет, она была совершенно спокойна и не вызывала никакого страха. Но она словно довлела над ним. Что-то в ней было свинцово-тяжелое, отталкивающее.

«Может, потому она так редко говорит?» — предположил более устойчивый Мартин.

— Чего?

— Что она попадет в беду, — уклончиво ответил он.

— В какую?

«Чего она хочет, Мартин? Чтобы я сказал ей, что ее дочь всю жизнь страдает из-за слухов про ее работу?»

«Я тоже не понимаю. Хочешь я?..»

«Нет. Я сам».

— В любую. Насколько мне известно, он очень любит дочь и очень переживает за ее судьбу, поэтому...

— Она не его дочь, — бесцветно отозвалась Галина.

— Что?..

— Я сказала, она не его дочь. Только Денис — его сын. Ира и Женя... мои.

Вик медленно поставил чашку на стол. Ему вдруг показалось, что Галина сейчас раскинет руки и поклонится публике.

Он смотрел на нее и не узнавал. Когда он вообще смотрел в ее глаза? За девять лет дружбы с ее дочерью, сколько раз он встречался взглядом с этой женщиной?

У нее были голубые глаза. Голубые, как небо. Голубые, как глаза Риши.

— Все об этом знают. Вся деревня об этом знает.

— Я никогда не слушал сплетен!

— А зря, — усмехнулась она. — Эта чокнутая, Пася, с которой ты возишься, ничего не рассказывала обо мне?

— Нет. Она всегда была добра ко мне... и к вашей дочери.

— Что ты знаешь о добре. Что ты знаешь обо всех этих людях? Ты хоть раз задумывался, в каком мире живешь?

«В неправильном», — чуть не ответил Вик.

— Я прекрасно знаю знаю в каком мире я...

— Ты ничего не знаешь, ясно? Зачем ты пришел? Убеждать меня или моего мужа, что лучше нас знаешь, что нужно Ире?...

Вик чувствовал, как его мысли начинают разбегаться и пугаться. Галина не приближалась к нему, она стояла рядом с плитой и смотрела на него сверху вниз. Губы ее были искажены кривой, злорадной усмешкой.

А глаза оставались теми же — холодными, пустыми и голубыми, как небо.

— А вот зря, мальчик. Зря. Ты что, всю жизнь слушал, что про меня говорят, и все это время считал, что у всей деревни коллективные галлюцинации или приступы ложной памяти? Ты всегда казался мне умным.

— Послушайте! Мне все равно, чем вы там когда занимались, я больше того вам скажу — какие бы ни были причины, мне очень жаль, я просто хочу, чтоб Риша была...

— Знаешь, с кем мне приходилось работать? У меня был один... клиент. Чокнутый садист. Но очень, очень трусливый. Он часами мне рассказывал, как ему хочется пытаться женщин. Начальницу. Учительницу сына. Продавщицу. Кассира в банке. Не насиловать, не избивать — пытаться. От меня требовалось сидеть и плакать от страха, пока он говорил. Я ему больше всех нравилась, потому что сильнее всего его боялась.

Вик закрыл глаза. Мартин сидел в проеме и со скучающим видом катал по колену оторванную пуговицу.

— Всех своих детей, кроме Дениса, я сдавала в приюты. Подписывала бумаги на отказ и оставляла. Одна дамочка из опеки с такой ненавистью на меня смотрела. Молоденькая такая, красивая. Холеная... сука. Верещала, что таких как я надо стерилизовать. Что я вообще не должна жить на этом свете.

— Вы ведь давно здесь живете, — заметил Вик.

— Я живу здесь пятнадцать лет. Слава — лучшее, что было в моей жизни, но я поняла это поздно. Он заставил меня, слышишь, заставил, забрать всех детей.

Вик уже почти не слышал, что говорила ему Галина. Он пытался не рассмеяться.

Он верил тому, что говорила Галина, и вместе с тем не мог поверить — это было похоже на абсурдный спектакль, вроде того, на который их водила Мари.

«Мартин, спаси меня, она же не поймет, если я начну смеяться!»

«А если я начну — она поймет?»

Мартин поднял на Галину потемневшие глаза.

— Что было потом?

— Мы всех забрали. Я не хотела их видеть. Я никого из них не любила.

— Зачем же было рожать?

— Потому что нельзя убивать то, что дается свыше.

— Вы не похожи на человека, близкого к Богу. Вам хватало цинизма бросать детей, но не хватало его на аборт?

— Что ты знаешь о Боге. И что ты можешь знать о ценности жизни. Я им шанс давала,

всем.

Мартин слушал спокойно. Обычное хладнокровие ему не изменяло, но если то, что рассказывала эта женщина было правдой — а он был готов поверить в это, наслушавшись за годы самых абсурдных и трагических историй — тогда Мартин не видел смысла с ней разговаривать.

Потому что то, что Ришина мать была сумасшедшей, явно не было достаточной причиной, чтобы лишать девочку ее мечты. А вот Вик, отойдя в сторону и быстро минув первое отрицание, кажется, был готов поверить. От молодости, неопытности и от того, что ее слова ударили по болезненно натянутой струне.

— Чего же так боится ваш муж?

— Ира похожа на меня.

— Риша не станет заниматься этим добровольно. А от тех, кто захочет ее заставить я...

Мартин замолчал. Он просто сидел и смотрел снизу вверх, как Галина смеется. У нее был хриплый, каркающий смех. Губы женщины оставались почти неподвижными, даже уголки, казалось, все еще были опущены вниз. И глаза ее оставались такими же холодными и пустыми. И от этого смех казался еще страшнее.

— Ты ни от чего ее не защитишь. От сотен людей, которые знают меня в лицо. От их детей. И ты никогда не сможешь защитить ее от самой себя. У шлюх не рождаются нормальные дети.

Мартин прикрыл глаза. И улыбнулся.

Весь морок, созданный словами Галины, развеялся, оставив на своем месте теплую кухню, синие рассветные сумерки за окном и уставшую, тихо помешанную женщину.

— Нормальные дети рождаются у кого угодно. Ира ни в чем не виновата. Она — не вы, не ваше прошлое и не ваши ошибки, она — ваша дочь, которая живет свою жизнь.

Может быть, Галине хотелось, чтобы Мартин спросил ее о чем-то. Может быть, ей хотелось поговорить, рассказать кому-то свою историю. Но Мартин внезапно понял, удивительно отчетливо, что ему глубоко наплевать. Да, это была Ришина мать. Да, все проблемы были из-за ее прошлого, и может какие-то ее слова и были правдой. Вся эта семья, какой бы нормальной она ни пыталась казаться, строилась вокруг этой истории. Вокруг детей, которых эта женщина сначала бросала, а потом искала вместе с мужем. Вокруг ее судьбы, которую она, по глупости, а может по чужой злой воле принесла к сегодняшнему дню изломанной и обожженной. Главное, Мартин ясно видел, что пытаться бороться с этой историей — все равно, что пытаться ногтями выщарапать фундамент из-под дома.

Галина что-то говорила. Ее голос звучал на периферии сознания, слова больше не достигали цели. Она говорила, говорила, а слова ее вовсе не имели никакого смысла.

«Мартин, что нам делать?..» — прошептал опомнившийся Вик.

Мартин отрешенно смотрел на женщину. Чего она хочет? Зачем говорит все это? Пытается напугать? Пытается отвратить от дочери? Потому что ненавидит мужчин? Потому что ненавидит свою жизнь?

Наконец, он понял. Она говорит, потому что хочет говорить. Потому что на самом деле эта боль, настоящая или выдуманная — все, что у нее есть.

На столе стоял старый радиоприемник. Прислушавшись, Мартин различил знакомый мотив. Он усмехнулся — надо же, как интересно. Больше не пытаясь прислушиваться к Галине, он встал с места и сделал музыку громче.

И подумал, что если когда-нибудь представится подходящий момент, нужно непременно поблагодарить Мари, которая научила его таким выходкам.

— Потанцуйте со мной, — почти требовательно сказал он, протягивая Галине руку.

— Что?..

— Я сказал — потанцуйте со мной, — повторил Мартин.

На лице Галины отразилось попеременно несколько чувств. Презрение. Раздражение. Недоумение.

— Ну же, это ведь не трудно.

— Ты думаешь, если я...если я тебе сейчас рассказала...

— Я прошу вас со мной потанцевать. Здесь нет никакого иного смысла, кроме танца. Давайте же, такая красивая песня, и она уже подходит к середине.

— О чем? — спросила женщина, подавая ему руку.

— Она о леди с зелеными рукавами, которую любил человек, который написал эту песню. О несчастной леди... — Он легко задвинул табурет ногой под стол, не позволив Галине запнуться. — О которой известно только то, что она носила одежду с зелеными рукавами, и ее отчаянно любил один мужчина.

Мартин улыбался. На его глазах эта женщина превращалась в кого-то совсем другого. Кого-то, кем она была когда-то. Даже ее глаза перестали казаться такими холодными.

Он почти физически чувствовал, как лопаются натянутые в ее душе нити. Немного. Несколько из сотен тысяч. Но она явно так привыкла к их натяжению, что освобождение даже от нескольких чувствовалось удивительно ярко. Ведь не было важно, что за слова она говорила. Важно было, зачем она говорила их.

— Ты думаешь, у меня никогда не было мужчин, которые умели танцевать или читали стихи? — опомнившись, сказала она, снова исказив только что посветлевшее лицо ледяной усмешкой. Песня замолкла, поперхнувшись последними аккордами.

— Хотите, я почитаю вам стихи? Готов поспорить, что таких не читал не один.

— О чем же? О любви?

Мартин почувствовал, как ее пальцы похолодели. Женщина остановилась и забрала у него руку. Она неотрывно смотрела на него, но ее взгляд больше не имел над ним никакой власти.

— Почти. Слушайте. Как зеркало своей заповедной тоски, Свободный Человек, любить ты будешь Море...

Он нашел это стихотворение в одной из немногих Ришиных книг. Темно-бордовая обложка, несколько золотистых стеблей — сборник стихов Шарля Бодлера. Там было много стихов. Разных. Странных. Жестоких. И иногда — удивительно прекрасных.

— Вы оба замкнуты, и скрытны, и темны. Кто тайное твое, о Человек, поведал?.. — горько спросил Мартин, задумчиво глядя перед собой и рисуя кончиками пальцев волны в воздухе. — Что ж долгие века без устали, скупцы, вы в распре яростной так оба беспощадны!..

Закончив, он на несколько секунд замер, глядя на собственную руку так, будто впервые ее видел.

— Я пойду. Передам Ире, что вы за нее волнуетесь, — будто опомнившись, сказал он, вставая.

— Приходи, когда Славу выпишут, — задумчиво сказала Галина, провожая его к двери. — Я... я с ним поговорю. Про театр и про колледж. Он отпустит Иру.

Она закрыла за ним дверь, не сказав больше ни слова.

Вик молчал, пытаясь осмыслить только что произошедшее. Мартин твердым шагом вышел за забор, опустился на колени и зачерпнул полную пригоршню снега.

«Мартин, да что же это за херня-то такая?» — наконец спросил Вик, глядя, как Мартин остервенело растирает лицо.

— Это? Очередная деревенская дура.

...

Через четыре дня Риша вернулась домой. Ее привезла Мари — раздраженная, мрачная и непривычно молчаливая. Риша выглядела лучше — немного растерянной, но почти здоровой. Кажется, у нее были подкрашены глаза, и кажется, Мари дала ей свою куртку. Когда Риша обняла ее у машины, Вику показалось, что Мари ее оттолкнет или сама отшатнется. Но она только бросила на Вика злой взгляд из-за ее плеча, прошипела что-то дружелюбное и поспешила уехать.

Вик видел, как машина скрылась за поворотом. Слышал, что мотор затих, а потом раздался частый, истеричный визг клаксона, будто Мари била по рулю кулаком. Из соседнего дома раздался раздраженный мужской голос и полный ненависти, далекий от изящных конструкций, ответ Мари. Наконец, мотор снова завелся и шины медленно зашуршали по снегу.

Все это слушал Мартин. Думал, как хорошо, что дорогу до станции стали чистить и что снега в этом году немного, иначе пришлось тащить большую девочку по сугробам или искать кого-то с более проходимую машину. Думал, чем это Мари так раздражена.

Вику было не до того — Риша что-то сбивчиво пыталась ему объяснить, но он не разобрал ни путаных объяснений, ни виноватого бормотания. Потому что она была жива, здорова, стояла рядом и глаза у нее были вовсе не как у матери.

У ее матери никогда не могло быть таких глаз.

Действие 13

Город

*Какой позор! Была сама
Котенком я когда-то.
Тогда в соседние дома
Не лазили котята!*

С. Маршак

Мари выглядела плохо. Для Вика это стало совершенной неожиданностью. Всегда бархатно-мягкая, холеная и самоуверенная Мари теперь напоминала выброшенную в подъезд кошку. Кожа ее посерела, под глазами залегли глубокие тени, а когда-то роскошные светлые волосы, которые она, кажется, даже не потрудилась расчесать, были просто завязаны в хвост.

— Все вернулись. Вы все здесь, — хрипло сказала она, не глядя на сидящую перед ней трупку.

Мари курила самокрутку, зажав ее пинцетом для бровей. Мундштук тоже куда-то делся.

— Значит так. Премьера состоится через три дня, в моем университете. Я договорилась о вашем выступлении на следующий день в Театре Современной Драмы. Ты, — она махнула рукой в сторону Риты, обсыпав невесомым пеплом ее воротник. — Должна знать обе роли, свою и ее, — следующая порция пепла досталась Рише. — А ты... — на этот раз указала она на Свору, — будешь заменять ее, — снова показала она на Риту. — А если ты, мальчик, решишь заболеть или нажраться до премьеры — я превращу твою жизнь в ад. Всем все ясно?

— А напутствующую речь? А «котятки»? — ядовито спросил Вик.

— Я не в настроении. Нам незачем ссориться. Отыграешь мне два спектакля и больше никогда меня не увидишь. Уж как-нибудь перебежешь без речи.

Мари явно не была настроена шутить. А вот Вик злился. Злился на Мари, на Ришу, но больше всего — на себя. Мартин задумчиво молчал, привалившись к косяку и вертел в пальцах мелкую серебряную монетку. Иногда он подбрасывал ее на ладони, и монетка исчезала, спустя несколько секунд появляясь там, где должна была упасть. Светящаяся рыбка лениво скользила где-то под потолком.

Риша сидела чуть поодаль, не поднимая взгляда от своих сцепленных, побелевших пальцев. Вик смотрел на расстроенную подругу и думал о том, как все же паршиво, что она ему не доверяет. В конце концов, не выдержав, он сел рядом и коснулся пальцами ее запястья.

— Я люблю тебя, — одними губами сказал он ей, чтобы не привлекать внимание Мари.

Риша улыбнулась и привычным движением взяла его за руку. У нее это движение выходило особенным, мягким и плавным. Руки у нее были такими же, как Вик помнил с детства — теплыми и нежными. Казалось, она касается не только руки, но и сердца. В очередной раз Вик удивился, как у кого-то возникала мысли о том, что девушка с такими руками может делать что-то отвратительное.

Никто из актеров воодушевленным не выглядел. Рита, снова спрятавшаяся за привычный образ, смотрела на Мари со странной брезгливостью. Вик так и не смог встретиться с ней взглядом. Он чувствовал, что Рите симпатизирует Мартин, и поэтому старался хотя бы вести себя вежливо. Впрочем, Рите, видимо, доставляли удовольствие их постоянные перепалки, поэтому он не стал их прекращать, только стал тщательнее подбирать слова.

— Завтра выезжаем... котяточки. И лучше бы вам не опаздывать, — на прощание бросила Мари.

Риша прерывисто вздохнула. Вик перехватил ее взгляд, обращенный к Мари — полный надежды и слепой мольбы. Он только фыркнул. Она на Ришу даже не посмотрела.

Мартин ничего смешного не видел. С Мари было что-то не так, и он находил это очень плохим поводом для веселья.

...

Вик сидел за столом в кухне Ришиных родителей. На стене оглушительно тикали старые часы. Галина сидела, низко опустив голову и взяла удивительно уродливый, ярко-оранжевый шарф. Ее поза напоминала ту, в которой обычно шила Риша. Вик думал, что, несмотря на такие мелочи, между женщинами нет никакого сходства, о котором все говорят. Разве что еще глаза.

Риши за столом не было.

Вячеслав Геннадьевич молчал. Он выглядел постаревшим и опустошенным. Несмотря на то, что Вик испытывал к нему глухое, тяжелое чувство, похожее на ненависть, ему было жаль этого человека. Он привык видеть его совсем другим — сильным, самоуверенным, почти надменным. Сейчас мужчина, кажется, был сломлен.

— Вы поедете на свой спектакль, — наконец сказал он.

Спицы сухо скрипнули у Галины в руках.

— Я не могу ехать с вами. Да в этом и не будет никакого толка. Послушай, мальчик. Я хочу, чтобы ты понимал — я не параноик. Там, в городе, на самом деле опасно. Вы отыграете свою пьесу и вернетесь домой. Я буду очень надеяться, что вы там опозоритесь, но сомневаюсь, что это случится, а убедить тебя испортить спектакль я не смогу. Поэтому, когда вы вернетесь, я сделаю все, чтобы моя дочь никогда больше близко не подошла к чертову театру. А если мне не удастся... что же, в конце года я помогу ей собрать вещи и отвезу вас обоих в город.

Его слова повисли в воздухе, словно золотящаяся на солнце пыль.

«Мартин!»

«Я слышал».

Очень давно Вик не ощущал такого искреннего, ничем не замутненного счастья. Собственная судьба так не волновала и не тревожила его, как сбывающиеся мечты Риши. И между ними больше ничего не стояло. Не нужно было сбегать из дома, и Мари со своими интригами больше не имела над ними власти. Ведь Вячеслав Геннадьевич только что практически отпустил Ришу в город. Сам.

Вик пойдет в колледж, который выбрал. Они будут встречаться, и может быть даже снимут комнату или маленькую квартиру...

Будущее рисовалось ему в бело-золотых тонах.

Мартин молча слушал, что говорил Вячеслав Геннадьевич. Он был почти счастлив,

потому что Вик наконец-то получал все, чего хотел.

Но для Мартина это означало, что скоро ему придется сделать то, что он собирался сделать очень давно.

Когда Вик переедет в город, и все образуется, Мартин создаст дверь в проеме и закроет ее. Выйдет во вторую — ведущую в темноту. С детства он помнил, что темнота убивает его. Но может быть он сможет найти ее границу, и там будет что-то иное.

А может быть, он умрет. В любом случае его роль будет отыграна. В счастливой любви Риши и Вика ему места не было.

И впервые Мартин подумал о той, второй двери не как о смерти, которой он все еще страшился, а как об освобождении.

— Спасибо вам.

— Говори спасибо ей. Это она меня убедила, — сказал Вячеслав Геннадьевич, кивая на Галину.

Он смотрел на нее сухими, уставшими глазами. Она отвечала ему пустым, бесцветным взглядом голубых, как небо глаз.

И почему-то от этой сцены Вика вдруг стало страшно.

...

На станцию они прибыли рано утром, чтобы успеть на первую электричку. Утро было серым и промозглым. Сырой ветер проникал под одежду, вылизывая остатки тепла и оставляя липнувший холодный след.

Вещи собирать долго не пришлось. У Вика и вещей-то почти не было. Отглаженный костюм в чехле он нес, приподняв за вешалку, вместе с обоими Ришиными платьями. Старый полупустой рюкзак Вик забросил за спину, а во второй руке он держал сумку с вещами Риши. Судя по весу сумки, Риша, никогда не выезжавшая надолго из деревни, решила предусмотреть все, включая внезапную тоску по какому-нибудь дорогому ее сердцу сервису.

Риша стояла рядом, зябко кутаясь в серое пальто, которое было ей явно большим. После каждого порыва ветра она вздрагивала и прятала лицо в воротник.

— Ты зачем эту тряпку нацепила, солнце мое?! — в конце концов не выдержал этого зрелища Вик.

Риша ответила ему страдающим взглядом.

«Она едет в город и выпросила у матери пальто, потому что ее обычная куртка кажется ей некрасивой, а ту она наверное вернула Мари», — пояснил проникательный Мартин.

Риша и так отличалась болезненным видом, а сейчас, не выспавшись и замерзнув, вовсе выглядела так, будто ее вот-вот сдует. Вик тяжело вздохнул, отдал Рише костюмы, поставил ее сумку на землю и снял рюкзак.

— Ты что делаешь? — спросила она, с изумлением глядя, как он раздевается.

— Форсирую события. Твой отец же наверняка думал, что тебя в городе обесчестят. Ну вот, я этим сейчас и займусь, — ответил он, улыбнувшись самой зловещей из улыбок Виконта.

— Знаешь, Вик, растлитель из тебя так себе, — проворчала Риша.

Он молча накинул ей на плечи свою куртку.

— Не надо, а ты... — попыталась вырваться Риша, пока он просовывал ее руки в рукава и застегивал молнию.

— А мне не холодно, — соврал Вик.

«Мартин, когда я в следующий раз назову тебя занудой за твои просьбы надеть два

свитера — плюнь мне в лицо».

«Я даже при большом желании этого не смогу сделать. Могу во сне кинуть в тебя рыбкой», — предложил альтернативу Мартин.

— Вик, я боюсь, — подала голос согрешившая Риша. — А давай... давай поедем домой?..

Он сделал глубокий вдох и медленно досчитал про себя до десяти.

— Риш. Ты хотела вот этого всю жизнь. Я еще маленьким совсем сидел с тобой, пока ты, наворачнувшись со своей проклятой елки, лежала и считала журавликов на подвеске. И уже тогда ты мне начала рассказывать про то, как ты понюхала эту несчастную занавеску и влюбилась по уши.

— Да, но я...

— Мы поедем в город, ты обнимешься с тамошним занавесом и будешь нюхать его сколько тебе влезет. А если мы хорошо выступим, а я лично собираюсь сообщать всем о своей божественности с полной отдачей, то ты там, в городе и останешься.

— А вдруг нет?..

— Тогда я сяду рядом со своим отцом пить самогон.

— А я?..

— А ты... ну будем пить самогон втроем.

Она смотрела так, словно собиралась заплакать. Потом улыбнулась и легко ткнула его в плечо.

— Дурак.

— Ага. Смотри, поезд идет... Наконец-то.

Забрать у Риши куртку он все равно бы не смог, но, судя по ощущениям — еще немного, и он упал бы на рельсы, да там и остался бы в той позе, в которой стоял.

В электричке Риша согрелась окончательно, и тут же уснула, положив голову ему на плечо. Вик, усмехнувшись, поправил у нее на плечах свою куртку. Всю дорогу он, рассеянно глядя ее по волосам, перечитывал свою роль. Он знал наизусть не просто каждое слово — каждую морщинку на распечатке. Но через два дня должна была состояться премьера. И он не собирался ошибиться хоть в чем-то.

— Молодой человек, а можно потише? — раздраженно спросила женщина, сидевшая на другом конце вагона.

— А если кто-то не верит, что я Бог — пусть посмотрит сначала в мои глаза, а потом — своему Богу, и признает, что единственная причина его неверия — малодушие! — патетически рявкнул Вик.

Риша даже не проснулась.

— А если ты, моя милая, моя-нежная-моя-ласковая, хочешь посмотреть мне в глаза и не боишься обжечься, — страстно зашептал он женщине, промурлыкивая каждое слово, — то, быть может, будешь стоять справа от меня!

— Больной, — выплонула женщина, отворачиваясь к окну.

«Мартин, слышал, я больной».

«Да, Вик, кажется мы выяснили это, когда тебе было лет шесть».

Риша во сне сползла с его плеча и положила голову к нему на колени.

«Опять не спала ночью», — сказал Мартин, глядя на лицо спящей подруги.

— Я удивлюсь, если она спала предыдущую, — проворчал Вик, проводя ладонью по ее волосам. — Так вот, Мартин, знаешь, что я тебе скажу? Люди не властны над своей судьбой, они падают в объятия рока, как в объятия страстной любовницы. Но я! Имею власть над

собой — я сам убиваю себя, и счастлив этим!

«Надо же, как интересно», — скептически протянул Мартин, откидываясь в кресле.

...

Мари встречала их на перроне. Вик заметил, что выглядит она гораздо лучше, чем в прошлый раз — синяков под глазами не было видно, а волосы она затянула в сложный узел на затылке.

«Это косметика. Посмотри внимательнее, она либо очень больна, либо давно не спит», — указал на лицо Мари Мартин.

Приглядевшись, Вик признал его правоту. Косметики на ней было столько, что, кажется, эти количеством можно было бы нарисовать полноценную картину. Мари все еще была худой, с ввалившимися щеками и сухими, потрескавшимися губами, густо замазанными плотной, красной помадой.

— Ко-тя-точ-ки! — улыбнулась она, остановив на них тяжелый, оценивающий взгляд. — Ирочка! Как папа?

— Я сбежала, — быстро ответила она, сжав руку Вика предупредительным жестом.

«Какого она черта...»

«Хочет, чтобы Мари думала, что она сама приехала. Она знает, что Мари именно этого хочет от нее, — ответил Мартин. — Наверняка они о чем-то таком говорили, пока она лежала в больнице».

Риша ничего об их с Мари разговорах не рассказывала. Терялась и расстраивалась, когда Вик спрашивал, и он в конце концов перестал.

А сейчас Мари смотрела на них, и в глазах у нее было странное удовлетворение.

— Поехали. Поживете в общежитии колледжа, пообщаетесь с ребятами, — сказала она, разворачиваясь к вокзалу. — Познакомишься с будущими соседями.

Мари припарковала машину прямо в клумбе за вокзальной оградой. Сядя в машину, она показала средний палец возмущенной пенсионерке, которая пыталась остановить ее и воззвать к явно спящей у Мари совести.

— А быстрее шевелиться нельзя?! — вдруг рывкнула она на Вика, укладывая в багажник костюмы.

«А может, Риша права, и нужно было ехать обратно», — сказал Мартин, опередив эту мысль у Вика.

«Мы не можем... Риша...»

«Эта женщина больна. Она и раньше-то была, а теперь у нее, кажется, обострение».

«Она нервничает. У нее диплом...» — попытался найти удобный вариант Вик.

Мартин молчал. Он точно знал, что они совершают ошибку, когда Вик сел рядом с растерянной Ришей на заднее сидение.

...

Общежитием театрального колледжа оказался невысокий дом из желтого кирпича. Обаяние белых окон с веерными перемычками и небольшого дворика, утопающего в тених тополей, странным образом подчеркивала нестройная музыка и патетический женский голос:

— Попробуйте для доброго найти
К хорошему — хорошие пути.
Плохой конец — заранее отброшен.

Он должен,
должен,
должен быть хорошим!^[8]

Прямо на пороге сидел парень в огромном розовом платье, похожем на торт со взбитыми сливками. Это было самое стереотипное розовое платье из всех, что Вик только мог представить.

— Моя Мельпомена! — обрадованно взвыл он, бросаясь к Мари.

— К хорошему — хорошие пути!
Плохой конец — заранее отброшен...

К платью прилагались стоптанные белые кроссовки. Сам парень был долговязым, лысым и имел совершенно неподходящий для своего узкого лица приплюснутый нос.

— Отстань от меня, — прошипела Мари, отталкивая протягивающего к ней руки ряженого. — Что это за цирк?!

— ... должен,
должен быть хорошим!

— Один злой человек, не буду показывать пальцем кто, но все знают, что это наш комендант, позволяет себе оскорбительные инсинуации о моей ориентации. Я взял у той очаровательной особы с третьего этажа платье и устроил одиночный пикет...

— Помогите! — раздался другой, полный страдания голос. — Помогите!..

— Ты богов о помощи просишь, а не в подворотне воешь! — рявкнул третий голос, на этот раз мужской.

— Вадик, будь другом, завали хайло! — Мари смотрела на него со смесью презрения и брезгливого интереса. — Он позволяет себе такие инсинуации, потому что вы со Славиком поретесь так, что слышит весь этаж!

«Мартин, они реально такие, или просто выделяются?»

«К сожалению, они, кажется, и правда такие...»

Вадим, оскорбленно подобрав юбки, сел обратно на ступеньки и сделал вид, что не замечает Мари.

— А, кстати, это ваш сосед по комнате, — злорадно сообщила Мари. — Вадик, это твои новые соседи!

— Да почему он-то?! — возмутился Вик. Четыре дня торчать в одной комнате с этим фриком ему совершенно не хотелось.

— Потому что кроме него и Славы в этой комнате никто жить не может, они слишком громко трахаются. А еще потому, что я обещала ее отцу, что дочку будут окружать люди, которые точно ни за что на нее не посягнут. Вот, Вадика девочки совсем не интересуют. А вот ты, мальчик, надеюсь спишь чутко.

Вик смотрел на Мари так, словно в первый раз ее видел.

«Мартин, что за бред?»

«Она шутит», — обнадежил его Мартин.

Вадик в это время снова покинул свой пост и вернулся к Мари. Он внимательно посмотрел на Ришу, потом перевел взгляд на Вика.

— Это твои Офелия и Виконт? А где остальные? И куда ты разместишь их?

— Не твое дело.

Вик вдруг заметил, что лицо у Вадима грустное. Совсем лишенное прежней дурашливой манерности. А глаза — темно-карие и тоскливые, как у собаки.

— Мари, если это то, о чем я думаю... это ведь не из-за того разговора?

— Не лезь ко мне! Дети отыграют свои роли и вернуться в свой колхоз! Лучше иди, покажи им комнату. Котятки мои... Не слушайте его. И пользуйтесь ванной и уборной осторожно, — сладко улыбнулась она Вику с Ришей.

После этого она и правда развернулась и быстрым шагом отправилась куда-то в противоположную от общежития и припаркованной машины сторону.

— Ну что же. Пойдемте, детки, — устало сказал Вадим, протягивая им руки ладонями вверх.

Риша взяла его за руку, кажется, не зная, как ей реагировать. Вик молча встал рядом.

Они зашли в общежитие через боковой вход, оказавшись сразу на лестничной площадке.

— Давай мне костюмы, мальчик. Как тебя на самом деле зовут?

— Виктор. Я сам, спасибо.

— Виктор, очень приятно. Не слушай, что говорит Мари. Это платье... считай что я в карты проиграл. И к мальчикам я не пристаю, — устало сказал он, поднимаясь по лестнице.

— Я верю, — сдержанно ответил Вик.

— А как тебя зовут, Офелия?

— Ира.

— Отлично, Ира. Вот комната, — сказал он, толкая одну из дверей, серых, с размашистым номером «702».

Комната была небольшой и очень светлой. В ней почти ничего не было, только золотистые обои, две двухъярусные кровати вдоль стен, пара шкафов и ярко-розовые занавески на окнах.

— Мы недавно сделали ремонт, — как будто виновато сказал Вадим. — Милая, ты мне не поможешь?

Он повернулся к Рише спиной, слегка наклонившись, и указал на молнию на спине. Риша молча расстегнула ее. Вадим, словно забыв, что в комнате еще кто-то есть, снял платье.

Вик со сдержанным интересом разглядывал его выпирающие ребра. Риша стыдливо отвернулась.

«Печень увеличена», — скучающим голосом отметил Мартин.

«Я ему об этом не стану сообщать».

«А он сам прекрасно знает».

Между тем Вадим оделся в менее эпатажные джинсы и толстовку, а платье подобрал с пола и аккуратно повесил в шкаф.

— Осваивайтесь, ребятки. Постельное белье в шкафу. Общежитие закрывается в одиннадцать. Кухня... на кухню лучше не заходите. Славик придет вечером, не пугайтесь, он смирный.

С этими словами он вышел, а Вик остался стоять, думая, кто ему больше не нравится — Вадик, Мари, девушки, которые репетировали или мифический Славик.

— Какие замечательные люди! — звонко произнесла Риша, садясь на кровать.

Вик обернулся, чтобы ответить, и обнаружил ее спящей.

— Эй, Риш, хочешь я тебе хоть постелю? — спросил он, помахав ладонью перед ее лицом.

Вместо ответа она слегка наклонилась вперед и упала ему на руки.

— Она явно не спала и предыдущую ночь, Мартин, — тоскливо сказал Вик, укладывая ее на кровать.

Он достал из шкафа подушку и одеяло. Попыток постелить простыню он решил даже не предпринимать. Устроив Ришу, он задернул шторы и выключил свет.

Риша спала, обняв подушку. Под огромным одеялом она казалась совсем маленькой и удивительно беззащитной. Он присел рядом, провел рукой по ее волосам, и она во сне потянулась за его ладонью.

Нежность была почти болезненна. В такие моменты он явственно ощущал, как сильно нужна ему эта девушка. Сколько смысла она придает его жизни. Какой властью она обладает над ним. И как она удивительно хрупка и беззащитна.

Он лег рядом, притянул Ришу к себе, легко коснулся губами ее лба. Риша прижалась к нему где-то под одеялом, сжала тонкими пальцами его запястье. Вик и не заметил, как провалился в теплый и пустой сон.

И даже во сне он чувствовал, как совсем рядом мерно бьется ее сердце. Прямо у него под ладонью.

...

Мартин проснулся через несколько часов. Вик спал, уткнувшись Рише в макушку. Риша во сне обнимала его и чему-то улыбалась. Мартин не шевелился. Он чувствовал, как у него встают дыбом волосы на затылке.

В комнате кто-то был. Кто-то стоял прямо над ними и смотрел в упор.

— И правда, как котята, — сказал первый голос, мужской, высокий, но неожиданно мягкий.

— Девочка очень милая. Но она приехала с мальчишкой. Чем Мари думала? — ответил второй. Скорее всего, говорил Вадим.

— Может быть, она ни о чем таком и не думала?

— Эта сука только об этом и думает. Зачем ей еще столько времени торчать в этой дыре?

— Я вмешиваться не стану. Мне нужна эта рекомендация, как и Мари. Строго говоря, мы вообще ничего такого не должны знать.

— Я тоже не буду. Может, мы оба ошибаемся. Посмотри, они же совсем дети.

— Так и должно быть, — закончил высокий голос.

Мартин с трудом удержался, чтобы не дернуться, когда один из говоривших протянул руку и погладил Ришу по голове. Она застонала во сне и сильнее прижалась к Мартину. Он медленно прикрыл рукой место, до которого только что дотронулся незнакомец.

Мартин отлично видел в темноте. Он не оборачивался, но успел заметить на руке говорившего тонкое черное кольцо.

Этого было достаточно.

Спустя несколько минут раздался скрип на соседних кроватях, и комната погрузилась в

тишину.

Мартин пролежал неподвижно еще час, но в конце концов позволил Вику уснуть.

Сам он до утра сидел в проеме, чутко прислушиваясь к любому доносящемуся снаружи звуку. Но ничего, на что стоило бы обращать внимание, так и не произошло.

Действие 14

Никогда не умрут

*И годы проносились мимо,
Вот я зову тебя «любимым»
А ты смеешься, как тогда:
«Ты помнишь, в чем была игра?»
Пиф-паф, я застрелил тебя!*

Cher

В ночь перед премьерой ни Вик, ни Риша даже не пытались спать. Они сидели в подвальной закуской неподалеку от общежития и пили кофе, чашку за чашкой. Риша нервничала и рвала на мелкие кусочки салфетки с пластиковой подставки. Одну за другой. Белоснежные комочки, как снежинки, устилали стол перед ней.

Вик был напряжен. Премьера его не волновала, его тревожило то, что рассказал утром Мартин. Выслушав историю, он, недолго думая, подошел к спящему на нижней койке мужчине и бесцеремонно схватил его за руку.

На его правой руке темнел тонкий ободок кольца. Мартину не приснилось.

Мужчина даже не проснулся. Видимо, это и был обещанный Славик.

Мари была гораздо спокойнее, чем накануне. Она выглядела отрешенной, движения ее были плавными, голос — тихим, а зрачки привычно расширенными. За всю репетицию она не сделала ни одного замечания, хотя Рита переигрывала, Риша сбивалась, а Тора вовсе читала свою роль монотонно, просто повторяя слова, расположенные в определенном порядке.

«Она словно смирилась», — отметил Мартин в начале репетиции, и до ее конца не произнес больше ни слова.

До конца дня они гуляли по городу. Вик старался как-то отвлечь Ришу, и ему это даже удалось, но едва начало темнеть, в ее голосе опять зазвенели панические нотки. На предложение вернуться в общежитие и поспать перед премьерой Риша посмотрела на него с такой обреченностью, будто он предлагал ей утопиться. В конце концов они зашли в первое попавшееся круглосуточное кафе, сели за столик и стали ждать, когда наступит утро.

Вик чувствовал настроение Мартина — в нем словно была натянута гулкая, медная струна, готова зазвенеть от любого прикосновения.

А может, лопнуть.

— Читал газеты? Там, на тумбочке у кухни лежали? — неожиданно спросила Риша.

— Нет, даже не видел там газет.

— Какой-то человек в городе убивает... убивает женщин. Мучает их, режет а потом топит... Если папа узнает — нам конец.

Мартин смутно припоминал что-то о маньяке. Кажется, ему рассказывала женщина с вокзала, та, которой он передал бумажного журавля для дочери. Но волноваться еще и о маньяке у него никак не выходило.

Риша выглядела все такой же отрешенной. Словно в ней не осталось сил ни

сопереживать убитым, ни тревожиться за себя.

— Это... немаленький город, здесь все время кого-то убивают. Я как-то в кафе работал, где по телевизору местная криминальная хроника постоянно крутилась, так тут трупов должно быть больше, чем живых людей... Но я не думаю, что это повод бояться города, в конце концов с нами и дома случалось достаточно дряни, — осторожно подбирая слова ответил Вик.

Риша только кивнула, сделала глоток из чашки и снова погрузилась в молчание, словно забыв о какой-то там статье в газете. Вику тоже было не до несчастных утопленниц.

Вик не знал, сообщать ли Рише о ночном разговоре. Он не мог понять, чего хотела от них Мари, только, как и Мартин, обострившимся чутьем чувствовал близкую ловушку. Он догадывался, чего могут хотеть от Риши, но этот вариант казался ему абсурдным — даже сделай Мари ставку на юную амбициозную провинциалку, готовую на все, чтобы получить место в колледже, она должна была бы учесть, что девочка запугана и забита.

Может быть, именно для этого Мари хотела, чтобы Риша поругалась с отцом? Чтобы ей стало некуда возвращаться?..

Единственная официантка остервенело протирала стол серой, замызганной тряпкой. Над верхней губой женщины вызывающе чернело родимое пятно. Оно-то и раздражало Вика сильнее всего.

Вик не верил, что Риша может согласиться на что-то подобное. Да и Мари вряд ли верила.

А может, потому она и злилась?

Нет, это был плохой вариант. Вряд ли Мари ищет кому-то молодых любовниц — это слишком сложно, ненадежно и попросту глупо.

У него не было ни тени сомнений — ни прошлое матери Риши, ни обстоятельства ее рождения, ни страстное желание попасть на сцену ее не заставят. Риша никогда не предала бы себя. Никогда бы не предала его.

Так не бывает.

Она выглядела уставшей и больной. Пепельно-серые волосы, еще влажные после душа рассыпались по спине. Риша отказалась досушивать их дома, завязала их в узел и убрала под шапку, сказав, что стены в этом общежитии давят на нее, и она сойдет с ума, если останется. Она ходила с мокрыми волосами весь день, и они до сих пор не высохли.

Премьера состоится в полдень. Им нужно быть в университете в десять часов. Но Рише явно не была готова. Ее пальцы дрожали так, что кофе из чашки постоянно проливался на скатерть и россыпь обрывков салфеток.

Официантка неодобрительно поглядывала на них, но Вик улыбался отрепетированной улыбкой Виконта и вопросительно вскидывал брови. Женщина так ни разу и не подошла к ним. Вик редко бывал благодарен своей эпатажной внешности и Мари, которая научила его строить злодейские мины, но сейчас этот момент настал.

Входная дверь была приоткрыта, и Вик видел их с Ришей в мутной темноте стекла. Иногда он встречался со своим отражением глазами и видел за своей спиной тень. Мартин.

Вдруг тишину нарушил металлический звон. Чашка в руках Риши опасно наклонилась, и ложка упала на пол. Вик резким движением схватил Ришу за запястье, чтобы помочь удержать чашку. Одновременно он поднял глаза к официантке, которая, кажется, собралась все же высказать им свое недовольство.

В следующую секунду чашка все же полетела на пол.

Вик не помнил, как вскочил со стула, с ужасом уставившись на свое отражение в двери.

Он держал Ришу так, словно собирался сломать ей руку. Его улыбка, его взгляд, полный презрения, поза полная агрессии — он видел в отражении другого человека. Того, кем хотела видеть его Мари.

Риша только отстраненно смотрела на разбитую чашку.

Он стоял, тяжело дыша, и не сводил взгляда с Риши, замершей над чашкой. Все это заняло всего несколько секунд.

— Нельзя поаккуратнее?! — раздался голос подошедшей официантки. — Я запишу это на ваш счет!

Вик отвел взгляд от Риши, чтобы ответить. Но он не успел.

Риша глухо рыдала, уронив голову на руки. Больше не обращая внимания на отражения и раздраженных официанток, он подошел к Рише и молча прижал к себе.

Пусть Мари строит какие угодно планы. Пусть ей поддакивают странные мужчины, которые носят розовые платья. Да пусть хоть небо падает им на головы.

Он не позволит сделать ей больно. Никогда. Осталось только понять, как спасти ее от собственных страхов.

...

В зеркале перед Виком — молодой мужчина с алым потеком платка на шее. Волосы он распустил, и теперь белоснежные пряди безжизненно свисали вдоль лица, делая его похожим на утопленника. Глубокие тени под глазами подчеркнули гримом, и вблизи они напоминали пару фингалов.

Ришу он не видел с тех пор, как помощница Мари утащила ее в гримерку. Рядом с ним прямо на полу сидела Рита, с копной вздыбленных черных волос, с обведенными черным глазами на белом, густо напудренном лице и в черном плаще похожая на булгаковскую Маргариту. Она курила, как всегда, не стесняясь проходящих мимо людей.

— Мы тут как типа на шабаше, — хмыкнула Рита.

— Что?.. — Вик с трудом вынырнул из омота своих мрачных мыслей.

— Посмотри на нас, Вик. Посмотри на себя. Приглядишься к своей подруге повнимательнее, когда она выйдет. Мы мертвые все. Нас уже убили. Понимаешь? В этом смысл истории. Мы выходим, говорим, дергаемся, а на самом деле мы умерли давно. Нас нет. Ни Веры. Ни Надежды. Ни Любви. Ложные, настоящие... ну и хер с ними.

Она щелчком отправила окурок куда-то за занавес.

— Не нагнетай, — попросил ее Вик.

Он заметил, как в груди шевельнулось и тут же затихло какое-то странное, теплое чувство, которому было неоткуда взяться в напряженном сознании.

«Мартин?..»

«Что?»

Голос звучал ровно и не выдавал ни одной эмоции. Впрочем, это ничего не значило — Мартин всегда отлично скрывался.

«Ты... испытываешь какие-то... чувства к этой девушке?»

«Вик, а тебе не кажется, что это сейчас не имеет вообще никакого значения?» — поинтересовался Мартин.

Но Вик давно научился чувствовать малейшие перемены в его голосе. Он с детства только тем и занимался, что слушал этот голос.

И в этом голосе звучала тщательно скрываемая досада.

Вик зажмурился. Он боялся этого момента с тех самых пор, как начал понимать положение Мартина в полной мере.

«Вик, если ты думаешь, что я без памяти влюблен и ужасно тут страдаю, то нет, это не так. Я просто испытываю к ней... симпатию. Ничего больше».

«Хорошо...»

Вик обещал себе вернуться к этому вопросу потом.

Рита сидела, обхватив руками колени и молча смотрела куда-то на сцену. Вик проследил направление ее взгляда — там женщина настраивала прожектор.

— Вик... — раздался у него за спиной тихий голос.

Он уже видел Ришу в костюме и гриме на прогоне. Но все же тогда над ее образом работала Мари, а сейчас — профессиональный гример. И теперь Вик отчетливо видел разницу.

На белоснежном лице Риши темным был нарисован контур черепа — затемненные скулы, уводящие тени к подбородку. Губы ее укрывала лилово-серая помада, а глаза казались двумя осколками неба в обрамлении грозových туч. Под глазами чернели тщательно прорисованные следы слез.

— Как я тебе? — улыбнулось ему незнакомое лицо.

— Непривычно, — с трудом выдавил он.

Она пока была в светло-сером платье. Ее еще с утра мягкие и пушистые волосы теперь были заплетены в какую-то сложную объемную косу. Вик с ужасом представил себе, как она будет выглядеть, когда наденет свои окровавленные бинты и распустит волосы.

— Вик... у нас премьера.

— Виконт, солнце мое, — вымученно улыбнулся он, касаясь ее запястья губами.

Он попросту спрятался за маской своего героя, чтобы хоть как-то смириться с тем, что ему приходится видеть Ришу Офелией.

Риша поддержала игру. Она улыбнулась. Прикрыла глаза. И когда она открыла, не осталось и следа взгляда девушки, которую любил мальчик по имени Виктор Редский.

Виконт не знал, что любит Офелию. Не знал, что у нее теплые пальцы, ласковые губы и мягкие волосы. Понятия не имел, с какой обжигающей искренностью она умеет обнимать и как нежно целует.

Виконт любил только себя. Он был Богом.

В зале медленно собирались зрители. Первый ряд был целиком отдан приемной комиссии. В самом центре сидел невысокий, полный мужчина в сером костюме. Рядом сидела женщина с ярко-розовыми короткими волосами. На лице женщины не было макияжа, и ничто не скрывало жестких морщин в уголках губ и глаз. К ней часто обращался ее второй сосед, высокий, молодой, черноволосый мужчина с холодным, цепким взглядом огромных карих глаз. Вик почувствовал, как в душе поднимает липкое, ледяное отвращение к этому человеку. Слишком развязно он себя вел. Слишком импозантно выглядел. И слишком явно нарочно раздражал соседку. Мужчина в сером, которого, кажется, тоже утомила эта сцена, мягко придержал его за руку и начал что-то говорить.

— Вик, хватит пялиться на этих фриков!

Рита встала со ступенек и бесцеремонно развернула его к себе, сбивая мизантропический настрой Виконта.

— За нас, за премьеру, и чтобы сегодня твоя подружка произвела больше впечатления, чем режиссерские таланты Мари! — сказала Рита, делая глоток из серебряной фляжки. —

Возьми, там не спирт. Коньяк, отцовский, из города.

Вик хотел отказаться, но потом, подумав, сделал глоток.

Коньяк обжигающей тяжестью скользнул вниз, разливаясь в крови будоражащим теплом. Совсем не похоже на мутную апатию, застывающую на лице отца, когда он напивался.

Он вернул Рите фляжку, и она передала ее Рише. Та только покачала головой.

— Пей, — внезапно настояла Рита.

Риша подняла на Вика глаза, и ему не понравился ее взгляд — в нем была смесь вины и страха. Она торопливо сделала глоток и вернула фляжку Рите.

— А теперь, ко-тя-точ-ки, удачи нам, — умело скопировала Мари Рита и одним глотком допила коньяк. — Свет, занавес, третий звонок.

Рита протянула руку ему, а потом Рише. Он почувствовал, как она горячей, сухой ладонью сжала его пальцы. Увидел, как она кладет ладонь сверху на Ришину руку: «Не бойся».

В этот момент он был благодарен ей как никогда прежде.

Зал медленно погружался во мрак. Здесь не было огромных окон, которые нужно было закрывать фанерой. Мари не приходилось самой настраивать свет и следить за музыкой. Вик стоял за занавесом, прикрыв глаза, и медленно считал такты нарастающей мелодии.

— Быть — или не быть? — начал он первый монолог, произнося слова в такт шагам.

Зал казался ему темнотой Мартина — полной неясных очертаний, призраков, и голосов. Он стоял посреди сцены в единственном пятне света, и, когда он говорил, рукава белоснежной рубашки оставляли в воздухе светящийся росчерк.

Вик прервал монолог, прислушиваясь к тишине и считая такты. Он не видел, не слышал, но знал, что к нему в темноте неслышно подходят Матвей и Рита.

— Я виноват, я один виноват во всем, слышите! Заберите меня, не ее! — крикнул он, досчитав секунды.

За кулисами истерично и зло засмеялась Мари — вместо Риты, которой никак не удавалось добиться такого inferнального звучания.

Хриплый, прерывистый хохот, словно вороний грай, покатился по залу. Вик почувствовал, как его хватают за запястья и отдергивают в темноту. Он быстро прикрыл рубашку оставленным ему черным плащом и отполз за сцену.

Рита с Матвеем кружили по сцене свой странный ломаный вальс. Освещение сменилось — теперь сцена была покрыта сероватым светом, похожим на туман. Каблуки Риты стучали в такт мелодии. Время такта Китти еще не пришло.

Фокстрот с манекеном. Одна живая женщина и ее деревянные куклы.

Риша едва слышно всхлипнула. Приближался ее выход. Вик посмотрел на нее, приготовив какие-то ободряющие слова. И подавился ими.

Она смотрела на него с выражением полной безысходности и тихо мотала головой: «Нет! Не пойду...»

Вик почувствовал, как в душе нарастает мутная, животная злость. Он не мог защитить ее от этих людей, от Мари, от проклятых «Дождей» и от самой себя. Бесплезны любые правильные слова. Опять, снова.

И он сделал единственное, что пришло ему в голову.

Вик схватил Ришу за запястье и грубо притянул к себе. Он целовал ее как никогда до этого — в его душе плескалась вырванная из тьмы, задавленная злость. Это Виконт оживал

где-то в багровой темноте. И он целовал, упиваясь ощущением момента власти, не думая ни о ее стершейся помаде, ни о помятом платье, ни о собственном гриме.

Наконец-то он мог позволить себе злиться. И он хотел отравить Ришу этой злостью — ведь больше ему было нечего ей дать. Он не заметил, как прикусил ее губу, но почувствовал сладковатый привкус крови. И вместо того, чтобы испугаться нечаянно причиненной боли, он с трудом подавил в себе голодный, животный рык.

Риша в его объятиях замерла, а потом осторожно попыталась отстраниться. Он не позволял ей, пока не почувствовал, как она, наконец, расслабилась, поддалась и ответила на поцелуй.

Так Виконт целовал свою Офелию. Чем все кончилось — Вик старался не думать. Он, придерживая Ришу за плечи, заглянул ей в лицо.

Взгляд Риши впервые за эти дни был полностью осмысленным. В нем не было отрешенности, страха или неуверенности — она была готова идти. На ее губах остался красный, влажный след поверх полустершейся помады.

Улыбнувшись, Вик кончиком пальца стер серый след у ее губ. Улыбка вышла такой, как хотела Мари — ледяной. Высокомерной.

— И если ты — Бог, я буду твоей святой, — сообщила она, отворачиваясь к сцене.

Танец Теней закончился. Офелия выходила на сцену.

Пьеса шла так, как должна была идти. Мартину, который наблюдал за всем со стороны, казалось, что все актеры остались за кулисами. Вот они стоят, неверные тени, очертания людей. А на сцене танцует, читает стихи и захлебывается монологами их Тьма.

Вик так боялся увидеть Ришу в призрачном платье, окончательно, безвозвратно мертвую Офелию, но, когда она переделалась и вышла, он не почувствовал ничего. Виконт знал, что она умрет.

— Финальный танец Офелии и Виконта. Давайте, котятка, не будем подводить друг друга, — раздался голос Мари откуда-то снаружи.

Не было никакой Мари. Де Мертей не была сегодня их Богом и не могла быть. Потому что Виконт точно знал, что он сегодня — единственное божество.

Свет на сцене сменился с серого на лиловый. Риша стояла посреди сцены, и пятна света лежали на ее лице, словно синяки.

Вик почувствовал, как Мартин сжал косяк.

«В чем дело?..»

«Это... я уже видел...»

Это для Вика Риша была Офелией. Мартин видел свой худший кошмар, всплывший на поверхность.

Далекий, похороненный еще в детстве. Давно, как он думал, пережитый.

Она стояла на темной сцене, освещаемая лиловыми сполохами. Тяжело дышала, и дорожки черных слез на ее лице влажно блестели в мертвом свете.

«Она ошибётся», — внезапно сказал Мартин.

Он чувствовал, как на запястьях сжимаются ледяные браслеты кандалов.

«Что?..»

«Она должна крикнуть „Виконт!“ Она сейчас ошибется».

«И что же она скажет?» — с неожиданной для себя иронией спросил Вик.

«Она скажет „милорд“».

«Что еще за фантазии?»

— Виконт! — закричала девушка на сцене, исчезая в алых вспышках света.

Мартин провел ладонью по лицу, стряхивая наваждение.

«Прости, я, кажется, тоже нервничаю», — коротко сказал он.

Вик, кивнув, поднялся на сцену.

Риша протягивала к нему руки, и кровь на бинтах, обвивших ее запястья, казалась черной. Он с издевательским поклоном протянул ей руку в ответ.

Они начали танец в полной тишине. В этой сцене не было ни стука каблуков, ни музыки, ни диалогов. Риша скользила по сцене, сбросив туфли, чтобы не издавать ни звука. Она смотрела на него с выражением победившего отчаяния, и Вик видел, как по нарисованным черным следам текут настоящие слезы.

Он не смог бы доиграть эту сцену. Риша упала в своего персонажа, как в ледяной омут, растворилась в нем. И с любимого, знакомого с детства лица на Вика смотрела взрослая, отчаявшаяся и безнадежно мертвая женщина.

Но Вик еще до выхода полностью отпустил себя. Позволил Виконту с его ледяной улыбкой занять сознание, как когда-то занимал его Мартин. И Виконт чертил в неверных красно-лиловых вспышках причудливые узоры, заставляя девушку кружить по сцене, полностью лишив ее собственной воли.

Вик не слышал, когда зазвучала музыка. Виконту не нужны были такты, он рассказывал историю. Историю о том, как он то отталкивал Офелию, то притягивал к себе так, будто собирался сделать их неразделимыми. Как он гладил ее по лицу сведенными судорогой пальцами, словно пытаясь сорвать с нее маску. Как касался ее ключицы слева, желая вырвать сердце.

Рише это нужно. Нужна Офелия... которая не существует без Виконта.

Алые сполохи плясали по его лицу и, теряясь в белых глазах, делали их красными.

В его руках билась, угасая в ворохе окрашенных карминным светом белых кружев, незнакомая девушка, которую он почти ненавидел.

Потому что бывают моменты, когда любовь не способна ничего решить.

Мартин молчал, опасаясь спугнуть этот ледяной транс.

Риша замерла в его руках, а потом начала медленно оседать на пол. Он, держа ее за руку, медленно опускался вместе с ней. Когда свет погас, Вик нависал над ней и улыбался так, словно собирался вцепиться ей в горло.

Алый платок на его шее касался ее лица, как стекающая с перерезанного горла кровь.

Мартин понял, что хотела показать Мари.

Она прекрасно понимала, что найти по-настоящему талантливых людей в первой попавшейся деревне не сможет. Понимала, что даже если ей удастся найти кого-то, способного воплотить замысел, понадобится долгая подготовка, а не сразу начатые репетиции серьезной пьесы.

Поэтому она создала историю, которая рассказывала себя сама. Научить Риту стучать каблуками по сцене и взмахивать черным плащом в сером свете было легче, чем научить играть по-настоящему хорошо. Заставить Вика примерить на себя роль беспощадного мерзавца, разбудив в нем подавляемую тьму оказалось достаточно, чтобы скрыть то, что для роли ему не хватало опыта.

Разглядеть в Рише беспомощность, доведя ее виктимность до абсурда, создать образ, который практически не требует усилий, заключить ее в оковы красно-лиловых вспышек было достаточно для того, чтобы пьеса напилась шелковой крови алого платка и ожила.

«Вик...» — позвал Мартин, в тщетной надежде спугнуть этот морок.

Сцена погрузилась в темноту. До выхода Китти у них было восемнадцать секунд. Вик должен был отползти к краю сцены, а Риша отойти за занавес.

Но они пренебрегли этой условностью. Риша лежала на сцене, рассыпав по черной поверхности пепельные волосы, и обнимала Вика, слепо шаря руками по его спине. Вик не слышал Мартина. Он вообще ничего не слышал. В этом поцелуе больше не было яда. Это был крик о помощи.

Умирающая Офелия и теряющий ее Виконт.

Испуганная девочка, которая всю жизнь мечтала о театре, но сейчас тонула в своей роли, и влюбленный мальчик, истерически старающийся ее удержать.

Мартин слышал, как Мари тихо выругалась и что-то прошипела. Медленно зажглись красные рампы. Ни Вик, ни Риша, казалось, не заметили света. Всего мира для них не существовало. А Мартин, не видя, явственно ощущал, как напрягся зал. Он чувствовал, как из темноты подались вперед зрители, словно один, многоглазый и многорукий хищник, почуявший жертву.

«Вик, твою мать!» — не сдержавшись, рявкнул Мартин, нарушая момент.

Вик отпустил Ришу и медленно поднялся на ноги, не отрывая от нее взгляда.

«Не смотри в зал», — молча просил он ее.

«Не буду...» — отвечала она.

Он наклонился к Рише и, схватив за запястье, рывком заставил встать. Отпустил и, издевательски поклонившись, ушел за кулисы. Он не оборачивался, но слышал, как Риша ушла по другую сторону занавеса. Она сделала первый шаг одновременно с ним. Судя по звуку, смогла подстроиться под его темп. Мари выключила свет, и зал снова погрузился в темноту.

— Вик, ну вы там совсем страх потеряли?! — зашипела на него Рита, в темноте отряхивая его рубашку.

Вик, ухмыльнувшись, сгрел ее в охапку и звонко поцеловал в щеку.

— Не завидуй.

Рита фыркнула, как потревоженная, очень воспитанная кошка. Отстранившись, поправила платок на его шее.

— Было бы чему... пионер.

Власть, которую пьеса обрела над ним, исчезла так же внезапно, как захватила его разум. Больше не было Виконта, человека, способного обмануться мертвой маской Риши. Никакая она не Офелия.

Она живая. Теплая, настоящая, знакомая до последней черточки. Нет отчаяния, нет страха. Никаких демонов, только отчетная постановка выпускницы театрального университета.

Они доиграют свои роли. Он даст Рише возможность воплотить свои мечты, уберезет от любой опасности. Они справились с самой сложной частью пьесы.

Офелия мертва? Они все мертвы?

Вздор.

Они никогда не умрут.

Действие 15

Улыбка Офелии

*Говорят, весной я стану свободной,
Мари, я в это не верю!*

Марлен Дитрих

После спектакля Мари курила на крыльце с приемной комиссией — женщиной с розовыми волосами и полным мужчиной в сером костюме. Мужчина смеялся, прикуривал сигареты женщинам и что-то рассказывал, размахивая руками. Женщина улыбалась, Мари, кажется, смущенно отводила взгляд. Вик, чтобы иметь возможность подслушать, о чем они говорят, взял у Риты сигарету. Они встали неподалеку и тихо пересказывали друг другу тексты своих ролей, чтобы не отвлекаться от чужого разговора, но создавать видимость общения. Риша стояла рядом, спрятав нос в воротник пальто от сигаретного дыма.

— Интересное решение... игра со светом... долго вы учили этих детей так двигаться?.. Удивительно... ведь деревня... — у розоволосой в голосе звучал снисходительный восторг.

— А скажите мне, милая Мари, откуда вы привезли эту девочку? Такой чистый типаж... — говорил мужчина в сером. Голос у него был мягкий, но громкий, словно он привык общаться с маленькими детьми. У Вика мужчина скорее вызывал симпатию, правда, он чувствовал, что Мартин смотрит на него с подозрением.

«Что с ним не так?»

«Не знаю. Он как... плюшевый медведь. Какая-то бугафория», — с неожиданным для него презрением отозвался Мартин.

Мари что-то говорила мужчине, быстро и сбивчиво, будто оправдываясь. Несколько раз она кивала на занятых беседой друзей, думая, что не замечают.

Из разговора Вик понял, что пьесу приняли тепло. Что Риша понравилась всем, что Мари прочат большое будущее, и что если Риша хочет продолжить театральную карьеру, то...

Вик не успел дослушать главного. Дверь с грохотом распахнулась, и на крыльцо вышел третий член приемной комиссии — брюнет, который донимал женщину с розовыми волосами. Он быстрым шагом подошел к компании, на ходу раскуривая сигарету. Вот уж кого не приходилось бы подслушивать.

— Что за халтура, Маша? Сколько я времени потратил, чтобы объяснить полусотне бездарей вроде тебя основы, слышишь, ос-но-вы драматургии?! Или я тебя сглазил, когда полгода назад сказал, что ты из полусотни не самая бездарная?!

Вик почувствовал, как его полоснуло чужое злорадство.

«Мартин, он только что сказал, что мы полгода на какую-то ересь убили!»

«А он что, не прав? Он только за „Машу“ заслужил мой приз зрительских симпатий», — отозвался Мартин.

— А образ «Офелии»? Назвала персонажа этим именем — изволь соответствовать, а не вываливать на сцену этот педофилический блудливый фарс!

Мужчина продолжал критиковать Мари, размахивая руками и поочередно тыкая пальцем то в нее, то в стоящих рядом людей. Часто звучали слова «бездарность», «дура»,

«привидение», «моль», «убожество», «свет», «безвкусица», «пошлость». Вик заметил, как Рита приобняла за плечи Ришу, которая, кажется, была готова расплакаться. Он сам хотел утешить ее, но решил дослушать.

Сигарета дотлела до фильтра. Рита заменила ее на другую, зажженную. Вик кивнул, не сводя взгляда с черноволосого.

Мужчина в сером мягко пытался остановить его, придерживав за запястье. Мужчина раздраженно стряхнул с себя его руку.

— Скажите девочке, что ее место в том коровнике, откуда вы ее достали, не обманывайте ребенка! И себя тоже не обманывайте, Мария, ваше место там же! — закончил он.

Вик видел, что Мари вот-вот заплачет. Как только черноволосый ушел, она и правда бросилась в объятия мужчине в сером, и разрыдалась, прижавшись лицом к его плечу. В ту же секунду Вика обняла Риша. Не успел он сказать ни слова, как она, спрятав лицо у него на груди, тоже начала плакать. Рита смотрела на эту сцену молча и курила третью сигарету. И тоже как-то подозрительно вздрагивала.

— Если ты тоже решишь поплакать, я не переживу, — предупредил ее Вик.

Рита смотрела на него совершенно безумными глазами. Сигарета в ее руках дрожала все сильнее. Вик словно в замедленной съемке видел, как она выскользывает из ее пальцев и медленно летит к земле. Рикошетит от носка сапога. С тихим шипением гаснет в луже талой воды...

Рита безумно хохотала, сложившись пополам. Она смеялась звонко, повизгивая и, кажется, пыталась что-то сказать.

«Мартин, мне страшно!»

«Да, три женщины в истерике — это не для слабых. Давай я».

— Какой... потрясающий... мужчина... — просипела Рита.

— Ты не расстроена? — на всякий случай уточнил Мартин.

Рита, не переставая смеяться, вытерла тыльной стороной ладони выступившие слезы и махнула рукой.

— Риша?..

— Это ты?.. — прошептала она.

— Да, я попросил дать мне поговорить, — тихо сказал он, обнимая ее.

Она, всхлипнув, прижалась к нему, судорожно обняв его под курткой.

— Зачем ты слушаешь всякие глупости? У любого успеха есть две стороны, и критика, иногда очень злая — одна из них.

— Она их слушает потому... что в нашем... коровнике... ой, я не могу... потому что в нашем коровнике... так при-и-инято, — с трудом выдохнула Рита, так и не прекратившая смеяться.

— Не стыдно? — риторически спросил он, глядя Ришу по спине.

Рита только покачала головой.

Мартин, тяжело вздохнув, наклонился к Рише, и что-то зашептал ей на ухо, спокойно и уверенно. Очень тихо, только для нее.

Вик всегда поражался тому, как Мартин умеет зачаровать словами любую боль — это и правда напоминало волшебство.

Когда Риша успокоилась, он, наконец, смог посмотреть на крыльцо.

— Они ушли. Посмотрели на нас и ушли, — хрипло сказала Рита, раскуривая очередную

сигарету. — Знаете что, ребята. Я предлагаю нам с вами поступить по-плохому и крепко напиться.

Мартин почувствовал, как вздрогнула прижавшаяся к нему Риша.

— Я согласна, — неожиданно ответила она.

«Вот за что нам это все», — простонал Вик.

Мартин только чуть крепче сжал объятия, словно надеясь удержать. Конечно, этого оказалось недостаточно.

...

Вик мало пил, мало говорил и все больше раздражался. К концу вечера обе девушки стали совершенно несносны, и он все чаще думал о том, чтобы малодушно попросить Мартина подменить его.

Они нашли небольшой бар неподалеку от университета. Сначала Рита хотела позвать остальных с ними, но Риша, стеснявшаяся шумных компаний, попросила ее этого не делать. Впрочем, Риту это несколько не расстроило. Она много смеялась, постоянно поправляла волосы, то застегивала, то расстегивала куртку и нервно теребила манжеты. Кажется, она могла бы пойти пить и одна, если бы Риша с Виком отказались составить ей компанию.

Но ни Вику, ни более взрослому и проницательному Мартину, было неоткуда знать, как алкоголь действует на двух перенервничавших школьников.

«Посмотри на цены — даже если мы втроем вытряхнем карманы, нам не хватит напоить даже одного человека», — ободряюще отметил Мартин, заглянув в меню.

Но он недооценил женского коварства. После первого коктейля Рита заказала кувшин яблочного сока и лимон. И, заговорщицки подмигнув, вытащила из сумки полулитровую бутылку с темно-янтарной жидкостью.

— Это что, папин городской коньяк?.. — обреченно спросил Вик.

— Не совсем, — хищно улыбнулась Рита.

«Это будет нелегкий вечер», — меланхолично отметил Мартин, садясь в проеме.

После того, как девушки допили третью порцию, Вик, который коварно оставил в своем стакане чистый сок без алкоголя, окончательно убедился, что Мартин прав. Обе хихикали, разглядывая висящее на стене панно с подсолнухами, и даже не пытались объяснить ему или друг другу что их так развеселило.

После четвертого стакана Рита начала рассказывать Рише о своих проблемах в семье и просить прощения за брата. Риша в ответ начала рассказывать о своем отце, иногда кивая на Вика, словно призывая в свидетели и называя не иначе как «вот он».

«Мартин, а Мартин. Вот нас двое. И их двое. А если они напьются в дымину — мы из обеих не утащим. Поразительная несправедливость».

«В этом мире вообще поразительно много несправедливости», — фаталистично вздохнул Мартин, уже смирившийся с неизбежностью «дымины».

Когда тема семейных неурядиц себя окончательно исчерпала, девушки несколько секунд смотрели друг на друга мутными глазами, словно пытаясь выразить некую общую мысль, повисшую в воздухе.

Обе одновременно повернулись к Вику.

Мартин почувствовал, как проем выскальзывает у него из-за спины.

— Я тебе это запомню, — проворчал он.

За все годы до этого Вик ни разу не выставлял его в реальность без разрешения. Сейчас он просто малодушно спрятался за его спину.

— А я знаю, как тебя зову-у-ут, — протянула Риша.

— Я очень рад, — тактично ответил Мартин.

— А я тоже знаю, — хихикнула Рита, придвигаясь поближе.

«Это я тебе тоже запомню!»

Вик предательски молчал, но Мартин чувствовал смутный фон чужой вины и смущения, перебивавшийся ярким облегчением.

— Спорим, что нет? — в голосе Риши звучали непривычные нотки, которые заставляли Мартина серьезно насторожиться.

— А давайте не будем спорить, девочки, и поговорим о чем-нибудь другом?

— Точно! О вашем перформансе!

— Это была свободная интерпретация сцены...

— Рит, он покраснел! Ты знала, что он умеет краснеть?

— Нет, я думала он весь такой как из глыбы льда. Иногда только разговаривает, как будто мы его любимые детишки... И что он так целоваться умеет я тоже не знала.

— Он мно-о-ого чего умеет...

— Риша, тебе завтра за это будет стыдно, — предупредил ее Мартин, аккуратно придерживая за руку.

— А с тобой поцеловаться — это плохо? — игриво спросила она.

— Да, — серьезно ответил Мартин.

Его смущало то, как смотрит на него Рита — пристально, прищурившись, словно что-то цепко фиксируя в памяти. Риша, не перестававшая глупо хихикать, внезапно схватила его за руку и подалась вперед, коснувшись теплыми губами его щеки.

— Я ужасная. Сделала плохо.

— Просто кошмарная, — улыбнулся Мартин.

Рита придвинулась ближе к нему и положила руку ему на колено.

— Слушай, Вик, а я вижу, что ты не пьешь.

— Зато ты пьешь за двоих, солнце мое.

— Так нечестно, — Рита посмотрела на него с такой обидой, будто он нанес ей личное оскорбление.

— Зато я смогу проводить вас обеих домой, не уронив в ближайшую канаву.

— Кстати о канаве! Читал газеты? — легко переключилась Рита.

Мартин только успел вздохнуть с облегчением, как она продолжила:

— В общем, тут маньяк. Прямо, представляешь, как под нашу пьесу. Хорошо, что мы ее поставили после того, как он появился, а не то на нас бы все повесили...

— Почему «под нашу пьесу»? Он бегаёт по городу в красном платке и говорит, что он — Бог?

— Почти, — серьезно ответила Рита. — Представляешь, уже семь девушек. Всех нашли тут, в реке. На всех — белые венки...

— И их... не смывает?.. — серьезно спросила Риша.

— Нет, он их крепит какими-то заколками. У всех горло перерезано, от уха и до уха.

Для большей убедительности Рита провела пальцем по своему горлу. Мартин не смог сдержать давно похороненного детского воспоминания: отец чертит дорожку на горле связанной свиньи. И воспоминания о том, как он, Мартин, этим ножом резал этой свинье горло, стараясь придать твердость движению детской руки.

— Говорят, режет потому, что за ними потом течением тянется красный след, типа он

от этого какой-то там кайф ловит.

— Эстетическое удовольствие, — подсказала Риша.

— Да, вот типа того. В общем, красиво, наверное — девушка, в белом венке, серая вода, красный след, и она такая на волнах покачивается...

— А еще я читала, что он подрезает им уголки губ. Это сейчас называют «улыбка Офелии».

— Девочки, а вы уверены, что это удачная тема? — поморщился Мартин.

Он не видел смысла в этом обсуждении.

Они не герои подросткового детектива. Они не возьмутся за расследование, не найдут и не накажут убийцу — так бывает только в книгах, причем в тех, которые Мартин не любил, считая их глупыми.

У него была куда более приземленная задача. Ему нужно было вернуть домой в целости и сохранности двух девочек, за которых он уже взял на себя ответственность.

— А все его жертвы — блондинки! — подытожила Рита, тряхнув черными кудрями.

— А я считаюсь? — меланхолично спросила Риша.

— Не знаю. Может в темноте сгодишься, — в тон ей ответила Рита.

Мартин мрачно покосился на кувшин, но пить не стал.

Вечер переставал быть томным.

— А спорим, что маньяк — тот черный мужик с премьеры?! — воодушевленно произнесла Рита, хлопнув ладонью по столу.

— Ради всего святого, Рита, в этом городе полно неприятных мужчин! — Мартин не испытывал ни тени прошлой симпатии к этому человеку, впрочем, это вовсе не было поводом обвинять его в таком страшном преступлении.

— Да нет, ну ты только подумай! Помнишь, как он говорил, что нужно соответствовать образу Офелии? Прямо с чувством говорил!..

— Рит, он очень много чего с чувством говорил.

— Например, про коровник, — тоскливо поддакнула Риша.

— И про коровник он говорил, да! Сразу видно — у-у-у, злодей! Представляете, идем мы сейчас по улице... Две пьяные девушки... И с нами всего один... кавалер...

— Из нас троих только у меня светлые волосы, — мрачно пошутил Мартин.

— Да, но ты не похож на Офелию, Вик, ты похож на самовлюбленного козла. Поэтому грозит тебе только какая-нибудь подслеповатая бабка, которая тебя в темноте со своей животинкой перепутает. Или идейный зоофил. Так вот. Идем мы значит, такие, по темному переулку... И навстречу нам...

— Гробик на колесиках. Рита, хватит.

— Этот черный мужик. В плаще в таком, с высоким воротником. И с красным подкладом...

— Мужик или плащ? — уточнила Риша.

— Плащ. Где у мужика подклад тебе, видимо, рано знать. Так вот. Выскакивает он из-за угла, с таким вот здо-о-оровенным тесаком. Смотрит вот на тебя, — указала она на Ришу, — и говорит: «Улыбнись, Офелия!..»

— А что потом?.. — с интересом спросила Риша, скосив глаза к кончику указывающего на нее пальца.

— А потом Вик смотрит на него своим вот этим фирменным разочарованным взглядом, мужик тушует и уходит. Он же любой кайф способен обломать, как ты с ним вообще

столько времени проводишь?

— Он очень... многогранный, — серьезно ответила Риша.

— Отличный каламбур, — в тон ей отозвался Мартин.

— Да, и целуется так, как будто его скоро расстреляют, видели, знаем. Ну что, котяточки... За любовь!

Рита подняла стакан. По ее глазам Мартин понял, что именно этот стакан и отделял Риту от «дымины».

И «дымина» наступила.

...

На счастье, Рита шла сама. Риша спала, обняв его за шею и уютно устроив голову у Мартина на плече.

Вик попросил его проводить девушек домой. Мартин чувствовал, что он отстранился, словно скрылся от него. Он догадывался, почему — Вик все чаще старался давать ему безраздельные моменты. К тому же Мартин заметил странную особенность — даже после небольшой дозы алкоголя друг словно отдалился, голос его доносился немного глуше, а обычные эмоции почти не доносились, подпернутые дымкой.

Чувство было непривычным. Редкое одиночество всегда ощущалось особенно остро.

Ночь была холодной. В этом году весна все никак не наступала — сырой ветер полосовал улицы, словно плетью. Мартин хорошо помнил дорогу и старался избегать как людных мест, так и темных подворотен. Шутки Риты, которые не казались ему смешными в теплом полумраке бара, на темной, почти безлюдной улице окончательно приобрели иной окрас. Правда опасался Мартин не маньяка, а остальных, агрессивно настроенных и не менее циничных, по его мнению, людей.

Рита оступилась и обхватила его запястье сухой, горячей ладонью.

— Прости. Слушай, Вик. Ты ведь... уедешь скоро, да?

— Да, — не стал отпираться Мартин. — А ты разве хочешь остаться в деревне?

— Нет. Я думаю, надо попытаться устроиться на работу в городе. Может, в какой-нибудь магазин с одеждой... А с учебой потом что-нибудь придумаю. Не вижу я своего будущего в образовании. Вообще, если честно, не вижу своего будущего. Как будто вот и правда сейчас появится маньяк и предпочтет брюнетку блондинкам...

Холодный воздух явно подействовал отвращающе, и пьяный кураж сменился похмельным унынием.

— Не говори глупостей. В конце концов, я пока еще здесь.

— Ты... пока еще здесь. И это так здорово...

Рита подняла на него взгляд, полный ледяной, царапающей тоски.

Каждый раз оставаясь с ней наедине Мартин оказывался в неловком положении. Он понятия не имел, что ему делать и что отвечать — их с Виком тайна, которую Вик уже по наивности доверил Рише держала его, словно паутина.

Ему нравилась Рита. Он не мог назвать это чувство влюбленностью, считая любовь чем-то несравненно более сильным, чем мимолетное увлечение. Но взгляд дотягивался до сердца легким электрическим током.

Но никакого значения это не имело. Он держал на руках девушку, которую любил, как младшую сестру. Она обнимала его тонкими, теплыми руками и щекотала дыханием шею.

Вот она, чужая, сбывшаяся любовь, которую он должен беречь всю оставшуюся недолгую жизнь. Ему не нужно умирать за нее, только легко опустить на собственное сердце

серую завесь, не дающую чужим взглядам и касаниям вызывать этот ток.

Это было не трудно.

Но это не значило, что он не мог быть Рите другом.

— А театральная карьера тебя перестала привлекать?

— Я никогда не любила театр. Но он придавал мне хоть какой-то вес. Знаешь, Вик, мне раньше часто снилось, что я легкая-легкая, как перышко. И это, может, был бы хороший сон, для кого-то. Но для меня это был кошмар. Представляешь, мне снилось, что мой парень меня обнимает, и мне тепло вроде и спокойно, и тут порыв ледяного ветра. И я не могу удержаться. Не могу ходить. Не могу лежать. Меня носит любым порывом ветра, и я сделать ничего-ничего не могу. У меня были парни, с которыми у нас была якобы любовь. У меня были родители, которые меня якобы любили, а на самом деле видели во мне только старшего брата. Мы вообще-то похожи, ко всем моим грехам... И вот, этот театр. Я была хотя бы не просто «та девка», «его сестра» или просто «дочь», я была... как там... «прима». Марго, вот.

Они шли по спальному району, совсем недалеко от общежития. Серые в темноте пятиэтажки, желтые окна, и небо, нависшее над головой. Что-то серое, усредненное, тоскливое, словно весь окружающий мир вторил Ритиным словам.

А в воздухе беспощадно, сыро пахло наступающей весной.

— И что придает твоей жизни вес сейчас?

— Вера в людей. Знаешь, Вик, я правда верю. Хоть ты меня тогда и поцеловал... Это потому, что ты добрый и тебе меня жалко, я знаю. Вы с Ирой такие... знаешь... я не знала, что так бывает. У вас по-настоящему, я всегда чувствовала. Так завидовала, если честно. Но если кто-то так способен любить, как вы друг друга — может, и для меня в этом мире что-то хорошее найдется. И кто-то и меня сможет... так любить.

Рита шла на шаг впереди. Ветер путал ее черные волосы, и на секунду Мартину показалось, что вокруг ее головы клубится тьма. Чистая, живая тьма, такая, как живет за его порогом. Ее черные мысли, ее тревоги. Ее страх перед будущим.

— Сможет, Рит. Я верю.

— А меня есть за что полюбить?.. Чтобы правда, по-настоящему?

— По-настоящему любят не за что-то. По-настоящему любят даже вопреки.

Рита обернулась к нему и слабо улыбнулась. Кажется, она не поверила.

Действие 16

Очень злится на нее

*В осеннем лесу, на развилке дорог,
Стоял я, задумавшись, у поворота;
Пути было два, и мир был широк,
Однако я раздвоиться не мог,
И надо было решаться на что-то.*

Роберт Фрост

В день премьеры в театре все волшебство пьесы внезапно исчезло. Грим на Рише смотрелся мертвой маской, танцевальные номера выходили техничными и бездушными и только финальный танец Виконта и Офелии, который пытался спасти Мартин, вышел немного ярче остальных. Вику казалось, что слова о божественности он хрипит, как уставший повторять старик. Рита трижды сбилась с ритма и, кажется, вовсе не заметила этого.

Мари потеряла всякий интерес ко всем своим подопечным, кроме Риши. После выступления она увела ее в гримерку и что-то долго ей рассказывала. Вик не старался подслушать. Он аккуратно развешивал на вешалке костюм, надеясь, что больше никогда его не наденет.

— Как ты думаешь, мы ведь... закончили, правда, Мартин?

«Я очень на это надеюсь. Что там, за дверью?» — внезапно встревожился он.

Вик прислушался. Из-за двери и правда раздавались злой мужской голос и редкие всхлипы. Он тихо, чтобы не спугнуть говорившего, открыл дверь и выглянул в коридор.

Кто-то высокий, одетый в черное стоял в углу, целиком загораживая собеседника спиной.

— Я тебе обещаю, что в моей группе тебя не будет, слышишь?! Мне совершенно наплевать на то, кто там пускает слюни на твою смазливую мордашку и тощие конечности, поняла?!

— Я пускаю, — ледяным голосом сообщил Вик, кладя руку мужчине на плечо.

Вик доставал ростом ему до плеча и был меньше его раза в полтора. Но это не умаляло его мрачной решимости, если потребуется, перевести конфликт в драку. Потому что Риша за спиной мужчины стояла, сжавшись и закрыв лицо руками. Вик слишком часто видел эту позу. И приходил в бешенство каждый раз, когда видел.

Мужчина смотрел на него сверху вниз, и в его глазах не было угрозы, только липкое, унижительное презрение. Фыркнув, словно оскорбленный кот, он повернулся к Рише, явно намереваясь сказать еще что-то, но рядом с ней уже стоял Матвей. Он даже не успел переодеться, только стер грим. Он смотрел мрачно и тяжело, низко опустив голову.

Пожав плечами, мужчина, чье имя Вик так и не удосужился узнать, просто развернулся и вышел из зала, не оглянувшись. Почему-то Вик чувствовал себя так, будто его только что унизили.

Но он не стал сосредотачиваться на этом ощущении. Вместо этого подошел к Рише и

сжав ее запястья, заставил отвести руки от лица.

— Это не имеет никакого значения, ясно? — мягко спросил он, вытирая слезы с ее лица.

Она только неуверенно кивнула.

— Он прав, — неожиданно подал голос Матвей. — Все, что сказал этот человек — ложь. Я ничего не понимаю в искусстве, но, если бы меня спросили, что это такое, я бы ответил, что представляю твое лицо.

Риша, кажется, забыла, что только что была расстроена и напугана. Для Матвея это была неожиданно длинная и неожиданно поэтичная речь. Он вообще почти все время молчал, кажется, опасаясь слов и власти, которую они могут обрести.

Вик был удивлен не меньше подруги. Он чувствовал, как на его чувства накладывается сдержанное изумление Мартина.

— А почему... Почему Февраль? — неожиданно спросила Риша.

— В этот месяц родилась моя младшая сестра.

Он говорил эти слова со странной, несвойственной ему улыбкой. Но едва они прозвучали, как к лицу его вернулась былая безучастность. Коротко кивнув, Матвей вышел вслед за мужчиной в черном.

— А он сказал мне, что меня возьмут на прослушивание, — все еще не отойдя от шока, отстраненно сказала Риша.

— И этот замечательный человек...

— Сказал, чтобы я не приходила, потому что для меня здесь ничего нет. Но его просили передать, чтобы... чтобы я ждала вызова.

— Потрясающе, — искренне улыбнулся Вик и поцеловал ее.

На губах остался солоноватый привкус.

...

Эта весна напоминала затишье перед грозой. Вику казалось, что с его запястий соскользнули шелковые ленты, которые почти неощутимо, мягко управляли его движениями все эти месяцы. Когда Мари и ее театр исчезли из их жизни, дни наполнились каким-то новым, простым и понятным смыслом.

Вик сказал Мартину о своем намерении поступать в медицинское училище. Мартин долго отговаривал и даже обещал саботировать поступление, но Вик чувствовал, как в нем теплится робкая надежда, что это исполнение хоть одной мечты может оказаться правдой. И ничто не могло заставить его отступить.

Мартин начал готовиться. Вера достала откуда-то целый ящик справочников и пособий. Вечера они проводили в библиотеке, и эти вечера были особенно уютными и немного грустными, потому что скоро им предстояла разлука.

Вик и не заметил, когда стал выше Веры. В уголках ее глаз появились первые ниточки морщин. Но она упорно продолжала звать его «малявкой» и смотреть так, словно он вот-вот попросит достать книгу с верхней полки, заставив подняться с кресла.

Весь мир вокруг стал каким-то зыбким и ненастоящим. А может быть, он впервые обрел свои реальные черты.

Однажды утром, выйдя на кухню, Вик встретился глазами с отцом, и понял, что перед ним сидит очень уставший человек на пороге собственной старости. И больше — никто.

«Ты можешь простить его?» — спросил Мартин, почувствовав этот момент.

«Нет. Но это и не нужно. Ни ему, ни мне. А ты?»

«Я никогда не прощаю таких вещей».

Вик только кивнул и вышел из кухни, забыв, зачем туда направлялся.

Его комната всегда была такой тесной? А эта чайка на шкафу — ее нарисовал Мартин, когда Вик был еще совсем маленьким — давно ли начала осыпаться белая краска?

Скоро он покинет эту комнату навсегда. Захочется ли ему оборачиваться? Захочет ли он вернуться?

Все-таки в этом доме он часто бывал по-настоящему счастлив. Поддавшись внезапному порыву, Вик открыл дверь шкафа, и посмотрев в зеркало позвал:

— Мартин!

Он стоял рядом. Вику казалось, что он видит его словно заключенным в почти невидимую белую рамку — очертания проема. Но это не имело значения. Зажмурившись, он сделал шаг вперед. Протянул руку.

Когда-то бабочки Мартина вились вокруг керосиновой лампы, и они были настоящими в тот момент, когда Вик на них смотрел.

Он Бог? Ему все можно?

Если бы это было так, он не стал тратить времени на глупости как Виконт.

Не открывая глаз, он сделал шаг вперед. Кончики пальцев коснулись чего-то теплого.

Он прижал ладонь к сухой шерстяной ткани. Протянул вторую руку.

Ткань жилета Мартина наощупь была мягче и тоньше ткани сюртука.

Мартин не исчезал, как раньше, он стоял рядом, и Вик чувствовал прикосновение теплой ладони к затылку. Стараясь не делать резких движений, он прижался щекой к плечу Мартина, сжав руки у него за спиной.

— Спасибо тебе, — тихо выдохнул он.

В этот момент все исчезло. Он обнимал пустоту, стоя посреди комнаты.

Мартин ошеломленно проводил ладонью по лацкану сюртука.

В этот момент все было настоящим — и он сам, и слова, которые сказал ему Вик.

...

Первые экзамены в школе начались в апреле, для Вика и Риши — одновременно.

На математике быстро решив задания из своего билета, он целиком решил билет Матвея и переписал его на два листа, на тот случай, если один отберут. Впрочем, он сомневался, что это произойдет. Подсовывая один из листов под билет, Вик с удивлением заметил, что Матвей сам почти решил первую половину задач.

В этот момент Вик почувствовал нечто вроде гордости. Пусть он когда-то, только начав учебу в школе просто цинично привязал Матвея к себе, чтобы он помогал ему в конфликтах, все же Вик потратил немало времени, объясняя ему каждую тему, раз за разом. Даже те вещи, которые казались ему очевидными. И теперь он видел, что это было не зря.

Наверное, что-то похожее чувствовал Мартин. Вик вдруг подумал, что ему бы очень хотелось, чтобы Мартин им гордился.

Всегда.

От экзамена по литературе и языку его освободили за участие в спектакле. Билеты на химии и биологии, необходимых для поступления, за него решил Мартин, который и собирался поступать. Увлечшись, он исписал на обоих предметах несколько лишних листов. Учитель только тоскливо посмотрел на аккуратные строчки формул.

— Это ты писал?

«Мартин, мы идиоты».

«Да, мы идиоты. Давай я решу этот маленький... конфликт. Скажи хоть слово о корках, Вик — и будешь выпутываться сам», — предупредил его Мартин.

«Молчу-молчу. Вообще-то я хотел спросить, не предложишь ли ты ему потанцевать под красивую песню о леди с зелеными рукавами».

«Непременно», — ответил Мартин, широко улыбаясь учителю.

— Да. Я.

— И весь год ты сдавал мне тетради с другим почерком?

— У меня раздвоение личности. Иногда я приличный человек с ровным почерком, а иногда неврастеник, и буквы у меня похожи на рыболовные крючки, — серьезно ответил Мартин.

«Я тебе это запомню!»

— Невовремя шутите, молодой человек.

— Я не шучу. Смотрите.

Мартин взял чистый лист, и твердым, каллиграфическим почерком написал посередине «Aliis inserviando consumor».

Вик, решив не ломаться, повторил надпись прямо под первой.

— И что же ты написал?

— Светя другим — сгораю.

— Ах да, я помню с вашего спектакля... только ты там говорил, что сгорает быстрее то, что ярче горит. Что же, пусть будет неврастеник... Можешь идти.

Мартин кивнул, прижав кончики пальцев к груди и вышел из класса.

«Да откуда у тебя эти замашки? Ты не иначе как в прошлой жизни был каким-нибудь занудным аристократом, придушенным воротничком!»

— Значит, хорошо, что сейчас у меня все по-другому, верно? — улыбнулся он в ответ.

...

Риша нервничала перед каждым экзаменом почти так же сильно, как перед премьерой, а успешно сдавая — радовалась, как ребенок.

В мае было назначено ее прослушивание.

Мир словно замер в ожидании. Он наполнялся цветами и запахами. Весна обрушивалась на землю дождем, растекалась терпкой зеленью и распускалась цветами.

Риша готовилась к прослушиванию. Они часами сидели на поваленном дереве около озера. На песке догнивала лодка, под которой больше не было лис. Риша читала Вику вслух одну пьесу за другой. Иногда просила его помочь и тогда они, передавая друг другу книгу или журнал, читали по очереди.

Вик не мог не заметить, что ей стали удаваться самые разные роли. Даже Эспуар Риша стала читать убедительно.

Мартин слушал и улыбался. Он видел, что Вику гораздо больше нравится просто слушать ее голос и следить за изменениями лица, чем вникать в сюжет и сочувствовать героям. Впервые за долгое время Мартину было так хорошо и спокойно. Его собственное счастье и счастье Вика сливались в одно ровное, белоснежное сияние. Даже легкая тоска Мартина по Рите не омрачала этих дней.

А потом, майской ночью, Мартин проснулся от того, что в комнате было невыносимо душно, несмотря на открытое настежь окно. Словно зачарованный, он тихо пробрался на крышу и сел, глядя, как в небе собирается клубящаяся чернота. Мартин не знал, сколько он просидел так, но, когда ему на лицо начали падать первые капли дождя, частые, и теплые,

его посетила неожиданная мысль. Она была болезненна, обескураживающе проста и беспощадна.

— Всё... — прошептал он.

В эту секунду грянул гром.

Если бы Мартин не сидел в этот момент на крыше, он бы не увидел человека, который, шатаясь, бредет к забору. Тонкая фигура в сером, почти неразличимая в дождевой завесе. Рядом с человеком, кажется, шла собака, на которую идущий тяжело опирался.

— Вик, просыпайся немедленно!

Сейчас Мартин был рад грозе. Его торопливые шаги по крыше не разбудят отца, и ему не нужно терять время, чтобы ползти к краю.

Он бежал к забору, на ходу стягивая куртку, и молился про себя, чтобы это оказался другой человек. Кто-то заблудившийся, застигнутый дождем, только не...

«Мартин...»

Мокрая щеколда на заборе никак не поддавалась. Зарычав, Мартин обернул ее рукавом куртки и дернул со всей силы. Раздался едва слышный в шуме дождя металлический лязг, и щеколда осталась у Мартина в руках. Он, не глядя, отбросил ее и толкнул дверь.

Почему-то первым, кого он узнал, была Тень. Старая сука, совсем не похожая на монстра из детских кошмаров Вика, седая, с розовым шрамом на печальной морде, стояла под дождем и смотрела на него виноватым янтарным взглядом.

Но Мартин уже не смотрел на собаку.

— Риша... — прошептал он, накидывая на нее куртку.

Она смотрела на него совершенно безумными глазами. Мартин не мог различить ни одной внятной эмоции в смеси ужаса и отчаяния, исказивших белое лицо.

— Мартин! — выдохнула она, протягивая к нему руки, не замечая, как куртка сползает с ее плеч.

Ни о чем не спрашивая, он подхватил ее, закутав в куртку, и понес в дом. Он оставил дверь приоткрытой, чтобы Тень, если захочет, могла остаться во дворе. Ничего большего сделать для собаки он не мог — к нему жалась Риша, ее била крупная дрожь и она шептала какие-то слова, которых он не мог различить в нарастающем шуме грозы.

И все же в его сознании успела мелькнуть злая мысль о театральности наступившей развязки. О нарочитости несомненно произошедшей трагедии. Этой злости Мартин не мог себе объяснить.

Вик был сосредоточен и холоден. Мартин чувствовал, что он боится, боится панически, но этот страх был скрыт чем-то ледяным, не дающим волю чувствам. Это зимой он легко поддавался этому страху, увидев Ришу за окном. Сейчас Вик полностью себя контролировал.

Может, потому что зимой он почти ничего не мог исправить, а сейчас, вдруг сейчас у него еще остался шанс?

Он зашел в дом, не разуваясь, прошел в комнату, закрыл окно и запер дверь. На полу растекалась лужа дождевой воды, но Мартин этого не замечал.

Он уже собирался уступить место Вику, когда Риша мертвой хваткой вцепилась в его руку.

— Мартин, только не уходи!

Он почувствовал, как его полоснула слепая, обжигающая ярость. Не удержавшись, он прикрыл рукой глаза — эта ярость была болезненна, как вспышка мигрени.

«Вик!»

«Прости. Я не хотел», — процедил он.

— Что случилось, девочка? — ласково шептал он, глядя ее по мокрым волосам и накидывая ей на плечи шерстяное одеяло.

Но она только бессильно рыдала, прижимаясь лицом к его плечу.

— Он был прав... он всю мою жизнь... всю жизнь был прав...

— Кто был прав, Риш? Почему я уверен, что это неправда?

— Потому что ты... добрый... ты не знаешь... ты не можешь... тебе неоткуда знать...

А потом она заговорила. Мартин слушал ее, и чувствовал, как весь мир вокруг чернеет и медленно сужается до ее лица. Как он сам, в этой окружающей черноте, перестает существовать.

— Почему ты боишься Вика, Риша?.. — спросил он.

Губы его не слушались. Не слушались руки, он потерян и разбит, и впервые в жизни понятия не имел, что делать.

— Потому что... потому что... он теперь меня не примет...

Мартин успел отшатнуться, не позволив чужому, полному черной, безумной ярости сознанию волной снести его обратно.

— Вот значит как? — прошипел Вик, сжимая ее руки.

Он чувствовал, как на его шее завязывается шелковая удавка алого платка.

— Я... я не...

— Иди сюда. Иди ко мне!

Мартин ничего не мог сделать. Как и тогда, на сцене, Вик, знакомый ему с детства, словно скрылся в тени, уступив другому — белоглазому, оскаленному от ненависти. И он больше не старался взять себя в руки и хоть немного смягчить жестокость движений и слов.

Потому что слабости нужна сила. Потому что ей она поверит сейчас больше, чем ласке, а еще потому, что даже если бы Вик захотел, он не смог бы ничего с собой сделать.

А потом злость куда-то ушла, схлынув так же внезапно, как и накатила. И теперь в его поцелуе была горькая, отчаянная нежность, вся, которую он только мог дать своим разбитым сердцем. Всем своим разбитым миром.

Мартин не уходил. Сейчас он был нужен им обоим, хотя бы дня того, чтобы из последних сил сдерживать подступающее безумие.

Ришин рассказ стучал у него в ушах.

Мари приехала к ней, когда она возвращалась из школы. Встретила не у дома родителей, не у самой школы. Она сказала, что ее прислали, чтобы проводить на прослушивание. Что дату перенесли из-за скорого отъезда режиссера. Мари была не на своей машине, но Риша не придавала этому никакого значения.

...Вик стянул с нее мокрое платье и с отвращением отшвырнул в угол.

Они приехали не в театр, а в небольшую подвальную студию.

Их встретил полный мужчина в сером костюме, режиссер из приемной комиссии. Это не брюнет, он безопасен и безобиден...

Кофе в белой чашке, на ободке отпечаток красной помады. Мари зачем-то сказала ей подвести ресницы и губы, дала свою косметичку.

А потом только темнота. Безвольная темнота, в которой нет ничего. Ни звуков, ни ощущений, ни запахов, ни времени.

И все же ей казалось, что темнота скрывает не все. Не все тяжелое, липкое и мокрое, навалившееся и задушившее ее вместе с темнотой.

...Вик не испытывал и тени прошлого возжеления. Эта близость нежеланна, словно горькое лекарство для обоих. В ней вспышками сливается вся любовь, вся нежность и вся полынная стыль, которая владеет ими сейчас.

У нее горячие губы.

У него ледяные руки.

Согреться.

Забыться, любой ценой.

Она часто дышит, обжигая дыханием его лицо.

Он задыхается.

Стать ближе, стать одним целым и никогда...

Не расставаться.

Мартин давно отвернулся от проема.

Он не отвел эту беду. Его не было рядом, он не смог ничего сделать. Все их бело-золотое счастье рассыпалось на осколки от чужой, жестокой прихоти.

... Мари говорит Рише, что она потеряла сознание. Что нужно было меньше нервничать и поесть перед прослушиванием.

Мари соврала, и Риша была не настолько наивна, чтобы ей поверить. Нет пояса на ее платье. Риша не могла ничего сказать, только просила вернуть пояс. Отец будет в бешенстве, если она вернется без него...

Она отказывается от предложения Мари отвезти. Мари сказала, что она сошла с ума, что просто перенервничала и что ее отец рассказывал ей слишком много страшных сказок.

Риша не поверила. Не сказала ни слова, только снова и снова завязывала и развязывала пояс на платье. Почему Мари думает, что она не поймет, что произошло? Почему ей кажется, что этого можно не чувствовать, как липкой грязи, покрывающей кожу?..

А мужчины, который должен был проводить прослушивание, нигде нет. Риша просит у Мари сигарету, но она не дает, стоит, обхватив себя руками, и с ненавистью смотрит на дверь. Рише вдруг становится смешно. Она спрашивает, где же мужчина, будет ли прослушивание, но Мари не отвечает.

Мари злится. Почему-то Мари очень злится на нее.

Остатки красной помады у нее на губах, неуместной, вульгарной — он пытается стереть их, но только пачкает и свои руки.

Мартин стоял, уперевшись лбом в стену.

Бессилие. Знакомое с детства по самым черным кошмарам бессилие, ледяное и черное, кандалы на запястьях, решетки на проеме.

Он чувствовал, как вина подкатывает к горлу тяжелой, пульсирующей тошнотой.

Что он мог сделать? Заставить Вика ходить за Ришей, как пес, всю ее жизнь? Объяснить Рише, что никому нельзя верить? Она и так с детства была окружена врагами. Случилось то, к чему она шла всю свою жизнь, с самого раннего детства. Или то, к чему ее вели.

Жертва. Настоящая, истинная жертва, вторая Ришина ипостась, ее Офелия. То, что не смог выбить из нее отец, то, что не смог успокоить Мартин своей дружбой, и утопить своей любовью Вик.

Мартин чувствовал, как в его душе толчками разливается густая, черная, как смола ненависть. К этому миру, к себе и к Мари.

«Ах ты подлая, лицемерная тварь! Вот зачем тебе нужны детишки из деревни. Вот зачем

тебе девочка, которая не доверяет отцу, и ничего не расскажет о случившемся. А тот мужчина в черном, черт возьми, он ведь пытался отпугнуть Ришу, ведь судя по разговору Вадима с любовником, это происходит не в первый раз! Каким надо было быть идиотом, чтобы раньше не заметить!..» — думал он, и с каждой секундой ненависть наполняла все больше.

Наполнила до краев, вытеснив остальные чувства. Никто не мог сказать Мартину, как почернели в этот момент его глаза, словно до краем наполнившись чернилами.

Еще не поздно. Он все исправит.

Риша почти ничего не помнит. Они уедут, так далеко, как только можно. Может быть, они вернуться к матери Вика, а может быть уедут туда, где их никто не знает и не будет искать. И время все сгладит, все забудется, лишь бы у него было это время...

Мартин слышал, как снаружи, с той стороны, где была беседка, нарастает частый звон. С трудом поднявшись, он распахнул дверь.

Темнота, казавшаяся ему живой и подвижной, как волны на море, сейчас покрывалась трещинами, как черное стекло. Сколько было доступно его взгляду — только ломающийся мрак, с просвечивающим сквозь него алым светом.

Где та золотистая ниточка счастья, которая когда-то так обрадовала Мартина?.. Не найти и следа.

...Риша спала, тихо поскуливая во сне. Вик прижимал ее к себе и пустыми глазами смотрел в темноту.

И в его белом взгляде отчетливо виднелись красные сполохи.

Действие 17

Камерная казнь для тех, кто скучает весенним вечером

*Еще я вспомню когда-нибудь
Далекое это утро лесное:
Ведь был и другой предо мною путь,
Но я решил направо свернуть —
И это решило все остальное.*

Роберт Фрост

Вик сидел на кухне, положив ноги на стол, и читал газеты. Они лежали на полу высокой желтовато-серой стопкой, и он лениво брал одну за другой, прочитывал в каждой одну заметку и отбрасывал. Шуршащие листы постепенно укрывали пол. Рядом стояла большая чашка кофе и лежала пачка сигарет.

Мартин наблюдал молча, чувствуя повисшее в воздухе напряжение. Одно слово могло оказаться решающим. Разбить остатки самообладания. Эмоции Вика ощущались прохладно-ровными, как вода в штиль, но это не означало, что в черной глубине этого моря не таятся монстры, которых Мартин еще не встречал.

Вик пил кофе и курил сигареты одну за другой, не чувствуя, как дым обжигает горло.

— Вот послушай, Мартин, — в его голосе звучала какая-то нездоровая веселость. — Этот человек, который в городе убивает женщин. Все они, если верить журналистам, убиты вечером. Он любит высоких блондинок. Хорошо одетых, не бедных. Он склонен к драматизму. И его до сих пор никто не нашел...

«Зачем тебе это, Вик? Какого черта ты собрался делать?»

— Все ты прекрасно знаешь. Хочешь меня поотговаривать? — улыбнулся он, делая глоток из чашки. — А давай. Расскажи сказку про Мир-В-Котором-Все-Правильно, Мартин. Скажи мне, что потворство злу — большой грех. Я хочу послушать.

Каждое его слово было похоже на пчелиный укус. В голосе Вика звенела ледяная насмешка.

«Ты что, пытаешься сделать меня виноватым?!» — прошипел Мартин, склоняясь над проемом.

— Нет, Мартин, ты ни в чем не виноват. И я не виноват. Но скоро мы это исправим, я тебе обещаю. О, надо же, я слышу шаги. Любишь справедливость, Мартин? У меня есть пара мыслей про справедливость.

Отец стоял на пороге и смотрел мутным, тяжелым взглядом.

Наверное, таким же, как когда-то в детстве. Когда он избил его в первый и последний раз.

Вик не изменил позы. Он смотрел, как лицо отца меняется, и широко улыбался, с трудом подавляя рвущееся откуда-то из глубины сытое урчание.

Эмоции на лице отца.

Как по нотам. Как в детстве.

Удивление.

Горечь.

Разочарование.

Презрение.

Ярость.

Ненависть.

— Крошка сын к отцу пришел. И спросила кроха. Что такое хорошо. И что такое плохо? — протянул он, салютуя чашкой.

Театральность реплики резанула сознание, и это, черт возьми, было почти приятно.

— Какого черта, сын?

Вик скривился. Слово «сын» он слышал, пожалуй, впервые за многие годы. Может быть даже за все.

— Я пью кофе... папа. Замечательное утро, не-так-ли? Так к чему нам отравлять его твоим мятым рылом? Ты давно видел себя в зеркало, старый ты хрен? Чем ты отличаешься от своих свиней, ума не приложу. Только почему это ты их режешь, а не они тебя? В этом была бы хоть какая-то честность.

Вик говорил, и в груди все отчетливее пузырился колкий кураж. Он говорил искренне, и вместе с тем ему хотелось вытащить из кармана несуществующую бумажку с ролью и подглядеть слова.

Словно он начинал выступление в спектакле, финала которого еще не знал.

Он смотрел, как на лице отца ненависть снова сменяется яростью, а затем мелькает так давно ожидаемый им страх.

Вик улыбался. Эта улыбка была искреннее, чем любая из улыбок Виконта. Звериный оскал, серые губы на белом лице, бесцветные глаза в красных прожилках — он словно видел себя со стороны, и эмоции были словно прилипший к коже грим.

Риша вернулась домой вчера утром. Вик сказал ее отцу, что она провела ночь у него, застигнутая дождем.

Вик не спал вторые сутки. Он ничего не ел, только пил кофе, курил и читал газеты, которые взял у Веры в библиотеке, проводив Ришу. И еще он был очень, очень зол.

— Ты, я вижу, много воли взял?.. — наконец сказал ему отец, делая один, тяжелый, короткий шаг. — Так я тебя больше пороть не стану, я тебя своими руками удавлю.

— А удави. Давай. Помнишь, ты меня в шесть лет научил резать свиней? Я теперь знаю зачем.

Рядом с Виком на столе лежал длинный нож с белой пластиковой рукоятью. Они с Анатолием одновременно посмотрели на этот нож, и оба поняли, кто первым успеет его схватить.

— Думаешь, я стану тебя бояться, после того, как ты скакал от меня по всему двору?

— Это было давно, — ответил он, протягивая руку к ножу.

Отец не пытался помешать ему, заранее полагая это бесполезным.

Вик медленно встал со своего места, держа нож лезвием вниз. Локоть он отвел чуть в сторону, готовясь к замаху.

Он не стал выставлять нож лезвием вперед, чтобы его нельзя было перехватить за вытянутое запястье. Не стал защищаться и хвататься за оружие, как за последнюю надежду.

На лице отца явственно читалось сомнение. Он был не молод. Он последние годы много пил и почти не вставал с кресла. Когда-то он мог завязывать в узлы гвозди, но теперь силы оставляли его.

Вик был выше, гораздо моложе и злее. Он ничего так сильно не хотел, как всадить этот нож в отца, если он даст хоть малейший повод.

И Анатолий ясно видел это. Вик смотрел, как вздуваются вены у него на висках и шее. Как краснеет его лицо. Он все больше напоминал быка, замершего перед броском.

И в душе росло предвкушение. Зуд в пальцах и ладонях, легкая тошнота в горле — навязчивое, мучительное желание. Дотронуться, дотянуться — мокрое, горячее, красное, красное, льется, льется по полу, по мятой ткани рубашки, неправильной ткани...

Но вдруг отец как-то странно обмяк. Исчезла угроза, краска схлынула с лица. Перед ним стоял рыхлый пожилой алкоголик, который никак не мог быть его противником.

— Ну что же ты, сынок, — жалостливо протянул он.

А потом развернулся и ушел, закрыв за собой дверь.

Вик, фыркнув, отложил нож, сел в кресло и развернул следующую газету.

...

«Вик, ты не должен ее избегать. Я понятия не имею, что ты там задумал и надеюсь, что мои догадки не верны, но ты сейчас нужен Рише. Не месть, понимаешь?»

Вик сидел на берегу озера, мрачно глядя на воду. Когда-то в детстве это озеро казалось ему далеким и огромным. Сейчас перед ним небольшой лесной водоем, полный чистой, зеленоватой воды. Если он нырнет, то больше не увидит в поросшем мхом пне остов корабля.

Волны озера больше не будут волнами моря, они не смоят с тела невидимую грязь и не наполнят душу.

Сказка кончилась.

Вик пришел к этому озеру утром и просидел несколько часов, почти не шевелясь. Он был готов здесь и уснуть, лежа на холодной земле, завернувшись лишь в тонкую куртку. Больше его не могла напугать темнота.

Мартин был в отчаянии. Он представлял себе, что чувствует девочка, хватавшая его за руки и говорившая ему, что Вик не примет ее. Он не мог понять причин его жестокости, и боялся привести его к Рише насильно. Да он и не был уверен, что ему бы это удалось.

— Я к ней не пойду. Не пойду пока... пока мне не будет, с чем к ней прийти, — внезапно отозвался Вик.

«Вик, я тебя умоляю, неужели ты не понимаешь, она напугана, ей больно, и она никому, кроме нас с тобой не может довериться! Прошу тебя, умоляю, ты же все эти годы не вел себя как дурак, сейчас самый неподходящий момент начинать за всю твою жизнь!»

Отчаяние Мартина отдавалось тоской и болезненно давило на виски.

Вик смотрел на берег и видел призраков. Их двое. Мальчики, одному шесть, а второму — двенадцать. На младшем голубая рубашка, большая, с закатанными рукавами. На втором — мятый темно-зеленый пиджак. Один беловолосый, кое-как подстриженный, а у другого вьющиеся каштановые пряди постоянно падают на глаза, и он раздраженно смахивает их кончиками пальцев. Это первая в жизни боль, ошеломляющая, горящая следами ремня на коже. Это не только побои, это предательство любимого отца.

И старший говорит, говорит, и слова его еще не имеют полной власти, но вот-вот обретут ее.

И младший думает...

Вик закрыл глаза. Он хорошо помнил, о чем думал в тот момент. Что он виноват, и что Мартину из-за него больно.

И что не любить никого — значит не страдать.

Что вина похожа на звонкую канарейку, бьющуюся в клетке.

И вот был бы способ накинуть на эту клетку тряпку, оставив птичку в темноте.

Что метель, которая обезличивает все окружающее пространство — самая прекрасная вещь на свете.

Что мальчик по имени Кай был счастлив только во дворце Снежной Королевы.

Кай... когда Вик потерял свою сестру? Сколько лет назад он разлюбил ее?

Он ведь разлюбил ее не просто так. Потому что эта любовь причиняла боль, еще одну жестокую и несправедливую боль. Почему же он не сделал того же самого с остальными? Зачем было любить Мартина, влюбляться в Ришу, чтобы теперь сидеть на проклятом берегу в надежде спрятаться в прошлом от того неизбежного, темного, в чем он вот-вот собирается захлебнуться?

Хуже всего, что и Мартин и Риша страдали. Прямо сейчас. Из-за него. Из-за своей любви к нему. Потому что он любил их.

Потому, что он повез Ришу в театр, заставил выступать на чертовой сцене, думая, что помогает ей осуществить мечту. На самом деле он помогал Мари показать товар. И он, Вик, этот товар выгодно оттенял своей злой, хищной страстью.

Он сжал кулаки так, что ногти глубоко впились в кожу.

— Что я ей скажу, Мартин?

«Не хочешь ты — дай мне! Вик, ее нельзя оставлять одну, ты представляешь, о чем она думает?!»

— Нет, Мартин. Не сегодня. Не в этот раз. Больше не будет сказок о справедливости и добре. И сопереживании. Посмотри лучше, что я нашел в журнале Веры.

Он держал в руках кусок глянцевой страницы. Интервью Мари.

Мартин пробежал глазами по строчкам, но он не искал то, что хотел показать Вик — эти слова и так словно были подсвечены красным.

«А если кто хочет об искусстве со мной поговорить, сказать, что таким, как я там не место — пусть придет ко мне и выскажет претензии вслух. Мой адрес...»

— Я теперь точно знаю, что должен делать. Наверное, впервые в жизни так отчетливо и ясно. Ты не сможешь мне помешать, Мартин, — грустно пробормотал Вик, складывая обрывок в карман. — А знаешь, почему? Потому что ты хочешь того же. И ты согласен со мной. Скажи правду, Мартин. Скажи, я узнаю, если ты солжешь. И если ты сможешь честно ответить «нет», я ничего не сделаю. Но ты ведь хочешь того же, чего хочу я?

Мартин закрыл глаза. Это была ловушка. Его собственная ярость и непримиримая борьба со злом загнали его в ловушку. И Вик цинично захлопнул ее.

«Да», — выдохнул он.

...

Близился вечер. Вик встал с земли, отряхнул одежду и в последний раз с тоской посмотрел на воду.

— Ну что же.

Он вышел из леса, и несколько минут стоял на опушке, закрыв глаза.

— Мартин, где живет Рита, ты помнишь? Она как-то говорила.

«Зачем она тебе?»

— Хочу попросить ее о помощи. Сейчас нам всем нужна помощь, и друзья должны поддерживать друг друга, не-так-ли? Ну же, Мартин, я сам могу вспомнить. Но я клянусь,

что не собираюсь ничего с ней делать.

Мартин вздохнул. Он помнил дом, который она называла. В деревне вообще-то было не так много домов, Вик мог стучать по очереди в каждый, и скорее всего нашел бы ее быстрее, чем обошел половину.

«Идем».

Вик шел быстрым, размеренным шагом. Путь от леса до деревни теперь занимал у него около двадцати минут. Добежать он мог бы и быстрее, но он не собирался никуда нестись, сломя голову. Ему больше некуда было торопиться и некого спасать.

Дойдя до дома Риты, он постучал, прислушавшись к лаю собак. Что-то смутно знакомое брезжило в этом доме и во дворе, видневшемся сквозь забор.

Ему открыла немолодая, грузная женщина в цветастом халате. Вик с почти детским восторгом узнал ее — надо же, столько лет жить в одной деревне, и не узнать мать девушки, с которой дружил!

— Здравствуйте, уважаемая! Не волнуйтесь, мне не нужна ваша клубника, я хочу видеть вашу дочь! — весело сказал он.

— Ритку чтоль? — хрипло отозвалась она.

Не было цветных реек на огороде. О доме явно заботились, но на нем лежала неуловимая печать запустения. Словно люди иногда исчезают не несколько недель, а потом не слишком-то стараются устранить последствия.

— Ее. Могу я зайти во двор?

— Заходи, раз пришел, — коротко бросила женщина, заходя в дом.

Вик стоял во дворе и разглядывал грядки с клубникой. Он клубнику никогда не любил, а с того дня испытывал к ней какое-то инстинктивное отвращение.

— Вик! Ты на ягоды посмотреть пришел? Тебе нарвать? — весело окликнула его Рита.

Волосы она заплела в косу, а на ее лице совсем не было косметики. Было видно, что она не собиралась никуда идти.

Наверное, показаться ему в таком виде означало некое особое доверие.

Он вымученно улыбнулся ей:

— Прогуляемся?

...

Потребовалось три круга по деревне, чтобы Вик закончил рассказ. С каждым словом Рита становилась все бледнее, а под конец вырвала у него руку, за которую он ее держал и разрыдалась.

— Вот ведь мудаки! Ненавижу, твари!

Она подняла на него полные ярости черные глаза.

— Вот как, да?! Вот так оно происходит, вот такая вера в справедливую любовь?! Да в хер не упиралось такое искусство!

Вик невольно залюбовался. Рите шла злость. И именно в этот момент он отчетливо понял, что делать.

— Не кричи. Мне нужна твоя помощь, Рит.

— Что нужно?! Могу в окна влазить и глотки перегрызать!

— Было бы неплохо, но у меня решение поизящнее, театралы мы или быдло деревенское? Тебе не придется пачкать свои красивые ручки, — его тонкие губы сломала непривычная усмешка. Словно напряглись какие-то мышцы, которые он раньше не использовал.

А невидимый листок с ролью, с нарочитыми словами, все еще неслышно шуршал в кармане.

— И что же?..

— Сначала скажи мне, ты обещаешь мне, что мы доведем дело до конца?

— Вик, — внезапно улыбнулась ему Рита, и он с восторгом узнал знакомый оскал Виконта на ее лице. — Ты сейчас отнял у меня последнее, во что я верила. Вот теперь мне уже на все насрать.

— Чего же ты хочешь, Рит?

Она подошла к нему. Прижалась к нему, и он почувствовал, как ровно стучит ее сердце. Рита не боялась, выдыхая это слово. Не была во власти ненависти и злости.

— Боли, — коротко выдохнула она.

...

Вик все же зашел к Рише. Мартину пришлось приложить все усилия и даже прибегнуть к шантажу. И вместо того, чтобы ночевать в лесу, он отправился к Рише домой. Никто не говорил ему уйти, Ришин отец смотрел куда-то сквозь него. Вик заставил Ришу выпить снотворного и лечь спать. Он всю ночь просидел в углу ее комнаты.

Мартин видел образы, которые вспыхивали в его сознании особенно ярко, и его тошнило. Вик с мазохистским удовольствием прокручивал в голове одну сцену за другой, воображая, что происходило вчера в студии. И эти видения были почти осязаемо-липкими. Он не стеснялся додумывать подробности и даже уводить фантазии от основного сюжета — словно торопился отравиться, лишь бы не передумать.

«Вик, ты не хочешь поспать?»

«Нет».

«Послушай...»

«Я больше не стану тебя слушать, Мартин. Не теперь. Я становлюсь слабее, когда делаю, как ты говоришь. Я просто сойду с ума, если сейчас позволю себе верить в добро и справедливость. Для нее есть какое-то добро?»

«Сейчас ты для нее добро».

«И что этот ублюдок сделал с ней и моим добром? Ну уж нет».

И все же он ненадолго забылся сном, который мало отличался от яви — все видения остались с ним, только он потерял над ними всякую власть.

С первым проблеском рассвета Вик встал с кресла и подошел к кровати.

— Риша? Риша, проснись!

Она открыла глаза и слабо улыбнулась. Улыбка отдалась ударом тока где-то у сердца. В этот момент ничего не хотелось так сильно, как лечь рядом и остаться лежать. Говорить, слушать, а потом придумать жизни новый смысл и новую ложь, которой можно утешиться.

Но видения — видения были с ним.

— Риша, мне очень, очень нужна твоя помощь.

— Что мне сделать? — прошептала она, садясь на кровати.

— Запри дверь. И до вечера ее постарайся не открывать. Скажи, что я всю ночь тебя сторожил, а потом уснул. И ты не хочешь меня будить. Хорошо?

— Зачем?

— Поверь мне, мое солнце. Просто поверь, хорошо? Если понадобится — выходи из комнаты, но говори, что я там. Я вернусь, заберусь в окно, а потом выйду через дверь.

— Вик...

— Прошу тебя, девочка, солнце мое, любимая, мне очень нужно, чтобы ты сделала так, как я прошу.

— Хорошо. Хорошо, я сделаю.

Он, улыбнувшись, поцеловал ее, а потом неслышно выскользнул за дверь.

...

Вик сел на первую электричку, в самый конец вагона и всю дорогу смотрел в окно. Над городом, рассвет еще не брезжил. Он ехал, отставляя сероватый свет позади, в ночную темноту.

Все деньги, что он заработал, лежали у него в кармане. Ему нужно было сделать несколько незначительных покупок, и совершить мелкую кражу. Он старался не думать об этом, чтобы лишний раз не тревожить Мартина.

В электричке он снова ненадолго задремал. Он спал чутко и тревожно, часто вскидываясь. Если Мартин решит занять сознание и упереться...

Ему не хотелось думать, что случится тогда. Ему не хотелось бороться с Мартином, по крайней мере сейчас. Потому что настанет момент, когда Мартин сделает все, чтобы его остановить. И этот момент должен был наступить как можно позже.

А что если нет? А что если он поймет, если они смогут сделать это вместе?

Вик зажмурился. Эта мысль была сладкой, притягательной — но вместе с тем невозможной.

Ну уж нет, если кто-то сегодня и должен продать душу — это будет он. Не Мартин. Только так он мог отблагодарить его за все, что он сделал.

И Вик усиленно думал о том, как сильно хочет напиться. Мартин не верил ему. Он следил за ним, не спуская глаз, и впервые в жизни Вик понял, что тактичный и добрый, с детства знакомый Мартин может стать опаснейшим врагом.

А Мартин старался не подавать вида, что он понятия не имел, что делать. В проеме дрожала туманная дымка, смазывавшая картинку и заглушавшая эмоции Вика. Еще немного — и он окажется запертым и ничего не сможет исправить.

Приехав в город Вик зашел в крупный магазин и долго ходил между полок. В результате купил банку крема, ножницы и полотенце. Несколько минут разглядывал стенд с бигуди, потом добавил к покупке упаковку.

Только Мартин заметил, как он взял что-то с полки и незаметно сунул за пазуху. Оплаченное сложил в рюкзак.

После этого Вик вернулся на вокзал. Зал ожидания был почти пуст. Несколько человек, сидевших там, не обратили на него никакого внимания.

Зайдя в кабинку туалета и запершись изнутри, Вик достал из-за пазухи то, что украл в магазине.

«Вик, какого черта?!»

— Я же не хочу, чтобы нас узнали, — улыбнулся он.

Это была краска для волос. Русый, мышиный оттенок.

«Вик, ты совсем с ума сошел?!»

— Не дергайся раньше времени, — посоветовал он.

С каждым словом туман становился все гуще. Так недалеко и до решеток на проеме.

Мартин молча наблюдал, как Вик размешивает краску и на ощупь наносит на волосы. Рубашку он снял, смазал руки, лоб и виски кремом, надел перчатки.

«Надо же, он и волосы умеет красить, не иначе начитался Вериных журналов», —

тоскливо думал Мартин.

Через полчаса Вик вытер крем полотенцем и, заперев дверь, быстро смыл краску в раковине и вернулся в кабинку. Вытер чистым краем полотенца волосы.

«Сколько движений, а ведь он еще не начал», — Мартин молча наблюдал, как Вик старательно завивает волосы на бигуди.

После этого Вик еще около получаса стоял, не прислоняясь к стенкам туалета и, брезгливо морщась, курил. Затем снял бигуди с волос, растрепал их.

Сложил бигуди в карман. И, наконец, вышел из кабинки.

Из мутного зеркала над раковиной на него смотрел русоволосый кудрявый мальчик. Его нос стал казаться короче, а черты лица намного мягче. Только белые глаза в ореоле угольно-черных ресниц не подходили этому лицу.

Усмехнувшись, Вик вышел из туалета и быстрым шагом, накинув капюшон куртки, ушел с вокзала. Купил карту города в ларьке.

Потом долго кружил по улицам, разглядывая вывески и, наконец, зашел в еще один магазин.

Это было темное, полуподвальное помещение. Оранжевая надпись на черной стене гласила: «Бар Корова».

— Бра-а-атишка-а! — с широкой улыбкой обратился он к сидящему за стойкой парню. — У вас тут и не совсем бар, а?

Движения его были нервными, а походка подпрыгивающей.

— Здесь магазин. Но мы еще и налить можем, — усмехнулся продавец.

Это был высокий, худощавый парень с длинными, давно не мытыми черными волосами. На нем была черная футболка с логотипом какой-то группы, о которой Вик понятия не имел.

Вокруг висели дешевые костюмы, на полках стояли фигурки вперемешку с томами комиксов с большеглазыми девочками. Мартин вспомнил, что Рита рассказывала о чем-то подобном. Кажется, упоминала о ребятах, любящих красить волосы в кислотные цвета, носить странную одежду и кошачьи уши. Правда Вик вряд ли пришел сюда за ушками.

Ну конечно. Куда еще пойти чудаковатому подростку, желающему что-то изменить в себе.

— Сеструха линзы просит. Такие, она у меня видит-то хорошо, но хочет ярко-голубые вот чтобы глаза были. Есть у тебя такие?

Вик выглядел обычным наивным дурачком, который пытается рисоваться и выглядеть «в теме», но слишком сильно нервничает.

Парень, фыркнув, выставил на стойку коробку.

— Выбирай. Молочка тебе налить не надо? У нас со знаком плюс, — со странной усмешкой предложил он.

— Молочка? Я молоко не люблю, дурно мне с него, — бесхитростно ответил Вик.

Только Мартин почувствовал скрытое злорадство. Вик прочитал все, что стояло у Веры на полках. И шутку про молоко со знаком плюс понял очень хорошо.

«Мне для старого и доброго... нужно нечто иное...» — думал он, копаясь в коробке.

Нашел ярко-голубые линзы. Долго разглядывал их, уточняя детали — перекрывают ли они цвет глаз, как долго их можно носить, как за ними ухаживать и можно ли давать их носить кому-то еще.

В конце концов парень не выдержал и попросил его оплатить покупку и убираться наконец.

Вик, послушно кивнув, сунул линзы в карман, отдал мятую купюру и вышел из магазина. Как только дверь у него за спиной захлопнулась, он выпрямился, согнал с лица глупую улыбку и твердым шагом отправился в ближайшее кафе.

Заказал у официантки кофе. Девушка не смотрела на посетителя, занятая своими мыслями.

Как только она отошла к стойке, Вик встал с места, пересек зал и зашел в туалет. Запер дверь. Потом тщательно вымыл руки, разложил на раковине несколько бумажных полотенец и вытащил кармана коробочку с линзами.

Открыл первый контейнер, подцепил пальцем невесомый лепесток и, глубоко вздохнув, поднес к глазу.

Мартин даже не надеялся, что у него не получится. Вик был в таком состоянии, что он бы раскаленный паяльник к глазу прислонил, не то, что линзу.

Повозившись, Вик вставил линзу. Несколько раз моргнул, чтобы она стала на место. Скривился — ощущение было таким, будто в глаз насыпали песка. Затем проделал тоже самое со второй.

У его отражения в зеркале были карие, почти черные глаза. Мартин даже не удивился. Не для того Вик так настойчиво махал у продавца перед глазами коробкой голубых линз, чтобы не взять вместо них линзы другого цвета.

«И красть не стал, чтобы он не обнаружил пропажу...»

В туалете, вместе с салфеткой, Вик выбросил бигуди. Сверху набросал мятой бумаги.

Все действия заняли у него минут пять. Он вышел из туалета, и одновременно с ним от стойки отошла официантка с его заказом.

— Уважаемая, нет ли у вас свежих газет? — спросил он, придерживав девушку за руку и преданно глядя ей глаза.

Она только кивнула и спустя минуту положила перед ним свежий номер местного издания.

На первой полосе была фотография худого мужчины в милицейской форме, который смотрел в камеру усталым взглядом, и поднимал руку в отвращающем жесте. «Милиция бессильна», — гласил заголовок.

— Замечательно, — прошептал Вик, глядя фотографию кончиком пальца.

На коже осталась невесомая взвесь типографской краски.

«Вик? Поговори со мной», — тихо попросил его Мартин, поняв, что экспрессией он ничего не добьется.

«Чего ты хочешь?»

«Вик, послушай. Я честен с тобой, и ты это знаешь. Я тоже люблю Ришу, и я искренне ненавижу тех, кто это сделал. Но...»

«Что „но“, Мартин? Где эта грань, за которой ненависть превращается в „но“?»

«Там, где ты берешься вершить самосуд».

«А разве ты не сделал тоже самое с теми детьми, что нам угрожали?»

«Ты прекрасно знаешь, в чем разница. Те „дети“ домогались ребенка, а в тюрьму отправились за кражу и побои. И они отправились в тюрьму, прошу заметить».

«И ты никогда никому не желал смерти?» — усмехнулся Вик, отпивая кофе.

«Как ты думаешь, почему я ни разу никого не убил?»

«Что?..»

Мысль была неожиданной и абсурдной. Почему Мартин никого не убил? А разве мог

Мартин кого-то убить? Честный и добрый Мартин?

И в тот же момент Вик понял — мог. И очень, очень хотел. С первого дня появления, с первого взгляда на его отца, с первых воспоминаний. Это он, Мартин, зарезал свинью, и Мартин представил на ее месте отца.

Если бы он хоть раз раскаялся в этих мыслях, Вик бы решил, что ему не дает страх перед муками совести. Но Мартин со всем своим гуманизмом никогда не раскаивался.

Когда Мартин зарезал свинью, на белой стене в комнате Вика появился черный потек. Мартин жил в бескрайней черноте, на которой не осталось следов.

Так почему?

Не хотел, чтобы Вика посадили из-за него в тюрьму? Не хотел клейма преступника?

Но никто не посадил бы в тюрьму ребенка. И Мартину хватило бы изобретательности скрыть преступление, особенно если бы он выглядел как трогательный, изможденный голодом белокурый мальчик.

Почему же Мартин никого не убил?

Он перелистнул страницу, чтобы занять руки. После криминальной хроники шел раздел мероприятий.

«Театр Современной Драмы представляет камерный спектакль по роману Набокова „Приглашение на казнь“ — для тех, кто скучает весенним вечером».

«Приглашение на казнь для тех, кто скучает весенним вечером».

Камерная казнь, только для своих.

«Вот видишь. Прикрой лицо газетой, я тебе покажу. Не бойся», — печально попросил Мартин.

Вик, кивнув, поднял газету и закрыл глаза.

Туман в проеме развеялся. У Мартина мелькнула секундная мысль, что нужно броситься в этот проем... Но что ему делать потом? Утопиться? Пристегнуть себя к батарее на всю оставшуюся жизнь? Провести всю жизнь в борьбе, рискуя потерять место и уступить его озлобившемуся Вику, который больше слушать его точно не станет?

И вместо этого Мартин открыл свою вторую дверь.

— Смотри.

Красные сполохи все росли в темноте. Тревожный свет заливал беседку и красил белые розы Мартина в кроваво-алый цвет.

— Это твое безумие, Вик. Тьма, которая живет в тебе. Осталось сделать шаг, и она прорвется наружу и утопит нас всех. Я в первый раз прошу тебя о чем-то для себя. Не хочешь для Риши, не хочешь для себя, так хоть не дай мне захлебнуться в этом.

В голосе Мартина не было угрозы, не было хитрости. Только тихая, поглощающая тоска и звенящая мольба. Все его чувства в этот момент были обнажены, и в них не было и тени фальши.

— Я никогда не убивал, потому что иначе я перестал бы быть тем человеком, который может кого-то спасти. Я сделал этот выбор десять лет назад и был ему верен. Твоя очередь.

Вик открыл глаза. Исчез Мартин с его открытой дверью и полными печали серыми глазами. И погасли алые сполохи в его собственных глазах.

К черту.

Они уедут. Сбегут, от всего, что причиняло боль все эти годы. От своего прошлого, каким бы оно ни было. Найдут место, где смогут обрести покой, и ничто не сможет им помешать.

Вик прикрыл глаза, позволяя себе согреться близким теплом этого будущего.

Мартин прав. Десять лет назад он сделал выбор и был ему верен. Спас его, Вика, от безумия и смерти.

Мартин прав. Мартин спасал его и теперь пытается спасти. Не человека, который надругался над Ришей, и даже не Мари.

А что у него, Вика, осталось? Что еще можно спасти? Может, спасти нужно вовсе не его?

И Вик вдруг отчетливо понял, зачем он это делает. Понял, что совершится сегодня и что будет потом. Пожалуй, это был правильный финал.

Он улыбнулся и провел ладонью по лицу.

А затем он открыл глаза.

«А ты лицемер, Мартин. Сколько еще девочек подложит под своего режиссера эта женщина?»

Невидимый листочек с ролью. Призрачный талисман.

«Так напиши заявление! Давай придумаем что-то другое... или дай мне это сделать».

«Тебе?.. И ты сделаешь?»

«Да».

Вик чувствовал, что Мартин не врет. Розовые капли ледяной воды падали в зеленую траву с его побелевших рук, а он все продолжал тереть их, смывая невидимые пятна. «Прочь, проклятое пятно!»^[9]

Он помнил, чем закончилась та история.

«Нам не с чем идти в милицию. Нет, Мартин, сегодня будет по-моему».

Вик расплатился и вышел из кафе.

До улицы, где жила Мари, он доехал на автобусе. Улыбнулся пожилому кондуктору, помог молодой женщине вытащить коляску.

«Хочешь и дальше строить из себя доброжелательного дурачка? До каких, интересно, пор?»

«Пока за мной не закроется дверь ее квартиры».

Немного побродив по улицам, он нашел цветочный магазин и, подумав, толкнул дверь. Истерично звякнул колокольчик.

— Здравствуйте! Я хотел бы купить букет, — обратился он к девушке, обрезавшей длинные, темно-зеленые стебли бархатных алых роз.

— Какой ты хочешь? Для кого?

— О, я большой поклонник одной дамы, живущей неподалеку. Она — актриса, потрясающая, талантливая женщина! — восторженно говорил он, медленно двигаясь вдоль рядов. — Я хочу, чтобы букет был большим. Я хочу, чтобы там были цветы всех оттенков, какие только у вас есть!

— Мальчик, а ты не хочешь подобрать для актрисы что-то более сдержанное? — скривилась девушка.

— Нет-нет, я уверен.

Девушка собирала букет, болезненно морщась, когда приходилось сочетать пушистые желтые хризантемы с нежными лилиями. А Вик ходил за ней и незаметно добавлял в букет по несколько цветов. То, что цветы почти всегда были белыми, можно было заметить, только если специально обращать на это внимание, а девушка была слишком занята создаваемой ею безвкусицей.

Получив букет и оставив несколько купюр, Вик вышел на улицу.

— Простите, вы не подскажете мне, сколько сейчас времени? — обратился он к прохожему.

— Без четверти три, — коротко бросил он, не сбавляя шага.

«Превосходно», — подумал Вик.

От букета пахло медом и мертвыми цветами.

Рита ждала его неподалеку от подъезда Мари. Она сначала не узнала его и, к его немалому удовольствию, не стала ничего говорить, а только коротко кивнула.

— Рит, ты уверена? Предупреждаю, сейчас последний шанс развернуться и уйти.

Она смотрела на него без улыбки, сосредоточенно и серьезно. Потом молча покачала головой.

— Я предупредил, — пожал плечами он. — Слушай внимательно, это очень, очень важно. Заплети волосы, убери косу под воротник. Старайся ничего не трогать руками, если трогаешь — тут же вытираешь, ясно? Нас здесь не было.

— Я сестра насильника и торговца наркотиками, Вик, — горько усмехнулась Рита, заплетая косу. — Я знаю, как преступления остаются безнаказанными. А если там пусто?

— Развернемся и уедем домой, в следующий раз подготовимся лучше. Оставим букет под дверью.

— А мне подаришь цветочек?

— Выбирай любой, солнце мое.

Рита, улыбнувшись, вытянула из букета тонкую, почти незаметную фиалку.

— Violets, — задумчиво отозвался Вик. — Как «Violence». [\[10\]](#)

— Стишок почитай, Виконт, твою мать, — зло оскалилась Рита, прикалывая невидимкой фиалку к воротнику.

— Не потеряй, — глухо отозвался он, доставая из кармана тонкие кожаные перчатки.

...

Мартин сидел в кресле, развернув его к затянутому густым туманом проему. Снаружи доносились только обрывки фраз и несвязные звуки. Мартин не мог понять, что происходит. Он не слышал Вика, а Вик не слышал его. Зато Мартин отчетливо слышал стеклянный звон снаружи. Частый и оглушительный, будто взрывы фейерверков.

Туман появился неожиданно, когда к Вику подошла Рита. Именно в ту секунду, когда Мартин решил вмешаться, чувствуя, что сомнительная справедливость Вика грозит обернуться чем-то совсем уж паскудным. Но он не успел.

Вот и все.

Все, к чему он пришел за эти годы. Все, чего стоила его любовь, все его жертвы, все его несбывшееся море, которого он так и не увидел. Темнота. Изоляция. И по обе стороны проема царит ад.

Он не знал, сколько просидел так, напряженно вглядываясь в туман. Иногда ему удавалось различить лишь смутные тени, но он не мог понять, что эти тени делают.

И только одна фраза прозвучала отчетливо и горько:

— Ну что же ты, котенок...

Мартин не выдержал и закрыл глаза.

— Это конец, Орест, — печально сказал он рыбке. — Орест?.. Надо же. Какая удивительная метаморфоза. Раньше темнота не так давила на тебя, дружок? Что же, она нас всех изуродует. Дай ей немного времени.

В углу комнаты ярко светился белый огонек. Фонарик рыбы-удильщика, фальшивый свет, ведущий к гибели.

...

Мартин не знал, сколько он просидел так, почти без движения, пристально вглядываясь в туман. И когда он рассеялся, он медленно встал с кресла и выглянул наружу.

«Превосходно, Вик. Молодец. Просто прекрасно. У меня один, твою мать, вопрос, где Рита?»

Вик стоял на старом мосту. Внизу красивая блондинка в белоснежном венке смотрела пустым зеленым взглядом в высокое, звездное небо. По серой воде тянулся красный след.

Располованный в вечной улыбке рот, раскинутые руки — не то распахнутые объятия, не то застывший поклон, не то распятие.

«Виктор, где Рита?! Где она, где, черт возьми?!»

Он улыбался. Мартин впервые назвал его полным именем.

«Виктор. Но меня так никто не зовет. Я еще не взрослый», — болезненно отозвались в памяти одни из первых слов, сказанных им Мартину.

Теперь взрослый.

Виктор чувствовал, как виски сжимает болью. Он уходил с моста, пряча в карман завернутое в тряпку окровавленное лезвие бритвы. Он только сдавленно хихикал, чувствуя, как смех давит ему на грудь и щиплет глаза. Но он не идиот, не станет патетически хохотать над жертвой.

«Где она?!»

Мартин истерически разметал его воспоминания, одно за другим, в поисках единственного нужного ответа. Они обжигают и пахнут железом, эти воспоминания.

Вик так старательно читал газеты, не пропускал ни одной детали, чтобы все сделать правильно.

«А я сразу поняла, что ты злой», — звучит голос Мари. Свежие воспоминания, темные подъезд, темная квартира — бесполезные, бес-по-лез-ны-е воспоминания.

Белые цветы, вытщенные из букета. Незаметно — остальной букет он оставляет вставленным в дверную ручку. Он не стал покупать только белые цветы, хотя и бела очень маленькая вероятность, что его запомнят. Но она была. Он не стал вытаскивать из букета все белые цветы. Была очень маленькая вероятность того, что кто-то заметит, что в пестроте букета не хватает белых. Но она была.

«Знаешь, в чем между нами разница, котенок? Я ее хотя бы жалею».

Не то. Все это — не то.

Ему не интересно, как он убедил Мари пойти с ним не этот мост. Не интересно, как он вплетал в ее волосы венок из белоснежных цветов, закрепляя его украденными вместе с краской заколками.

«И может, там я буду жить вечно!»

Наплевать. Ему наплевать на Мари, и с самого начала было наплевать.

Воспоминания. Яркие вспышки.

Мари кому-то звонит, и по ее спине змеятся влажные светлые пряди.

Мартин отчетливо слышит: «Да. Еще одна».

«Чем ты лучше?! Ты же клялся мне, что ничего с ней не сделаешь!»

«Тем, что мы с ней обо всем договорились заранее».

Одно воспоминание сменяется другим.

Кровь на руках — от себя, чтобы не было брызг. Пятна все равно останутся, у него в рюкзаке сменный комплект одежды, а эту он сожжет.

У него неприметная внешность, только белые глаза и волосы. Кто вообще запомнит мальчика, метавшегося по городу, где живут сотни тысяч людей, и купившего букет в неприметной лавке? Была очень маленькая вероятность, что его запомнят. Но она была. Кудрявый русский кареглазый парнишка, дерганый и бессмысленно улыбающийся — плохая кандидатура на роль маньяка. Но если решат искать — пусть ищут. Белоглазый и беловолосый Вик, отличающейся холодностью, к тому же проспавший весь вечер у Риши в комнате, не имеет к нему никакого отношения.

Подростки часто делают глупости. Через два дня вручение аттестатов — Вик поспорил с Ритой, он побреется налысо. Линзы, скатав между пальцев, выбросит на дорогу. Они останутся на колесах проезжающих мимо машин, никто никогда не найдет их. И не станет искать.

К тому же кому интересны нервные подростки. В городе орудует маньяк.

Он эстет. Он выбирает поэтичный метод убийства, излишне сложный и рискованный, но он склонен к драме.

Офелия.

«Поверь преступнице со стажем. В конце наши жертвы всегда приходят за нами... Как эти солнца — прощу ли себе с-сама?..» — голос Мари звучал словно издалека, а слова не имели смысла.

Нельзя убить Мари, оставив безнаказанным человека, который надругался над девушкой.

Что мог пятнадцатилетний деревенский подросток против взрослого, влиятельного мужчины?

Пойти в милицию. В газеты. Устроить одиночный пикет. И почти наверняка остаться ни с чем.

Но если в доме мужчины найдутся улики, указывающие на то, что последняя жертва была у него дома незадолго до смерти. Немного — волосы. Следы сапог, забытый шарф.

Если найдутся свидетели того, что она была с ним близка.

Если последний звонок с телефона жертвы сделан по этому номеру.

То это создает очень, очень серьезные проблемы влиятельному мужчине. Но недостаточно прийти в его квартиру в чужих сапогах, оставить ему чужую вещь и несколько волос.

Нужно что-то гораздо более серьезное. Например, оружие убийства.

И отсутствие алиби.

Виктор поймал такси, пробормотал водителю адрес. Режиссер назвал Мари адрес по телефону.

Мартин до последнего не хотел верить, что это действительно происходит. Но прятаться от себя бесполезно.

Бесполезно прятаться от правды.

Виктор зашел в подъезд. Поднялся на этаж. Со смутной тревогой отметил, что мусоропроводы заколочены — может быть, от крыс. Или от запаха.

Он не поверил своему счастью — около нужной квартиры стоял мешок с мусором. Неопрятный идиот, лучше не придумать. Виктор аккуратно развернул тряпку и, проходя мимо двери, незаметно уронил лезвие в пакет. Хозяин квартиры не вынесет его раньше утра.

А дольше пакету, скорее всего, и стоять не придется.

Любой убийца рано или поздно ошибается, даже так глупо.

Но даже лезвия мало.

Даже из этой ловушки влиятельный мужчина мог бы вывернуться.

Если бы в момент совершения убийства он не насильствовал бесчувственную несовершеннолетнюю девочку.

Виктор спустился по темным этажам, сел на скамейку у соседнего подъезда и достал пачку сигарет. Руки у него не дрожали.

«Как она вообще, черт возьми, на это согласилась?»

«Она любит меня. Точнее, тебя. А мы с тобой оба, Мартин, хорошо умеем убеждать. Не переживай, вот она идет. Смотри, живая и здоровая».

Виски сдавила знакомая боль. Отчаяние. И что-то покалывало язык, растекалось в горле горьким и вязким.

Чужая вина. Мартин молчал, не говорил больше ни слова. Это его любовь использовал Виктор, чтобы достичь своей цели. Без Риты у него бы ничего не вышло. Без него, Мартина глупо влюбившегося в эту девушку, у него бы ничего не вышло.

Рита села рядом с ним, взяла у него сигарету.

— Что теперь?

— Зайдем в любое работающее кафе, я переодену рубашку, поедем на вокзал. Там в туалете сбрею волосы, потом сожгу вместе с одеждой. Вернусь домой и наконец-то посплю.

— Нет, Вик, дальше... Еще дальше. Мы все правильно сделали? Ты чувствуешь... облегчение?

— Ты же сделала это ради меня, солнце мое, правда? — прошептал он, двумя пальцами придерживая ее за подбородок. — Спасибо тебе. Мне не просто легче. Я почти счастлив, — солгал Вик.

А потом притянул к себе и поцеловал. Не пытаясь ничего изобразить, не пытаясь скрываться — она ведь этого хотела. Ну так и пусть получит. Яд? А ничего, кроме яда у него сейчас нет.

И может, не будет уже никогда.

— А дальше, Рита, мы со стороны посмотрим, как будет развиваться этот спектакль.

— Но... даже если его посадят, ведь настоящий маньяк будет продолжать убивать, — прошептала она, ошеломленно касаясь кончиками пальцев губ.

— Значит, у него появился подражатель. Мало ли в мире психов, которые прячутся за масками других психов.

Рита не мигая смотрела на него исподлобья.

А потом запрокинула голову и расхохоталась. Если бы Мари могла слышать этот смех, она была бы довольна.

Виктор смотрел на нее и чувствовал только сытое, удовлетворенное тепло.

Действие 18

Ад у порога

*Я излечилась от своего прежнего желания, чтоб он меня убил,
пусть лучше убьет себя!*

Э. Бронте

Мартин мрачно молчал, выстукивая пальцами по косяку частый ритм. Виктор сидел на краю кровати и курил, уставившись в стену. У него под ногами лежали документы — паспорт и аттестат. Пепел он стряхивал прямо на герб на обложках.

«Вик, послушай, все и должно было так кончиться. Чего ты ждал? Благодарности?»

Вопрос остался без ответа.

Газеты пестрили заголовками. Режиссер «Театра Современной Драмы» — их неуловимый Гамлет. Справедливость торжествует, люди могут спать спокойно.

Но ведь Виктор не только убийство совершил в этот день.

Рита, хоть и сама согласилась помочь Виктору, не должна была оказываться в доме режиссера. Это было предательство и его, Мартина, тоже. Пусть он не любил Риту так горячо и нежно, как Вик Ришу, но это ничего не меняло.

И главное, ничего не меняло для Риты, которая ничего о любви Мартина и не знала.

А вторым было то, о чем Виктор не собирался задумываться.

Настоящий убийца, которого не будут искать, легче дотянется до очередной блондинки, которая будет думать, что ей ничего не грозит. А что будет, когда совершится еще одно убийство? Режиссера выпустят? Будут искать подражателя? Не окажется ли все напрасным?

Это и не давало Мартину даже задуматься о том, что эта рана останется шрамом, который не изуродует всю их дальнейшую жизнь.

Наружу Мартин даже не пытался выглядывать. Он не хотел видеть, что там произошло.

— Это конец, да ведь, Мартин? — хрипло выдохнул Виктор.

«Надеюсь», — сдержанно ответил он.

— Ты меня не простишь, верно?

«Здесь речь не идет о моем прощении. Все гораздо... глубже».

— Значит, вы оба от меня отреклись, — горько усмехнулся он. — Зачем ты вообще потащил меня к чертовой елке десять лет назад? Зачем ты вообще вмешался, Мартин? Со своими бабочками, со сказками про корабли и про любовь...

«Вик, ты пришел к девушке обритый, с окровавленной рубашкой в сумке и заявил, что убил женщину, которой она год восхищалась. Ты на что рассчитывал? Что она разрыдается и бросится тебе в объятия?» — устало спросил Мартин.

Он и правда очень устал. Все слова, все чувства казались бессмысленными. Они все равно никуда не вели — только к боли и разочарованиям. Мартин чувствовал себя так, будто стоит на пепелище собственного дома и не испытывает ни одной эмоции. Кроме, может быть, легкого удивления.

А что дальше?

Что он теперь должен сделать? Занять сознание Виктора ночью и сунуть голову в петлю, чтобы устранить безумца? Попытаться докричаться до остатков его разума,

договориться, утешить, дать новый свет? Вариант с петлей казался более вероятным. Только сможет ли он это сделать?

Мартин рассеянно посмотрел на раскрытую ладонь. Над ней танцевала тающая тень белого мотылька.

Он прислушался. Вик не прятался, не скрывал ни чувств, ни мыслей. Схлынул вчерашний кураж. Не осталось и следа Виконта. А может, он затаился где-то во тьме, ядовито ухмыляясь и выжидая.

А Вик был растерян, несчастен и чувствовал себя виноватым и униженным.

Мартин тяжело вздохнул и сел на краю проема. Закрыв глаза, потянулся в пустоту. Опустил руку, сжал ее на плече Вика.

«Послушай. Да, как раньше ничего не будет — видишь, я тебе не лгу. И Риша... не думаю, что она поймет. Поехали отсюда. Куда-нибудь подальше. Выберем место, где мало людей, где будет спокойно и где можно будет подумать. И попытаемся понять, что нам делать. Как нам... жить дальше».

Последние слова дались Мартину особенно тяжело. Потому что он понятия не имел, как жить дальше, а еще он не скрывал даже сам от себя, что боялся. То, что всколыхнулось в душе Вика мутной, кровавой чернотой — злое и извортливое, теперь вряд ли затихнет.

Но перед ним был не убийца и не безумец. Мартина было трудно обмануть, и он чувствовал, что Вик сейчас обычный человек. Его била мелкая, морозная дрожь, а глаза жгло, как при жаре.

Риша не приняла его. Отшатнулась в ужасе и зарыдала, закрыв лицо рукавами. Так, как она делала, когда перед ней был враг. Только теперь это он стал врагом. А она дрожала и тихо повторяла: «Уходи, пожалуйста, уходи...»

Вик не чувствовал раскаяния. Но боль от потери, острая и горькая, разливалась по телу и искала выхода, мучительно и беспощадно. В крике, в любом разрушении, в очередном убийстве. В чем угодно, только бы заглушить.

С детства привычное теплое касание руки, огромные, голубые глаза. Она так верила ему, как никому другому.

Так любила его.

И он так ее любил. И вот ее отняли — надругались над ней, над ее мечтами и ее страхами. Осквернили всю чистую и светлую любовь, которая была у них.

А потом он сам ее оттолкнул. Нужно было слушать Мартина. Нужно было остаться рядом с ней, сторожить ее сон, утешить ее и забрать себе всю боль, что у нее была.

Почему он не сделал этого?.. Зачем нужна была эта страшная ночь, мертвая женщина в серой воде и красный след на волнах?

— Вик?.. — раздался рядом тихий голос.

Он, вынырнув из омута мрачных мыслей, удивленно оглянулся.

Риша сидела рядом.

— Как ты...

— В окно, как всегда. Вик, отдай, пожалуйста. Что с тобой, ты же никогда раньше не курил... — прошептала она, вытаскивая у него из ослабевших пальцев почти догоревшую сигарету.

Он смотрел на нее и чувствовал, как на сердце разжимаются ледяные тиски. Мартин ошибся. Конечно, он просто ошибся, разве Риша может его не простить?

— Риша... Риша, солнце мое, прошу тебя, послушай...

— Что ты с собой сделал, Вик, зачем... — с горечью прошептала она, проводя пальцами по его бритому затылку.

— Я хотел тебя защитить... Я хотел... Я хотел спасти... Прошу тебя, не оставляй меня, я не могу, не могу... — бестолково шептал он, прижимаясь лицом к ее плечу.

Вик чувствовал, что Риша напряжена. Она не отстранялась, но в ее объятии был мертвый холод, которого он раньше не чувствовал.

От отчаяния и ужаса ему хотелось выть.

— Прости меня, прошу тебя, умоляю, прости меня... Я не знал, я не понимал, что я делаю...

Мартин не уходил. Он наблюдал за этой сценой, подавшись вперед и сжав порог. Вик, тот, каким он его помнил, сейчас шептал эти слова и страдал при этом сильнее, чем за всю свою прошлую жизнь. Эта боль топила в себе, лишала разума, не давала здравому смыслу взять верх.

И все же разум должен был взять верх. Иначе случится непоправимое.

Но Мартин молчал. Вик все равно его не услышит.

Риша вдруг как-то странно обмякла.

— Я люблю тебя... я тебя... никогда не забуду... — прошептала она.

Вик, глухо и бессильно застонав, сжал ее в объятиях, будто она была готова раствориться в воздухе. Потом, не открывая глаз, коснулся поцелуем ее губ.

У нее были холодные губы. Словно она мертва. Словно она деревянная марионетка, с которой танцуют фокстрот.

Но с каждой секундой она все больше согревалась в его объятиях.

Живая, настоящая, близкая.

Как раньше.

— Я люблю тебя...

Кажется, она плакала. А может быть, он — границы стерлись, растаяли. Все не нужное было отброшено в этот момент. Одежда. Страхи и прошлая наивность, все листочки с ролями — настоящие и воображаемые.

— Вик... мне никого... никогда... кроме тебя...

Они словно тонули в море, цепляясь друг за друга, как за последнюю опору. И каждый пытался толкнуть другого на воздух, удержать, не дать захлебнуться. Пусть и утонув самому.

— Девочка моя... любимая... по-жа-луйс-с-ста, не ос-с-ставляй меня...

У кого из них белые волосы? Кто всегда мечтал о театре?

Кто был убийцей, а кто жертвой? В чьих глазах бьются алые вспышки?

Мартин давно отвернулся от проема.

Он прекрасно понял, почему Риша оказалась в его доме.

Никто их не спасет. Ни Вика, ни Ришу, ни самого Мартина.

Мартин не заметил, как на его ладони из темноты родилась бритва. Такая, какой Вик убил Мари. Вздвигнув, он швырнул ее в огонь.

Он не мог ничего изменить. Не мог удержать ускользающее между пальцев. Не мог выпить и части ядовитого отчаяния, которое владело сейчас Виком и Ришей.

Мартин не знал, когда все, наконец, затихло. Вик спал, прижимая к себе Ришу, и даже во сне не ослаблял объятий.

Она не спала. Мартин, наплевав на приличия, шагнул в проем. Аккуратно отстранился и прикрыл ее одеялом.

— Риша, я хорошо понимаю, что ты задумала...

— Мартин, я не могу по-другому. Хватит, я просто... просто умру, если не сделаю этого.

— Он никогда не сделает тебе больно. Прошу тебя, ты единственное, что может его вылечить... хоть немного образумить...

— А ты уверен? С меня достаточно в жизни... опасностей. Они повсюду, всю мою жизнь. С детства меня домогались, говорили, что моя мать — потаскуха и я такая же... и все детство меня словно готовили, со всех сторон говорили, что для меня ничего хорошего нет. Надо мной надругаются и забудут мое лицо, до того остынут простыни, на которых меня разложили...

Мартин прикрыл глаза. Кажется, у Риши тоже был невидимый листочек с ролью.

Риша одевалась, закусив до крови губу. Мартин заканчивал застегивать рубашку.

— Вик никогда так не поступит. Поверь мне, он любит тебя. Я-то знаю.

— А ты знал, что он убьет Мари? Вы с ним вместе сели и спланировали, мол, так и так, поедем-ка мы вскроем ей горло и сбросим в речку? — жестко спросила она.

В ее голосе впервые в жизни звенели металлические нотки. Взрослые, злые, совсем не похожие на ее обычные интонации.

— Нет, — честно ответил он.

— Вот видишь, Мартин. Ты не знаешь, чего от него ждать. И я не знаю. Хватит, я... наелась до конца жизни. Хватит с меня насильников, садистов и убийц — к черту все пошли, ясно?!

Мартин молчал. Она злилась — и имела право злиться. Но для мести всему миру она выбрала предательство себя и единственного человека, которого любила. И он, Мартин, ничего не мог с сделать.

Черная жестокость рождалась в обоих. В Викторе ожил Виконт. В Рише — тень де Мертей, словно отогревшийся и расплзшийся в крови паучий яд.

— Риш...

— Что?! — прошипела она, оборачиваясь.

— Я надеюсь, у тебя все получится, — просто сказал он, глядя снизу вверх, как она подходит к окну.

Она вздрогнула. И словно пелена спала с ее лица. Она посмотрела на Мартина с знакомым детским отчаянием, а потом бросилась к нему, обняла и разрыдалась.

— Мартин... Господи, Мартин, как я ему завидую... У меня никогда не будет такого друга... Я буду по тебе... так буду по тебе с-скачать... — всхлипывала она. — И по нему... буду та-а-ак по нему-у с-скачать...

Мартин молча гладил ее по спине. Он видел, что она все для себя решила, и понимал, что он ничего с этим не сделает.

А еще он понимал, что вместо Вика проснется совсем другой человек, а сам Вик, возможно, не проснется уже никогда. Что Риша, возможно, подписала кому-то приговор. Возможно, в первую очередь Мартину.

Но он молчал. Потому что договориться с ней было невозможно, а заставить остаться, шантажом и манипуляциями, значило бы только оттянуть момент.

И он молчал, целуя в макушку, как в когда-то в детстве и искренне желая ей счастья.

— Вот... отдай ему, хорошо?.. — прошептала Риша, отстраняясь и протягивая ему книгу.

Маленький томик в темно-бордовой обложке с золотым вензелем в виде двух цветов с листьями-шипами. «Цветы зла» Шарля Бодлера.

Мартин кивнул, положив на книгу руку, словно собирался поклясться в чем-то.

Риша, всхлипнув, поцеловала его в уголок губ и провела теплой ладонью по щеке.

— Прощай, Мартин. Спасибо тебе... вам обоим. За все.

Мартин коснулся кончика ее носа. Холодный, как у лисенка. Сухой и холодный.

— Я люблю тебя, Риш. Всегда любил и буду любить. Надеюсь, ты найдешь свое счастье.

— Прости меня... простите оба меня... — прошептала она.

Мартин еще долго смотрел на пустое открытое окно. А потом лег, прижал книгу к груди и закрыл глаза.

Скоро начнется новая жизнь.

...

Виктор открыл глаза. Вокруг плескалась прохладная темнота.

— Она ушла, да?

«Да», — тихо ответил Мартин.

— И черт с ней.

Слова дались ему легко. Алые сполохи, не то блеск костра, не то кровавый рассвет на волнах, дрожали в его глазах.

Сначала Мартин почувствовал, как его дом вздрогнул, словно при землетрясении. Затем раздался грохот, похожий на раскат далекого грома.

«Вик, нет!»

Мартин подхватил с пола меланхоличного Ореста, стараясь не помять его фонарь и одновременно держать пальцы подальше от зубастой пасти, и прижался спиной к косяку, с ужасом глядя, как по стенам расползается сетка трещин.

«Прошу тебя, остановись!»

Впервые он подумал о том, может ли умереть так, как обычный человек. Что произойдет, если его сейчас завалит обломками собственного дома? Сможет ли он выбраться, если выживет?

Он знал, что произойдет точно, если он умрет или окажется замурован.

Никто не остановит Виктора, если он решит совершить свое следующее преступление.

Мартин отшатнулся к проему от летящего ему в лицо обломка потолочной облицовки, и уперся спиной в ледяной металл.

Не веря в то, что только что почувствовал, Мартин оглянулся.

Проем был затянут решеткой. Вязь решетки, такая же, как в его кошмарах. Ажурная и непрístupная.

— Это ты во всем виноват. Ты лжец, Мартин. Вместо того, чтобы сказать мне все как есть, ты всю жизнь пичкал меня сказками о справедливости и добре. Где они, Мартин? Где хренов Правильный Мир? Пошли вы все... — устало закончил Виктор, закуривая новую сигарету.

«И что же ты собираешься делать?» — тихо спросил Мартин, отворачиваясь от проема и глядя на полуразрушенный дом.

Книги валялись на полу, словно мертвые птицы. Кресло было засыпано белой пылью, похожей на меловую крошку.

Мартин провел рукой по волосам. На ладони осталась такая же взвесь. Он представил, как припорошенные белым пряди выглядят в каштановых волосах, и его передернуло.

Виктор молча открыл книгу, которую все еще сжимал в руках.

— «Я готова была стать твоей Джульеттой. Я была твоей Офелией. Но я не хочу становиться Сибиллой, Вик. Если ты Бог, то я не хочу быть святой. Прощай и спасибо тебе за все». Видишь, Мартин. Меня бросили цитатой из стишка женщины, которую я убил. И тремя паршивыми отсылками. Это все, на что оказалась способна твоя большая и чистая любовь. Твой верный и надежный друг.

«Послушай...»

— Ты спрашиваешь, что я собираюсь делать? Я ее найду, Мартин. Найду ее однажды. И тогда... я уже никогда. Никуда ее не отпущу.

Виктор улыбался, глядя на исписанный округлым, мягким почерком титульный лист. Потом смял его. И положил в карман.

Настоящий листок с ролью.

Мартин молчал.

Ему было нечего сказать.

...

Виктору снился сгоревший лес. Черные скелеты деревьев перечеркивали высокое серое небо, с которого падали хлопья. Белые — снег. Черные — сажа. Черные опускались на землю медленнее, а их танец в воздухе был причудливее.

Его раздражало, когда черные снежинки касались лица. Они были невесомы, но оставляли след, который нельзя было стереть. Черным пачкало пальцы, черная полоса оставалась там, где они касались кожи. Скоро он перестал пытаться их смахивать.

Он шел по рельсам, заметенным снегом и гарью. Шел, зная, что они должны привести его туда, где он найдет ответы на свои вопросы.

В момент этого пути Виктор явственно ощущал свое одиночество. Рядом не было Мартина, а Риша, кажется, никогда не жила на этом свете. Он не знал, сколько длится его путь и не знал, где он закончится. Но где-то была цель.

И цель нашлась. Она сияла золотом и вспышками красного, раскинув свои темно-зеленые ветви.

Виктор смотрел на нее и улыбался. Огромная ель. Легендарная ель, одна из самых старых в лесу. Дерево, про которое сочиняли сказки несколько поколений.

Он помнил, как ель умирала под ударами топора мужчины, которого он видел тогда в первый раз в жизни. Как он понял, не спрашивая его ни о чем, кто этот мужчина и почему ему взбрело в голову рубить дерево, на которое он, мечтал залезть, когда был ребенком.

И вот она снова умирает на его глазах, охваченная пламенем. Горит, вместе со всеми игрушками, украшающими ее снизу.

И вместе со звездой, закрепленной на макушке.

Рельсы кончились. Все, что за елью, он не может разглядеть, да и не особо стремится.

Потому что это не имеет никакого значения.

...

Виктор сидел за столом на кухне Ришиного дома. Он смотрел на ее отца, сложенные кончики пальцев в полумолитвенном жесте. И улыбался.

Здесь все было так знакомо с детства. Запахи. Свет. Кухонный гарнитур. Только в волосах Ришиных родителей больше седины, а на лицах — морщин.

Галина недавно ушла с кухни. Может, устала слушать тягостное молчание. А может, ей правда было безразлично. Ее никогда не было рядом, когда она могла на что-то повлиять.

— Где моя дочь? — наконец спросил Вячеслав Геннадьевич.

— Я понятия не имею, — с удовольствием ответил Виктор.

В его кармане шуршала ее последняя записка. «Не хочу становиться Сибиллой», — с ненавистью повторял он про себя раз за разом.

— Кажется, ты обещал ее беречь.

— Кажется, вы посвятили этому всю свою жизнь. Нужно сказать, у нас обоих получилось паршиво.

— А она не ждет тебя где-нибудь в городе? Может быть вы так удачно сговорились под вручение аттестатов. Получили документы и решили сбежать. Если я приеду в театральный колледж, ее имени не будет в списках абитуриентов?

— О человеке, который должен был дать Ире рекомендацию в колледж, вчера писали газеты. Это он убивал женщин — ну знаете, венки, река, театральные эффекты. Но вряд ли Ира захочет в театр, несколько дней назад ее там напоили снотворным и изнасиловали. Она вам что, ничего не сказала?

Мартин молча ощупывал решетку. Это была обычная кованая решетка, черная и вычурная — ажурные стебли переплетались с небольшими цветами с пятью лепестками. Больше похожа на могильную ограду.

Он не надеялся достучаться до Виктора. Слова сейчас не имели никакой власти. Но он, Мартин, пока что имел.

Черный металл дрогнул под кончиками пальцев, расползаясь сажей. Мартин остановился, и несколько секунд прислушивался к происходящему снаружи.

— ...Вы любите искать виноватых. И наказывать их, не-так-ли? И кому в итоге не смогла довериться ваша дочь?

Мартин не смотрел на лицо Вячеслава Геннадьевича и вообще не обращал на него никакого внимания. Он хорошо понимал, чем занимается Виктор.

Он пытался совершить еще одно убийство. Только на этот раз он вовсе не собирался выхватывать бритву и резать кому-то горло. И подбрасывать бритву, ломая чужую жизнь, тоже не хотел.

Нет, в этот момент Виктор с удовольствием по локоть погружал руки в чужую темноту. Он играл словами, переставляя акценты и смыслы.

Но главным было не то, что Виктор делал, а то, чего он не сделал в этот момент. Он не обращал внимания на Мартина.

Мартин улыбнулся. На его лице жестокая усмешка Виконта выглядела страшнее, чем на лице Виктора.

Улыбаясь, Мартин провел рукой по проему. Под ладонью выростала новая решетка — такая же как та, которую он только что уничтожил.

Удовлетворенно вздохнув, Мартин прикрыл глаза и положил на решетку ладони.

Он чувствовал, как кровь с изрезанных пальцев горячими, тяжелыми каплями срывается в проем, затекая в рукава.

«Ты сейчас встанешь и уйдешь», — подумал Мартин.

Вячеслав Геннадьевич когда-то бил дочь. Она и правда не могла ему доверять. Но это вовсе не означало, что он заслуживал смерти.

«Уходи отсюда. Ты сделал все, что хотел. Ты сказал достаточно. Уходи».

Виктор не слышал, о чем думает Мартин. Он только чувствовал, как в душе нарастает неясная тревога. Предчувствие близкой беды. Оно было разлито в воздухе, словно озон,

заставляя судорожно озираться в поисках причины.

Что случится сейчас?

Упадет потолочная балка? Взорвется газовый котел? Вячеслав Геннадьевич схватит со стола нож и воткнет ему в горло, чтобы больше не слышать слов, которые он произносит?

А слова достигали цели. Каждое из них.

Он достаточно изучил эту семью, чтобы чувствовать, где бьется близко к коже горячая, уязвимая жилка, на которой теперь он был рад сомкнуть клыки.

Вина не похожа на канарейку в клетке. Он в детстве ничего не понимал, хорошо, что понимает сейчас. Вина похожа на удавку, на петлю. И пусть такие, как Мартин суют в нее голову — он может накинуть ее на чужую шею.

Но что же царапает сознание, наполняя его горячей и тяжелой, похожей на смолу, тревогой?

«Тебе нельзя здесь оставаться. Здесь опасно», — убеждал его Мартин, прислонившись к решетке.

«Это ты?! Какого черта, Мартин?!»

«В чем дело? Я заперт, ты об этом прекрасно знаешь», — честно ответил он.

Виктор прислушался. Мартин был в отчаянии. Он никак не мог поверить, что его предали, и еще ему было страшно.

Он был беспомощен и совершенно не опасен, его друг с добрыми, страдающими глазами и сказками о справедливости.

Виктор брезгливо отвернулся. Он ожидал от Мартина большей изобретательности. Или большей экспрессии. Но не того, что он будет в отчаянии сидеть, прислонившись к решетке и оплакивать свою судьбу.

«Думал, ты тут лучше всех притворяешься?» — подумал Мартин, усмехаясь.

— Вы срубили елку, когда Риша с нее упала. Вы застрелили пса, который на нее напал...

Но его слова теряли чарующую власть. Все чаще промахивались мимо цели.

— Но оставили мне разбираться с людьми, которые по-настоящему ее...

«Уходи отсюда. У тебя совсем мало времени».

— ...справедливым застрелиться? Ведь настоящая причина всех ее бед...

«Вот сейчас! У тебя всего несколько секунд! Давай же, беги, брось добычу — у тебя будет другая! Беги отсюда, скорее!..»

— Мне пора. Счастливо... оставаться, — закончил тираду Виктор, положив ладони на стол.

Он вышел быстрее, чем Вячеслав Геннадьевич успел что-то сказать. Остановился, прислушиваясь.

Мартин не стал ничего ему говорить. У него была другая задача.

Шли минуты. Одна, вторая, третья. В доме было тихо. Виктор стоял, глядя на дверь тяжелым взглядом. Если ничего не произойдет сейчас — не произойдет никогда. И, возможно, ему придется придумать что-то иное.

Из дома раздался выстрел.

«Что ты наделал, черт возьми?!» — в притворном ужасе прошептал Мартин, сжав решетку.

Он представил себе глубину отчаяния человека, у которого только что исчезла любимая дочь. И которого друг дочери, которого он с детства любил обвинил в этом. Представил, как

Вячеслав Геннадьевич снимает ружье со стены.

Написал ли он записку?

Попрощался ли с любимой женой?

Риша отомстила Вику, сбежав от него.

Виктор отомстил ей, забрав у нее отца. Раскинул паутину лжи, выплел ее, как заклинание, как гипнотический яд, и вылил в лицо человеку, который когда-то спас ему жизнь.

Мартин представил себе это, а потом представил отчаяние, которое мог бы испытать. Как учила Мари — не выдумывать новых ролей и новых эмоций, просто найти те, что лучше подойдут истории.

Виктор не мог знать, что на самом деле Мартина волновало только одно — чтобы он сейчас убрался как можно дальше от этого дома и сбежал как можно скорее, не дожидаясь реакции Галины или расползшихся среди соседей слухов.

Если он решился на это, значит, намерен бежать. И пусть бежит, как можно быстрее и дальше.

Главное, чтобы Виктор не отправился проверять, был ли выстрел на самом деле.

Мартин улыбался. Бутафорский выстрел из воображаемого ружья — Мари бы понравилось. Идеальный первый звонок в конце антракта перед третьим актом.

Занавес опускается

Свет гаснет

*Ведь должен быть какой-то верный выход?
За деньги не придумаешь — какой!
Другой герой? А если мир — другой?
А может, здесь нужны другие боги?*

Б. Брехт

Ты говорил, что нужно уехать. Туда, где мало людей. Туда, где мы сможем начать все сначала.

Говорил и сам не верил в свои слова. А я не терплю лжи. Что мы можем начать «сначала»? Где начало у нашей истории?

Может быть там, где я в опустевшей темноте впервые слышу твой голос. Тогда он означал сказку. Сбывшуюся, красивую сказку о верном друге, который спасет от темноты. Разве я мог тогда знать, что сказка о светящихся бабочках и белом крыле с теплым пухом для тебя — чужое отражение в зеркале, лицо, которое ты с отчаянием ощупывал кончиками пальцев, не в силах поверить, что это случилось с тобой? Что ты начал свою жизнь в сомнениях и страхе, а мне нечем было их развеять, ведь я всегда мог только брать?

Может быть, она начинается там, где ты впервые бросился мне на помощь? Как пугала тебя эта боль. Как пугало то, что я ее испытаю, сам-то ты ее не боялся.

А если я зачерствую. А если я озлоблюсь. Если боль сломает мой хрупкий, детский мирок.

Теперь-то ты знаешь, Мартин, что на самом деле ломает человеческий мир?

А может быть, история начинается у проклятой елки. С мертвой собаки и девочки, которая мечтала о театре.

Ничего не осталось. Ни елки. Ни девочки. Ни театра. Ни хрупкого мирка.

И тебя, Мартин, скоро тоже не станет.

Я верю, что однажды человеку было одиноко. И человеку нужен был... Бог. Каждый народ рано или поздно почувствовал свое одиночество и создал себе божество. То, с добрыми, страдающими глазами, то, что нельзя изображать, тот, которому мы только снимся... И сотни, тысячи других. Но что делать каждому человеку с его собственным, ничтожным одиночеством, если он не находит утешения в том, что ему уже дали? Те Боги давно мертвы, они не слышат, и только может только тот, Спящий, просто до сих пор не проснулся.

И, поняв это, человек в своем одиночестве создает своего Бога.

Ты же знаешь, что происходит потом, Мартин? «Gott starb». Иначе — не будет.

Я собрал немногие вещи, которые были мне дороги. Остались похороненными деревянный кораблик и тетрадь со сказками.

Я попрощался с Ритой. Что мне теперь до ее веры в людей и до ее Справедливого Мира Моего не осталось. Рита мне больше не нужна.

С отцом я даже не попрощался. До этого человека мне нет никакого дела. Пускай он

остается в своем одиночестве и общается со своими Богами через бутылку сколько ему будет угодно.

Я смотрю в иллюминатор. На небе нет ни одного облака, и я вижу прямо под нами море. Ты видишь свое вожаделенное, черт возьми, море в первый раз в жизни, и оно так же недостижимо для тебя, как и все остальное. Я думаю о том, что, если мы сейчас упадем, ты, возможно, будешь счастлив. Мне не хочется опускаться до мелочной жестокости, и я не откидываюсь в кресле, позволяя смотреть на далекие волны моими глазами до тех пор, пока воду не сменяют зеленые и желтые квадраты земли.

Мне, наверное, стоило взять билет в портовый город. Дать тебе то, чего ты заслужил — твои чертовы волны, проклятые корабли и свободу.

Но не в этот раз. Там, куда я лечу, меня никто не ждет, но это неважно. У меня есть еще очень, очень много дел, и я не намерен позволять тебе и твоему непроходимому идеализму мне мешать.

Мир оказался так безгранично прекрасен. Потребовалось только стереть его границы. Не те черточки на картах, которые означают физические преграды. А те черточки в собственной душе, которые означают наши запреты.

Тот человек, чье имя я не хочу знать, о котором уже пишут все газеты, и которого я не мог убить вместе с Мари. Он шел на поводу своих желаний и не искал причин их сдерживать. Он искал лишь возможности не нести за них ответственность. И он был, наверное, счастлив. Счастливее тебя, Мартин, с твоими догматами. Ты украдкой целовал девушку, в которую был влюблен, не надеясь, что она хотя бы имя твое вспомнит — это Правильный Мир?

И Мари, которая так бредила своим театром. Хотела бессмертия, хотела созидания. Красоты. Она даже имени своего лишилась, она теперь очередная Офелия. Вот ведь ирония.

Мне нравятся такие шутки.

Теперь я научился ценить то, что мне нравится. Свои желания. Свои потребности. Свои стремления.

У меня есть одна потребность. Одно желание, Мартин. Но тебе о нем знать не обязательно.

Эй, сверчок, ты спишь?.. Молчишь? И черт с тобой.

Так верил в меня... в правильность моего выбора. В то, что я никогда не стану жестоким. Неужели ты не видел, что происходит вокруг? Жалеешь ли теперь, что не утопил меня в озере в наше первое купание?

Наверное, нет. Ты не такой. Будешь верить до последнего.

В меня. И в мой выбор. Что же, я готов ждать.

Мне снится поляна, полная белых цветов. Я помню эти цветы, помню этот сон, и даже догадываюсь, что это может означать.

Но я больше не стану прятаться.

Самолет приземляется в маленьком аэропорту. Город встречает свинцовым небом и запахом сырости. Есть еще один, прохладный, смутно знакомый. Я улыбаюсь.

Это хвоя. В этом городе повсюду растут сосны и ели. Чертовы елки, на каждой можно крепить свою звезду.

Ты догадался, куда мы приехали, верно? Что-то говоришь мне. Ты очень зол. Надо же, как интересно.

Такси от аэропорта едет быстро. Меня интересует дом недалеко от вокзала — ехать

нужно в другой конец. Мы проезжаем город насквозь за полчаса. Будет ли мне здесь тесно? Как скоро я захочу сбежать и отсюда на счастье тех, кто здесь живет?

Остановившись у крашенных в темно-синий дверей, я позволяю себе несколько секунд стоять, сжимая одной рукой ручку двери, а другой — сумку с вещами.

Я стою на пороге. В проеме, который ведет в темноту или к свету.

Зачем я здесь? О, я точно знаю. Я не ищу потерянного, не ищу любви, и даже новой жизни — не ищу.

Я пришел за своей тенью. Пришел сюда, чтобы обрести человека, который поможет мне пройти по той дороге, которую я выбрал. Я не смогу сделать это один. Я отвык быть один, Мартин. Понимаешь, что это означает?

Это могла бы быть Рита, глупая и влюбленная. К тому же повязанная со мной общей тайной. Но она не годилась по трем причинам: во-первых, она была глупа. Мне нужен умный союзник. Во-вторых, мне нужна была связь иного рода. Ну и наконец, в Риту ты, Мартин, влюблен. Это лишь мимолетное увлечение, но я все же не хочу причинять лишней боли.

Я захожу в подъезд. Откуда-то сверху звучит музыка. Bang Bang Нэнси Синатра? Если это из той квартиры, куда я направляюсь — будет забавно. Идеальная песня под занавес.

Музыка грохочет из-за черной двери, на которой сбита одна из двух цифр номера. Надо же, как интересно.

Приготовившись стучать в перерыве между треками, я на всякий случай толкаю дверь. Кажется, люди, живущие здесь, не задумываются о собственной безопасности — дверь легко поддается.

Квартира встречает прокуренным полумраком.

— Какого тебе черта здесь надо?! — раздается с кухни хриплый, женский голос.

Светловолосая девушка в черном платье стоит передо мной. Темные глаза полны ненависти.

Так похожа на меня.

— Лера? Я же обещал, что вернусь.

Водевиль перед третьим актом

Офелия:

Вот розмарин, для памяти; прошу тебя, люби, помни: а это анютины глазки, они, чтобы мечтать...

Для вас фенхель и водосбор...

А это рута для вас; и тут еще немного для меня, ведь мы можем звать ее букетом воскресной благодати.

Только вашу руту вы должны носить не так, как прежде.

Это нивяник... А еще я хотела подарить вам фиалки, но они увяли, когда умер мой отец.

Говорят, у него была легкая смерть.

Шекспир «Гамлет»

Таша всегда любила запах пыли. Пыль пахла маминой пудрой, нагретым песком и еще чем-то домашним, знакомым и уютным. Но никто никогда не понимал, когда она пыталась рассказать, чем пахнет пыль.

Ташу вообще редко понимали. За свои недолгие девять лет жизни она так и не научилась говорить так, чтобы в слова умещалось все, что хочется сказать. Как найти слова, обозначающие одиночество? «Одиночество» — слово пустое, белое, как бинты в больнице, где работает мама. Пахнет йодом, колется и ничего не значит.

Одиночество бывает разным. Бывают те часы, когда она ждет возвращения родителей с работы. Это одиночество даже приятно — оно теплое, желтое и наполняется мультфильмами по телевизору, цветными рисунками и частой трелью канарейки Тинь.

Мама подарила на день рождения фломастеры. Таша рисовала канарейку, пока не кончился желтый фломастер. Сейчас канарейка стала красной. Может быть, так бывает. И каждая красная канарейка тоже была одинока. Таше было стыдно, что она рисует красных птиц, ведь желтые, наверное, не захотели бы дружить с теми, кто на них не похож. Но она не могла иначе — желтого фломастера у нее больше не было. Наверное, ее тоже нарисовали красным фломастером.

А бывало другое одиночество. Черное, страшное. Папа часто уезжал в командировки. Таша всегда плакала — не только потому, что знала, что будет скучать, а потому, что скоро наступит момент, когда мама останется в ночную смену в больнице, и тогда ночью темнота, наполняющая две комнаты, кухню и коридор, подкрадется к ее кровати и откроет красные глаза. Раньше Таша мечтала, чтобы кто-то спас от этой темноты. Кто-то добрый и смелый, совсем не такой, как она. Но потом она поняла, что не бывает добрых и смелых друзей, а темнота бывает, и ее боятся все. Только Верка не боялась, презрительно отфыркиваясь, когда Таша пыталась рассказывать о красных глазах и красных канарейках. Верка вообще-то заносчивая. У нее богатые родители, и ей незачем бояться темноты. Она говорила, что в ее комнате стоит ночник, который родители разрешают оставлять до утра. Таша пыталась попросить у родителей такой же, но от нее отмахнулись — наверное, ночник стоил очень дорого.

А было одиночество особенное, самое странное. Такое одиночество, когда вокруг полно

людей, самых разных. Одноклассники, учителя, много других детей в гулких школьных коридорах. И повара в столовой, и охранники у дверей, и вахтеры у гардероба, а еще люди на улице, на которых можно смотреть через окно, куда-то спешащие, такие разные, такие далекие, и совсем, совсем ненастоящие. Вот сколько людей вокруг, а всех будто нарисовали фломастерами — Таша оставалась одинокой.

Как уместить в слова хоть одно из этих одиночеств?

Целый мир умещался в школу, несколько улиц, магазины и детскую площадку во дворе. Больше Таша ничего не видела. Правда, она ездила с родителями в отпуск, но родители — странные люди. Приехав, они сидели в отеле неделю, купались в бассейне, где вода противно пахла хлоркой, и загорали на шезлонгах, подставляя бледные лица влажному южному солнцу. Сколько бы Таша не просила погулять по улицам или отвести к морю, они оставались непреклонны. «В море грязно, к тому же на пляжах полно извращенцев», — отвечала мать, презрительно морща нос. Отец всегда добавлял, что на рынке ее обязательно украдут, а по улицам можно и дома потаскаться. Таша понятия не имела, кто такие «извращенцы», и как можно не понимать, что дома совсем другие улицы, но послушно шла загорать на шезлонг. Только принималась к далеким запахам, доносящимся из-за забора. Пахло йодом, камнем и пряностями. В номере Таша рисовала море — зеленым фломастером, а еще синим. По телевизору оно было именно такое.

Но был у Таши один секрет. Она не рассказывала о нем ни матери, ни отцу, ни Верке. И никому, никогда бы не рассказала, хотя ей очень, очень хотелось. Всему миру Таша рассказала бы о черной шпильке и красных цветах. Но эта тайна была из тех, которыми нельзя делиться ни с кем. И Таша молчала, только иногда дома, перед зеркалом, сворачивала волосы в узел на затылке и закалывала их черной шпилькой.

...

Таша никогда не хотела играть в театре, но часто ходила на репетиции кружка. Ей нравилось просто сидеть в углу и смотреть, как создаются спектакли, сценки и новогодние утренники. Она совсем не обижалась, что Дед Мороз на самом деле женщина, и что Снегурочка — красивая старшеклассница Улька. Ее не волновало, что Колобка сделали из папье-маше и старого футбольного мяча. Таше не хотелось сказок, ей хотелось, чтобы все было честно. И в театре была настоящая честность — сказки создаются людьми, они вдыхают в них жизнь и наделяют их смыслом. Иначе не бывает.

Но больше всего ей нравилось смотреть за репетициями старшеклассников. Она мало понимала в сюжетах пьес, которые они ставили. Там были истории про любовь, ссоры с родителями и какой-то вечный протест. Таша не понимала, зачем ссориться с родителями, а о любви вовсе имела свое детское, презрительно-брезгливое мнение. Но ей нравилось с каким чувством Улька играла любовь с высоким рыжим Тимуром, особенно в последней пьесе «Сказки про главное».

Таша не понимала, почему руководительница кружка, Наталья Сергеевна, заставляет красивую Ульку носить безликое черное платье и завязывать пышные темные волосы в тугий узел. И почему она никогда не позволяла девушкам пользоваться косметикой. Она что-то говорила про очарование молодости и то, что естественность и чистота — лучший образ, но Таша не соглашалась. Улька была красивее с черными теньями. А Тимура портили веснушки. Ну какой романтический герой с веснушками?

Но не все взрослые были как Наталья Сергеевна.

— Какие чудные котятки, — услышала однажды вечером Таша. Она обернулась и не

смогла отвести взгляд от женщины, которая стояла в дверях актового зала.

Улька по сравнению с ней казалась бледной подделкой. Таша раньше не видела таких красивых женщин даже по телевизору. Высокая, стройная, с мягкими прядями светлых, почти белых волос, лежащими на идеально прямую спину. Линия шпильки совпадала с тонкой полоской на шелковых чулках. А еще Таша впервые видела, чтобы в помещении не снимали перчаток, и чтобы поверх перчаток носили кольца.

Сначала женщина просто сидела в углу, как и Таша. Только в ее взгляде не было и следа детской очарованности. Таша видела в ее красивых обведенных черным глазах брезгливость.

— Кто автор той пошлости, что у вас тут дети играют? — спросила она в конце второй репетиции.

Наталья Сергеевна посмотрела на нее с непонятым Таше сочувствием. Наталья Сергеевна вообще-то нравилась Таше. Она была похожа на ее мать — невысокая, бледная, уставшая женщина с гладко зачесанными назад волосами, короткими ногтями и без косметики, которая могла бы скрыть следы наступающей старости. Но как она может смотреть с сочувствием на молодую и красивую женщину, которая не боится так задавать вопросы?

— Я, — спокойно ответила она. Таша заметила, как Улька, медленно встав с пола, подошла к Наталье Сергеевне и сжала ее руку.

— Послушайте, это отвратительно. По уровню наивности эта пьеса...

— Соответствует образовательным стандартам, уважаемая. Насколько мне известно, вы здесь, чтобы защитить дипломную работу, а не давать мне советы? Покажите мне пьесу, которую будете ставить с детьми.

— Учтите, что я уже согласовала с директором как материал, так и свое право ставить на главные роли тех, кого посчитаю...

— Пьесу, — отрезала Наталья Сергеевна, требовательно протягивая руку.

Женщина, фыркнув, протянула ей распечатку.

— Завтра я вам ее верну. Учтите, я хочу, чтобы все перестановки вы согласовывали со мной.

— Зачем? — с искренним интересом спросила женщина.

— Потому что театр существует в школе не просто так. И прежде, чем вы сделаете из него вертеп, я хочу убедиться, что ваших следов здесь не останется после премьеры, — отрезала Наталья Сергеевна.

Таша не знала слова «вертеп» и вообще не могла понять сути разговора. Только вдруг ей стало обидно — Наталья Сергеевна, как и все взрослые, хотела сделать мир серым. Чтобы красивая Улька носила такой же узел на затылке, чтобы не пользовалась косметикой, чтобы ставили только то, что одобрено и правильно. Из-за таких людей, как Наталья Сергеевна, никто и не понимал, как канарейка может быть красной. Но эта женщина в черном, кажется, носила свои красные перья с таким достоинством, будто это желтые канарейки несовершенно.

— Я сразу могу сказать, что этой девушке главную роль не дам. Она переигрывает и способна испортить любую постановку, — женщина едва заметно кивнула на побледневшую Ульку. Таше снова стало обидно, на этот раз за Ульку. Зачем с ней так? Она красивая и хорошо играет. Таша ей верила.

— Прекрасно. Слушанья проведем завтра, и я буду на них присутствовать, учтите. «Дожди»? Что за название у вашей пьесы?

— Дождями небеса оплакивают людские грехи, — надменно ответила женщина.

— Просто прекрасно. Именно то, что нужно детям — людские грехи.

— Они уже не дети. Совсем скоро они повзрослеют и столкнутся со всем, что написано в пьесе. Если они сделают это на сцене — будет не так больно потом.

— Вы здесь для того, чтобы реализовать свои амбиции, а не для того, чтобы делать детям больно. Позвольте вам напомнить, если вы так любите грехи, что гордыня — один из смертных.

— О, я много знаю о смертных грехах. Больше чем вы, поверьте, — сладко улыбнулась женщина.

— Верю, — с непонятной грустью отозвалась Наталья Сергеевна. — Завтра слушанья. Учтите, я своих воспитанников не брошу.

— Никто и не требует, — процедила женщина, разворачиваясь.

Таша догнала ее уже в коридоре. Звонкая и злая дробь каблучков стучала по полу и отражалась от стен.

— Подождите! Пойдите! — крикнула она, поняв, что не успевает за ней.

Женщина остановилась и обернулась. На секунду Таше показалось, что у нее очень злое лицо, но морок тут же исчез. Она улыбнулась, широко и по-доброму.

— Какой славный котенок. Белая шерстка, голубые глазки. Что ты хотела, девочка?

— Я не котенок, я Таша, — побледнев, ответила она. — Вы сказали, что не дадите Ульке главную роль.

— И что? — женщина помрачнела, и теплые искорки, плясавшие в ее глазах, погасли.

— Она хорошая. И очень любит... театр, — оробев, с трудом выдавила Таша.

Это была главная причина, почему она не играла в постановках, хотя Наталья Сергеевна часто звала. Она мучительно стеснялась взрослых, которых всегда хватало среди зрителей. Детей тоже, но взрослых — больше всего.

Она не смогла бы ответить себе на вопрос, как у нее вообще смелости-то хватило обратиться к этой женщине. Но ей показалось, что она не рассердится, а Наталья Сергеевна почему-то не заступилась за Ульку.

Женщина смотрела на нее несколько секунд, склонив голову к плечу, и Таша не видела на ее лице никаких эмоций. А потом вдруг засмеялась, тихо, но как-то по-особенному. Будто бы зло. Или печально.

— Поверь, котенок, неумение держать себя на сцене не делает человека плохим. Плохим его делают... другие вещи. Как ты сказала, тебя зовут?

— Таша...

— Чудно, Таша. Красивое имя, — улыбнулась она.

— А вас как зовут?

— Меня? Ну, с учетом того, что мы скоро все равно разберем роли... меня зовут Марина. Мари. Мари Мертей.

— Это что за имя такое? А по-настоящему как?

— Это самое настоящее. Ты играешь?

— Нет. Я только смотрю.

— Умница девочка. Придешь завтра на слушанья?

— Я всегда прихожу, — угрюмо отозвалась Таша. Ее начинал пугать пристальный холодный взгляд женщины, которая назвалась странным именем Мертей.

— Тогда завтра и увидимся.

Когда она улыбалась, в уголках губ у нее появлялись морщинки. Едва заметные, как ниточки под пудрой. Мари ушла, а Таша осталась стоять посреди пустого школьного коридора. Она слушала удаляющийся стук каблуков и почему-то чувствовала себя счастливой. Словно уже тогда знала, что у нее появится тайна.

...

Следующим вечером Таша первой пришла в зал и привычно села в углу, подтянув колени к подбородку. Наталья Сергеевна читала в гримерке, и Таша не стала мешать. Ей нравилось сидеть в пустом темном зале, глядя на сцену. Она представляла себе, что спектакль вот-вот начнется. И это будет такой спектакль, которого она никогда не видела.

Вот по краю сцены медленно идет девушка в сером платье. Ее лицо скрыто тяжелым, белым гримом, а по щеке ползут черные потеки туши. «Любовь все преодолееет!» — шепчет она в зал, и в ее голосе слышатся слезы. А за спиной у нее — светловолосый мужчина в белой рубашке и алом шейном платке. «Я виноват, я один во всем виноват, слышите! Заберите меня, а не ее!» — выкрикивает он, бессильно опуская руки, и в этот момент свет из мертвенно-белого становится красным, как перья канарейки, бросает тревожные тени на белые лица актеров и...

— А ты уже здесь, лапонька! — раздался рядом знакомый голос. Мари села рядом, и Таша почувствовала густой запах ее духов. Пахло чем-то липким, а еще пылью. Приятно. Хотелось уткнуться носом в пышное черное жабо блузки и так сидеть, закрыв глаза, позволяя запаху раскрываться и играть новыми нотами.

Конечно, ничего такого Таша не сделала.

— Чем ты тут занимаешься? — ласково спросила Мари.

— Сказку придумываю, — угрюмо отозвалась Таша. Она не знала, как себя вести, и с чего это Мари решила обратить на нее внимание.

— Про кого?

— Не знаю. Я только тени вижу, не истории... не умею рассказывать.

— А ты любишь истории?

— Конечно. Зачем бы я еще тут сидела... извините, — смутилась она.

— Совсем не злая, — пробормотала женщина и вдруг хлопнула в ладоши. — Хочешь сказку, котенок? Пока все не приши!

— Конечно, — Таша подвинулась поближе. Мари улыбнулась и сделала странное движение в воздухе, будто нарисовала какую-то фигуру.

— Жила была девочка в далеком-далеком королевстве. Далекое королевстве... которое... — она вдруг замолчала и беспомощно опустила руку. — Нет, котенок. Волшебства не получается.

Таше вдруг стало ее жалко. Такая красивая, такая уверенная, а не может рассказать сказку.

— В далеком королевстве внизу гор, — подсказала она.

— У подножья гор... что же, и правда, девочка жила в далеком королевстве у подножья гор. Жила в замке, который... который был окружен прекрасным садом. — она вдруг протянула руку и сжала пальцы Таши. — Да, садом... полным самых разных цветов. Но больше всего ей нравились...

— Красные, — подсказала Таша.

— Почему красные? — нахмурилась Мари. Таша пожала плечами. Она не знала, как объяснить про красный фломастер и канарейку.

В этот момент в зале зажегся свет. Наталья Сергеевна хмуро посмотрела на Ташу, словно за что-то осуждала.

— Я прочитала вашу пьесу. Она отвратительна, — устало сказала она, поворачивая один из стульев и садясь напротив Мари.

— А я так не считаю. Эта пьеса о том, что составляет нашу жизнь.

— Это вашу жизнь оно, может быть, составляет. Здесь школа, поймите. Студия даже не для циничных подростков, стремящихся... к эпатажу. Это школьный театр, к тому же особенный. Директор ничего не сказала вам о цели наших постановок?

— О, ее формулировки были весьма... стандартны, — наморщила нос Мари. Она все еще держала Ташу за руку, и она чувствовала, как медленно согревается черный бархат перчатки.

— Это терапевтический театр. Для детей, которые попали в трудные ситуации. Я собирала своих актеров с разных школ. Я никогда не спрашиваю, какие истории они принесли с собой, только позволяю им проигрывать их на сцене. Эмоции, которых им не хватает, слова, которых они не могут сказать. И поверьте мне, вот эта... пьеса, которую вы с собой принесли... не для этого театра.

Мари нахмурилась. Таша видела, как в ее глазах зажглись злые, колючие искорки.

— Ах вот оно что. Неблагополучные детки, и вы — их благодетель, — прошипела она, вставая. Ее пальцы выскользнули из руки Таши, и она вдруг почувствовала себя обманутой. — Вы, конечно, думаете, что за свою... практику я ни разу не видела неблагополучных детей? Эта пьеса — о любви, побеждающей смерть. О том, что любовь... — она хлопнула в ладоши, — побеждает зависимость.

— Вы можете детям рассказывать эти сказки. Не мне. Ваша пьеса делает героиню сексуальным объектом. Она выставляет напоказ именно то, что привлекает взрослых мужчин в несовершеннолетних девочках, и вы прекрасно это знаете. А делать из мальчика хищника — это же преступление, подростки и так внушаемы, а вы хотите показать им эстетику насилия!

— Вы не можете запретить мне ставить эту пьесу, — напомнила Мари.

— Не могу. А вы, конечно же, не откажетесь от постановки?

Мари развела руками. Таша смотрела и не могла понять, что с ней не так. Она разглядела тайну, но пока не разгадала. Странно, что Наталья Сергеевна не видит ее — взрослым всегда лучше удавалось разгадывать загадки.

Но Таша обрадовалась, что Наталья Сергеевна ничего не заметила. Она поймала тайну, как канарейку в ладони, спрятала от чужих глаз и пообещала себе обязательно рассмотреть ее поподробнее.

— Прекрасно. Я ничего вам не запрещу, Марина, — устало сказала Наталья Сергеевна и встала со стула.

Ее пушистый серый жилет напоминал Таше какую-то странную кольчугу — мягкую, узорной вязки, но ни одно слово-жалю Мари сквозь нее не проникло.

Мари проводила Наталью Сергеевну тяжелым взглядом.

— А она у вас не очень-то приятная, не так ли? — рассеянно спросила она.

— Нет, она очень хорошая. Нас всех любит, — вступилась за наставницу Таша. — Просто беспокоится очень сильно. Она знает, как Ульку любит? И Тимура тоже, хотя и называет глупым. И всех остальных тоже. А еще она внимательная — никто не волновался, когда Слава неделю в школу не ходил, он позвонил один раз, сказал, что заболел. Так

Наталья Сергеевна к нему домой пришла, и потом всех к нему в гости водила, мы чай с вафлями пили...

— Кто такой Слава? — скривилась Мари.

— А есть у нас мальчик один, такой весь в черном, глаза дурные. Мне родители сказали с ним не дружить, сказали, что он наркоман и... еще кто-то, не помню слово. А Наталья Сергеевна говорит, что он хороший. Только глупый. Он мне потом сказал, что отравиться хотел, а она его отговорила, представляете?

— Ее послушать, так все кругом глупые.

— Меня она глупой не называет, — насупилась Таша.

— А как называет? — улыбнулась Мари.

— Мышкой, — нехотя ответила Таша.

Прозвище ей не нравилось. Мышка — маленькая и серая, а она устала быть маленькой и серой. А главное — Таша очень надеялась вырасти и стать заметной. Может быть, красивой, как Улька. Или такой таинственной, как Мари. А мышка всегда будет мышкой, не вырастет ни в кошку, ни в лису, ни даже в канарейку.

— Мышка, прелестно! — непонятно чему обрадовалась Мари. — Расскажи мне, что было дальше с девушкой, которой нравились красные цветы в саду?

— Это взрослые обычно рассказывают сказки детям, — напомнила ей Таша.

— О, нет-нет, кто сказал тебе такую глупость? Дети рассказывают лучшие сказки на свете!

Таша задумалась. Посмотрела на темную сцену.

Там, за плотным серым занавесом в пыльном полумраке распускался красный светящийся цветок. Один, второй, третий...

Девушка в белом гриме стояла на краю сцены и смотрела в зал. Красные отблески ложились на ее серое платье, растекаясь по ткани, словно пятна крови.

А цветов становилось все больше и больше, и каждый светился странным, тревожным светом.

— Она запретила сажать в своем саду какие-то другие цветы. Сказала, будут только красные, а все остальные приказала вырвать и сжечь.

— Вот как? — кажется, Мари ей не поверила.

— Конечно! Идемте, я покажу! — Таша, внезапно осмелев, схватила ее за рукав и потащила к сцене.

— Смотрите!

Она легко запрыгнула на сцену и зажмурилась. Девушка в сером сидела на краю сцены, низко опустив голову. Мужчина в белом сидел к ней спиной. Таша подошла ближе и заглянула в его глаза. Глаза были страшные — совсем-совсем белые, и наполненные красными сполохами, которые отбрасывали светящиеся алые цветы.

— И сказала девушка из замка: «Я не желаю видеть в своем саду других цветов, кроме красных!» Ее послушались, вырвали все остальные — желтые, синие, фиолетовые, все-все. Остался только один куст с белыми розами, который принадлежал ее матери! — Таша выпалила эти слова и закрыла глаза, чтобы снова увидеть девушку с черными слезами на белом лице. Она одобрительно кивнула.

Когда Таша открыла глаза, вокруг был только полупустой полумрак сцены. Мари внимательно смотрела на нее, и Таше почему-то показалось, что она сердится.

— Я плохо рассказываю?

— Замечательно, Мышка, — улыбнулась она. — Что было дальше?

— А почему я вам рассказываю? Это вы мне обещали сказку! Пойдемте, это же совсем не трудно! — она протянула руку.

Мари посмотрела на часы и тяжело вздохнула. А потом вдруг улыбнулась, и Таше показалось, что она видит совсем другого человека. Словно маска на секунду спала, и показалось настоящее лицо.

Тайна снова толкнулась о ладони маленькой красной птичкой. Чуть увереннее, чуть теплее. Вот-вот станет настоящей, сорвется и полетит — когда Таша ее разгадает.

Мари вытянула из прически длинную черную шпильку и положила на край сцены. Растрепала волосы, скинула туфли и поднялась к Таше.

Таша отошла к занавесу и стала наблюдать. Мари сделала глубокий вдох и, раскинув руки, пошла по краю сцены мягким, кошачьим шагом, словно по натянутой веревке.

— Это ее мать посадила куст с белоснежными цветами в самом центре сада! Девочка каждое утро бродила среди красных цветов и собирала букет. Вот розмарин для памяти, — она наклонилась, сорвав невидимый стебель со сцены, и протянула его Таше. — Прощу тебя, люби и помни!

Таша, кивнув, коснулась ее пальцев и почувствовала прикосновение тонкого колючего стебелька, оставшегося невидимым.

— Прощу тебя, люби и помни! — повторила Мари. Таша закрыла глаза. Девушка в сером смотрела на Мари, и по лицу ее стекали слезы. Падали на воротник, оставляя чернильные пятна, но она не замечала этого. За спиной ее стоял беловолосый мужчина с алым платком на шее. Таше не нравился этот платок, он напоминал стекающую по груди кровь, но она всегда знала, что настоящие сказки живут сами по себе и только позволяют сказочникам подглядывать.

Мужчина кивнул.

Таша, не открывая глаз, подняла руку к лицу. Так она видела темно-зеленую веточку розмарина, всю усеянную мелкими красными цветами. Почему-то Таше казалось, что цветы должны были быть другого цвета, но она не стала обижаться на Мари — в ее сказке всем цветам полагалось быть красными.

— А это анютины глазки. Зачем они, Мышка? — спросила Мари.

Таша открыла глаза. Мари добавила невидимый цветок к букету.

— Они чтобы темноты не бояться, — подсказала Таша.

— Вообще-то чтобы мечтать, но пусть будет так! А теперь мы добрались до настоящих красных цветов. Знаешь, до каких?

— До роз? — Таша, наморщив лоб, вспомнила единственный красный цветок, в названии которого точно была уверена.

— А вот и нет. Это рута.

— Мне мама показывала руту, когда мы в отпуск ездили! Рута — желтая! — выпалила Таша, довольная, что вспомнила название.

— Там, где я родилась, рутой называют красные цветы, — улыбнулась Мари. — Вот рута для вас и немного... и немного для меня. Руту мы все должны носить не так, как прежде! Я бы дала вам фиалок, но они... — она осеклась и замолчала.

Прошла по сцене, продолжая собирать невидимые цветы, но уже не говоря ни слова. Таша воспользовалась моментом и снова закрыла глаза.

Мужчина с девушкой стояли, обнявшись, посреди сцены. Цветы уже укрывали их

колени, и Таше почему-то стало отчаянно грустно.

Мари бесплотной тенью прошла мимо них. В ее руках Таша разглядела огромный, лохматый букет цветов. Конечно же, красных.

Обилие красного начинало раздражать. Таша открыла глаза и решила вернуться к белым розам.

— Она собирала букет, приносила его в комнату и ставила у кровати. Каждое утро выкидывала вчерашний букет и ставила новый. А каждую ночь ей снились плохие сны.

— Ей снилась река! — подсказала Мари. — Серая река с холодной водой!

— Да, точно! Серая река с холодной водой. Очень плохой сон. Не люблю воду, — доверительно сообщила она. — Даже в море не стала бы заходить, только смотреть.

— Умная девочка, — серьезно кивнула Мари и улыбнулась. — По ночам ей снились плохие сны... И она собирала все новые и новые цветы в букет и ставила их у кровати. Потому что когда-то она рассказала приезжей ведьме о своей беде, и она...

— И она сказала: «Собери самые красивые цветы и поставь их на ночь у кровати! Тогда сны больше не будут сниться!» — выпалила Таша.

— Точно! А самые красивые цветы — красные, это девочка знала точно!

Таша не знала, что случилось дальше. Она закрыла глаза и увидела, как мужчина с девушкой, держась за руки, подходят к краю сцены и смотрят вниз. Она точно знала, что они видят там не близкий застеленный серым линолеумом пол, а черную пропасть.

Ей вдруг стало стыдно. Она поняла, кого не хватало в сказке.

— И тогда она рассказала обо всем своему другу.

— Другу? — спросила Мари.

Она легла посреди сцены, разметав по желтоватым доскам светлые волосы. Теперь она смотрела в потолок, и Таша больше не могла видеть ее лица.

— Да, другу. У нее был друг.

— Зачем?

— Мари, вы же взрослая, а такие глупые вопросы задаете. Всем нужны друзья, — осмелев, сказала Таша. Ей показалось, что она не рассердится.

Мари и правда не рассердилась. Она засмеялась — хрипло, как-то нехорошо, зло.

— Хорошо. Другу. Она рассказала о своей беде другу, и что случилось потом?

— Он сказал, что самые красивые цветы в ее саду растут на розовом кусте.

— Который белый? — уточнила Мари.

— Да, на белом.

— Но девочка не поверила. Она мечтала о красных цветах и не верила, что какие-то другие могут быть красивыми, — горько отозвалась Мари. — И друг только тяжело вздохнул, взял ее за руку и повел в центр сада.

Она встала и как кошка изогнулась назад, потягиваясь.

Таша внимательно наблюдала за ней. Тайна в ее ладонях заворочалась теплым, мягким комочком. Таша не торопила ее — она вот-вот поймет, в чем же секрет Мари, главное — не смотреть на тайну в упор. Тайны этого, как всем известно, не любят.

— Они пошли в центр сада, и ее друг сорвал несколько белых роз и вплел их в ее волосы. «Посмотри, какая ты красивая!» — сказал он. Но девочка не поверила, тряхнула головой, и розы упали на землю. «Красивы только красные цветы. Белые здесь растут только потому, что так хотела моя мама. Ах, мне никогда не избавиться от ночных кошмаров!» — сказала она, и горько разрыдалась. Что было дальше, Мышка?

Таша прикрыла глаза. Мужчина с девушкой все еще стояли на краю сцены, только теперь мужчина обнимал девушку и что-то говорил ей. Таша заметила, что его платок теперь в руках девушки. Ей это понравилось — пускай противная, тревожная красная тряпка будет подальше.

— Не знаю, — честно призналась она.

Мари задумалась. И чем дольше она молчала, тем ближе Таша подходила к разгадке ее секрета. Казалось, вот-вот и она поймет...

Мужчина разомкнул объятия и стал к краю сцены. А потом, вдруг, раскинув руки, упал. Не сорвался, не оступись — упал специально, прямо в черноту, расплескавшемуся за краем.

Таша всхлипнула. Девушка стояла на краю, и казалось, что она вот-вот прыгнет за ним. Но к удивлению Таши, она только смяла алый платок и бросила со сцены.

— А я знаю... — прошептала Таша.

По ее щекам поползли слезы — теплые, частые. Это была плохая сказка. Настоящая, не плохая, злая и жестокая. Таша пожалела, что заставила Мари рассказывать до конца. Ей не нравились такие истории.

— Я тоже, — бесцветным голосом отозвалась Мари.

Девушка в сером платье стояла на краю сцены и поверх нарисованных черных слез текли настоящие. Прозрачные, живые слезы.

— Друг привел ее к розовому кусту, — вдруг отчеканила Мари.

Таша открыла глаза. Мари нехорошо улыбалась. Эта усмешка уродовала красивое лицо, делая ее похожей на злую ведьму из сказки. Таша вдруг поняла, почему она не понравилась Наталье Сергеевне. Взрослые и правда лучше детей разгадывают загадки.

— А потом достал... нож. Девочка испугалась. Она решила, что он хочет ее убить. — Мари наклонилась и подобрала шпильку с края сцены. — Но он посмотрел на нее и сказал: «Не хочу, чтобы тебя что-то мучило. Хочу, чтобы твои мечты сбывались. Вот... вот розмарин, для памяти. Люби и помни. Вот фиалки — они для других. И немного... и немного для меня».

И стоило ей произнести эти слова, Таша почувствовала, как упруго оттолкнувшись, канарейка срывается с ее ладоней и летит куда-то в невидимую для человека высоту. Таша разгадала тайну Мари и почувствовала себя почти счастливой. Она как взрослые, даже лучше, ведь заметила больше. Она уверена, что не ошибалась.

Таша достаточно долго была Мышонком театра Натальи Сергеевны, молчаливым, незаметным сторонним наблюдателем, чтобы научиться различать людей на сцене и людей в реальной жизни.

— Он подобрал упавшие розы — самые красивые — и прижал их к груди, — вывел Ташу из размышлений голос Мари.

Она стояла на краю сцены, там же, где стояла девушка в сером. Одну руку, с невидимыми цветами, она прижимала к груди, а другую выставила вперед, направив шпильку на себя.

— А потом вонзил нож себе в сердце, — шпилька оставила черный росчерк в воздухе, и Таша вскрикнула — ей показалось, что Мари и правда вонзила ее в грудь. — Кровь потекла на цветы, делая их из белых красными.

— Почему нельзя было покрасить краской? Зачем кого-то убивать?! — воскликнула Таша, пораженная такой несправедливостью.

Это был правильный конец сказки, но это не значило, что он ей нравился.

Недавно она читала похожую сказку про розу и соловья, и тогда тоже не поняла, зачем соловей пожертвовал собой. Это было неправильно, больно, и больно бессмысленно. Неужели нельзя по-другому?!

— Потому что чтобы твои мечты исполнились, нужно приносить жертвы, — зло отозвалась Мари. — И не всегда это ты их приносишь, и не всегда ты просишь о них. А потом тащишь, тащишь на себе оплаченное другими. И выхода нет, — прошипела она, спускаясь со сцены.

Таша испугалась. Она не поняла, почему Мари так разозлил конец сказки. Ведь он был честным. Мужчина бросился с края сцены, девушка осталась стоять. Друг девочки из сказки принес себя в жертву, а она теперь наверняка будет спать спокойно.

Мари обулась, закрутила волосы узлом и воткнула шпильку с таким видом, будто пронзала чье-то сердце. Прошла за сцену и Таша заметила, что ее каблуки скрипят, а не стучат по полу.

— Наталья Сергеевна, вы не объясните мне, почему прошел уже час, как слушанья должны были начаться, а в зале до сих пор только девочка, которая пришла просто посмотреть?! — услышала она голос, раздавшийся вслед за хлопком двери гримерки.

— А что, никого нет? Прекрасно, — отозвалась Наталья Сергеевна. — Я сказала своим ученикам, что мне не нравится материал, с которым вы приехали.

— Черт вас побери, вы же сказали, что не запретите детям играть!

Таша тихо прокралась к гримерке, чтобы лучше слышать разговор. Мари стояла в дверном проеме, в полумраке. В гримерке горел уютный желтый свет, но Мари словно боялась переступить черту.

— Я не запрещаю детям играть. Только сказала, что не согласна с выбором материала. Видите ли, Мари, вы со своими «Дождями»... поймите, здесь не то место, где вам рады. Мои ученики уважают меня, любят наш театр и то, чем мы здесь занимаемся. И моим ученикам вы, ваши перформансы и рассуждения о смертных грехах не нужны, — Наталья Сергеевна вышла из гримерной и встала напротив Мари.

Таша удивилась — маленькая женщина, уставшая, в своем глупом сером жилете стояла перед высокой, красивой Мари и казалось, смотрела на нее сверху вниз.

Мари подалась вперед, и Таша успела испугаться — ей показалось, что она сейчас вцепится Наталье Сергеевне в горло. Но она замерла с протянутой рукой, а потом бессильно уронила ее, развернулась и пошла к выходу.

Наталья Сергеевна молчала. Молчала Таша, не зная, что ей делать — нужно было обязательно сказать, что она знает о тайне Мари. Иначе со временем Таша начнет в ней сомневаться, тайна помутнеет, станет ненастоящей и в один момент рассыплется пеплом. А Таше очень хотелось сохранить ее, хотя она и не знала зачем.

Решившись, она бросилась за Мари. Наталья Сергеевна не стала ее останавливать, а может, Таша просто не услышала.

— Подождите! Постойте, ну! — крикнула она вслед Мари, которая уже почти дошла до лестницы.

И она остановилась, обернулась, и Таша увидела, что лицо ее изменилось до неузнаваемости. В ее взгляде Таша видела растерянность и беспомощность, совсем не сочетающиеся с едкими словами, черными бархатными перчатками и историями про кровь на белых цветах.

— Я не могу. У меня не получается, — пожаловалась она, прислоняясь лбом к

косяку. — Я думала так правильно... Это же из-за меня...

— Вас не Мари зовут! — выпалила Таша. — И не Марина! Вы играете роль даже когда не на сцене, я... я расслышала, вы меня обманули! Вы всех обманули! Скажите, как вас зовут на самом деле!

— Зачем? — она почему-то не злилась, только смотрела на Ташу больным, погасшим взглядом. — Какое это имеет значение? Знаешь, какой конец у сказки? Все розы на кусте превратились в бабочек, в сотни белых мотыльков...

— Вот! Вы только чужие сказки умеете рассказывать! Эта тоже не ваша, я же слышу! Я давно слушаю, как люди рассказывают чужие сказки, только в театре не врут, а вы врете! — она говорила и чувствовала, как горло сжимают подступающие слезы.

Почему-то было ужасно обидно, что эта женщина ее обманула. И пускай она подарила тайну, которую Таше зачем-то так хотелось иметь, но Мари все равно была лгуньей. Таша вдруг с беспощадной ясностью поняла, что за чувство испытывает — разочарование. Горькое, тяжелое разочарование в красивой, уверенной женщине, которая обещала рассказать красивую историю, но обманула.

— Марина... Это в ее честь... Мари и Ирина... Ирина, Ира, Риша... Меня так давно никто не называл... с тех пор, как он... как она... А еще был Мартин... его звали Мартин, и он умел рассказывать сказки... а я совсем не умею. Ничего не умею. Не могу быть, как Мари. Как Мартин. Как Вик. И как Риша больше не могу.

Таша насупилась. Она ничего не поняла, но главное, ее догадки подтвердились и она узнала настоящее имя. Теперь эта тайна будет с ней, и это было хорошо.

— Вас тоже нарисовали красным фломастером, — устало сказала она. — Всех, кому повезло — желтым, а вас красным. И меня. И вашего... Мартина, наверное тоже, и Вика.

Она кивнула, соглашаясь.

— Он там... фиалки раздает, наверное. Violets и violence, но они увяли, когда умер мой отец...

— Кто раздает? — спросила Таша. Она не поняла, что так расстроило Ирину и про что была последняя часть предложения.

— Виктор... его звали Виктор.

Таше вдруг захотелось как-то ее утешить. Пусть она была глупая, пусть она ее обманула, но взрослые часто делали глупости. Например, приезжали в другую страну и сидели в отелях. Не могли договориться, какую пьесу ставить в школьном театре. Давали глупые прозвища вроде «Мышки».

Раздавали фиалки.

— Не переживайте, наверняка он и для вас немного оставит, — сказала Таша.

Ирина подняла на нее полный ужаса взгляд. Несколько секунд, не отрываясь, смотрела на ее лицо, а потом расхохоталась, истерически и безумно. Она смеялась, и Таша видела, как густой слой пудры на ее лице растекается, словно сползает маска. Ирина не заметила, как шпилька выскользнула и упала на пол.

Таша вдруг поняла, что больше ничего не добьется. Подняла шпильку и внимательно осмотрела. Ее украшала тонкая резьба в виде цветов с листьями-иголками.

«Пусть будет розмарин. Для памяти», — подумала она, пряча шпильку в карман.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

«Граф Монте-Кристо» Александр Дюма.

«Граф Монте-Кристо» Александр Дюма.

Шотландская баллада «Кеннет» в авторском переводе.

Уильям Шекспир, «Макбет».

Марина Цветаева.

«Белый корабль» Говард Лавкрафт.

Эдит Пиаф «Милорд» в авторском переводе.

Б. Брехт, «Добрый человек из Сезуана».

Шекспир «Макбет».

Violets — фиалки, — Violence — насилие.